

Ю. А. Писарев

**ВЕЛИКИЕ
ДЕРЖАВЫ
И
БАЛКАНЫ
накануне
первой
мировой
войны**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

Ю. А. Писарев

**ВЕЛИКИЕ
ДЕРЖАВЫ
И
БАЛКАНЫ
накануне
первой
мировой
войны**

Ответственный редактор
Т. М. ИСЛАМОВ

МОСКВА · «НАУКА», 1985

В книге освещается история международных отношений и политики европейских держав на Балканах накануне первой мировой войны 1914—1918 годов, раскрываются экспансионистские планы империалистических коалиций в Юго-Восточной Европе, прослеживаются причины превращения Балкан в «пороховой погреб» Европы. Большое внимание уделяется вопросам внутренней истории балканских народов — их борьбе за независимость, против агрессии кайзеровской Германии и монархии Габсбургов.

Для историков, международников.

Рецензенты

А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, А. С. АВЕТЯН,
В. И. ФРЕЙДЗОН

ВВЕДЕНИЕ

В 1911—1913 гг., когда над Европой уже нависли предвоенные тучи, Балканы превратились в один из очагов международной напряженности, в арену борьбы империалистических держав. Здесь сталкивались и переплетались интересы противостоящих друг другу коалиций: Тройственного союза и Тройственного согласия, которые, готовясь к кровавой схватке, пытались заполучить на Балканах новых союзников.

Балканский полуостров являлся также объектом непосредственной экспансии великих держав и был исходной базой для ее расширения в бассейне Средиземного моря, в Северной Африке, на Ближнем Востоке. «Судьба всей Западной Азии решится на Балканах,— писала румынская газета «Журналь де деба», раскрывая причины особой заинтересованности Германии в укреплении своего влияния на Балканском полуострове,— Балканы служат воротами в Переднюю Азию, а воротами на Балканы является Сербия»¹.

Те же мысли высказывала влиятельная буржуазная газета Австро-Венгрии «Будапешти хирлап»: «Завоевание Сербии и борьба за побережье Адриатического моря обеспечат нашей торговле свободный путь на Балканы... Австро-Венгрии должно принадлежать и албанское побережье — естественное продолжение Далмации. Важно установить прямой путь из южной Венгрии в Болгарию, в долину реки Марица и к Константинополю». Газета поддерживала планы экспансии за пределы Балканского полуострова: «Из Константинополя лежит открытый путь в Малую Азию и к сирийскому побережью, а по Багдадской железной дороге — к Персидскому заливу»².

О том, какую роль Балканы могут играть в политике британского империализма, с циничной откровенностью писал известный в ту пору публицист Джон Элис БAKER. «Балканы и Малая Азия,— утверждал он,— занимают самую важную стратегическую позицию в мире. Они представляют собой ядро и центр Старого Света, разделяют и одновременно связывают три материка: Европу, Азию и

Африку ... Балканы и Турция могут быть использованы Англией для ведения войны, а также для торговли. Они расположены в месте, откуда можно угрожать и вести нападение против трех континентов...»³.

В предвоенные годы Балканы, в свою очередь, стали оказывать влияние на развитие международных отношений в Европе. Созданный в 1912 г. Балканский союз служил преградой для экспансии в этом регионе германо-австрийского империализма, его победа в войне с Османской империей способствовала усилению освободительных движений в многонациональной монархии Габсбургов, военно-политический блок балканских государств мог в случае войны сыграть немалую роль в военно-оперативных планах России и других держав Тройственного соглашения. «Триумфом политики России,— с тревогой констатировал видный государственный деятель Австро-Венгрии, будущий министр иностранных дел граф Дюла Андраши (младший),— было то, что ей удалось создать под своим протекторатом Балканский союз— в первую очередь против Турции, во вторую, если понадобится,— против нас»⁴. Венский официоз газета «Нойе фрайе прессе» сравнивала Балканский союз с «кинжалом, направленным в сердце Австро-Венгрий», Вильгельм II называл его «славянским чудовищем»⁵.

Вокруг Балканского союза развернулась борьба европейской дипломатии. Центральная коалиция предпринимала меры к его разрушению и созданию под своей эгидой новых военно-политических блоков, державы Тройственного соглашения, напротив, пытались сохранить Балканский союз и усилить его за счет Турции и Румынии. После распада союза эта борьба продолжалась вплоть до мировой войны и даже в ее начале. Обе коалиции стремились перетянуть на свою сторону балканские государства.

Между великими державами существовали противоречия по многим вопросам балканской политики. Наряду с общими целями, которые преследовали на Балканах Тройственный союз и Тройственное согласие, каждый участник этих блоков защищал свои собственные интересы, не совпадающие с интересами его партнеров. Весьма сложными, например, были отношения Германии с Австро-Венгрией. Берлин то подталкивал монархию Габсбургов к войне с Сербией и Россией, то, напротив, притормаживал ее авантюрные намерения, считая данный момент невыгодным для выступления. Чрезвычайно острый характер носили противоречия этих партнеров по коалиции и в экономической сфере. Оба государства боролись за балканский рынок. Германия, не

ограничиваясь Балканами, стремилась включить в свою сферу экономического господства собственно дунайскую монархию. В Берлине уже в тот период был разработан план «Срединной Европы», предусматривавший интеграцию Австро-Венгрии с Германской империей.

Еще более противоречивыми были отношения между Австро-Венгрией и Италией. Вена и Рим, связанные союзным договором, конфликтовали из-за Албании. Италия уже накануне первой мировой войны стала отходить от Центральной коалиции. Тот же курс наметился и в Бухаресте. Находясь формально в союзе с Австро-Венгрией и Германией, Румыния готова была перейти на сторону держав Антанты или как минимум сохранить нейтралитет в случае возникновения войны между коалициями.

Не менее сложно развивались взаимоотношения союзников в рамках Тройственного соглашения. Позиции России, Англии и Франции по многим вопросам балканской политики не совпадали, и царскому правительству приходилось вести с другими членами коалиции скрытую борьбу.

Наиболее отчетливо англо-русские противоречия проявлялись в связи с проблемой проливов. Царская Россия после поражения в японской войне взяла курс на ее решение не военным, а дипломатическим путем. В 1910—1911 гг. министр иностранных дел С. Д. Сазонов выдвинул идею создания Всебалканского союза с привлечением в него Турции. Последняя, по проекту С. Д. Сазонова, сохраняла суверенитет над Босфором и Дарданеллами, но предоставляла преимущественное право прохода через проливы морскому флоту России и других причерноморских государств. Англия, напротив, выступила с проектом нейтрализации проливов, который ущемлял права Турции и ставил Россию, Болгарию, Румынию и Грецию в невыгодное положение. Царское правительство решительно отвергло британский проект. В предлагаемой книге приводятся многочисленные материалы, которые показывают, что англо-русские противоречия сохранялись вплоть до первой мировой войны.

Дипломатам, аккредитованным в балканских странах, приходилось также учитывать внутривосточную обстановку на Балканах. Балканские монархи часто меняли свою внешнеполитическую ориентацию, поддавались диктату великих держав, соперничали друг с другом. В 1912—1913 гг. они объединились для войны с Турцией, после окончания войны начали междоусобную борьбу за раздел добычи.

Межбалканские противоречия впервые проявились на мирной конференции 1912—1913 гг. в Лондоне, но особой

остроты достигли после нее. Межсоюзническая война и Бухарестский мир открыли новый этап в деятельности европейской дипломатии на Балканах. В книге рассматривается история всех трех международных форумов: Лондонской мирной конференции 1912—1913 гг., которая подвела итоги первой Балканской войны, Бухарестской мирной конференции 1913 г., состоявшейся после второй балканской войны, и совещания послов шести великих держав — Англии, Франции, царской России, Германии, Австро-Венгрии и Италии, — проходившего в Лондоне одновременно с этими конференциями и оказавшего на их решения значительное влияние. Эти встречи — разные по своему характеру — имели одну общую черту: они до предела обнажили империалистические цели обеих коалиций, которые во имя осуществления собственных задач не считались с интересами балканских народов.

Известное исключение составляла позиция России. Российская империя, хотя и имела на Балканах своекорыстные планы, в силу ряда причин объективно выступала в защиту интересов балканских государств. На Лондонской мирной конференции Россия поддержала требование Сербии о выходе к Адриатическому морю, на Бухарестской конференции пыталась предотвратить принятие тяжелых для Болгарии условий мира.

Наряду с внешнеполитическими аспектами темы в работе затрагиваются важнейшие вопросы внутренней истории балканских стран.

Накануне первой мировой войны на Балканах проходил целый ряд исторических процессов, важнейшим из которых был процесс завершения складывания национальных государств, их освобождение от ига Османской и Австрийской империй. В работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин писал о пробуждении на Балканах *«целого ряда буржуазно-демократических национальных движений, стремлений к созданию национально-независимых, национально-единых государств»*⁶.

В. И. Ленин еще в годы балканских войн проанализировал главные закономерности эпохи, показав причины и следствия происходивших событий⁷.

Выявление В. И. Лениным роли европейских держав в международной политике на Балканском полуострове тех лет, открытый им закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма дали ключ к объяснению сложных вопросов внутривосточной истории балканских стран и международных отношений в Юго-Восточной Ев-

ропе⁸. Произведения В. И. Ленина явились методологической основой для научного изучения упомянутых проблем.

Исследование предыстории войны стало возможным благодаря публикации документов, предпринятой Советским правительством. Сразу после Великой Октябрьской социалистической революции в стране был издан «Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел», а в 20-е и 30-е годы — новая серия сборников документов⁹.

Наряду с советскими публикациями в работе были использованы зарубежные издания источников. В 1980—1985 гг. в Югославии вышло в свет многотомное издание «Документы о внешней политике королевства Сербии», осуществленное Сербской академией наук и искусств при участии Секретариата иностранных дел СФРЮ¹⁰. Публикация состоит из 7 томов (15 полутомов) и охватывает период с января 1903 по август 1914 г., т. е. тот этап в истории международных отношений на Балканах, когда последние стали привлекать к себе возросшее внимание великих держав в связи с изменением в этом регионе расстановки политических сил после переориентации Сербии во внешней политике с Австро-Венгрии на Россию, а также после ряда других важных событий на Балканах и на Ближнем Востоке: младотурецкой революции 1908 г., боснийского кризиса 1908—1909 гг., итало-турецкой войны 1911—1912 годов, двух балканских войн 1912—1913 гг., политического кризиса 1913—1914 гг., вызванного направлением в Турцию германской военной миссии генерала Лимана фон Сандерса. По меткому выражению видного итальянского историка Луиджи Альбертини, Балканы в тот период превратились в «шороховой погреб» Европы, в один из центров международной напряженности. Названная коллекция документов содержит важные материалы по теме исследования. Так, только в VI и VII тома публикации, охватывающих период с 1 января 1913 по 4 августа 1914 г., включено 2014 новых документов, которые были привлечены при написании данной монографии.

Помимо публикаций, автор изучил материалы архивов СССР, Югославии, Венгрии и Австрии (в копиях, переданных австрийскими архивными учреждениями Государственному архиву Венгерской Народной Республики). Эти документы имеют принципиально важное значение, заставляя по-новому интерпретировать события того времени. Особенно большой интерес имеют аналитическая записка о международном положении на Балканах, составленная ино-

странным отделом Морского генерального штаба России в 1913 г., обзорный доклад генерал-квартирмейстера русской армии Ю. Н. Данилова о военных планах России и западных государств в связи с надвигавшейся войной и переписка министерства иностранных дел с военными ведомствами России.

Автору этих строк благодаря любезному содействию архивных учреждений СФРЮ и ВНР удалось обнаружить ряд новых документов о политике Австро-Венгрии на Балканах, а также о деятельности дипломатии самих балканских государств. Так, в Государственном архиве Социалистической Республики Сербии хранятся личные бумаги главы сербского правительства и министра иностранных дел М. Миловановича, относящиеся к периоду создания Балканского союза. Они позволяют проследить, как велась подготовка к заключению этого военно-политического блока, направленного своим острием не только против Турции, но и против Австро-Венгрии.

Важным источником явились документы Государственного архива Секретариата иностранных дел СФРЮ. Они были похищены оккупационными властями Центральной коалиции в 1916—1918 гг. и недавно частично возвращены в Югославию. В их числе неизвестные ранее материалы о Конопиштском свидании эрцгерцога Франца Фердинанда с Вильгельмом II в июне 1914 г., на котором было принято решение о войне. Интересны документы министерства иностранных дел и государственного казначейства Черногории, которые свидетельствуют о широких политических и финансово-экономических связях черногорского государства с Россией.

При написании монографии использовались дневники и воспоминания участников и очевидцев событий того времени: С. Д. Сазонова, А. П. Извольского, В. Н. Коковцова, В. А. Сухомлинова, Вильгельма II, Т. Бетман-Гольвега, Р. Пуанкаре и многих других государственных деятелей, военных и дипломатов¹¹. Особо следует отметить воспоминания И. Гешова, Ст. Данева и А. Топшева, принявших непосредственное участие в создании Балканского союза, а также дневники сербского посланника в Вене Й. Йовановича и австро-венгерского посланника в Черногории В. Гизля¹².

Автором была изучена обширная литература, обзор которой дан в каждой главе.

В буржуазной историографии обходился важный вопрос об историческом значении освободительных движений бал-

канских народов против османского ига, а также борьбы в защиту своей независимости от происков германского и австро-венгерского империализма. Буржуазные историки объясняли события на Балканах одними лишь столкновениями интересов великих держав, прежде всего царской России и Австро-Венгрии. Так, исследователи 1920—1930 гг. Э. Хельмрайх и О. Биккель¹³ утверждали, что Балканский союз являлся послушным орудием царской России и использовался ею против Австро-Венгрии и Германии. Американские и английские историки 1930—1940 гг. С. Фей, Г. Гуч, А. Тейлор и И. Хоффман¹⁴, напротив, делали вывод об антитурецкой направленности Балканского союза, отмечая, что царская Россия при его помощи стремилась осуществить свою «историческую задачу» овладения проливами. В том же ключе написаны двухтомное исследование английского историка Р. Рэйкина «Внутренняя история балканских войн»¹⁵ и работа современного американского ученого либерального направления Э. Тэддена «Россия и Балканский союз 1912»¹⁶.

На самом деле, как показано в книге, вопрос был более сложным. Балканские союзники, хотя и пользовались поддержкой России, в то же время проявляли самостоятельность и даже нередко вступали в противоречия с последней. Без ее согласия они начали войну с Турцией, что подрывало самые основы «нового курса» С. Д. Сазонова, нацеленного на создание Всебалканского союза с участием в нем Турции. В Петербурге не были осведомлены о военной конвенции, заключенной Болгарией и Сербией в 1912 г. Правительства И. Гешова и М. Миловановича — Н. Пашича тщательно скрывали от России и других держав Тройственного соглашения этот документ¹⁷.

Россия была принципиальной противницей создания новых военных блоков Сербия — Греция и Сербия — Румыния, направленных против Болгарии. В Петербурге предпринималось все возможное, чтобы предотвратить межсоюзническую войну, в то время как Австро-Венгрия, напротив, разжигала ее, нытаясь сыграть на противоречиях балканских государств, чтобы укрепить свое влияние на Балканах.

Реакционная буржуазная историография преднамеренно искажала предвоенные события на Балканах. На путь прямых фальсификаций встала так называемая «школа» германских историков (издававших в 30-е годы журнал «Проблемы ответственности за войну»), многие из которых примкнули к нацизму. Ее сторонники пытались снять ответственность за мировую катастрофу с германского импе-

риализма и переложить ее на Сербию и Россию. Лидерами этого направления были профашистские историки А. Вегерер, Л. Биттнер и Г. Юберсбергер. Не случайно Гитлер использовал их сочинения перед своим разбойничьим походом на Балканы, ссылаясь на «славянскую опасность». Для обоснования агрессии он снова повторил некоторые идеи из австро-венгерского ультиматума Сербии от 23 июля 1914 г.¹⁸

Историки-марксисты создали научную концепцию о роли Балкан в подготовке и возникновении первой империалистической войны 1914—1918 гг. На эту тему опубликован ряд содержательных работ, принадлежащих перу советских историков академиков В. М. Хвостова и А. Л. Нарочницкого по истории дипломатии, а также А. С. Аветяна, И. И. Астафьева, И. В. Бестужева, М. А. Бирмана, В. И. Бовыкина, Ю. А. Боева, В. Н. Виноградова, К. Б. Виноградова, И. С. Галкина, В. А. Жебокрицкого, П. В. Жогова, Б. Б. Кросса, А. К. Мартыненко, А. С. Силина, Г. М. Трухнова и других исследователей¹⁹ по отдельным вопросам балкано-ближневосточной политики великих держав. Большой вклад в исследование той же проблемы сделали зарубежные марксистские историки Т. Влахов и И. Панайотов (НРБ), А. Митрович и С. Скоко (СФРЮ), Й. Галантай (ВНР), Ф. Кляйн (ГДР) и многие другие²⁰.

В 60—80-е годы вышли интересные исследования буржуазных ученых Ф. Фишера, Э. Гейса (ФРГ) и Ф. Фелльнера (Австрия), в которых приводятся новые данные по поставленным в данной книге вопросам²¹.

Сложность и многоплановость исследуемой тематики, неравномерность ее освещения в исторической литературе и ряд других обстоятельств предопределили форму изложения материала настоящей работы, написанной в виде очерков. В книге, ограниченной размерами, не все вопросы освещаются с одинаковой подробностью.

Автор выражает свою глубокую благодарность всем, кто оказал ему содействие в написании этого исследования: рецензентам, давшим полезные советы, сотрудникам советских и зарубежных архивных учреждений, оказавшим дружеское внимание при выявлении документов, ответственному и редакторам издания, а также техническим работникам, участвовавшим в подготовке книги к печати.

¹ Цит. по: Ujvidéki Hirlap, 1916, 19 Mai.

² Budapesti Hirlap, 1916, 5 März.

³ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 32, д. 132, л. 314.

⁴ Цит. по кн.: *Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* На путях к мировой войне 1914—1918. М., 1940, с. 104.

- ⁵ GP, Bd. 35, N 13373, s. 21.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 269.
- ⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 135—139, 142—143, 147—149, 151—152, 155—156, 158, 186—187, 198, 214; т. 23, с. 38—39, 314; т. 25, с. 269; т. 27, с. 260.
- ⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 15—23, 209—265, 307—350; т. 27, с. 299—426; т. 31, с. 176—185; 364—367; т. 32, с. 77—102.
- ⁹ См.: Сборник секретных документов из архива бывшего министерства иностранных дел. Пг., 1917; Ключников Ю. В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. I; Константинополь и проливы. М., 1925. Т. I; 1926. Т. II; Международные отношения в эпоху империализма. М., 1931. Т. I.
- ¹⁰ См.: Документи о спољној политици Краљевине Србије, 1903—1914. Београд, 1980—1983. Књ. VI, VII.
- ¹¹ См.: Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927; Извольский А. П. Воспоминания. Пг.; М., 1924; Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1903—1919 гг. — Париж, 1933. Т. I, II; Сухомлинов В. А. Воспоминания. Берлин, 1924; Вильгельм II. Мемуары: События и люди, 1878—1918. Л., 1923; Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. М.; Пг., 1925; Пуанкаре Р. Происхождение мировой войны. М., 1924.
- ¹² См.: Гешов И. Балканский союз: Воспоминания и документы. СПб., 1915; Денев Ст. Моите аудиенции с императора Николай II.— Сила, 1922, 28 ноябр.; Тошев А. Балканские войны. С., 1929. Т. I. Baron Giesl W. Zwei Jahrzehnte im Nahen Orient. В., 1927.
- ¹³ Helmreich E. The Diplomacy of the Balkan Wars, 1912—1913. Cambridge, 1938; Bickel O. Russland und die Entstehung des Balkanbundes. Königsberg, 1933.
- ¹⁴ См.: Фей С. Происхождение мировой войны. М., 1934. Т. I, II; Тейлор А. Борьба за господство в Европе. М., 1958; Hoffmann J. The Austro-Russian Rivalry in the Balkans. Chicago, 1940.
- ¹⁵ Renkin R. The Inner History of the Balkan Wars. L., 1930. Vol. I, II.
- ¹⁶ Thaden E. Russia and the Balkan Alliance of 1912. Pennsylvania, 1965.
- ¹⁷ См.: Борфевий Д. Како су велике силе сазнали за склапање Балканског савеза 1912.— ИГ, 1954, № 4, с. 127—143.
- ¹⁸ Auswärtiges Amt, 1939—1941; Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland. В., 1947, doc. 7.
- ¹⁹ История дипломатии. М., 1963. Т. II. (Автор тома В. М. Хвостов); Нарочницкий А. Л. Великие державы, Восточный вопрос и первая мировая война.— В кн.: Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1974, с. 41—55; Аветян А. С. Германский империализм на Ближнем Востоке: Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М., 1966; Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения, 1905—1911 гг. М., 1972; Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906—1911. М., 1959; Бирман М. А. Дипломатия Германии и Балканский союз, 1912 г.— В кн.: Исследование по славяно-германским отношениям. М., 1971; Бовыкин В. И. Из истории возникновения первой мировой войны: Отношения между Россией и Францией в 1912—1914 гг. М., 1964; Боев Ю. А. Ближний Восток во внешней политике Франции (1898—1914). Киев, 1964; Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969; Виноградов К. В. Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962; Галкин И. С. Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав.— Вестн. МГУ. Сер. общ. наук. М., 1956, № 4;

- Жебокрицкий В. А.* Болгария накануне Балканских войн, 1912—1913. Киев, 1960; *Жогов П. В.* Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912—1913 гг. М., 1969; *Кросс Б. Б.* Предпосылки отхода Румынии от Тройственного союза накануне первой мировой войны.— ВИ, 1971, № 10; *Мартьяненко А. К.* Русско-болгарские отношения от провозглашения независимости Болгарии до начала первой Балканской войны (1908—1912). Киев, 1953; *Силин А. С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. М., 1976; *Трухнов Г. М.* Германская политика провокаций в начале первой Балканской войны.— Учен. зап. Белорус. ун-т. Сер. ист., 1950, вып. 10.
- ²⁰ См.: *Влахов Т.* Отношения между България и Централните сили по време на войните 1912—1913. С., 1957; *Панайотов И.* Руско-Българските отношения през балканските войни 1912—1913.— ИИИ, 1968, т. 20; *Mitrović A.* Prolog na Balkan i Srbija, 1908—1918. Beograd, 1981; *Скоко С., Опачић П.* Војвода Степа Степановић у ратовима Србије (1878—1918). Београд, 1974; *Galantai J.* Die österreichisch-ungarische Monarchie und der Weltkrieg. Вр., 1979; *Klein F.* Das Rivalität zwischen Deutschland und Österreich-Ungarn in der Türkei am Vorabend des ersten Weltkrieges.— In: Politik im Krieg 1914—1918. В., 1964.
- ²¹ *Fischer F.* Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969; *Fellner F.* Der Dreibund der europäische Diplomatie vor dem ersten Weltkrieg. Wien, 1960; *Geiss E.* Jülkrise und Kriegsausbruch 1914: Eine Dokumentensammlung. Hannover, 1963, Bd. I; 1964, Bd. II.

Глава первая
**БАЛКАНЫ И ДИПЛОМАТИЯ
ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ
НАКАНУНЕ
СОЗДАНИЯ БАЛКАНСКОГО СОЮЗА**

◆

**Балканская политика Германии
и Австро-Венгрии**

Вскоре после объявления Италией войны Турции в Потсдамском дворце была вывешена карта Балканского полуострова, поражавшая своими гигантскими размерами. Русский военный министр В. А. Сухомлинов писал в воспоминаниях, что карта занимала всю стену огромного военного кабинета. На Сухомлинова произвела впечатление и сама аудиенция у императора. Вильгельм II принял его в офицерском мундире русского гусарского полка, как бы подчеркивая свое внимание к России и в то же время свою увлеченность военным делом. Кайзер разъяснил Сухомлинову, что его беспокоит итало-турецкий конфликт и что по этой карте он следит за военными операциями на Средиземном море¹. Однако едва Сухомлинов уехал из Германии, как на карту, по данным русской военной разведки, была нанесена схема возможной дислокации на Балканах германских войск и краской обозначена железная дорога Берлин — Белград — Константинополь — Багдад, которая, словно стрела, устремлялась к черноморским проливам, нефтяным районам Персии, бескрайним просторам Индийского океана.

Война Италии с Турцией обострила до предела и без того накаленную международную обстановку, усилила борьбу империалистических держав за территориальный передел мира. Все государства приступили к реорганизации своих вооруженных сил и составлению военно-оперативных планов. По сведениям французского генерального штаба, нападение Германии на Францию могло произойти весной 1912 г. и даже раньше, «пока бездорожье и оттепель снегов будут затруднять и задерживать мобилизацию в России»².

Начальник Большого генерального штаба Германии генерал-майор Гельмут Мольтке-младший в секретной за-

писке 11 декабря 1911 г. извещал правительство о том, что генеральный штаб вчерне закончил составление военно-оперативного плана нападения не только на Францию, но и на Россию³. Будущая война, писал он в докладе императору, должна стать «войной германизма со славянством»⁴.

Взгляды «первого солдата» Германии, как кайзер называл своего начальника генерального штаба, были близки сердцу самого императора. Еще на пороге трона Вильгельм Гогенцоллерн, увлекавшийся историей войн Фридриха II, был одержим идеей нанесения упредительного удара по России. Он защитил на эту тему диссертацию в берлинской академии генерального штаба под претенциозным названием «Варианты фронтального наступления в глубь России»⁵. Кронпринц доказывал в ней, что во избежание ошибки Наполеона, ограничившегося взятием Москвы, надо захватить Прибалтику, Кавказ, всю Европейскую Россию вплоть до Урала. Вильгельм, мечтая о походе на Восток, мнил себя наследником Александра Македонского, а во время поездок в 1889 и 1898 гг. в Турцию, Сирию и Палестину провозгласил Германию покровительницей халифата. Константинополь, утверждал кайзер, должен стать мостом на пути к германскому мировому господству.

Вильгельм II поощрял экономическую экспансию Германии на Балканы и в Малую Азию. Еще в 1888 г. берлинский «Дойче банк», один из самых мощных в Германии, заключил соглашение с Турцией о государственном займе на строительство железной дороги Измид — Анкара⁶. В 1899 г. германское Оттоманское имперское общество сделало новый шаг к финансовому закабалению Турции, договорившись с султанским правительством о продлении железной дороги от Анкары до Персидского залива. Накануне первой мировой войны Германия имела уже 67% всех инвестиций в железнодорожном строительстве Османской империи⁷. Багдадская железная дорога открывала Германии путь к Индии. По образному выражению современников, она была «заряженным пистолетом у виска Англии». Французская газета «Эко де Пари» в статье «Почему Германии важно проложить себе дорогу в Константинополь?» писала: «Дорога эта ведет к победе над Англией... Став твердой ногой в Турции, опершись на халифат, немцы приложат все усилия для завоевания Суэца и Египта»⁸.

Успешно развивалась и экспансия немецкого капитала на Балканах. К 1912 г. Германия оттеснила на второй план все остальные европейские державы (кроме Англии) в области торговли и в сфере капиталовложений в местную

промышленность⁹. Наиболее прочно Германия чувствовала себя в Болгарии, Румынии и в европейских владениях Турции. Общий объем торговли Германии с Болгарией за последние десятилетия возрос более чем в 19 раз, с Турцией — в 17 раз; на долю Германии в 1912—1914 гг. приходилось 60% экспорта и 40% импорта Румынии. В Сербии Германия вытеснила с местного рынка свою союзницу Австро-Венгрию¹⁰. Чтобы укрепить эти позиции, Берлин придерживался в балканской политике принципа статус-кво. Германию устраивала сложившаяся ситуация на балканском рынке, обеспечивавшая ее интересы. Экономическое превосходство германского империализма должно было, по замыслам немецкого правительства, способствовать установлению и политической гегемонии Германии на Балканах.

Однако эти расчеты не учитывали тех перемен, которые происходили на Балканском полуострове, где шел процесс национального возрождения и консолидации национальных государств. Берлинская дипломатия руководствовалась консервативной догмой князя Бисмарка о непримиримости противоречий между балканскими народами¹¹. Народы Балкан, утверждал Бисмарк, «по большей части нас ненавидят, но это не главное, ибо господь бог в своей премудрости устроил так, что они друг друга ненавидят еще больше»¹².

На самом же деле, несмотря на существующие межбалканские противоречия, балканские народы объединяла борьба за национальное воссоединение и освобождение от Османской империи и борьба против экспансии великих держав на Балканах, прежде всего Германии и Австро-Венгрии. Австро-венгерский посол в Константинополе Иоганн (Янош) Паллавицини с горечью констатировал, что народы балканских стран «объединены одним чувством — враждой к Австро-Венгрии и Германии»¹³.

Другой ошибкой германской внешнеполитической службы была переоценка значения династических связей Гогенцоллернов и Габсбургов с царствующими на Балканах фамилиями. Вильгельм II надеялся на лояльность греческого престолонаследника Константина (с 1913 г. — короля), женатого на его родной сестре Софии. Такие же иллюзии он питал и в отношении короля Румынии Кароля I, который, хотя и не имел прямых родственных связей с самим Вильгельмом, принадлежал к роду Гогенцоллернов-Зигмаринген¹⁴. Значительно слабее, с точки зрения кайзера, выглядели позиции Германии в Болгарии, где царь Фердинанд Кобургский, по словам австро-венгерского посланника

А. Тарновского, проводил «политику качелей», лавируя между Петербургом и Веной. Однако Вильгельм II намеревался использовать династическую близость Кобургов к австрийским Габсбургам¹⁵.

Многие германские дипломаты недооценивали значение парламентской оппозиции, делая ставку на придворные круги. Так, например, посланник в Бухаресте Альфред Кидерлен-Вехтер ошибочно считал, что Румыния, заключившая еще в XIX в. секретный договор о союзе с Центральной коалицией, будет постоянным ее членом. Он пренебрежительно относился к влиятельным лидерам румынской оппозиции П. Карпу и Д. Стурдзе. Стремясь показать себя сторонником короля, Кидерлен вел себя вызывающе. По словам служившего в ту пору в российском посольстве в Бухаресте Ю. Я. Соловьева, Кидерлен дал клички своим двум догам Карп и Стурдза и во время прогулок по городу громко окликал собак, вызывая недоброжелательную реакцию прохожих¹⁶. Между тем в Бухаресте уже помышляли о возможности выхода из Тройственного союза¹⁷.

В Белграде германскую миссию возглавлял барон Юлий Гизингер, тяготившийся своей службой в Сербии, считая ее провинцией. Аналогичным было отношение к Балканам многих немецких дипломатов, предпочитавших служить в других странах, а не на Балканском полуострове.

Этим ловко пользовались соперники Германии — русские, французские и английские дипломаты. Российский посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг имел такое сильное влияние в сербской столице, что его называли «некоронованным королем Сербии», французский посланник в Софии Морис Палеолог пользовался симпатией в дворцовых кругах Болгарии, английский посланник в Софии Генри Бакс-Айронсайд поддерживал тесные связи с деловыми кругами Болгарии и благодаря этому хорошо знал экономическую конъюнктуру страны.

На деятельности внешнеполитического ведомства Германии неблагоприятно сказывались и разногласия между его руководителем А. Кидерлен-Вехтером, переведенным в 1910 г. из Бухареста в Берлин, и императором Вильгельмом II. Последний мнил себя специалистом по балканским делам и активно вмешивался в работу министерства, нарушая его планы.

Вильгельм II оказался дилетантом в дипломатии. Кайзер обладал вздорным характером: был вспыльчив, нетерпим к людям, амбициозен. Его стремление быть всюду первым вызывало раздражение. О Вильгельме злословили, что

он готов быть «императором на троне, женихом на свадьбе и покойником на похоронах». Кайзер долго держал А. Кидерлен-Вехтера в тени и назначил его на пост статс-секретаря иностранных дел по просьбе канцлера Т. Бетман-Гольвега. «Берите его, если хотите,— писал он Бетману, не стесняясь в выражениях,— но вы сами не знаете, какую вошь вы сажаете в свою шубу»¹⁸.

Император, решая балканские вопросы, предпочитал иметь дело не с Кидерленом, склонным к самостоятельности, а с послушным канцлером. «Слабая тель Бюлова» — так окрестили Теобальда фон Бетман-Гольвега современники. Однако бесхарактерный и малосведующий в дипломатии Бетман не мог обойтись без Кидерлена, согласовывал с ним важнейшие вопросы. В конечном счете все рецалось при участии статс-секретаря, и даже кайзер признавал его правоту. Современники по-разному оценивали деятельность Кидерлена. Одни считали его выдающимся дипломатом и сравнивали руководителя внешнеполитического ведомства с самим князем Бисмарком¹⁹, другие, наоборот, подчеркивали промахи в его балканской политике.

Оценка преемника Кидерлен-Вехтера Готлиба фон Ягова, занявшего министерское кресло в 1913 г., была более однозначной. Большинство чиновников министерства оказались разочарованными этим назначением. Как дипломат Ягов уступал Кидерлен-Вехтеру. Он проводил менее гибкий и более прямолинейный экспансионистский курс на Балканах и в то же время был склонен к политическим интригам. Некоторые современники называли нового статс-секретаря по иностранным делам «шекспировским Яго», имея в виду его вероломство.

Деятельность германской дипломатии на Балканах можно подразделить на два периода: до первой Балканской войны и после нее. Вначале в Берлине явно недооценили значение создания Балканского союза. Правительство кайзера не верило в возможность консолидации сил балканских государств. «Балканские страны должны продемонстрировать, на что они способны и имеют ли право на существование», — пренебрежительно писал кайзер Кидерлену 4 октября 1912 г.²⁰

На Вильгельмштрассе мало тревожились и по поводу назревающей войны между Балканским союзом и Турцией. «Если их (балканских союзников.— Ю. П.) разобьют, тогда они надолго успокоятся и тогда территориальные проблемы будут сняты», — такой вывод сделал Вильгельм II, узнав о надвигавшемся на Балканах конфликте.²¹

Германские политики рассчитывали, что в результате войны произойдет ослабление обеих сторон и этим сможет воспользоваться Германия для навязывания своего диктата как балканским государствам, так и Турции. «Восточный вопрос, — писал Вильгельм II Кидерлену в том же документе, — должен быть решен железом и кровью. Но только в подходящий для нас момент! Именно теперь!»²²

Это был очередной просчет Берлина. Итоги войны опровергли прогнозы кайзера: вместо ослабления Балканского союза произошло его усиление. После победы балканских государств в войне Германия оказалась вынуждена считаться с новой расстановкой политических сил на Балканах. В деятельности берлинской дипломатии на Балканах, как это будет показано ниже, наступил новый этап.

Монархия Габсбургов уделяла Балканам значительно большее внимание, чем Германия. Балканский полуостров, по мнению ее правящих кругов, был единственным районом возможной экспансии австро-венгерского империализма. На севере и северо-западе империя Габсбургов граничила с Германией, на юго-западе и северо-востоке — с Италией и Россией, и захват их территорий был немислим без войны, которая могла бы закончиться катастрофой для Австро-Венгрии.

Знарок международных отношений на Балканах, видный болгарский политический деятель Христо Кабакчиев писал в 1915 г. о целях Австро-Венгрии на Балканах. «Во-первых, намерение овладеть широким рынком для своих промышленных товаров и капиталов; во-вторых, через него освоить центральные балканские страны — Сербию и Македонию; а по возможности и Салоники — как выход в Средиземное море. Не Триест, а Салоники дали бы Австро-Венгрии доступ большинству морских товаров на всемирный рынок»²³.

Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Дюла Андраши-старший, получив на Берлинском конгрессе 1878 г. мандат на оккупацию Боснии и Герцеговины, телеграфировал императору Францу Иосифу: «Я поздравляю Ваше величество — отныне для монархии путь на Восток свободен!»²⁴. В октябре 1908 г. дунайская империя присоединила к себе эти земли.

Захватнические действия Австро-Венгрии обострили до предела ее взаимоотношения с Сербией, которая сама претендовала на Боснию и Герцеговину. Сербия с 1903 г., т. е. с момента прихода к власти новой династии Карагеоргие-

вичей, стала играть роль «второго Пьемонта» на Балканах, поставив своей задачей объединение вокруг Сербского королевства территорий с югославянским населением.

Австро-Венгерская монархия, напротив, превратилась в главного жандарма на Балканах. Опасаясь развития освободительного движения в самой империи, она стремилась подавить «национальную революцию южного славянства»²⁵ в соседних балканских странах. «Австрия,— констатировал В. И. Ленин,— десятилетия шла на Балканы, чтобы там душисть»²⁶.

Ликвидация Сербии как самостоятельного государства, была одной из основных задач монархии Габсбургов. Начальник генерального штаба австро-венгерской армии генерал Франц Конрад фон Гетцендорф выдвинул ее еще в 1883 г. Только за период с 1908 по 1912 г. он не менее 10 раз обращался к австро-венгерскому правительству с предложениями начать против Сербии войну. «Даже небольшая, но самостоятельная Сербия опасна»,— предостерегал Конрад²⁷.

Имперская военная партия, которую возглавляли престолонаследник Франц Фердинанд и генерал Конрад, выступала за проведение активной политики на Балканах. Эрцгерцог мечтал посадить на престол в Сербии и Боснии своих сыновей²⁸, его приближенные — новый начальник генштаба, временно сменивший Конрада (октябрь 1911 — декабрь 1912), генерал А. Шемуа, военные министры М. Ауффенберг-Комаров и А. Кробатин, шеф военной канцелярии эрцгерцога флигель-адъютант А. Броош и другие лица из их окружения — были сторонниками создания на Балканах государств — сателлитов Австро-Венгрии²⁹.

Однако среди руководителей военной партии все же не было полного единства. Эрцгерцог поначалу противился планам аннексии Сербии, считая более выгодным завоевание ее «мирным путем». Он полагал, что военный союз с Сербией или установление над ней фактического протектората монархии Габсбургов явились бы более эффективным средством проникновения Австро-Венгрии на Балканы. В самой монархии престолонаследник в тот период главную опасность для Австрии видел в венгерском сепаратизме и был склонен расширить в противовес Венгрии права Хорватии и других югославянских областей, преобразовав дуалистическую систему империи в триалистическую. «На триализм,— писал он,— необходимо смотреть как на средство давления на венгров»³⁰. Триалистическая система по замыслу эрцгерцога должна была подорвать влияние Сер-

бии на Балканах, лишив ее притягательной силы для югославян. По его планам Австро-Венгрия, а не Сербия становилась «вторым Пьемонтом». Но эта идея не получила своего развития. Против реорганизации монархии на базе триализма выступили значительные силы в самой монархии во главе с императором. Перед первой мировой войной взгляды Франца Фердинанда на сербскую проблему уже полностью совпадали со взглядами генерала Конрада. Эрцгерцог, как и генерал Конрад, высказался за военный разгром Сербии.

Помимо Сербии, по мнению руководителей военной партии Австро-Венгрии, скрытым противником монархии Габсбургов на Балканах была Италия. В этом вопросе эрцгерцог и генерал Конрад придерживались идентичных взглядов, но генерал выступал за превентивную войну с Италией, в то время как Франц Фердинанд еще надеялся удержать ее в составе Тройственного союза³¹.

Балканская политика Австро-Венгрии во многом определялась ее взаимоотношениями с Германией. Часть военных опасалась этого союза, отдавая себе отчет в гегемонистских планах Германии. К их числу относился Франц Фердинанд — сторонник великоавстрийской концепции. В основе его программы лежало стремление создать сильное австрийское государство, которое стало бы противосилом не только России, но и Германии³². «Будущая Великая Австрия, — писал Йозеф Криштоффи, советник эрцгерцога, осведомленный о его взглядах, — сможет противостоять схизматической России и протестантской Германии»³³. Экономическая и политическая экспансия Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе тревожила престолонаследника, и за внешне дружескими взаимоотношениями Франца Фердинанда и Вильгельма II скрывалось их взаимное недоверие³⁴.

Взгляды эрцгерцога разделяли многие государственные и общественные деятели Австрии: посланник в Бухаресте граф О. Чернин, член рейхсрата Й. Бернрейтер, генеральный директор крупнейшего банка в Вене «Кредитанштальт» А. Шпицмюллер-Хармерсбах, будущий министр финансов Австрии Й. Редлих и др. Сторонники престолонаследника объединялись в так называемую Бельведерскую группу, названную по имени дворца, где проживал эрцгерцог.

Ей противостояла так называемая Шёнбруннская группа во главе с императором Францем Иосифом³⁵ (резиденцией императора был дворец Шёнбрунн). Несмотря на свой

преклонный возраст и слабое здоровье (Францу Иосифу в 1912 г. было 82 года), император как глава государства играл значительную роль в формировании балканской политики. Он возглавлял коронный совет, на котором обсуждались внешнеполитические вопросы, прерогативой императора являлось утверждение международных договоров и соглашений, главе государства принадлежало последнее слово в принятии решений о войне. Франц Иосиф придерживался более умеренного внешнеполитического курса, чем военная партия³⁶. Он опасался, что война может вызвать революцию и крушение монархии. Уверовав в непогрешимость системы дуализма, император сопротивлялся осуществлению каких-либо кардинальных реформ. На этой почве между ним и престолонаследником возникли противоречия, усугубившиеся личными мотивами.

Соперничество между «бельведерцами» и «шёнбруннцами» сказывалось на работе дипломатов, аккредитованных в балканских государствах. Некоторые из них ориентировались на программу престолонаследника, ожидая, что последний взойдет наконец на престол.

Руководитель внешнеполитического ведомства Австро-Венгрии граф Леопольд Берхтольд (1863—1942) не принадлежал ни к одному из этих течений, но все же был ближе к «шёнбруннцам», чем к «бельведерцам». Свое назначение на этот пост он получил по личному распоряжению императора, сменив в 1912 г. скончавшегося барона Алоиза Эренталя, который был более близок к престолонаследнику.

О деятельности этого министра написана значительная и противоречивая литература. Так, бывший канцлер Германии Бернгард Бюлов в воспоминаниях обвинил Берхтольда в недостаточной энергии, нерешительности и непоследовательности действий. Бюлов утверждал, что министр тяготился своим постом, предпочитая жизнь эпикурейца³⁷. Сходную оценку руководителя ведомства на Балльхауплатце можно найти и у французского президента Р. Пуанкаре. Он называл Берхтольда «беспечным гранд-сеньором», малоспособным к самостоятельным решениям. По мнению Пуанкаре, Берхтольд находился под влиянием австрийской военной партии³⁸.

Граф Оттокар Чернин, занявший в 1918 г. пост министра иностранных дел Австро-Венгрии, напротив, преувеличивал роль своего предшественника как государственно-го деятеля и утверждал, что Берхтольд проводил на Балканах якобы миролюбивый курс³⁹. Аналогичный вывод

сделал и его биограф, реакционный австрийский историк Хуго Ханч⁴⁰.

Более объективно охарактеризовал деятельность Берхтольда известный исследователь международных отношений на Балканах Г. Хальгартен, который отмечал, что непоследовательность его балканской политики объяснялась прежде всего сложностью международной обстановки того времени. По словам Хальгартена, курс Берхтольда был более гибким, чем его предшественников, но не менее экспансионистским. Наряду с военным шантажом в отношении Сербии и других балканских государств, отмечал историк, министр широко применял дипломатическое и экономическое давление на страны Балканского полуострова.

В то же время Хальгартен отмечал нерешительность Берхтольда, его несамостоятельность и склонность к беспринципным компромиссам. Он образно сравнивал руководителя ведомства на Балльхаусплацце с «куклой», которую тянули в разные стороны буржуазные и военные круги империи. Хальгартен не высоко оценивал наклонности министра, предпочитавшего венские салоны и охоту скучной работе в министерстве. «На долю Берхтольда,— острит историк,— выпала неприятная задача заботиться не только о своих лошадях, модных костюмах и шикарных женщинах, но еще и о внешней политике многонациональной монархии»⁴¹.

Советский историк К. Б. Виноградов и венгерский историк Й. Галантай⁴² убедительно доказали, что на формирование балканской политики Австро-Венгерской монархии оказывал влияние ряд факторов, без учета которых нельзя разобраться в стратегии и тактике венской дипломатии. Ведомству на Балльхаусплацце приходилось считаться как с давлением военных кругов, так и с требованиями промышленных корпораций, акционерных компаний и банков, которые выдвигали программу экономического завоевания Балкан. «Я хотел бы,— заявил, например, на заседании рейхсрата 16 декабря 1908 г. один из лидеров чешской буржуазии, В. Клофач,— чтобы наша балканская политика определялась не на встречах генералов, подчас неспособных генералов, а на совещаниях заинтересованных промышленников и купцов»⁴³. Австро-Венгрии, делал вывод Клофач, следует создать таможенный союз на Балканах. Эти взгляды разделяла словенская буржуазия. 5 апреля 1913 г. на собрании торговцев и промышленников г. Лайбаха (Любляны) представитель Словенской либеральной партии В. Равчихар заявил: «Австрийская политика долж-

на быть направлена на завоевание балканского рынка, что принесет и нам богатство»⁴⁴,

В 1912 г. сформулировал свою балканскую программу Постоянный комитет центральных промышленных объединений Австрии, в состав которого входили три самых мощных в стране союза предпринимателей: Союз австрийских промышленников, Центральное объединение заводчиков и фабрикантов и Промышленный клуб. В программе, переданной австро-венгерскому правительству, выдвигалось требование о заключении монархией Габсбургов таможенной унии с балканскими странами и выражалось неудовлетворение недостаточно активной экономической политикой Австро-Венгрии на Балканах. Комитет предупреждал правительство об опасности потерять балканский рынок, который может быть завоеван Германией⁴⁵. С идентичными требованиями к австро-венгерскому правительству обратилась другая влиятельная австрийская корпорация — Общество восточных железных дорог. Эта организация была «государством в государстве», сосредоточившим в своих руках строительство почти всех железных дорог на Балканском полуострове (1250 км): Общество намечало программу дальнейшего проникновения в балканские страны, призывая правительство заключить с ними выгодные для Австро-Венгрии соглашения⁴⁶.

Большое влияние на балканскую политику монархии оказывали венгерские правящие круги и венгерские буржуазно-помещичьи политические партии. Министр-президент Венгрии граф Иштван Тиса принимал самое непосредственное участие в разработке и обсуждении на различных уровнях (в имперском правительстве и на коронных советах) внешнеполитических программ Берхтольда. Он являлся также одним из главных советчиков императора. Без его согласия фактически не принималось ни одно решение, имевшее значение для всей монархии.

От линии политических партий венгерской части монархии в значительной мере зависела общеимперская политика⁴⁷. Тиса, выражавший интересы венгерских аграриев и крупной венгерской буржуазии, поддерживал систему дуализма и высказывался против присоединения территории Сербии к монархии, опасаясь увеличения славянского элемента в государстве. Венгерская оппозиция была противницей усиления Румынии и выступала против административно-территориальных реформ в Трансильвании в пользу румынского населения. Оппозиционная Венгерская партия независимости (лидер — граф Михай Каройи), как показал

в своей содержательной работе Т. М. Исламов, была противницей военной конфронтации с Россией, считая, что из-за Балкан монархия Габсбургов не должна подвергать себя риску вступления в мировую войну⁴⁸.

Между Австрией и Венгрией существовали серьезные противоречия по вопросу о взаимоотношениях монархии Габсбургов с партнерами по Тройственному союзу. Будапешт сравнительно мало беспокоило италяно-австрийское соперничество в Албании, но зато большую тревогу вызывали планы Берлина, направленные на установление в Центральной Европе гегемонии Германии. Венгерские аграрии и промышленники опасались захвата Германией внутреннего рынка королевства св. Иштвана, за которым могла последовать и политическая экспансия более сильной германской империи. «Хозяйственный апшлюс — дело очень деликатное и имеет свою теневую сторону... Дай только мизинец, они отхватят всю руку», — предостерегал И. Тиса редактора газеты торгово-промышленных кругов Венгрии «Пештер Ллойд» Й. Веши от доверия плану «Срединной Европы»⁴⁹. Граф М. Каройи и его партия, расходясь с Тисой по многим вопросам, выражали с ним единство взглядов по поводу германской угрозы. Венгерская партия независимости выступала за самостоятельную внешнюю политику монархии, не желая, чтобы Австро-Венгрия играла подчиненную роль.

Многообразие политических течений среди правящих кругов монархии заставляло Берхтольда маневрировать, что отражалось на балканской политике.

Важной причиной, побуждавшей Берхтольда к осторожности, была неподготовленность Австро-Венгрии к войне. Вооруженные силы монархии уступали России и другим великим державам. На перевооружение армии нужны были деньги, а финансы государства испытывали трудности. Таможенная война с Сербией, длившаяся целых пять лет (с 1906 по 1911 г.), бойкот австро-венгерских товаров в Турции после аннексии Боснии и Герцеговины и внешняя задолженность страны привели к кризису финансовой системы государства. В 1912 г. дефицит государственного бюджета Австро-Венгрии составил 20 млрд. крон, и тенденция к превышению расходов над доходами продолжала неуклонно расти.

Помимо внутренних факторов, на политику Берхтольда влияли внешние обстоятельства. Министерство иностранных дел должно было учитывать позицию союзников по Центральной коалиции — Германии и Италии. Оба эти го-

сударства имели свои интересы на Балканах, нередко расходившиеся с интересами Австро-Венгрии. Германия считала Австро-Венгрию своим младшим партнером и не хотела предоставлять ей инициативы в балканской политике. Так, в августе 1912 г., когда Вена попыталась было использовать черногорско-турецкий пограничный конфликт, чтобы оказать военный нажим на Черногорию, кайзер дал указание заместителю статс-секретаря по иностранным делам Германии А. Циммерману предупредить Берхтольда о нежелательности этого шага. «Мы,— писал он,— не должны преждевременно вмешиваться в балканские дела из-за каждой мелочи. Спокойно выжидать и не играть немедленно роль шущмафов (стражников — Ю. П.)»⁵⁰. Через два месяца германский император, провозгласивший доктрину «железа и крови», напротив, стал подталкивать Австро-Венгрию к активным действиям на Балканах.

Политика Берхтольда в силу сказанного отличалась непоследовательностью. Вена то пыталась запугать балканские государства, то обращалась к ним с широкообещательными обещаниями об оказании экономической и финансовой помощи. Так, например, в конце 1911 г. Австро-Венгрия предоставила Черногории кредит в 3,5 млн. крон⁵¹, а через 2—3 месяца сосредоточила на ее границах войска, угрожая вторжением.

Интересным, но недостаточно изученным вопросом является вопрос о попытках венской дипломатии создать под своей эгидой блок балканских государств, опередив аналогичные намерения России. Как отмечал советский историк К. Б. Виноградов⁵², впервые эту идею выдвинул барон А. Эренталь в период аннексии Боснии и Герцеговины, который хотел привлечь к союзу с Австро-Венгрией соседние с Сербией государства, изолировав Сербское королевство. Тогда этот план не удался: агрессивные действия монархии Габсбургов настолько напугали балканские государства, что они стали склоняться к союзу с Сербией, а не с Австро-Венгрией. Турция также выступила против экспансионистской политики дунайской империи, объявив бойкот австро-венгерских товаров.

Накануне и во время итало-турецкой войны венская дипломатия предприняла новую попытку привлечь к себе балканские страны — Болгарию и Грецию. 23 июня 1911 г. австро-венгерский посланник в Софии граф А. Тарновский известил А. Эренталья, что, по его данным, для этого имеются благоприятные предпосылки: усиление проавстрийских настроений болгарского царя Фердинанда Кобурга и

заинтересованность греческого короля Георга I в поддержке Германии и Австро-Венгрии перед лицом нарастающей угрозы вмешательства Италии в балканские дела. Дипломат поставил перед министром вопрос: а не использовать ли эту ситуацию для привлечения к союзу с Австро-Венгрией Болгарии и Греции?

Эренталь, как свидетельствует депеша российского посланника в Софии А. В. Неклюдова от 12 января 1912 г., разделяя взгляды А. Тарновского, предпринял попытку разрушить традиционные отношения Болгарии с Россией. Встретившись с прибывшим в Вену Фердинандом, он стал внушать ему мысль о ненадежности этих связей для Болгарии. Петербург, предостерегал министр, «может стовориться с Турцией и купить право свободного прохода (своих судов.— Ю. П.) через проливы обещанием Турции сохранить статус-кво на Балканах», в то время как Вена готова не препятствовать Болгарии расширить территорию за счет европейских владений Турции⁵³.

Отсутствие источников не позволяет установить с полной достоверностью, какую позицию занял Фердинанд и чем закончились его переговоры с Эренталем, но, по словам российского военного агента в Софии полковника Романовского, имевшего широкую информацию о настроениях при дворе, Фердинанд «проявлял колебания, не решаясь сделать выбор: с Россией или с Австро-Венгрией». А. В. Неклюдов посоветовал С. Д. Сазонову в целях привлечения Болгарии к России ускорить заключение русско-болгарской военной конвенции, связав тем Фердинанда дополнительными обязательствами перед Россией. «Надо, не откладывая дело в долгий ящик, приступить к переговорам о заключении военной конвенции», — писал посланник⁵⁴.

Царская дипломатия в борьбе за Болгарию на этом этапе одержала победу над Веной: Фердинанд стал склоняться к созданию Балканского союза под эгидой России. После кончины Эренталья Вена отказалась от его плана, а граф Берхтольд уделял ему незначительное внимание, что было одним из серьезных просчетов балканской политики нового руководителя внешнеполитического ведомства и Австро-Венгрии.

Балканская политика Франции и Англии

Главным средством, при помощи которого Франция осуществляла экспансию на Балканах, были внешние займы. В. И. Ленин, характеризуя особенности французского им-

периализма, приводил оценку из газеты «Юманите»: «Франция — это финансовая монархия, Франция — это финансовая олигархия, Франция — это ростовщик всего света»⁵⁵. Уже к концу XIX в. Франция превратилась в основного кредитора на Балканах. С 1902 по 1914 г., т. е. за 12 лет, внешние займы Франции балканским государствам возросли на 342% и составили астрономическую для того времени сумму в 3 млрд. фр.

Наиболее прочные позиции Франция завоевала в Греции, где ее доля во внешних займах составляла 600 млн. фр., превышая капиталовложения всех остальных европейских держав вместе взятых (доля Англии — 250 млн. фр., России — 70 млн. фр., Германии — 20 млн. фр.)⁵⁶. В Болгарии и Румынии Франция также была одним из основных кредиторов⁵⁷. Воспользовавшись таможенной войной Австро-Венгрии с Сербией, она оттеснила своих соперников на задний план и в этой стране⁵⁸. Накануне балканских войн французский капитал контролировал все три ведущих банка Сербии: Французско-сербский банк, Экспортный банк и Белградский коммерческий банк. Французский ростовщический капитал получал здесь баснословную прибыль от займов. Сербия ежегодно выплачивала Франции почти четвертую часть своего государственного бюджета в виде процентов за предоставленные ей кредиты. Французские монополии усиленно проникали в местную промышленность и железнодорожное строительство Сербии, в стране функционировали Сербско-французское общество промышленных предприятий и Французско-сербское общество угольной и цементной промышленности⁵⁹. Значительной статьей доходов Франции в Сербии была продажа оружия. С 1908 по 1911 г. французская фирма Шнейдер — Крезе поставила ей оружия и боеприпасов на общую сумму 45 млн. фр.⁶⁰

Не менее прочные позиции французский империализм завоевал в Турции. Здесь финансовая экспансия Франции началась еще в 60-е годы XIX в., когда парижские банки приступили к сотрудничеству с вновь созданным Оттоманским банком. В XX в. это сотрудничество распространилось на филиалы банка: Палестинский коммерческий банк и Салоникский банк с отделением в Бейруте. Начиная с 1881 г. Франция стала членом Совета оттоманского долга, где ее доля капиталов перед первой мировой войной повысилась до 62,9%⁶¹.

Экономические позиции Франции на Балканах и Ближнем Востоке во многом определяли ее внешнюю политику в этом регионе. Франция была заинтересована в сохране-

нии статус-кво на Балканах и выступала против осложнения между балканскими государствами и Турцией.

С. Д. Сазонов, характеризуя балкано-ближневосточную политику Франции, писал в 1912 г. царю: «Во Франции осложнения на Балканах вызывают двойного рода опасения, которыми и определяется отношение нашей союзницы к настоящим событиям. Во-первых, ей внушает беспокойство мысль, что балканские события могут так или иначе вызвать вмешательство наиболее заинтересованных держав, т. е. России и Австрии, а это, в свою очередь, может втянуть в войну Францию. Во-вторых, поместив в разные предприятия на Балканском полуострове значительные капиталы, французы не могут смотреть на разгорающуюся там смуту, от которой они терпят материальные убытки»⁶².

Вместе с тем французское правительство одобрило образование Балканского союза, который ставил своей задачей пересмотр берлинской системы 1878 г., т. е. подрывал тот самый принцип статус-кво, за который ратовала Франция. Как же объяснить это противоречие?

В исторической литературе вокруг этого вопроса ведутся споры. Французские историки П. Ренувен, К. Блок, Л. Саваджан, Ж. Изаак и некоторые другие выдвинули версию о неучастии Франции в создании балканского блока и неосведомленности правительства о его военных целях⁶³. При этом историки ссылались на заявления премьер-министра Р. Пуанкаре о том, что будто бы до своей встречи с С. Д. Сазоновым в августе 1912 г. в Петербурге он ничего не знал о содержании болгаро-сербского и болгаро-греческого союзных договоров⁶⁴. «Я потребовал от Сазонова разъяснения по поводу конвенций сербо-болгарской и греко-болгарской, — писал Пуанкаре. — Я не скрыл от него, что мне непонятно, почему эти акты не были сообщены Россией Франции». И дальше: «Видел Сазонова. Он имел в руках текст сербо-болгарского соглашения на русском языке. Он мне читал его, переводя... Я отметил Сазонову, что эта конвенция совершенно не отвечает тому объяснению, которое мне было дано, что она является поистине соглашением о войне»⁶⁵.

Прежде всего возникает сомнение в аутентичности записи, сделанной в мемуарах Р. Пуанкаре, с тем, что он сказал на самом деле. У С. Д. Сазонова имеется иное толкование заявления главы французского правительства. В записях Сазонова говорится: «Приветствуя это соглашение как фактор усиления мощи балканских государств, он (Пуанкаре. — Ю. П.) вместе с тем считает его имеющим более

наступательный, чем оборонительный, характер и усматривает в этом обстоятельстве серьезную опасность»⁶⁶.

В пользу версии Сазонова говорит ряд фактов. Еще в 1928—1930 гг. американский историк В. Ланжер и немецкий историк Г. Ролофф⁶⁷ обратили внимание на то, что переговоры о создании Балканского союза велись в 1911 г. в самом Париже и что их участники — министр иностранных дел Сербии М. Милованович и уполномоченный болгарского правительства Д. Ризов — информировали о содержании проекта соглашения премьер-министра Франции Жозефа Кайо и министра иностранных дел Жюстина Жермена де Сельва.

Переписка М. Миловановича и другие новые архивные документы, изученные историком Д. Джорджевичем, подтверждают выводы, сделанные В. Ланжером и Г. Ролоффом: Кайо и де Сельв не только знали о проекте болгаро-сербского соглашения, но и одобрили его. После того как оно было подписано, Петербург информировал нового главу правительства Р. Пуанкаре о содержании договора. 18 марта 1912 г., т. е. всего лишь через пять дней после заключения этого соглашения, С. Д. Сазонов направил А. П. Извольскому, российскому послу во Франции, предписание передать Пуанкаре следующее сообщение: «Между Болгарией и Сербией с нашего ведома заключен договор о совместной обороне и охране взаимных интересов на случай нарушения статус-кво на Балканском полуострове или нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон». По словам А. П. Извольского, Р. Пуанкаре «с живейшим интересом оценил первостепенную политическую важность... соглашения»⁶⁸.

О знакомстве Р. Пуанкаре с содержанием болгаро-сербского договора говорят и французские источники⁶⁹. В 1940 г. советский историк А. Я. Киктев, используя документы министерства иностранных дел Франции, убедительно доказал, что французский посланник в Софии Морис Палеолог, имевший тесные контакты с болгарским царем Фердинандом и его правительством, систематически информировал Пуанкаре о ходе переговоров Болгарии с Сербией⁷⁰. Аналогичные сведения поступали в Париж и из Афин. Посланник Франции в Греции П. Девилль сообщал данные о греко-болгарских и греко-сербских переговорах.

Какие же цели преследовало французское правительство на Балканах в тот период? Ответ на этот вопрос дает переписка Р. Пуанкаре с военным министром А. Мильераном и начальником генерального штаба Франции генералом

Ж. Жоффром в августе 1912 г. Премьер-министра главным образом интересовал следующий вопрос: готова ли французская армия к активным действиям, если Австро-Венгрия начнет конфликт на Балканах?

Мильеран и Жоффр уклонились от прямого ответа на этот вопрос, но весьма обстоятельно изложили свою точку зрения о значении балканского фронта. В записке армейского генерального штаба, посланной Пуанкаре, говорилось, что для Франции и ее союзников выгодны осложнения между балканскими государствами и Австро-Венгрией, так как последняя окажется вынужденной привлечь часть своих сил на Балканы. «Тройственное согласие, — утверждали составители записки, — будет иметь лучшие шансы на успех и сможет победить, что позволит переделать карту Европы, несмотря на местные успехи Австро-Венгрии на Балканах»⁷¹. А. П. Извольский сообщал С. Д. Сазонову 30 августа (12 сентября) 1912 г., что Р. Пуанкаре, получив эту записку, солидаризировался с мнением Мильерана и Жоффра. По словам Извольского, Пуанкаре был настроен весьма оптимистично, сказав, что в случае войны «диверсия» Балканского союза против дунайской монархии заставит перебросить с французского фронта на Балканы силы не только Австро-Венгрии, но и Германии⁷².

В то же время французское правительство не собиралось оказывать помощь балканским государствам. В феврале 1912 г. Р. Пуанкаре известил царское правительство, что Франция не выступит в защиту балканских стран в случае агрессии со стороны Австро-Венгрии. На прямой вопрос С. Д. Сазонова, поддержит ли Франция Россию, если Россия окажет поддержку Сербии, Пуанкаре, ответил, что Франция выполнит свои союзнические обязательства только при нападении на Россию Германии, но воздержится от вмешательства в балканские дела. «Франция, — писал он, — должна будет сделать различие между такими событиями, которые затронули бы область существующего между Россией и Францией договора, и обстоятельствами, так сказать, местного, ближневосточного характера. Во втором случае французское правительство не будет в состоянии получить от страны и парламента надлежащих полномочий для ведения войны»⁷³. То же самое Пуанкаре повторил во время упомянутой петербургской встречи с Сазоновым, заявив, что локальные интересы балканских государств не могут быть поводом для мобилизации французской армии. С. Д. Сазонов, в свою очередь, заявил, что и Россия не сможет поддержать колониальные интересы Франции⁷⁴.

Р. Пуанкаре признал в мемуарах, что в балканской политике между Францией и Россией существовали серьезные противоречия. «Мы, — писал он, — не могли вполне солидаризоваться с Россией в балканском вопросе». Оба правительства — русское и французское — претендовали на руководящую роль в Балканском союзе или по крайней мере на роль арбитра в балкано-турецких спорах. Ведомству на Певческом мосту в Петербурге удалось взять верх над Кэ д' Орсе, что вызвало отрицательную реакцию французского правительства.

Болгаро-сербская конвенция, с раздражением писал 15 октября 1912 г. Р. Пуанкаре французскому послу в Лондоне Полю Камбону, «состоялась под руководством России и во всяком случае она предписывает России в текущих событиях и в тех, которыми можно воспользоваться, активную и руководящую роль»⁷⁵. Это обстоятельство, по-видимому, оказало влияние на главу французского правительства, когда он во время свидания с Сазоновым вдруг обнаружил, что копия болгаро-сербского договора хранится в Петербурге, а не в Париже.

Мы остановились так подробно на петербургской встрече двух министров потому, что до сих пор ее интерпретация не нашла достаточного отражения в литературе. У читателей мемуаров Пуанкаре могло создаться впечатление, что Франция вообще была противницей военного блока на Балканах, а Пуанкаре — поборником мира. «Боязнь тяжелых последствий, которые вызвала эта конвенция, — писал французский министр в мемуарах, — в значительной мере обусловила те шаги, которые я не переставал предпринимать в интересах сохранения мира с тех пор, как я увидел возрастающую угрозу войны на Балканах»⁷⁶.

Как же обстояло дело в действительности?

Одним из «шагов», предпринятых Р. Пуанкаре для предотвращения балкано-турецкого конфликта, была отсрочка выдачи Францией займа Болгарии. «Мы, — заявил он, — решили отказать Болгарии в размещении займа, который мог бы быть обращен на военные операции»⁷⁷.

Болгарский историк Ц. Тодорова доказала несостоятельность этого утверждения. Франция, по ее данным, еще весной 1912 г. предприняла попытку оказать финансовое давление на Софию с целью вовлечения Болгарии в Балканский блок⁷⁸.

По распоряжению Р. Пуанкаре посланник М. Палеолог пообещал председателю совета министров Болгарии И. Гешову заем в 200 млн. фр., оговорив его предоставление

политическими условиями. 16 февраля 1912 г. во время встречи с Гешовым Палеолог предупредил главу болгарского правительства, что Франция может дать Болгарии кредиты только в том случае, если последняя переориентирует свою политику на Тройственное согласие. «Пуанкаре,— предупреждал посланник,— решил предоставлять финансовые средства Франции только тем государствам, которые практически идут тем же путем, что и она»⁷⁹. Англофил Гешов охотно принял эти условия. Он сказал Палеологу, что предложение Пуанкаре является «решающим аргументом, который победит колебания его величества»⁸⁰.

Дальнейшие события, однако, показали, что болгарский царь, взяв обязательства перед Францией, не перестал заигрывать и с Веней. Узнав, что Фердинанд собирается поехать в Австрию на тезоименитство Франца Иосифа, французский премьер временно приостановил выдачу Болгарии займа⁸¹ и возобновил эти операции только по ходатайству России, которая согласилась кредитовать Болгарию вместе с Францией⁸².

Аналогичную финансовую политику Париж проводил и в Греции. Здесь французские кредиты были предоставлены королю Георгу I и престолонаследнику Константину, а посланник П. Девилю установил контакты с премьером Э. Венизелосом⁸³. По инициативе Венизелоса в Афинах был сформирован «Комитет десяти», ставивший своей задачей вовлечение Греции в союз с державами Тройственного согласия.

Однако в Греции, так же как и в Болгарии, местные руководители, создавая Балканский союз, тщательно скрывали от Франции свои подлинные намерения начать борьбу за «турецкое наследство». В Париже, возможно, не знали с полной достоверностью об этой стороне дела, считая, что Балканский союз своим острием направлен против Австро-Венгрии, а не против Турции.

В планах английского империализма Балканы играли двойную роль. Они являлись объектом непосредственной экспансии британского капитала на Балканский полуостров и служили вместе с тем плацдармом для проведения империей более широкой и глобальной колониальной политики на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в бассейне Средиземного моря.

В начале XX в. Великобритания усилила свое проникновение на Балканы и Ближний Восток. Перед мировой войной 1914—1918 гг. она занимала уже первое место (35,3%) по импорту товаров в балканские страны, сотруд-

ничала в Францией и Германией в области железнодорожного строительства и вложения капиталов в местные банки на Ближнем Востоке. Крупнейшая финансовая корпорация Великобритании Англо-палестинская компания с отделениями в Сирии и Палестине имела значительные позиции в Османской империи, а участие Англии в Совете Оттоманского банка открывало ей широкие возможности эксплуатации турецкой экономики.

В области балканской и ближневосточной политики британское правительство придерживалось принципа статус-кво, но Форин оффис не считал эту доктрину аксиомой. Англия, по определению Хр. Кабакчиева, проводила «лицемерную политику» на Балканах, постоянно изменяя свой курс в зависимости от международной обстановки и решения более общих задач на мировой арене⁸⁴. Так, до 1908 г. британская дипломатия была сторонницей раздела Османской империи и сулила балканским государствам удовлетворение их требований о реформах. Кредо В. Гладстона о разделе Турции было главным лозунгом английского империализма на Ближнем Востоке до тех пор, пока султанское правительство ориентировалось на Германию. В те годы английские дипломаты старательно «ухаживали» за балканскими монархами. В 1907 г. в Англии вышла пашумевшая книга влиятельного члена Балканского комитета в Лондоне Ноэля Бэкстона «Европа и Турция», в которой автор ставил вопрос о разделе европейских территорий Турции, населенных нетурецкими народами, между Болгарией и другими балканскими государствами⁸⁵.

29 января 1908 г. вопрос о реформах был затронут в тронной речи короля Эдуарда VII, а 28 февраля того же года статс-секретарь Англии по иностранным делам Э. Грей обратился к министру иностранных дел России А. П. Извольскому с предложением оказать совместный нажим на Константинополь в целях проведения реформ в пользу христианского населения⁸⁶.

Положение коренным образом изменилось после младотурецкой революции 1908 г. и прихода к власти в Турции англофильского правительства Кямиль-паши. Англия, изменив первоначальную позицию, стала поддерживать Порту. Эта ситуация продолжалась до очередного государственного переворота в Турции в 1909 г., когда к власти в стране пришли гермапофилы, после чего в Лондоне вновь вспомнили про Балканы. Посланник Англии в Софии Г. Бакс-Айронсайд сблизился с главой болгарского правительства И. Гешовым, а британская казна предоставила в

1911 г. Болгарии заем в надежде переманить на свою сторону Фердинанда Кобурга⁸⁷.

Англия предоставила заем и Греции, а Э. Грей одобрил греко-сербский и сербо-болгарский союзные договоры, которые легли в основу Балканского блока. Большую работу по созданию этого блока здесь вел корреспондент газеты «Таймс» Дж. Баучер, имевший широкие полномочия⁸⁸.

Однако и после создания Балканского союза Форин оффис проводил на Балканах двойственную политику. В Лондоне была выдвинута идея отрыва от Центральной коалиции Австро-Венгрии, и в связи с этим выражали недовольство нацеленностью Балканского союза на конфронтацию с монархией Габсбургов⁸⁹. Одновременно Англия продолжала поддерживать Турцию — другого противника Балканского союза. Для Турции на английских верфях строились дредноуты, в турецком военно-морском флоте служили английские офицеры, британские военные заводы поставляли турецкой армии оружие, которое использовалось против балканских союзников⁹⁰.

Столь же двуличной была политика «коварного Альбиона» по отношению к России⁹¹. С одной стороны, Англия «соблазняла» царское правительство обещаниями содействовать ее политике на Балканах, с другой — не хотела пересматривать ограничительные для России статьи Лондонской морской конвенции 1871 г. о проливах. Начальник российского Морского генерального штаба контр-адмирал А. И. Русин в 1912 г. в докладе морскому министру адмиралу И. К. Григоровичу отметил эти особенности политики Великобритании. «Англия, — писал Русин, — нуждается в нашей поддержке и ищет соглашения. Она мечтает о совместных выступлениях и заговаривает о сигнале, который может быть дан для единовременного начала военных действий против Германии». В то же время он предостерегал морского министра от доверия Англии, предлагая «не открывать своих карт»⁹².

Перед самой балканской войной Э. Грей пригласил в Англию С. Д. Сазонова, чтобы разъяснить ему свою позицию. Свидание министра состоялось 20 сентября — 2 октября 1912 г. в королевском поместье Бальмораль в Шотландии. С английской стороны в нем участвовали Э. Грей, его постоянный помощник (заместитель) А. Никольсон и будущий глава правительства Бонар Лоу. Сазонова принял также новый король Англии Георг V. Русскую сторону представляли С. Д. Сазонов и начальник его канцелярии барон М. Ф. Шиллинг. Встреча, хотя и проходила в под-

черкнуто дружеской обстановке, вызвала разочарование у С. Д. Сазонова.

Э. Грей, в общей форме пообещав Сазонову поддержку в балканских делах, не взял на себя никаких конкретных обязательств⁹³. Он отклонил предложение Сазонова о совместном демарше в Константинополе с целью предотвращения войны Турции с балканскими странами и уклонился от ответа на прямой вопрос российского министра о позиции Англии в случае вступления в войну на Балканах Германии⁹⁴. В докладе Николаю II об итогах совещания С. Д. Сазонов сделал печальный вывод о непрочности союзнических обязательств Англии. Нам, писал он, «нельзя рассчитывать на содействие Англии, если бы дальнейшее обострение событий потребовало какого-нибудь энергичного давления на Турцию»⁹⁵.

Идентичный вывод сделал и Генеральный штаб России. В «Записке о силах, средствах и вероятных планах наших западных противников» говорилось: «Оценивая наше международное положение, можно прийти к выводу, что в возможной будущей войне нам прежде всего надлежит рассчитывать только на свои силы»⁹⁶. Николай II был значительно лаконичней. В письме вдовствующей императрице Марии Федоровне, с которой он советовался в трудных для себя ситуациях, он, писал 21 октября 1912 г.: «Англия, к сожалению, мешает нам больше всех»⁹⁷.

В начавшемся на Балканах конфликте Балканского союза с Турцией английское правительство снова заняло уклончивую позицию. «Честный маклер» Э. Грей, как его называл биограф Г. Тревельян⁹⁸, чтобы не принимать каких-либо решений, отправился в отпуск. А. Никольсон писал сэру Эдуарду Грею 30 сентября, за 9 дней до начала войны: «Ради бога, не думайте о сокращении последней недели Вашего отпуска. Если эти необузданные джентльмены на Балканах вступят на путь войны, мы не сможем остановить их, и, я думаю, мы исчерпали запас предупреждений»⁹⁹.

Планы Италии на Балканах

Советские историки К. Э. Кирова и Э. П. Яхимович¹⁰⁰ обстоятельно исследовали планы итальянского империализма на Балканах, показав, что они осуществлялись в два этапа: до и после итало-турецкой войны 1911—1912 гг. На первом этапе Италия ограничивалась так называемым мирным завоеванием, прибегая к экономической экспансии

главным образом в Албании и Черногории. После завершения триполитанской войны и даже в ходе ее итальянский империализм приступил к более активной балканской политике, не отказываясь и от попыток территориальных приобретений (Додеканезские острова).

Соглашаясь с этой периодизацией, следует, однако, сказать, что глобальные империалистические планы были разработаны в Италии еще до войны с Турцией. В 1910 г. в стране была создана буржуазно-националистическая организация «Лега национале», выступившая с программой территориальных захватов. Газета организации «Идея национале» писала: «Великая Италия должна будет охватить Средиземноморье, Адриатическое, Тирренское моря, распространиться на Северную Африку, упрочиться в Малой Азии и по своим размерам напоминать Римскую империю»¹⁰¹.

Агрессивный характер итальянского империализма неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Он писал, что Италия, позже других держав приступившая к территориальным захватам, стремилась наверстать упущенное, приняв участие в переделе мира. Вместе с тем В. И. Ленин отмечал относительную слабость Италии, несоответствие между ее амбициями и реальными возможностями. «У империалистической Италии, — писал Ленин, — текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи»¹⁰².

Ленинские наблюдения позволяют ответить на вопрос о причинах поэтапного проведения Италией империалистической внешней политики на Балканах и в бассейне Средиземного моря.

Хотя итальянский империализм и замахивался на осуществление широких планов экспансии, он до поры до времени не имел для этого достаточных сил. Этим объясняется и попытка Италии сначала осуществить так называемую периферийную агрессию в Ливии, договорившись предварительно с другими великими державами. В 1909 г. в Децио и Ракконидже между Италией и царской Россией было достигнуто соглашение о взаимной поддержке планов этих государств: Италией — русских планов по пересмотру режима проливов, Россией — итальянских планов в Африке. Одновременно Италия взяла на себя обязательства не нарушать статус-кво на Балканах¹⁰³.

В декабре того же года Италия заключила секретное соглашение о Балканах с Австро-Венгрией, а в 1911 г. добилась санкции на колониальный захват Триполи и Киренаики от Англии, Германии и Франции.

Каждое из этих государств, давая «зеленый свет» Италии, преследовало свои цели. Так, Германия хотела удержать Италию в составе Центральной коалиции и в то же время надеялась, что ее военные операции в далекой Африке не приведут к крушению Османской империи. В то же время Берлин, продолжая оказывать дипломатическую и экономическую поддержку Турции, поставлял ее армии пушки, которые использовались Турцией для войны с Италией¹⁰⁴.

Англия и Франция надеялись оторвать Италию от Центральной коалиции. 19 сентября Э. Грей направил А. Никольсону следующую инструкцию: «Крайне важно, чтобы ни мы, ни Франция не выступали теперь против Италии»¹⁰⁵.

Итало-турецкая война вызвала озабоченность Австро-Венгрии, что Италия, нарушив договоренность, распространит военные действия на Балканы. Значительное беспокойство в Вене возбудила и возможная перспектива объединения с Италией балканских государств для совместной борьбы с Турцией¹⁰⁶. «Итальянский вариант» Балканского союза не давал покоя министру иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталю. По его указанию австро-венгерский посол в Риме К. Мерей сделал итальянскому правительству «серьезное предупреждение» против перенесения военных действий на Балканы¹⁰⁷, а воинственный начальник генерального штаба генерал Конрад предложил Эренталю сосредоточить австро-венгерские войска на итальянской границе¹⁰⁸.

Начинающуюся размолвку между Италией и Австро-Венгрией пресек Вильгельм II. 22 октября 1911 г. он направил Эренталю памятную записку, предложив сгладить противоречия, чтобы сохранить союз с Италией¹⁰⁹. По совету кайзера Конрад был отстранен от занимаемого поста, а австро-венгерские войска отозваны от итальянской границы. Италия со своей стороны дала заверение, что она не нарушит статус-кво на Балканах, ограничившись морскими операциями против Турции¹¹⁰. Назревающий конфликт был урегулирован. Однако ненадолго. Уже в ноябре Италия приступила к блокаде турецкого побережья, что привело к фактическому закрытию черноморских проливов и нанесло ущерб России и другим причерноморским государствам.

С этого момента резко осложнилась обстановка на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Австро-Венгрия снова заняла антиитальянскую позицию, а Эренталь сделал в Риме очередной демарш, потребовав отказа Италии от военных действий в Дарданеллах¹¹¹.

Царская Россия, как будет показано ниже, предприняла попытку воспрепятствовать закрытию проливов Турцией и в то же время договориться с Италией о выполнении ею обязательств, взятых в Раконидже (демарш Чарыкова)¹¹². Турция начала зондаж о заключении антиитальянского союза с Англией¹¹³. Англия, отказавшись от этого предложения, тем не менее обострила отношения с Италией. Франция солидаризировалась с Англией, выступив против Италии¹¹⁴.

Операции итальянцев в районе Дарданелл и захват ими в мае Додеканезских островов¹¹⁵ способствовали дальнейшему ухудшению общей ситуации на Балканах, и, хотя итальянское правительство не имело непосредственного отношения к созданию Балканского союза, своими акциями оно ускорило формирование этого блока.

На заключительном этапе итало-турецкой войны все великие державы по разным причинам, анализ которых не входит в нашу задачу, стали настаивать на заключении мирного договора между Италией и Турцией. К этому стремились и оба противника, понесшие значительные потери в войне. 18 октября в Лозанне был, наконец, подписан мирный договор. Но Европа не обрела спокойствия. В тот же день войну против Турции начали Сербия, Болгария и Греция.

- ¹ См.: *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Берлин, 1927, с. 187—188.
- ² Цит. по ст.: *Ерусалимский А. С.* Империалистические группировки и дипломатическая подготовка мировой войны 1914 г.—МХИМП, 1934, № 6, с. 30.
- ³ *Die internationalen Beziehungen im Zeitalter des Imperialismus.* В., 1934, Bd. V, S. 80.
- ⁴ *Hillgruber A.* Deutschlands Rolle in der Vorgeschichte der beiden Weltkriege. Göttingen, 1967, S. 42.
- ⁵ *Вильфиус А.* Вильгельм о себе самом.—Анналы, 1923, т. III, с. 108—113.
- ⁶ См.: *Бондаревский Г. Л.* Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). Ташкент, 1955, с. 33—44.
- ⁷ См.: *Аветян А. С.* Германский империализм на Ближнем Востоке: Колониальная политика германского империализма и миссия Лигмана фон Сандерса. М., 1966, с. 14.
- ⁸ ЦГА СССР, ф. 1470, оп. 2, д. 19, л. 394.
- ⁹ См.: *Кабакчиев Хр.* Империализмът на Балканите. С., 1915, с. 61—80.
- ¹⁰ См.: Статистически годишник на Българското царство, 1911. С., 1914, с. 259; *Милић Д.* Немачки капитал у Србији до 1918.—ИЧ, 1961—1962, књ. XII/XIII, с. 319—342.
- ¹¹ См.: *Бирман М. А.* Дипломатия Германии и Балканский союз, 1912 г.—В кн.: Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971, с. 101—148.

- ¹² Bülow В. Deutsche Politik. В., 1916, S. 66.
- ¹³ OUA, Bd. I, N 62, S. 66—69.
- ¹⁴ Eysck E. Das persönliche Regiment Wilhelms II: Politische Geschichte des deutschen Kaiserreichs, 1890—1914. Zürich, 1948, S. 625—659.
- ¹⁵ OUA, Bd. I, N 35, 39, 36—40; Бюлов В. Воспоминания. М.: Л., 1935, с. 339.
- ¹⁶ См.: Соловьев Ю. Я. Двадцать пять лет моей дипломатической службы (1893—1917). М.; Л., 1928.
- ¹⁷ Jäck E. Kiderlen-Wächter: Der Staatesmann und Mensch. В., 1925, Bd. II, S. 5—11.
- ¹⁸ Цит. по кн.: Людвиг Е. Последний Гогенцоллерн. Л., 1929, с. 232.
- ¹⁹ Jäck E. Kiderlen-Wächter, S. 5—11.
- ²⁰ GP, Bd. 33, N 12058, S. 23—27; N 12079, S. 42.
- ²¹ GP, Bd. 33, N 12079, S. 42.
- ²² GP, Bd. 33, N 12225, S. 42.
- ²³ Кабақчиев Хр. Империализмът на Балканите, с. 58—61.
- ²⁴ OUA, Bd. II, N 1735.
- ²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 16.
- ²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 91.
- ²⁷ Conrad F. Bd. I, S. 59—60.
- ²⁸ См.: Јовановиќ Ј. Сарајевски атентат и планови Фрање Фердинанда.— СКГ, 1914, 1 јули.
- ²⁹ Mitrović A. Ratni ciljevi centralnih sila i jugoslovensko pitanje, 1914—1918 — ЈІС, 1976, N 1/2, S. 99—105.
- ³⁰ Smitt B. The Coming of the War. 1914. N. J., 1966, vol. 1, p. 152—155.
- ³¹ DDF. 2-е série, t. 3, N 45. Отношению военной партии к итальянской проблеме посвящена интересная статья австрийского историка А. Урбански «Конрад фон Гетцендорф и превентивная война с Италией» (Urbansky A. Conrad von Hötendorf und der Präventiv-Krieg gegen Italien.— ВМ, 1930, N 3, S. 248—258).
- ³² Löding D. Deutschlands und Österreich-Ungarns Balkanpolitik von 1912—1914. Hamburg, 1969, S. 281.
- ³³ Kristoffy J. Magyarország Kálvariája: Az összeamlás útja: Politika emlékeim, 1890—1928. Вр., 1928, k. I/II, 413—415 old.
- ³⁴ Sosnosky T. Franz Ferdinand. Der Erzherzog-Tronfolger: Ein Lebensbild. München; Köln, 1929, S. 75—85.
- ³⁵ Margutti A. Vom alten Kaiser. Wien, 1921.
- ³⁶ Redlich J. Kaiser Franz Joseph von Österreich: Ein Biographie. В., 1928.
- ³⁷ См.: Бюлов В. Воспоминания, с. 450—451.
- ³⁸ См.: Пуанкаре Р. Происхождение мировой войны. М., 1924, с. 133—173.
- ³⁹ См.: Черниц О. В дни мировой войны: Воспоминания. Пг., 1923.
- ⁴⁰ Hantsch H. Leopold Graf Berchtold: Grandseigneur und Staatesmann. Graz, 1963, Bd. I, II.
- ⁴¹ Хальгарген Г. Империализм до 1914 г. М., 1961, с. 568—570.
- ⁴² Виноградов К. Б. Основные особенности политики Австро-Венгрии на Балканах в 1909—1913 гг.— В кн.: I конгресс балканских исследований. М., 1966, с. 1—23; Galantai J. Die Österreichisch-Ungarische Monarchie und der Weltkrieg. Вр., 1979, S. 15—22.
- ⁴³ Цит. по кн.: Турок В. М. Очерки истории Австрии, 1918—1929. М., 1955, с. 54.
- ⁴⁴ Slovenski narod, 1913, 5 apr.
- ⁴⁵ Južbašić D. O nekim pitanjama austro-ugarske politike prema urećenju privrednih odnosa u Makedoniji i na Balkanu za vreme krize 1912—1913 godine.— Prilozi instituta za istoriju radničkog pokreta, 1969, N 5, s. 170.

- ⁴⁶ См.: *Тодоровић М.* Оријенталне железнице.— *Економист*, 1913, № 9, с. 23—24.
- ⁴⁷ *Frankoć W.* Die ungarische Regierung und die Entwicklung des Weltkrieges. Wien, 1919.
- ⁴⁸ См.: *Исламов Т. М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. М., 1972, с. 49—22, 45, 60, 91—93, 358.
- ⁴⁹ *Graf S. Tisza.* Briefe, 1914—1918. В., 1928, Bd. I, S. 169—170.
- ⁵⁰ GP, Bd. 33, N 12079, S. 42.
- ⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 4, д. 239, л. 10; АВПР, ф. Канцелярия, 1912, д. 138, л. 15.
- ⁵² См.: *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис 1908—1909. Л., 1964, с. 43—83.
- ⁵³ АВПР, ф. ПА, д. 1349, л. 3.— А. В. Неклюдов — С. Д. Сазонову, София, 1912, 12 января.
- ⁵⁴ МОЭИ. Сер. 2, т. XVIII, ч. 1, с. 93, 454.
- ⁵⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 83.
- ⁵⁶ *Боев Ю. А.* Империалистическая политика Франции на Балканах в 1912—1913 гг. Киев, 1964, с. 6.
- ⁵⁷ См.: *История Румынии, 1848—1917.* М., 1971, с. 356.
- ⁵⁸ См.: *Борбевић Д.* Царински рат Аустро-Угарске и Србије, 1906—1914. Београд, 1962, с. 508—513, 643—646.
- ⁵⁹ См.: *Алексић-Пејковић Љ.* Односи Србије са Француском и Енглеском, 1903—1914. Београд, 1965, с. 225—278, 290—295, 309—331.
- ⁶⁰ АВПР, ф. ПА, д. 1350, л. 4—12.
- ⁶¹ *Новичев А. Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М., 1937, с. 128.
- ⁶² Красный арх., 1923, т. 3, с. 25—26.
- ⁶³ См.: *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962, с. 169—179, 243, 264, 315.
- ⁶⁴ См.: *Пуанкаре Р.* Происхождение..., с. 126.
- ⁶⁵ МОЭИ. Сер. 2, т. XX, ч. 2, № 672.
- ⁶⁶ История дипломатии. М., 1963, т. 2, с. 741.
- ⁶⁷ *Langer W.* Russia, the straitights Question and the Origins of Balkan League, 1908—1912.— *Political Science Quarterly*, 1928, N 9, p. 73; *Roloff G.* Eine französische Vorgeschichte des Weltkrieges.— *BM*, 1932, N 10, S. 958—960.
- ⁶⁸ МОЭИ. Сер. 2, т. XIX, ч. 2, № 392, 708.
- ⁶⁹ DDF. 3e série, t. 2, N 284, 310, 314, 346, 354, 359; *Бирман М. А.* Дипломатия Германии..., с. 106.
- ⁷⁰ См.: *Киктев А. Я.* Из истории образования Балканского союза, 1912.— Киев. ун-т: Тр. ист. фак., 1940, т. 1, с. 32—34.
- ⁷¹ DDF. 3e serie, t. III, N 359, p. 365—367.
- ⁷² См.: *Материалы по истории франко-русских отношений, 1910—1914 гг.* М., 1922, с. 275.
- ⁷³ МОЭИ. Сер. 2, т. XIX, ч. 2, № 699.
- ⁷⁴ МОЭИ. Сер. 2, т. XX, ч. 2, № 672.
- ⁷⁵ МОЭИ. Сер. 2, т. XX, ч. 2, № 672.
- ⁷⁶ *Пуанкаре Р.* Происхождение..., с. 129.
- ⁷⁷ Там же, с. 131.
- ⁷⁸ См.: *Тодорова Ц.* Дипломатическа история на външните заеми на България, 1888—1912. С., 1971, с. 446—459.
- ⁷⁹ *Галкин И. С.* Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав.— *Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук*, 1956, вып. 4, с. 25, 38—39.
- ⁸⁰ DDF. 2e série, t. 3, N 45.
- ⁸¹ См.: *Дамьянов С.* Френски дипломатически документи за финанси-

- вите връзки на България и Франция в края на XIX и началото на XX в. — ИИИ, 1969, т. 18, с. 38.
- ⁸² ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 953, л. 8—9.
- ⁸³ DDF. 3e série, t. 2, N 172, 323, 337; vol. 3, N 360.
- ⁸⁴ См.: *Кабакчиев Хр.* Империализмът на Балканите, с. 79.
- ⁸⁵ *Bakston N.* Euxora and the Turks. L., 1907.
- ⁸⁶ АВПР, ф. ПА, д. 1034, л. 174; BD, vol. IX, pt 1, N 525, 543, 555.
- ⁸⁷ См.: *Галкин И. С.* Образование Балканского союза..., с. 38—39; *Шпилькова В. И.* Младотурецкая революция 1908—1909 гг. М., 1977, с. 141, 239.
- ⁸⁸ BD, vol. IX, pt 1, N 525, 543, 555.
- ⁸⁹ См.: *Куктев А. Я.* Из истории образования Балканского союза, с. 29—39.
- ⁹⁰ См.: *Шаццлло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота. М., 1968.
- ⁹¹ См.: *Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны. М., 1962, с. 123—125.
- ⁹² ЦГА ВМФ СССР, ф. 418, оп. 1, д. 9753, л. 23.
- ⁹³ МОЭИ. Сер. 2, т. XX, ч. 1, № 202.
- ⁹⁴ См.: *Маджаров М.* Дипломатическата подготовка на нашите войни. С., 1932, с. 56.
- ⁹⁵ МОЭИ. Сер. 2, т. XX, ч. 2, № 1034.
- ⁹⁶ ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 170, л. 16.
- ⁹⁷ АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 194, л. 420.
- ⁹⁸ *Trevelyan G.* Grey of fallondon: Being the Life of Sir Edward Grey. L., 1938, p. 232.
- ⁹⁹ Цит. по кн.: *Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения..., с. 146.
- ¹⁰⁰ См.: *Кирова К. Э.* Итальянская экспансия в Восточном Средиземноморье. М., 1973, с. 119 и след.; *Яхимович З. П.* Италия в 1900—1914 гг. — В кн.: История Италии. М., 1970, т. 2, с. 382.
- ¹⁰¹ Цит. по кн.: *Авербух Р. А.* Италия в первой и второй мировой войнах. М.; Л., 1946, с. 143.
- ¹⁰² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 15.
- ¹⁰³ См.: *Яхимович З. П.* Основные проблемы внешней политики Италии, 1908—1914 гг. — В кн.: Историческая наука на Урале за 50 лет. Свердловск, 1968, т. II, с. 120.
- ¹⁰⁴ См.: *Силин А. С.* Борьба германских оружейных монополий за турецкий рынок накануне первой мировой войны. — В кн.: Колониализм вчера и сегодня. М., 1964, с. 103—131.
- ¹⁰⁵ BD, vol. IX, pt 1, N 225, p. 269.
- ¹⁰⁶ См.: *Киселева В. И.* Дипломатическая подготовка Уши-Лозаннского мира 1912 г. — Тр. МГПИ, 1958, т. 12, с. 53.
- ¹⁰⁷ *Slaar M.* Die römische Mission des österreichisch-ungarischen Botschafters von Merey (1910—1914). — BM, 1932, N 3, S. 249—252.
- ¹⁰⁸ OUA, Bd. III, N 2644, S. 346—348.
- ¹⁰⁹ GP, Bd. 33, N 1, S. 357—362; OUA, Bd. VII, N 2809.
- ¹¹⁰ См.: *Яхимович З. П.* Итало-турецкая война..., с. 91, 113—122, 137—143.
- ¹¹¹ OUA, Bd. III, N 2888, S. 523—524.
- ¹¹² *Яхимович З. П.* Русско-итальянские отношения в 1909—1912 гг. — Учен. зап. МГПИ, 1970, № 343, с. 166—203.
- ¹¹³ BD, vol. IX, pt 1, Appendix III, p. 779—780.
- ¹¹⁴ МОЭИ. Сер. 2, т. XIX, ч. 1, с. 255—256.
- ¹¹⁵ МОЭИ. Сер. 2, т. XIX, ч. 2, с. 483—484.

Глава вторая
СОЗДАНИЕ БАЛКАНСКОГО СОЮЗА
И РОССИЯ.
ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ
— ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

◆

Идея объединения балканских государств под эгидой России впервые нашла отражение в особой записке статс-секретаря А. М. Безобразова царю, написанной в 1902 г. Ее составитель пытался направить главное внимание правительства на Дальний Восток и в связи с этим поставил вопрос об обеспечении «тыла» Российской империи на Балканах. Дружественный для России союз балканских стран, в состав которого вошла бы и Турция, утверждал Безобразов, позволял Петербургу решить вопрос об использовании проливов мирным путем. «Проливы фактически для нас уже открыты, так как мы сильнее Турции. Нам остается только урегулировать положение на почве солидарности интересов», — говорилось в документе¹.

За выполнение той же задачи выступили в 1906—1908 гг. новый министр иностранных дел А. П. Извольский, сменивший В. Н. Ламсдорфа, и новый председатель совета министров П. А. Столыпин, занявший этот пост в 1906 г. после отставки С. Ю. Витте. Однако они считали, что Балканы и Ближний Восток должны сыграть не второстепенную, а одну из главных ролей в определении основного направления внешней политики России. Сторонник старой доктрины об «охранительно-пассивном» курсе России на Балканах князь А. Б. Лобанов-Ростовский говорил: «Нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами»².

А. П. Извольский выдвинул новую идею пересмотра Лондонской морской конвенции о проливах 1871 г. и создания благоприятного для России и других причерноморских государств режима их использования³. Царское правительство брало курс на осуществление на Балканах и Ближнем Востоке активной и даже наступательной политики, чтобы создать под руководством России блок балканских государств, а если удастся, то и Всебалканский союз с привлечением в его состав Турции и Румынии.

К тому времени наметился общий поворот во внешней

политике Российской империи. Поражение царизма в войне с Японией и потеря им позиций на Дальнем Востоке делали бесперспективным осуществление дальневосточной программы С. Ю. Витте—А. М. Безобразова. «Россия потеряла Маньчжурию с Порт-Артуром и, следовательно, выход к морю на Востоке,—заявил А. П. Извольский министру иностранных дел Австро-Венгрии барону А. Эрентау во время свидания в Бухлау в сентябре 1908 г.—Отныне основой для расширения военного и морского могущества России является Черное море. Отсюда Россия должна получить выход в Средиземное море»⁴.

Балканы и Ближний Восток казались многим в России выгодным регионом для «освоения»⁵. Однако для осуществления этих целей надо было вести борьбу с Германией, ставшей наряду с Австро-Венгрией главным соперником России на Балканах и Ближнем Востоке. «Германия,—писала газета «Новое время» 18 марта 1909 г.,—стремится продвинуться на Балканском полуострове до Эгейского моря и далее в Малую Азию и Персию. России остается или подчиниться этому движению, или противодействовать ему. В первом случае она будет окружена Германией с запада и юга. Во втором ей остается укрепить и расширить свои соглашения с Англией и Францией»⁶. Царское правительство избрало второй путь. В 1907 г. им было подписано соглашение с Англией о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке и в Персии⁷.

Тем не менее и после 1907 г. борьба в правящих кругах России вокруг ориентации ее внешней политики не прекратилась. Царизм, присоединившись к Антанте, продолжал лавировать между двумя блоками, стремясь проводить политику «равновесия». Германия со своей стороны не оставила попыток расколоть Тройственное согласие и привлечь Россию к центральным державам либо обеспечить ее нейтралитет в будущей войне с Англией. Франция и Англия, в свою очередь, пытались удержать царскую Россию в своем союзе, опутав ее финансовыми займами⁸. В то же время между ними и Россией сохранились значительные противоречия. Все это накладывало отпечаток на балканскую политику Петербурга.

Перед царской дипломатией на Балканах и Ближнем Востоке стояли три главные задачи: обеспечить интересы Российской империи в районе черноморских проливов, укрепить политические позиции России в этом регионе и создать условия для внедрения отечественного капитала на балканском и ближневосточном рынках.

В работах советских историков И. И. Астафьева, И. В. Бестужева, В. И. Бовыкина и К. Б. Виноградова⁹ подробно проанализирована балканская политика А. П. Извольского, что позволяет в данной книге ограничиться общими выводами.

1. Основные направления балкано-ближневосточной политики России этого периода были выработаны на Особом совещании, созванном 21 января 1908 г., и на заседании Совета государственной обороны, состоявшемся 26 января того же года. Оба высших форума Российской империи высказались за расширение дипломатических контактов России с балканскими государствами и Турцией, отклонив предложение А. П. Извольского о разделе Балкан с Австро-Венгрией на сферы влияния¹⁰.

П. А. Столыпин, ссылаясь на неподготовленность России к войне, неблагоприятность международной ситуации и угрозу нового революционного подъема в России, назвал план Извольского опасным, предупредив, что политические осложнения между Россией и Турцией могут привести к военной конфронтации между ними. «Иная политика, кроме строго оборонительной, — предостерегал П. А. Столыпин, — была бы в настоящее время бредом ненормального правительства, и она повела бы за собой опасность для династии». Развивая эту мысль, Столыпин указал на взрывоопасную ситуацию в России, чреватую угрозой революции. «Новая мобилизация в России, — отмечал он, — придавала бы силы революции, из которой мы только начали выходить. В такую минуту нельзя решаться на авантюры»¹¹. Председатель совета министров указал на необходимость создания сначала сильного военного потенциала, который позволил бы царской России диктовать свои условия Турции. России, заявил Столыпин, нужна «передышка, после которой она укрепитя и снова займет принадлежащий ей ранг великой державы»¹².

2. Особое совещание вынесло рекомендацию ограничиться в турецкой политике деятельностью дипломатии. К этому же выводу пришел Совет государственной обороны. В его рекомендации подчеркивалась необходимость «избегать таких действий, которые могут вызвать политические осложнения»¹³.

Вопреки упомянутым рекомендациям А. П. Извольский по собственной инициативе предпринял попытку решить вопрос о пересмотре статуса проливов при помощи двусторонних переговоров с Австро-Венгрией за спиной Турции. Министр рассчитывал договориться с бароном А. Эренталем

о разделе Балкан на сферы влияния, при котором проливы попали бы в русскую сферу, пообещав в обмен санкционировать аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины.

3. Царское правительство дезавуировало итоги переговоров в Бухлау¹⁴. 19 сентября 1908 г. Особое совещание под председательством царя выразило свое несогласие с линией Извольского, а 25 октября, когда министр, вернувшись из поездки по столицам Европы, сделал доклад о переговорах с Эренталем, правительство России официально информировало Австро-Венгрию об отказе санкционировать аннексию Боснии и Герцеговины¹⁵.

4. А. П. Извольский на переговорах в Бухлау не ограничился обсуждением проблемы проливов. Он пытался решить более общий вопрос о частичном пересмотре в пользу балканских государств Берлинского трактата 1878 г. Выдвинув требование о «компенсациях» Сербии и Черногории, на которое должна была пойти Австро-Венгрия в обмен на аннексию Боснии и Герцеговины, министр сформулировал следующие предложения: а) монархия Габсбургов отказывается от обладания Новопазарским Санджаком, выводя с его территории свои войска; б) Австро-Венгрия дает согласие на ревизию обременительной для Черногории ст. 29 Берлинского трактата; в) для балканских государств устанавливается благоприятный режим судоходства по Дунаю и Адриатическому морю; г) Австро-Венгрия осуществляет частичный пересмотр государственной границы на территории Боснии в пользу Сербии и Черногории. Эта часть программы Извольского была существенно дополнена предложениями П. А. Столыпина, касающимися Турции и Болгарии. 21 октября 1908 г. во всеподданнейшей записке царю Столыпин сформулировал также новые пункты: отмена режима капитуляций в Турции, урегулирование с Османской империей вопроса о ее финансовой задолженности России и признание независимости Болгарии как королевства.

Программа П. А. Столыпина имела двойную цель: улучшить отношения России с Турцией и предотвратить конфликт последней с Болгарией. Как свидетельствует болгарский историк Цв. Тодорова, турецко-болгарские отношения в тот период были напряженными¹⁶. Болгария, объявив себя 8 октября 1908 г. независимым королевством, отказалась уплачивать Турции компенсации за пролежавшую по ее территории Восточнорумелийскую железную дорогу. Турция угрожала Болгарии войной, сосредоточив на ее границах войска. Военный конфликт между этими государствами был выгоден Австро-Венгрии, аннексировавшей бывшие

турецкие провинции, но крайне невыгоден России, стремившейся сблизить балканские государства и Турцию.

С целью их примирения царским правительством была проведена трехсторонняя финансовая операция. 6 апреля 1909 г. Петербургом были подписаны финансовые соглашения с Болгарией и Турцией. Болгаро-русское и русско-турецкое соглашения значительно облегчили финансовое положение Болгарии и Турции. Россия отказывалась от получения 500 млн. фр., уплачиваемых Портой как контрибуция после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., Турция, в свою очередь, отказывалась от получения с Болгарии компенсации за Восточнорумелийскую железную дорогу, перечислив задолженность Болгарии в размере 125 млн. фр. на счет России. Последняя сокращала размер платежей Болгарией до 22 млн. фр. и устанавливала льготные условия уплаты с рассрочкой на 75 лет¹⁷.

Русско-болгарское и русско-турецкое финансовые соглашения имели большое экономическое и политическое значение для всех трех государств: России, Болгарии и Турции. Они укрепили позиции России на Балканах и Ближнем Востоке и способствовали урегулированию конфликта Болгарии с Турцией¹⁸. Россия официально признала болгарское королевство, подав пример остальным великим державам. Вслед за ней Болгарию признали Англия, Германия, Австро-Венгрия и Италия. Упрочение суверенитета Болгарии открывало для России возможность использовать ее как основную силу будущего Балканского союза; трехстороннее финансовое соглашение создавало перспективы для проникновения русского капитала на балканский и турецкий рынки.

Экономическая политика России на Балканах и Ближнем Востоке

Россия заметно уступала западным державам в торговле с балканскими странами. Орган английских деловых кругов газета «Ньюс кроникл» писала 29 января 1911 г.: «Россия бессильна соревноваться со своими соперниками в промышленном и торговом отношении. В любой отрасли промышленности, в любой отрасли торговли Россия вытесняется Германией, Великобританией, Австрией, Францией и Японией. Ее конкурентные возможности крайне незначительны...»¹⁹.

В начале XX в. Россия по экспорту своих товаров в Турцию и Болгарию находилась на 7—8-м месте, отставая от западноевропейских стран²⁰, а в Сербию и Румынию —

на 5—6-м²¹. По экспорту в Грецию Россия занимала 2-е место (после Англии), но и здесь общий объем торговли между обоими государствами был сравнительно невелик²².

Внешнеторговые операции России с балканскими государствами и Турцией осуществлялись на основе устаревших договоров, без учета изменившихся интересов партнеров и конъюнктуры рынка. Так, торговый договор России с Болгарией был подписан в 90-е годы XIX в. и возобновлен в 1905 г., но без существенных изменений. Новый договор не учитывал в должной мере потребности болгарского рынка и возросшие возможности русской промышленности. Аналогичная картина наблюдалась и в отношениях России с другими балканскими государствами. Основными видами русского экспорта на Балканы была продукция сельского хозяйства, т. е. те товары, которые производились в самих балканских странах. Последние также вывозили в Россию предметы земледелия и животноводства, в чем не был заинтересован российский рынок. Сербия, например, экспортировала в Россию преимущественно чернослив, Болгария — табак, Греция — маслины и оливковое масло, Турция — ковры, изделия из шерсти, фрукты. Импорт в Россию товаров из этих стран был минимальным и не превышал 1—3% общего ввоза²³.

В конце XIX — начале XX-в. из России на Балканы и в Малую Азию в ограниченных масштабах стали вывозиться нефть, резиновые изделия, текстиль, частично предметы металлообрабатывающей промышленности. Однако они встречали сильную конкуренцию со стороны западных держав. С российской нефтью успешно конкурировала Румыния, также стремившаяся захватить балканский рынок.

На состояние торговли России с балканскими странами отрицательным образом сказывалась дороговизна для партнеров транспортных средств. Главный поток товаров, вывозившихся в обоих направлениях (70—80% от их общего количества), шел по Дунаю. Россия имела два пароходства, обслуживавших эту линию: Общество черноморско-дунайского пароходства и Общество российско-дунайского пароходства. Первое принадлежало торговому дому «Князь Юрий Гагарин и К^о» и было маломощным. За 10 лет своего существования оно перевезло всего 550 тыс. пудов грузов²⁴.

В плачевном состоянии находилось и Общество российско-дунайского пароходства. Оно имело всего 12 пароходов и 30 барж, в то время как австрийские и венгерские компании на Дунае располагали 180 пароходами и 900 бар-

жами. Русские речные транспортные средства были устаревшей конструкции, типа товарно-пассажирских, тихоходными. Уполномоченный министерства торговли и промышленности инженер Е. П. Табурно писал в отчете за 1911 г., что это общество «умаляет престиж России»²⁵.

Транспортировка русских товаров обходилась дороже на 1—2 фр. с каждой тонны груза, чем перевоз тех же товаров австрийскими, венгерскими и румынскими пароходами, и балканские государства предпочитали иметь дело с ними, а не с российскими пароходствами.

Сходная картина наблюдалась и в морском транспорте России, где слабость отечественных перевозочных средств заставляла российские компании фрахтовать греческие суда, что удорожало стоимость товаров. Особенно невыгодной была транспортировка грузов в лишенную удобных морских гаваней Черногорию, куда русские товары доставлялись кружным путем, сначала в Салоники, потом по суше через труднопроходимые горы Сербии и Черногории.

В 1902 г. было установлено прямое железнодорожное сообщение России с Сербией, но перевоз товаров по железным дорогам обходился с дефицитом для обеих стран. Русские и сербские товары, перевозившиеся через территории третьих государств, облагались пошлинами, в то время как австро-венгерские или румынские грузы, отправлявшиеся по железным дорогам дунайской мопархии и Румынии, провозились без дополнительной оплаты²⁶.

Царское правительство вплоть до 1908—1909 гг. обращало недостаточное внимание на развитие экономических и торговых связей с Балканами, а подавляющее большинство предпринимателей и торговцев в России считали нерентабельным помещению капиталов в торговлю с Турцией и балканскими государствами. В начале века предпочтение в торговле ими отдавалось Германии и другим странам Центральной Европы, а также Персии, Китаю и Японии.

Так, когда поверенный в делах в Цетинье С. А. Лермонтов сообщил правительству о готовности Черногории предоставить России ряд концессий на строительство железной дороги от Антивари до Никшича, а также на оборудование морского порта в Антивари и на разработку минеральных ископаемых, глава правительства С. Ю. Витте отклонил эти предложения. В резолюции, наложенной им на рекомендацию министра иностранных дел графа В. Н. Ламсдорфа 18 января 1901 г., говорилось: «Я нахожу, что у нас не найдется серьезных предпринимателей для этих дел. У нас у самих есть много неразработанных богатств»²⁷.

Пассивной экономической политикой России на Балканах и в Турции пользовались ее конкуренты — западные державы. В 1903 г. после отказа России приобрести концессию в Черногории Италия заключила с Черногорией договор о создании на ее территории табачной монополии сроком на 15 лет. Итальянская компания приняла участие в строительстве табачной фабрики в Подгорице, складов и магазинов в других городах и в конце концов прибрала к своим рукам всю торговлю табаком в стране. Другие итальянские акционерные общества приняли участие в строительстве гавани и железнодорожной станции в Антивари, получили концессию на создание паровой линии на р. Бояне и Скутарийском (Скадарском) озере²⁸.

В 1904 г. по инициативе министерства торговли Австрии в Вене было создано Общество поощрения торговли с Востоком. Широкий размах на Балканах привяло посредничество австрийских и венгерских «странствующих приказчиков» (коммивояжеров), которые предоставляли местным торгующим компаниям и частным торговцам долго- и краткосрочный кредит и давали бесплатные консультации при оформлении коммерческих операций.

В Турции на рынке хозяйничали Франция, Германия и Англия, в Греции — Англия, в Румынии — Англия, Германия, Австро-Венгрия и Бельгия, в Сербии — Франция.

Комиссия министерства торговли и промышленности, обследовавшая в 1911—1912 гг. балканский и ближневосточный рынки, весьма образно описала в своем отчете отставание России в их освоении: «Турция и Балканы — это золотой колодезь, из которого Западная Европа черпает большими ведрами, а мы сидим около в раздумье: плюнуть или подождать»²⁹.

Однако уже в конце первого десятилетия XX столетия в настроениях российских коммерсантов наметился перелом. Бурное развитие капитализма в южных районах России стимулировало расширение торговли Российской империи с балканскими странами и Турцией.

Российская буржуазия все решительнее обращалась к царскому правительству с требованиями об активизации экономической политики в этом регионе. В апреле 1907 г. это требование было выдвинуто съездом владельцев мукомольных предприятий, состоявшимся в Одессе³⁰, через год — Русским акционерным комиссионным обществом министерства торговли и промышленности в Петербурге³¹, в феврале 1909 г. — 34-м съездом горнопромышленников юга России, созванном в Одессе³², в октябре того же года — съез-

дом заводчиков и торговцев Центральной России в Москве, в октябре 1911 г.— чрезвычайным съездом южнороссийских биржевых концернов в Одессе и многими другими собраниями представителей монополистического капитала.

Лейтмотивом этих резолюций было положение о создании благоприятных условий для экономической экспансии России на Балканы и Ближний Восток. «Экономическое сближение,— говорилось, например, в резолюции съезда Славянской торговой палаты, состоявшегося в марте 1909 г. в Одессе,— является базисом для политического сближения»³³. Съезд представителей русской промышленности и торговли, заседавший в мае 1910 г. в Москве, резко критиковал правительство за бездействие. Наше правительство, отмечалось в резолюции, занималось «одной политикой ради политики», тогда как «главной задачей должна стать экономическая экспансия. Политика — это средство, экономика — цель»³⁴. За эту резолюцию голосовали П. П. Рябушинский, Ю. П. Гужон, Э. Л. Нобель, Д. П. Коновалов, Н. С. Авдаков, А. В. Коншин и другие короли бизнеса.

К идентичному выводу пришло Общество заводчиков и фабрикантов Петербурга на своем заседании 7 апреля 1912 г. «Экспорт и политика,— говорилось в его решении,— синонимы, поэтому для нас экспорт на Ближнем Востоке есть вопрос общегосударственный. Значение его тем серьезнее, что Ближний Восток еще надолго останется для нас едипственным рынком, на котором мы в состоянии сбывать нашу продукцию»³⁵.

Царское правительство, прислушиваясь к этим требованиям, предприняло ряд мер для расширения торговых и экономических связей с Турцией и балканскими государствами. 15 февраля 1907 г. между Россией и Сербией был подписан новый торговый договор на основе принципа наибольшего благоприятствования³⁶. В марте 1908 г. министр торговли и промышленности И. П. Шипов поддержал ходатайство общества судостроителей, механических и литейных заводов г. Николаева об участии в международных торгах в Сербии и Болгарии по поставкам в эти страны речных судов всех типов, землечерпалок и в строительстве мостов через Дунай и другие реки³⁷. По распоряжению министерства в Болгарию и Сербию были направлены особуполномоченные представители этого общества³⁸.

В декабре того же года начались переговоры России с Черногорией о подписании торговой конвенции. А. П. Извольский в письме И. П. Шипову от 10 декабря 1908 г. писал, что для заключения торгового договора наступил

благоприятный момент в связи с обострением черногорско-австрийских отношений: «Мы могли бы выгодно воспользоваться создавшимся положением вещей для ввоза в Черногорию по минимальному тарифу сахара, керосина, красных сукон, муки и свечей»³⁹. И. П. Шипов выразил свое согласие с доводами А. П. Извольского, пообещав со следующего года расширить торговые связи между Россией и Черногорией⁴⁰. В январе 1909 г. министерством торговли и промышленности была направлена группа экспертов во главе с кандидатом технических наук Рижского политехнического института О. П. Розеном для обследования местного рынка⁴¹. В декабре 1909 г. впервые за историю русско-черногорских отношений между двумя государствами был подписан торговый договор⁴².

Царское правительство использовало обострение отношений балканских государств и Турции с Австро-Венгрией в связи с аннексией Боснии и Герцеговины для расширения своих экономических связей. В декларации организационного бюро временного совета Славянской торговой палаты (апрель 1909 г.) по этому поводу говорилось: «Последние политические события на Балканах — революция в Турции, аннексия Боснии и Герцеговины, бойкот австрийских товаров Сербией — все это дало еще более сильный толчок стремлению тех кругов, у которых уже назрела мысль о необходимости расширения торгово-экономических отношений России со славянами и Ближним Востоком»⁴³.

Организационное бюро приняло решение об учреждении Славянского банка для финансирования торговли с балканскими странами. В 1910 г. значительно расширились торговые и экономические связи России с Сербией и Турцией. В Белграде и Салониках по инициативе российских посольств были организованы выставки русских товаров кустарного производства, имевшие большой успех⁴⁴⁻⁴⁵. В Константинополе и Измире при консульствах России были созданы постоянные торговые палаты, в компетенцию которых входило оказание содействия расширению торговли между обеими странами.

В Центральном государственном историческом архиве СССР хранятся интересные материалы о попытках царского правительства укрепить экономические позиции России в Болгарии. В апреле 1909 г. по инициативе Всероссийского славянского съезда были предприняты шаги по созданию русско-болгарского банка. На следующий год министерство иностранных дел обратилось к новому министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву с предложением ока-

зять материальную поддержку болгарскому пароходству, чтобы последнее не попало в руки Австрии (Австрийского ллойда)⁴⁶. 16 января 1910 г. правительство приняло соответствующее решение.

В мае 1911 г. в Одессе с одобрения царского правительства Обществом российско-дунайского пароходства было проведено совещание представителей болгарской и российской торговых палат и были разработаны мероприятия по улучшению русско-болгарской торговли. П. А. Столыпин в телеграмме председателю совещания А. К. Тимроту писал: «Правительство будет поддерживать все ваши начинания»⁴⁷.

В апреле — ноябре 1911 г. в Петербурге было созвано Особое совещание для обсуждения вопроса о мерах расширения торговли России на Балканах. Было решено: 1) повысить железнодорожные тарифы и пароходные фрахты на ряд товаров; 2) улучшить условия морских перевозок; 3) установить прямое железнодорожное сообщение с Турцией; 4) упростить таможенные формальности и расширить таможенные льготы; 5) направить на Балканы и в Малую Азию экспедицию для обследования местных рынков и установления с ними связей. В состав экспедиции были включены представители нефтяной, горной, мукомольной, сахарной и лесной промышленности, а также представители двух крупнейших банков: Русского для внешней торговли банка и Азиатско-Донского банка.

Новый председатель совета министров В. Н. Коковцов в письме товарищу министра торговли и промышленности Д. П. Коновалову 20 сентября 1911 г. обратил особое внимание на необходимость использовать итало-турецкую войну для расширения торговли России с Турцией.

В феврале 1912 г. было создано юго-западное отделение Российской экспортной палаты, обратившее внимание на расширение экономических связей России с Балканами и Турцией. «На Восток, — заявил в своей речи председатель палаты М. В. Довнар-Запольский, — мы можем прийти не только со своими бумажными тканями, мы можем привезти не только суконные изделия и т. п., но туда пойдут наши машины, особенно сельскохозяйственные ... туда пойдет нефть, железо, уголь. Мы должны развивать, культивировать Восток, не допуская на нем иностранных конкурентов»⁴⁸.

Накануне балканских войн в России, как грибы после дождя, стали возникать организации содействия расширению экономических связей с Ближним Востоком и балканскими странами. Самыми крупными среди них были: Сла-

вянская торговая палата в Киеве и Одессе⁴⁹, Хлебная контора «Экспорт и импорт» в Петербурге, Русское экспортное товарищество в Москве (оно объединяло в своем составе 35 крупных промышленных и торговых компаний и банков)⁵⁰, Южнороссийский биржевой концерн в Одессе⁵¹, русское торговое общество «Восток» (объединение промышленников и хлеботорговцев Херсонской, Бессарабской, Таврической и Подольской губерний⁵²) и десятки других организаций.

Многие монополисты стали проявлять инициативу по проникновению на балканский и ближневосточный рынки. Так, фирма нефтяных магнатов братьев Нобель оборудовала в болгарских городах Систово, Варна и Бургас резервуары нефти⁵³, в Сербии четыре московских монополии, в том числе торгово-промышленный дом Саввы Морозова, создали свои постоянные представительства⁵⁴, в Турции свои филиалы открыли Русский для внешней торговли банк и Русско-Азиатский банк, а председатель этого банка заводчик А. И. Путилов вступил в переговоры с «Банком националь де турки» об участии в его операциях⁵⁵.

Вслед за ними на Балканы и Ближний Восток потянулись компания «Треугольник», начавшая сбывать свою резиновую продукцию, акционерное общество банкиров братьев Маврокордато, пытавшееся приобрести концессию на угольные шахты в Гераклийском угольном районе Турции, владелец Коммерческого банка в Тифлисе армянский миллионер А. И. Манташев и десятки других монополистов⁵⁶.

Растущие потребности русского капитала в освоении ближневосточного и балканского рынков опережали действия правительства. «Мы все еще изучаем балканские рынки, а пора их осваивать», — писала 23 июня 1912 г. газета промышленников и хлеботорговцев юга России «Одесский листок»⁵⁷. Газета выступала за более действенную борьбу с Австро-Венгрией, Германией и Румынией, захватившими местные рынки на Балканах. Она предлагала создать «славянский торговый флот» на Дунае, объединив в его составе российское, болгарское и сербское пароходства, реконструировать в устье Дуная морской и речной порты и подписать с балканскими государствами новые торговые договоры, учитывающие интересы как России, так и балканских стран.

Не ограничиваясь экономическими требованиями, многие монополисты и оптовые торговцы хлебом ставили вопрос о захвате Россией черноморских проливов силой. «Интересы

русской экономической торговли так велики, что могут служить достаточным основанием для казуса белли», — говорилось в обращении правления петербургской Хлебной конторы «Экспорт и импорт» от 24 октября 1911 г. Аналогичные резолюции приняла чрезвычайный съезд представителей торгового и промышленного капитала в Петербурге (3 ноября 1911 г.), Организация местных экспортеров хлеба, Биржевой комитет Ростова-на-Дону, Совет съездов представителей промышленности и торговли юга России в Одессе, Одесский биржевой комитет, Таганрогский биржевой комитет (1912 г.), а также десятки других организаций русского купечества и предпринимателей⁵⁸.

Перед царским правительством была выдвинута задача обеспечения интересов отечественного капитала на Балканах и Ближнем Востоке. Одним из путей ее решения было создание Балканского союза с включением в его состав Турции. В случае осуществления этого плана Россия обеспечивала свое влияние на Балканах и, не вступая в конфронтацию с Турцией, разрешала в свою пользу проблему проливов. Как же выполнялась эта программа? Какую роль в создании Балканского союза сыграла русская дипломатия?

Деятельность российской дипломатии по созданию Балканского союза

В исторической литературе написано немало работ, посвященных этим вопросам⁵⁹, но до сих пор не раскрыты в полной мере стратегия и тактика царской дипломатии. Большинство буржуазных исследователей, как уже отмечалось во введении, ошибочно считали, что Россия стремилась создать на Балканах военно-политический блок в первую очередь для захвата черноморских проливов и во вторую — для войны с Австро-Венгрией. При этом более всего искажалась деятельность министра иностранных дел С. Д. Сазонова и российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига, которые считались сторонниками развязывания войны на Балканском полуострове, а Балканский союз рассматривался как слепое орудие в руках Петербурга.

Фальсификация истории внешней политики России на Балканах началась германской и австро-венгерской историографией еще во время первой мировой войны. Так, в венгерском офицозе газете «Пештер ллойд» от 3 декабря 1915 г. была напечатана статья «Тридцать лет тайной дипломатии России на Балканах», где доказывалось, что будто бы С. Д. Сазонов и Н. Г. Гартвиг, которых газета называла

«злыми гениями», подталкивали Сербию к войне с Австро-Венгрией⁶⁰. 29 июля 1916 г. в органе австро-венгерских оккупационных властей в Белграде газете «Београдске новине» появилось сообщение, что в одном из монастырей Сербии была найдена рукопись российского посланника, раскрывающая цели России на Балканах. Н. Г. Гартвиг, утверждала газета, выполняя указания министра, пытался использовать Балканский союз для нападения на Австро-Венгрию⁶¹.

В конце первой мировой войны и после нее в немецкой литературе появилась версия о связях Н. Г. Гартвига с французской масонской ложей «Великий Восток», которая будто бы подготовила убийство австрийского престолонаследника Франца Фердинанда. Сначала ее высказал в книге «Процесс против террористов в Сараёве» А. Пунтигам (псевдоним — профессор Фарос)⁶², а в 1938 г. ту же легенду повторил центральный орган нацистской партии Германии газета «Фелькишер беобахтер»⁶³. В годы гитлеровской оккупации Югославии на эту тему писали усташская газета «Хрватски народ»⁶⁴ и коллаборационист М. Банич в брошюре «Масоны в Югославии»⁶⁵.

В 30-е годы бывший советник сербского посольства в Берлине М. Богичевич, перешедший в 1915 г. на службу Германии, бездоказательно утверждал, что Н. Г. Гартвиг и военный агент атташе России в Белграде В. А. Артамонов имели связи с конспиративной организацией Сербии «Объединение или смерть» («Черная рука») и что последняя якобы также приняла участие в сараевском заговоре⁶⁶.

Недостоверность всех этих версий была доказана в исторической литературе. Однако в книге бывшего пресс-атташе Австрии в Бонне Фр. Вюртле «Следы ведут в Белград. Закулисная сторона драмы в Сараеве»⁶⁷, снова повторились эти измышления.

Как же обстояло дело в действительности? Обратимся к документам.

Прежде всего следует сказать, что в формировании балканской политики России принимали участие не только С. Д. Сазонов и Н. Г. Гартвиг, но и многие дипломаты, аккредитованные в балканских странах. Кроме того, министерство консультировалось с целым рядом других ведомств, участвовавших в разработке внешнеполитического курса России.

В Архиве внешней политики России хранятся десятки различных проектов, испещренных пометами министра. С. Д. Сазонов оставил колоссальное документальное наслед-

ство, которое превышает архивы всех его предшественников.

Россия в 1911—1912 гг. еще не восстановила свои силы, подорванные в дальневосточной войне. «Чем дольше будет сохранен мир, тем для нас выгоднее», — писал в 1912 г. начальник российского Морского генерального штаба А. И. Русин морскому министру И. К. Григоровичу, предлагая сначала возродить военно-морскую мощь империи, а уже затем разрабатывать планы военных операций по захвату проливов⁶⁸.

Царское правительство опасалось также преждевременного выступления против Австро-Венгрии, за которой стояла Германия. С. Д. Сазонов и Н. Г. Гартвиг сдерживали, а не поощряли экстремистские планы сербской военщины и шовинистических кругов буржуазии других балканских стран. Российский посланник в Белграде не только осуждал заговорщическую деятельность тайного союза «Черная рука», но и настаивал на его запрещении⁶⁹. Ту же позицию занимал и В. А. Артамонов. В своем рапорте в Главное управление Генерального штаба России 9 ноября 1911 г. он писал: «Было бы весьма прискорбно, если бы некоторые офицеры приняли участие в этой хотя и патриотической, но тайной организации»⁷⁰.

Тщательное изучение документов опровергает версию о принадлежности Н. Г. Гартвига к французской масонской ложе «Великий Восток». Посланник расхвалился с масонами в идейном отношении и считал невыгодным для России обострять конфликты с монархией Габсбургов.

В исторической литературе слабо освещена деятельность С. Д. Сазонова и Н. Г. Гартвига на Балканах. Остановимся на этом вопросе подробнее.

Сергей Дмитриевич Сазонов (1861—1927) был профессиональным дипломатом. В министерстве иностранных дел он прошел все ступени служебной карьеры от переписчика в канцелярии до товарища министра и министра. Сазонов свободно говорил почти на всех европейских языках и обладал широкой эрудицией. Министр придерживался консервативных взглядов, верой и правдой служил династии, но нередко расходился с царем по тактическим вопросам.

Николай II обладал неустойчивым характером и часто менял свои решения, что раздражало Сазонова. «Император... прискорбно слаб», — констатировал английский посол в Петербурге Дж. Бьюкенен⁷¹. Еще хуже обстояло дело с капризной царицей, оказывавшей влияние на своего супруга. Вначале она восхищалась Сазоновым, когда казалось, что министр будет проводить курс на сближение с Герма-

нией. В декабре 1911 г. после свидания царя с Вильгельмом II в Потсдаме она написала Николаю II: «Что за прелесть, этот Сазонов. Бог дал тебе настоящего министра...». Но стоило руководителю внешнеполитического ведомства разойтись с Распутиным, как императрица потребовала его отставки. «Вероятно, придется сменить длинноносого Сазонова, если он постоянно будет совать свой нос не в свое дело». Царица свалила всю вину на Сазонова за переход Болгарии на сторону Центральной коалиции. В письме царю 20 сентября 1915 г. она назвала министра «мокрой курицей», настаивая на его увольнении и чистке министерства. «Мое мнение: наших дипломатов следовало бы повесить», — с раздражением писала царица⁷².

В 1916 г. Сазонов окончательно «потерял кредит» у царя и царицы. Оставаясь убежденным монархистом⁷³, он отрицательно относился к «распутинщине», опасаясь, что кризис верхов может привести Россию к революции. В январе 1916 г. на обеде у великой княгини Марии Павловны (старшей) Сазонов неосторожно назвал царицу «истеричкой», а Николая II «слепым человеком, который не знает, куда идет Россия». Мария Павловна сообщила эту пикантную повесть французскому послу М. Палеологу, последний распространил ее дальше⁷⁴. Вскоре С. Д. Сазонов был уволен в отставку и заменен более послушным Б. В. Штюрмером.

Помимо царя и царицы и их окружения, руководителю внешнеполитического ведомства приходилось считаться с Государственной думой, где взаимодействовали самые различные политические течения, учитывать настроения переменчивой буржуазной прессы, иметь дело с монархистами и кадетами, октябристами и заядлыми славянофилами, которые то рукоплескали министру иностранных дел, то беспощадно критиковали его, сваливая на Сазонова все беды, обрушивавшиеся на Россию. Царский чиновник должен был лавировать, приспособливаться к обстановке, скрывать истинные намерения. На немецком языке его воспоминания о том периоде вышли под названием «Шесть трудных лет», на французском та же книга была озаглавлена еще более пессимистически: «Фатальные годы»⁷⁵.

Одним из помощников Сазонова в проведении курса на создание Балканского союза был посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг. В мировой историографии об этом дипломате не написано ни одного специального исследования. Между тем Н. Г. Гартвиг оказывал большое влияние на развитие русско-сербских отношений. За каких-нибудь пять лет своей

деятельности в Сербии он стал самым влиятельным представителем дипломатического корпуса.

О популярности посланника свидетельствовали и необычные похороны. Н. Г. Гартвиг умер перед самой войной 10 июля 1914 г. Сербское правительство обратилось с просьбой к правительству России похоронить посланника в Белграде. На похороны прибыли многочисленные делегации со всех концов страны. В. Н. Штрандтман, поверенный в делах России в Сербии, сообщал в телеграмме в Петербург от 1 (14 н. с.) июля «о совершенно исключительном стечении народа в Белграде и прибытии многочисленных deputаций селяков-крестьян из провинции»⁷⁶. На средства сербского правительства и добровольные пожертвования населения после окончания мировой войны на кладбище в Белграде, где похоронен Н. Г. Гартвиг, был воздвигнут величественный памятник.

Чем же объясняется широкая популярность российского посланника в Сербии? Что представлял собой Н. Г. Гартвиг как дипломат?

Николай Генрихович Гартвиг (1857—1914) родился на Кавказе, в поселке Гори в обедневшей дворянской семье военного врача, обрусевшего немца, проживавшего ранее в Средней Азии. Родители Гартвига дали сыну разностороннее образование. Еще в детстве он изучил французский и немецкий языки, позже овладел болгарским, персидским и сербохорватским. Молодой человек хорошо знал историю и литературу, закончил с отличием классическую гимназию и историко-филологический факультет Новороссийского императорского университета в Одессе. В 1874 г. он с блеском защитил магистерскую диссертацию на тему «Оноре Габриэль Мирабо». В 1875 г. началась дипломатическая карьера Н. Г. Гартвига. Незаурядные способности помогли ему быстро продвинуться по службе. Уже через три месяца после зачисления в министерство иностранных дел он получил чин коллежского секретаря, в 1881 г. стал коллежским ассесором, через три года — надворным советником, в 1896 г. — действительным статским советником, в 1900 г. Гартвигу присвоено придворное звание гофмейстера императорского двора, которое имели немногие, тем более что он не принадлежал к аристократии.

Весьма солидной была практическая деятельность дипломата. Н. Г. Гартвиг последовательно занимал посты вице-консула в Бургасе (1878), генерального консула в Бейруте (1897), вице-директора и директора 1-го (Азиатского) департамента МИД (1897—1906). В 1905 г. он участвовал в

мирных переговорах с Японией, затем был назначен посланником в Персии (1906—1909)⁷⁷.

17 июня 1909 г. Н. Г. Гартвиг, получив новое назначение, в качестве чрезвычайного и полномочного представителя России в Сербии прибыл в Белград. Это было высоко ответственное поручение. Посланник должен был восстановить доверие к России, подорванное политикой А. П. Извольского. В Сербии царили воинственные настроения среди офицерства, вызванные аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, и дело могло дойти до войны между дунайской монархией и Сербским королевством, в чем не была заинтересована Россия. Ю. Я. Соловьев, секретарь русского посольства в Афинах, посетивший Белград накануне приезда в Сербию Н. Г. Гартвига, писал в воспоминаниях, что он был потрясен возбуждением населения сербской столицы против Австро-Венгрии. Рассказывая о своем посещении русского посольства, где был устроен официальный прием, он отмечал, что антиавстрийские чувства сербов разделяли многие его служащие — русские, которые не только не сглаживали конфликт, но подзадуживали сербов против австрийцев. «Глядя на присутствующих в большом количестве офицеров, — вспоминал Ю. Я. Соловьев, — я невольно себя спрашивал, который именно из них принимал участие в экзекуции над своим бывшим королем... Среди дипломатов меня поразила какая-то взаимная подозрительность и отчужденность в особенности между австрийцами и русскими... Эта дипломатическая напряженность производила впечатление чего-то весьма нездорового...»⁷⁸

Перед Гартвигом была поставлена задача предупредить преждевременное выступление Сербии против Австро-Венгрии и в то же время вовлечь ее в антиавстрийский союз с другими балканскими государствами. Посланник должен был проводить гибкую политику, создав прочные основы русско-сербской коалиции. И Гартвиг многое сделал для этого. Одноэтажный особняк на Теразии, где располагалась русская миссия, был широко открыт для посетителей. Посланник гостеприимно принимал не только членов сербского правительства, но и более мелких чиновников и рядовых граждан. Постоянными собеседниками Н. Г. Гартвига были руководители сербского государства Н. Пашич, М. Милованович, престолонаследник Александр, посещал здание посольства и сам король Петр I.

Российский посланник много путешествовал по Сербии, встречаясь с местными властями, что резко контрастировало с деятельностью австро-венгерского посланника графа Фор-

гача фон Хименеса, чуравшегося встреч с сербским населением. Опытный дипломат, Н. Г. Гартвиг постоянно подчеркивал традиционные связи России и Сербии, взаимную заинтересованность обоих государств в союзе. Он пытался убедить сербское правительство в необходимости объединения балканских народов под эгидой России для успешного сопротивления германо-австрийской экспансии.

Аналогичный курс проводили и другие царские дипломаты, аккредитованные в Болгарии, Румынии, Греции и Черногории. Министерство иностранных дел России, считая Балканы важным в политическом отношении районом, посылало в балканские государства опытных дипломатов. В Сербии до Н. Г. Гартвига на дипломатической службе побывали А. П. Извольский, К. А. Губастов, Н. В. Чарыков, каждый из которых занял впоследствии руководящие посты в министерстве.

В Болгарии работал способный дипломат Д. К. Семеновский-Курило, которого после его кончины в январе 1911 г. сменил Анатолий Васильевич Неклюдов. Некоторые считали его малоэнергичным дипломатом, другие, напротив, отмечали результативность его деятельности. А. В. Неклюдов был типичным «кабинетным дипломатом», он находился в курсе всех событий, имел связи при дворе. Посланник установил контакты с главой болгарского правительства И. Гешовым, председателем Народного собрания д-ром Ст. Даневым и другими государственными деятелями Болгарии, вел активную работу по формированию Балканского союза. Военным агентом (атташе) России в Болгарии был энергичный полковник Романовский.

В Румынии Россию представлял Михаил Николаевич Гирс, дипломат-старой школы, который, подобно своему отцу Н. К. Гирсу, министру иностранных дел александровского времени, придерживался консервативных взглядов. М. Н. Гирс не проявлял собственной инициативы, но пунктуально исполнял указания министерства, был крайне осторожным в действиях, что ценилось в Петербурге. До назначения в Румынию М. Н. Гирс служил послом в Китае, а в 1912 г. был назначен на ответственный пост посла в Константинополе. (Во время войны М. Н. Гирс был послом России в Италии). Ему на смену в Бухарест приехал Н. Н. Шебеко, которого затем заменил А. С. Поклевский-Козелл. Оба были видными дипломатами. Н. Н. Шебеко долгие годы прослужил в Берлине на ответственном посту советника посольства, а после Бухареста был переведен послом в Вену. В 1916 г. Н. Н. Шебеко прочили в мини-

стры иностранных дел. А. С. Поклевский-Козелл до Румынии был посланником в Персии.

Важным центром дипломатической деятельности России являлись Афины. Здесь служили многоопытные дипломаты: М. К. Ону, барон Р. Р. Розен, Ю. Н. Щербачев, Е. П. Демидов. Последний был близок к петербургскому двору (он находился в свите царя, имея звание егермейстера, а его тесть граф И. И. Воронцов-Дашков был генерал-адъютантом Николая II), что имело немаловажное значение для греческих монархов⁷⁹.

Царская дипломатия, в свою очередь, пыталась использовать родственные связи греческого и русского монархов. Король Греции Георг I, по происхождению датский принц, был родным братом супруги Александра II и сам был женат на дочери великого князя Константина Николаевича Ольге, которая, разделяя с ним целых 35 лет трон, продолжала чувствовать себя скорее русской принцессой, чем королевой Греции. Она оказывала содействие представителям России. Второй по старшинству сын королевской четы принц Николай состоял в браке с великой княгиней Еленой Владимировной, а греческая принцесса Мария была замужем за русским великим князем Георгием Михайловичем. Однако русское влияние при дворе было все же незначительным. Королева-мать и ее младшие дети (Николай, Андрей, Христофор и Мария) не играли в политической жизни большой роли. Всеми делами вершили сам король и престолонаследник Константин.

Король Георг I, получая пожизненную пенсию сразу от трех государств — «покровительниц Греции»: России, Англии и Франции (по 100 тыс. фр. ежегодно от каждой), отдавал предпочтение Центральной коалиции, а не Тройственному согласию. Константин вообще придерживался прогерманской ориентации⁸⁰. В 1913 г. после убийства Георга I в Салониках болгарским четником он был провозглашен греческим королем. С этого момента работа царских дипломатов в Афинах стала еще более сложной. Русской дипломатии приходилось вести борьбу за влияние в Греции с Австро-Венгрией и Германией, а также с собственными союзниками — Англией и Францией.

Россия имела значительные позиции в Черногории. Еще со времен Петра I она считала Черногорию своим форпостом на Балканском полуострове, оказывая стране и населению всестороннюю экономическую и политическую поддержку⁸¹. Но за влияние в Черногории боролись также Австро-Венгрия и Италия, а черногорский король Николай Негош-Петрович,

хотя и ориентировался на Россию, заигрывал и с другими великими державами. «Николай,— писал о нем Ю. Я. Соловьев,— был прирожденным актером... Любимым занятием Николая была политика. Для этого ему надо было ссорить дипломатов друг с другом, выпытывая поочередно сведения об их коллегах»⁸².

У Николая было 12 детей: три сына (престолонаследник Данило, Мирко и Петр) и девять дочерей⁸³. Его дети заключили выгодные династические браки. Старшая дочь Зорка была замужем за принцем сербским Петром, который стал королем, Анастасия и Милица — за русскими великими князьями: дядей царя Николаем Николаевичем и Петром Николаевичем, Елена — за итальянским королем Виктором Эммануилом III, Анна — за Францем Иосифом Баттенбергом, родственником принца Филиппа, мужа английской королевы Елизаветы II, принц Данило был женат на дочери герцога Мекленбург-Стрелицкого, а Мирко и Петр — на менее сановных, но не менее богатых и влиятельных представительницах правящих кругов европейских стран⁸⁴.

Благодаря своим связям король Николай участвовал в международных интригах. Так, весьма отрицательную роль при петербургском дворе играли Анастасия и Милица. Они входили в окружение царицы и содействовали возвышению Распутина. Князь Г. М. Лихтенбергский, первый муж Анастасии, называл их «черногорскими паучихами», а великий князь Николай Николаевич, поссорившийся с Распутиным и Анастасией, хотел даже выслать свою супругу из России⁸⁵.

Одной из задач русской дипломатии в Черногории было удержать воинственного короля от внешних авантюр, которые могли втянуть Россию в преждевременный военный конфликт.

Сыновья черногорского короля Мирко и Данило для поддержания «равновесия» распределили так свои роли: первый посещал русскую миссию, второй — австрийскую. После оккупации в 1916 г. Черногории австро-венгерскими войсками эти роли переменялись: принц Мирко возглавил коллаборационистское правительство, Данило, уехавший за границу, поддерживал проантантовское эмигрантское правительство Николая.

В Цетинье работали видные русские дипломаты: посланники А. Н. Щеглов, А. А. Гирс и Л. В. Иславин, секретари миссии С. А. Лермонтов и Ю. Я. Соловьев, поверенные в делах Н. А. Обнорский и Б. П. Пелехин. Большим авторитетом в Черногории пользовался военный агент России пол-

ковник Михаил Николаевич Потапов. Он был создателем вооруженных сил страны. (После Октябрьской революции в России М. Н. Потапов участвовал в формировании Красной Армии, работая в ее Генеральном штабе.) Помощником Потапова был начальник черногорского военного училища полковник В. Н. Егорьев. (Он также перешел на сторону Советской власти.)

Секретарь миссии Юрий Яковлевич Соловьев был большим знатоком Балкан. Он служил в Греции, Черногории и Румынии, оставив интересные воспоминания о дипломатической деятельности России на Балканах. Ю. Я. Соловьев придерживался радикальных взглядов и критиковал автократический режим черногорского князя Николая. После Октябрьской революции в России Соловьев — один из немногих царских дипломатов — выступил в поддержку молодой Республики Советов.

Посланник А. А. Гирс и его преемники Н. А. Обнорский и Б. П. Пелехин долго служили в Цетинье и считались в министерстве экспертами по балканским делам. Перу А. А. Гирса принадлежит содержательная книга «Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира», в которой опубликованы интересные материалы о балканской политике царизма⁸⁶. Ценные источники на ту же тему содержатся в переписке Н. А. Обнорского и Б. П. Пелехина с министерством. Н. А. Обнорский был составителем ряда проектов создания югославянского объединенного государства, которые рассматриваются в настоящей книге. Б. П. Пелехин, занимавший пост представителя России при дворе черногорского короля во время его пребывания во Франции (1916—1921), оставил интересные воспоминания о том периоде. Драгоманом русской дипломатической миссии в Цетинье был П. А. Ровинский. Известный ученый-славист и революционер-народник П. А. Ровинский более 40 лет прожил в Черногории. Ровинский бесплатно обучал и лечил цетинских детей, безвозмездно он работал и в посольстве. Черногорцы называли Ровинского «нашим русом» и до сих пор чтут его память.

Из иностранных дипломатов, служивших в Черногории, можно отметить французов О. Боба и М. Бомара, австрийцев В. Гизля и Э. Отто, сербского посланника М. Гавриловича и болгарского посланника К. Колчева. Царские дипломаты по многим вопросам выступали в союзе с М. Гавриловичем, но вели скрытую борьбу с представителями Австро-Венгрии. Австро-венгерские и германские дипломаты доставляли немало хлопот царской дипломатии, так как

имели значительное влияние при дворе короля Николая. Особенно большой популярностью пользовались австро-венгерский посланник В. Гизль и германский посланник фон Экхардт, который одно время был даже советником короля и завоевал доверие королевы Милени, крестившей его сына. Барон В. Гизль имел огромный опыт работы на Балканах и Ближнем Востоке, где он прослужил около 20 лет. Дипломат хорошо знал турецкий и сербохорватский языки, прекрасно ориентировался в международной обстановке. В 1913 г. В. Гизля перевели на другой ответственный пост — посланником в Сербию⁸⁷. В Черногории его сменил барон Э. Отто, бывший посланник в Тегеране. До службы в Персии Э. Отто 15 лет прослужил драгоманом австро-венгерского посольства в Турции. Военным атташе Австро-Венгрии в Цетише был майор Г. Хубка. Он оставил любопытные воспоминания об австро-венгерской военной разведке на Балканах⁸⁸.

В заключение следует остановиться на деятельности в балканских странах русских консулов, а также агентов министерства финансов и министерства промышленности и торговли. Как правило, это были широко образованные люди. Их переписка с Петербургом является важным историческим источником. Особенно интересны аналитические записки консула в Битоли (с 1913 г. — в Митровице) Александра Михайловича Петряева. Его перу принадлежит целый ряд проектов решения югославянской проблемы и предложений об административно-территориальных реформах в Турции, о которых идет речь в настоящей монографии⁸⁹.

А. М. Петряев во время мировой войны был переведен в Петроград и быстро продвинулся по службе. Сначала он выполнял обязанности начальника 1-го политического (Ближневосточного) отдела МИД, а в 1917 г. стал товарищем министра иностранных дел.

«Новый курс» С. Д. Сазонова и проекты создания Балканского союза

«Новый курс» С. Д. Сазонова, как принято в литературе называть балканскую политику России, не сразу приобрел законченные формы. Вокруг вопроса о Балканском союзе в министерстве иностранных дел довольно долго велись дискуссии.

Предметом разногласий были две проблемы: турецкая и балкано-югославянская. Часть дипломатов — Н. Г. Гартвиг,

Д. К. Сементовский-Курило, Н. А. Обнорский, будущий посланник в Белграде князь Г. Н. Трубецкой, занявший этот пост после кончины Гартвига в 1914 г., — считали нереальным вовлечение Турции в Балканскую федерацию или Балканский союз и стояли за пересмотр самого принципа статус-кво, имея в виду раздел между Сербией, Болгарией и Грецией европейских владений Турции. Н. Г. Гартвиг в записке на имя С. Д. Сазонова 23 октября 1911 г. писал, что Россия должна преследовать на Балканах две цели: 1) облегчить призванным ею к самостоятельной жизни славянским народностям достижение их заветных идеалов, что сводится к полюбовному между ними разделу всего турецкого достояния на Балканском полуострове; 2) осуществить свою собственную вековую историческую задачу: стать твердой ногой на берегах Босфора у входных ворот «Русского озера». Н. Г. Гартвиг утверждал, что идея создания балканской федерации или всебалканской конфедерации с участием Турции выгодна только Турции. Он писал, что осуществление этой программы будет иметь для России отрицательные последствия, так как отдалит сроки ликвидации европейских владений Османской империи⁹⁰. Посланник высказывался за создание Балканского союза из представителей одних только балканских стран, считая, что в этом военно-политическом объединении, находящимся под эгидой России, руководящую роль должна играть Сербия, а не Болгария, хотя последняя и обладает более сильной армией. Династия Карагеоргиевичей, по мнению Гартвига, более лояльно относится к России, чем болгарская династия Кобургов, имеющая родственные связи с династией Габсбургов.

Посланник в Софии А. В. Неклюдов, напротив, считал, что оплотом Балканского союза должна стать Болгария. Неклюдов опирался на русофильскую оппозицию в Народном собрании, надеясь на приход ее к власти. С этой целью русское правительство по инициативе А. В. Неклюдова отпускало кредиты на содержание оппозиционных газет (Австро-Венгрия финансировала официозную прессу). А. В. Неклюдов выступал за привлечение в Балканский союз Турции. По мнению дипломата, создание Всебалканского союза с участием Турции могло бы привести к нормализации общей обстановки на Балканах и способствовало бы решению в благоприятном для России плане проблемы проливов⁹¹.

К взглядам А. В. Неклюдова были близки взгляды посла в Константинополе Н. В. Чарыкова, который высказывался за создание всебалканской федерации или конфедерации

балканских государств и Турции. Его преемник М. Н. Гирс, напротив, считал нереальной федеративную идею, но поддерживал план Н. В. Чарыкова об образовании Всебалканского союза. Посланник в Черногории А. А. Гирс занимал промежуточную позицию, соглашаясь с планом образования военно-политического блока балканских государств, он вместе с тем подвергал сомнению возможность вовлечения в Балканский союз Турции.

Между царскими дипломатами не было полного единства взглядов и по югославской проблеме, как правило, ими высказывались две противоположные точки зрения.

На крайних великорусских и великодержавных позициях стоял Н. А. Обнорский, который выступал против создания на Балканах сильных и жизнеспособных государств. В записке «Россия и балканский вопрос», составленной в феврале 1913 г., Обнорский писал, что существуют две альтернативы: 1) государственное объединение Сербии, Черногории и Болгарии в одно целое под эгидой царской России; 2) сохранение разрозненных и слабых славянских государств при покровительстве той же России. Второй вариант, по мнению Обнорского, был бы более выгодным России, так как объединение под ее протекторатом территорий этих стран с разным уровнем экономического развития, пестрым национальным населением и неодинаковыми религиями было бы опасным для многонациональной России.

Н. А. Обнорский выступил против нарушения принципа «равновесия» на Балканах, утверждая, что «Великая Болгария» или «Великая Сербия» могут стать соперниками России на Балканах. Фердинанд Кобургский, писал он, не случайно принял византийский титул «царь» — он стремится возродить и Византийскую империю, захватив Константинополь и проливы. Сербия не претендует на проливы, но и она в случае присоединения Хорватии и других югославянских территорий Австро-Венгрии может превратиться в противовес России. С недоверием Обнорский относился и к черногорскому королю Николаю, предостерегая Петербург от возможности его измены «делу России». По мнению Обнорского, если бы произошел распад Австро-Венгрии, то России было бы выгоднее иметь в Центральной Европе и на Балканах слабые славянские государства, которые, по словам дипломата, самой логикой вещей станут искать в лице России защиту от агрессии Германии.

Противоположные взгляды высказывал А. М. Петряев, выступавший за объединение югославянских земель Австро-Венгрии вокруг Сербии и за создание сильного югославян-

ского государства — союзника России на Балканах. «Возникновение единой Великой Сербии или Сербохорватского государства, — писал он в начале 1914 г., — было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась. Сильное славянское государство с 14 млн. жителей, обосновавшееся на берегах Адриатического моря, интересы коего нигде не сталкиваются с русскими, было бы, конечно, весьма желательным элементом в нашей будущей западноевропейской политике»⁹².

С. А. М. Петряевым солидаризовался Н. Г. Гартвиг. Он также был сторонником образования жизнеспособного югославянского государства, объединившегося вокруг Сербского королевства. Дипломат ратовал за присоединение к Сербии Черногории и югославянских областей монархии Габсбургов⁹³.

Посланник в Цетинье А. А. Гирс, разделяя взгляды Н. Г. Гартвига по вопросу о государственной унии Сербии и Черногории, возражал против объединения с Сербией югославянских территорий Австро-Венгрии. По его мнению, оно носило бы искусственный характер — настолько различными, утверждал Гирс, являются уровни развития земель, входящих в состав монархии Габсбургов и территорий собственно Сербии и Черногории. Дипломат отмечал также, что сама идея объединения югославян в одном государстве не получила еще широкого распространения, и предлагал не спешить с осуществлением унионистской программы. «Нельзя... упускать из вида, — писал он С. Д. Сазонову, — что полное объединение сербов с хорватами еще далеко не свершившийся факт, что между ними еще не сгладились трения на почве культурной и церковной и что борьба хорватов с мадьярским правительством не означает еще у этих последних твердого намерения отторгнуться от Венгрии или Австрии для того, чтобы войти в состав Великой Сербии с Белградом во главе». А. А. Гирс утверждал, что в связи с этим надо предусмотреть вариант сохранения югославянских областей в составе Австро-Венгрии с предоставлением им широкой национально-территориальной автономии⁹⁴.

Наряду с проектами дипломатов, аккредитованных в балканских странах и считавшихся специалистами по балканским делам, С. Д. Сазонов при определении основных направлений «нового курса» должен был учитывать мнения различных кругов российской общественности, что обстоятельно показано в работах советского историка И. В. Бестужева⁹⁵.

Министр иностранных дел наметил две программы решения балкано-ближневосточной проблемы: программу-минимум и программу-максимум. Первая предусматривала создание Балканского союза из одних только балканских государств, вторая имела в виду включение в него в перспективе Турции.

Программа-минимум, в свою очередь, имела ряд вариантов. Один из них состоял в создании Балканского союза в составе только трех государств: Сербии, Болгарии и Греции. Другим вариантом программы-минимум было объединение в союз одних славянских государств, т. е. Сербии, Болгарии и Черногории. Греция имела слабую армию, и ее участие в военно-политическом блоке балканских государств мало что давало России. Между Грецией и Болгарией и между Грецией и Турцией существовали противоречия, которые могли помешать осуществлению этого плана⁹⁶.

Наконец, существовал вариант создания Балканского союза из двух государств: Болгарии и Сербии. Обе эти страны имели с Россией традиционные связи. Еще в 1896 г. между Россией и Болгарией были восстановлены дипломатические отношения и заключен торговый договор. В 1909 г. Россия первой из европейских держав признала де-юре Болгарское королевство и вскоре заключила с ним выгодное для Болгарии финансовое соглашение⁹⁷. Повторный приезд Фердинанда в Россию в январе 1910 г. привел к закреплению русско-болгарских отношений. Во время встречи на высшем уровне Фердинанд заверил царя в своей солидарности с политикой России, царское правительство предоставило Болгарии новый заем. Глава болгарского государства, вернувшись в Софию, назначил премьер-министром сторонника сближения балканских стран И. Гешова. Председателем Народного собрания стал русофил д-р Ст. Данев. Гешов и Данев начали переговоры с Сербией о заключении союзного договора. Весьма продуктивно в тот период развивались также отношения России с Сербией и Черногорией.

Все это открывало реальные перспективы для создания Балканского союза. Однако по-прежнему оставался невыясненным вопрос о главных задачах будущего военно-политического блока. Чем станет Балканский союз? Будет ли он орудием царской России в ее борьбе за гегемонию на Балканах, как на это рассчитывали в Петербурге, или окажется союзом балканских монархий, преследующим собственные цели? Каково станет отношение союза к Турции? Удается ли России осуществить программу-максимум и подключить к союзу Турцию? Эти и другие вопросы приобрели особую

актуальность поздней осенью 1911 г., когда началась итало-турецкая война, в которую могли быть втянуты и балканские государства.

Русско-турецкие и русско-балканские отношения в период триполитанской войны (1911—1912)

Царская дипломатия надеялась на успех в решении вопроса о пересмотре статуса проливов. Турция была заинтересована в улучшении отношений со своей могучей соседкой. Увлеченная войной в Ливии, она не собиралась открывать новый фронт на Кавказе, ее противница Италия тоже не рисковала обострять отношения с Россией; Франция надеялась на поддержку Петербурга в вопросе о Марокко, Австро-Венгрия «осваивала» Боснию и Герцеговину, Германия и Англия готовились к смертельной схватке друг с другом, считая триполитанскую войну периферийным конфликтом.

Царское правительство, как это показал в своих исследованиях советский историк И. С. Галкин⁹⁸, предприняло попытку использовать ситуацию для сближения с Турцией. По поручению товарища министра иностранных дел А. А. Нератова российский посол в Константинополе Н. В. Чарыков обратился к великому визирю Саид-паше с предложением о совместной обороне проливов при условии предоставления приоритета при их использовании России и другим причерноморским государствам. Это обращение было сделано в полуофициальной форме: Н. В. Чарыков «от своего имени», а не от имени правительства «посоветовал» турецкому правительству принять этот план.

Однако западные дипломаты разгадали тайный замысел Петербурга. Германский посол в Константинополе А. Маршалл фон Биберштейн посетил турецкого министра иностранных дел и уговорил его отклонить предложение Н. В. Чарыкова. Особую тревогу германского посла вызывала та его часть, где говорилось о готовности Петербурга посредничать между Турцией и балканскими государствами в деле установления между ними добрососедских отношений и создания Всебалканского союза с участием в нем Турции. «Если бы России удалось достичь этой цели, — писал А. Маршалл в Берлин, — это было бы ошеломляющим успехом для славянства и тяжелым ударом для германизма в Турции. С этой политикой связаны русские претензии на проливы»⁹⁹. Турецкое правительство отклонило предложение Чарыкова.

Так, только за два месяца (май — июнь) оно трижды давало черногорскому правительству совет проявлять сдержанность в отношениях с Турцией. «Мы продолжаем как в Константинополе, так и в Цетинье умиротворяющее воздействие в видах разрешения настоящего конфликта», — писал С. Д. Сазонов в инструкции представителям России в балканских государствах, Турции и Австро-Венгрии 9 августа 1912 г.¹⁰⁵

4 и 5 сентября С. Д. Сазонов предложил Н. Г. Гартвигу сделать идентичное предупреждение правительству Сербии. Извещая министра о выполнении этого указания, Н. Г. Гартвиг сообщал: «Я не ограничился словесным объяснением с Пашичем и передал ему особую памятную записку, отметив в ней все губительные последствия войны (с Турцией. — Ю. П.) для Сербии и Болгарии». На Пашича, и Петра Карагеоргиевича этот документ, по словам посланника, произвел «глубокое впечатление».¹⁰⁶

Царское правительство в период итало-турецкой войны отстаивало принцип сохранения на Балканах и в районе проливов статус-кво. В беседе с турецким послом в Петербурге Турхан-пашой 19 мая 1912 г. С. Д. Сазонов заверил турецкое правительство, что Россия не воспользуется военной ситуацией, чтобы снова возбудить вопрос о проливах. «Я, напротив, далек от мысли усложнять тяжелое положение Турции каким-либо выступлением», — заявил министр¹⁰⁷. 23 мая 1912 г., отвечая на запрос главы правительства В. Н. Коковцова о возможности применения к Турции санкций за нарушение ею ст. 3 Лондонской конвенции 1871 г. о проливах, выразившейся во временном запрещении торговым судам свободного прохода через Босфор и Дарданеллы, С. Д. Сазонов сказал, что министерство иностранных дел является противником этой меры, предупредив, что санкции могут осложнить русско-турецкие отношения. «Война вообще снимает ответственность (Турции. — Ю. П.) за нарушение международных обязательств», — напомнил он. Министр возражал также против предъявления Турцией требования о возмещении ею России убытков от временного закрытия проливов¹⁰⁸.

Осенью 1912 г. министерство иностранных дел России разработало ряд проектов реформ в нетурецких районах европейских владений Османской империи, полагая, что они могут предотвратить военный конфликт балканских государств с Турцией¹⁰⁹. «Единственным средством предупредить войну, — писал С. Д. Сазонов министру иностранных дел Франции 22 сентября 1912 г., — считаю формальное определение

принципов реформы с заявлением об этом балканским странам при гарантии держав, хотя бы России и Австрии»¹¹⁰.

Россия пыталась также согласовать вопрос о реформах с самим турецким правительством. «Неужели в столь критическую для себя минуту, — писал С. Д. Сазонов М. Н. Гирсу 9 сентября в инструкции, — Порта не оценит искренности нашего совета, вытекающего из желания действительной сохранности Турции». 17 сентября министр иностранных дел предложил создать на европейских территориях Турции комиссии по вилайетам «для разработки вопросов местного управления и самоуправления», включая в них представителей всех национальностей¹¹¹.

В основу русского проекта реформ были положены предложения А. М. Петряева, сформулированные им в специальной записке. Проект предусматривал как общие принципы реорганизации системы управления Османской империи на ее европейских территориях, так и конкретные формы нового административного устройства в нетурецких национальных районах. Главным принципом реформ А. М. Петряев считал развитие самоуправления и выборность местных органов власти. Старая система административного управления, при которой власть была сосредоточена в руках наместника султана — валия, нередко проявлявшего самоуправство, утверждал Петряев, не отвечает «требованиям времени». Необходимо перенести центр управления в санджаки, где были бы созданы выборные органы власти — советы с участием в них представителей центрального правительства — мутессарипов. Санджаки, предлагал А. М. Петряев, должны делиться на уезды (казы), уезды — на волости (нахии), объединяющие деревни, которые должны управляться советом старейшин и старшиной (мухтаром), также избираемых населением.

Волость, согласно проекту, управлялась мудиром, которого, в свою очередь, назначал мутессарип и совет при мудире, состоящий из старейшин деревень. Уезд (каза) управлялся каймакамом, также назначаемым мутессарипом и административным советом из представителей общин.

Несколько уездов, говорилось в документе, составляют санджак, во главе которого стоит мутессарип, избираемый Советом санджака сроком на три года. Проект предусматривал разделение между ними функций: в компетенцию мутессарипа входило руководство администрацией, полицией и жандармерией, а Совета санджака — утверждение местного бюджета, распределение налогов по уездам и волостям, забота о путях сообщения, народном образовании и здраво-

охранении. Совет санджака разрабатывал также местные указы-распоряжения, которые приобретали силу закона после их утверждения турецким валием.

Проектом предусматривалось избрание членов Совета санджака на основе цензовой избирательной системы, при которой учитывался возрастной и имущественный ценз (уплата налогов). Население получало активное и пассивное избирательные права, т. е. право избирать и быть избранным. При выборах в Совет санджака устанавливалась норма: два выборщика от каждой волости. Представители церковных общин и школьных учреждений не избирались, а являлись постоянными членами санджакского совета (экс-офф-фицио). Совет санджака должен был обновляться каждые два года на одну треть, а его решения приниматься большинством голосов.

Важное значение имели статьи проекта о судопроизводстве. Суды объявлялись независимыми от турецкого правительства, предполагалось также, что состав жандармерии будет комплектоваться из местного населения, а не формироваться в Константинополе. Проект А. М. Петряева был направлен на защиту нетурецкого населения, обеспечивал административную автономию национальных районов Турции, где проживало христианское население. В то же время он не посягал на верховную власть султана и сохранял институт валиев, назначаемых Портой. Министерство, приняв проект А. М. Петряева за основу, внесло в него существенную поправку, ограничивающую местное самоуправление. Согласно этой поправке, контроль за проведением реформ в европейских владениях Турции предоставлялся великим державам.

Это предложение не могло устроить ни Порту, ни балканские страны. Турция отказалась от международного контроля великих держав, балканские страны посчитали проект царского министерства полумерой, выдвинув задачу полного освобождения славянских и греческого народов от османского гнета. С этой целью балканские монархи приступили к созданию военно-политического блока.

¹ Цит. по кн.: *Шебунин А. Н.* Россия на Ближнем Востоке. Л., 1926, с. 91—92.

² Красный арх., 1925, т. 8, с. 3.

³ См.: *Шебунин А. Н.* Россия на Ближнем Востоке, с. 93—97.

⁴ GP, Bd. XVII, S. 5. 76, 79.

⁵ См.: Русская мысль, 1908, янв., кн. I, с. 146—147.

⁶ Новое время, 1909, 18 марта.

- 7 См.: *Остальцева А. Ф.* Англо-русское соглашение 1907 г.: Автореф. докт. дис. М., 1962, с. 28—30.
- 8 См.: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал, 1897—1914: Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970; *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960.
- 9 См.: *Астафьев И. И.* Русско-германские дипломатические отношения, 1905—1911 гг. М., 1972; *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906—1911. М., 1959; *Бовыкин В. И.* Русско-французские противоречия на Балканах и Ближнем Востоке накануне первой мировой войны.— ИЗ, 1957, вып. 59; *Виноградов К. Б.* Боснийский кризис, 1908—1909. Л., 1964.
- 10 См. Вест. НКВД РСФСР, 1919, № 1, с. 20—25.
- 11 Цит. по кн.: *Шебунин А. Н.* Россия на Ближнем Востоке, с. 93—97.
- 12 Там же.
- 13 М. Н. Покровский, напротив, утверждал, что будто Петербург в то время ставил своей задачей захват проливов силой. См.: *Покровский М. Н.* Русско-германские отношения.— Красный арх., 1922, т. 1, с. 6—8.
- 14 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 641, л. 14—15.
- 15 См.: *Бестужев И. В.* Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики во время Боснийского кризиса.— Исторический архив, 1962, т. 5, с. 123, 136—140.
- 16 См.: *Тодорова Цв.* Объявление независимости на България през 1908 и политиката на империалистическите силе. С., 1968.
- 17 См.: Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях. М., 1925, ч. 1, с. 343.
- 18 См.: *Жебокрицкий В. А.* Болгария накануне Балканских войн 1912—1913. Киев, 1960, с. 128.
- 19 ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 2991, л. 61.
- 20 ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 18, д. 241, л. 250—253.
- 21 ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 3, д. 128, л. 5—9, 17—19; ф. 23, оп. 18, д. 231, л. 173.
- 22 ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 11, д. 374, л. 159.
- 23 См.: *Лисенко В. К.* Ближний Восток как рынок сбыта русских товаров. Спб., 1913, с. 1—30; *Довнар-Запольский М. В.* Русский вывоз и мировой рынок. Киев, 1914, с. 1—3.
- 24 ЦГИА СССР, ф. 21, оп. 1, д. 484, л. 136—139.
- 25 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 158, л. 3—4.
- 26 ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 623, л. 374.
- 27 ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 254, л. 1.
- 28 ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 3, д. 131, л. 8.
- 29 ЦГИА СССР, ф. 500, оп. 26, д. 623, л. 374.
- 30 ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 3, д. 101, л. 185—186.
- 31 ЦГИА СССР, ф. 909, оп. 1, д. 403, л. 31.
- 32 ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 8, д. 42, л. 3—4.
- 33 ЦГИА СССР, ф. 909, оп. 1, д. 403, л. 25—26.
- 34 ГИАМО, ф. 143, оп. 1, д. 379, л. 47.
- 35 ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 409, л. 123.
- 36 ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 1, д. 231, л. 58, 61, 65.
- 37 ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 3, д. 148, л. 14—17.
- 38 ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 3, д. 148, л. 17.
- 39 ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 3, д. 131, л. 51.
- 40 ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 3, д. 131, л. 52—53; ф. 1276, оп. 5, д. 599, л. 1—3.
- 41 ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 3, д. 131, л. 62.

- 42 ЦГИА СССР, ф. 22, оп. 3, д. 131, л. 20.
- 43 ЦГИА СССР, ф. 909, оп. 1, д. 403, л. 24.
- 44—45 ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 18, д. 231, л. 166—167.
- 46 ЦГИА СССР, ф. 95, оп. 6, д. 771, л. 13.
- 47 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 7, д. 460, л. 2—4.
- 48 *Довнар-Запольский М. В.* Русский вывоз..., с. 1.
- 49 ЦГИА СССР, ф. 909, оп. 1, д. 404.
- 50 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 7, д. 469^б.
- 51 ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 8, д. 21, л. 37.
- 52 ЦГИА СССР, ф. 48, оп. 1, д. 104, л. 253.
- 53 ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, д. 409, л. 61.
- 54 ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 8, д. 21, л. 62.
- 55 МОИИ. Сер. 2, т. 1, № 194.
- 56 МОИИ. Сер. 2, т. 1, № 74.
- 57 ЦГИА СССР, ф. 105, оп. 1, д. 200, л. 48.
- 58 ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 7, д. 469, л. 13—14, 27, 31, 46, 49, 51.
- 59 См.: *Фей С.* Происхождение мировой войны. М.; Л., 1934. Т. 1; *Гуч Г.* История современной Европы. М.; Л., 1925. Т. 1; *Bikel O.* Russland und die Entstehung des Balkanbundes. Königsberg, 1933.
- 60 ЦГИА СССР, ф. 1470, оп. 2, д. 21, л. 278.
- 61 *Wiesner F.* Die Schuld der serbischen Regierung am Mord von Sarajevo.— ВМ, 1928, № 4, С. 307—395.
- 62 *Prof. Pharos.* Der Prozess gegen die Attentäter von Sarajevo. В., 1918.
- 63 *Völkischer Beobachter.* 1938, 8. Jan.
- 64 *Hrvatski Narod,* 1941, 28 juni.
- 65 См.: *Банић М.* Масинерија у Југославији. Београд, 1941, с. 1—20.
- 66 *Bogitschewitsch M.* Mord und Justizmord.— Südslawische Monatshefte, 1929, № 5.
- 67 *Würthle F.* Die Spur führt nach Belgrad: Die Hintergründe des Dramas von Sarajevo, 1914. Wien etc., 1975.
- 68 ЦГА ВМФ СССР, ф. 448, оп. 1, д. 9753, л. 23.
- 69 См.: *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне 1914—1918 гг. М., 1968, с. 31—32.
- 70 ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 7371, л. 28—30.
- 71 *Ruchanan G.* My mission to Russia. L., 1923, vol. II, p. 56.
- 72 *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957, с. 205—208.
- 73 После Октябрьской революции С. Д. Сазонов был министром А. В. Колчака.
- 74 См.: *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире, с. 208.
- 75 *Sazonof S.* Sechs schwere Jahre. В., 1927; *Sazonov S.* Les années fatales. P., 1927.
- 76 АИВР, ф. ПА, д. 4213, л. 21—22.
- 77 АИВР, ф. ДЛС и ХД, Формулярные списки, д. 83, л. 1—4.
- 78 *Соловьев Ю. Я.* Двадцать пять лет моей дипломатической службы (1893—1917). М.; Л., 1928, с. 186.
- 79 АИВР, ф. ДЛС и ХД, оп. 749/2, д. 2, л. 402—407.
- 80 АИВР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 543, л. 134.
- 81 См.: *Хитрова Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX века. М., 1979, с. 12—14.
- 82 *Соловьев Ю. Я.* Двадцать пять лет..., с. 132.
- 83 Две дочери короля Николая Черногорского София и Марья умерли малолетними, Ксения и Вера не были замужем.
- 84 См.: *Петровић-Његош М.* Из мојих мемоара. Випдзор, 1961, с. 88.

- ⁸⁵ См.: *Лемке И. К.* Двести пятьдесят дней в царской ставке (25.IV 1915—1.VII 1916). Пг., 1920, с. 297.
- ⁸⁶ См.: *Гирс А. А.* Австро-Венгрия, Балканы и Турция: Задачи войны и мира. Пг., 1917.
- ⁸⁷ *Giesl Wl.* Zwei Jahrzehnte im Nahen Orient. В., 1927.
- ⁸⁸ *Hubka G.* Kritische Tage in Montenegro.— ВМ, 1931, N 1, S. 27—49.
- ⁸⁹ АВПР, ф. ПА, д. 130, л. 59—60, 77.
- ⁹⁰ АВПР, ф. ПА, д. 5270, л. 1—5.
- ⁹¹ АВПР, ф. С. Д. Сазонов, д. 83, л. 37.
- ⁹² АВПР, ф. ПА, д. 161, л. 24—26, 33.
- ⁹³ АВПР, ф. ПА, д. 5270, л. 8—9.
- ⁹⁴ АВПР, ф. Особый политический отдел, д. 281, л. 22—23.
- ⁹⁵ См.: *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906—1911. М., 1959.
- ⁹⁶ *Léon G.* Greece and the Great Powers, 1914—1917. Thessaloniky, 1974.
- ⁹⁷ См.: *Кесяков Б.* Принос към дипломатическата история на България, 1875—1925. С., 1925, с. 36—42.
- ⁹⁸ См.: *Галкин И. С.* Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав.— Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук, 1956, № 4.
- ⁹⁹ GR, Bd. XXX, N 10998, S. 242—245.
- ¹⁰⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1912, д. 160, ч. 1, л. 79—85.
- ¹⁰¹ См.: *Данев Ст.* Срещите ми с цар Николай II. С., 1925.
- ¹⁰² Цит. по кн.: *Маджаров М. И.* Дипломатическата подготовка на нашите войни. С., 1932, с. 57—60.
- ¹⁰³ АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 23, л. 257.
- ¹⁰⁴ АВПР, ф. ПА, д. 1592, л. 101, 119, 126, 154.
- ¹⁰⁵ АВПР, ПА, д. 129, л. 16.
- ¹⁰⁶ АВПР, ф. ПА, д. 528, л. 170—171.
- ¹⁰⁷ АВПР, ф. ПА, д. 128, л. 35.
- ¹⁰⁸ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 7, д. 4696, л. 69—71.
- ¹⁰⁹ АВПР, ф. ПА, д. 528, л. 170—171.
- ¹¹⁰ АВПР, ф. ПА, д. 129, л. 95.
- ¹¹¹ АВПР, ф. ПА, д. 129, л. 68. Ту же мысль С. Д. Сазонов подчеркнул в беседе с турецким послом в Петербурге Турхан-пашой 8 августа 1912 г.: АВПР, ф. ПА, д. 129, л. 12.

Глава третья

ОФОРМЛЕНИЕ БАЛКАНСКОГО СОЮЗА

Политические и экономические предпосылки создания Балканского союза

В изучаемый период перед балканскими народами стоял ряд исторических задач, о которых писал В. И. Ленин. «В Восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия), — констатировал он, — до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное

развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей»¹.

Во всех балканских странах господствовал монархический строй. В Черногории всевластный король Николай I Негош-Петрович, несмотря на введение в 1905 г. конституции, управлял государством как собственной вотчиной. Болгарский царь Фердинанд Кобургский не считался с парламентом и другими государственными учреждениями. «Вся политическая жизнь Болгарии, особенно внешняя политика, направляется царем, — отмечал российский посланник в Софии А. Сазинский. — Министры являются слепым орудием в его руках»². В Румынии провозглашенная конституцией «свобода» попиралась на каждом шагу. К юбилею короля Кароля I социалисты выпустили манифест под красноречивым заголовком «Сорок лет нищеты, рабства и позора»³. В Сербии у власти находился король Петр I Карагеоргиевич, который, сльвя за либерала, сохранил в неприкосновенности цензовую избирательную систему, лишившую 55% населения избирательных прав⁴.

Балканские страны по уровню культуры намного уступали «просвещенной Европе». В Сербии и Болгарии в начале XX в. было по одному университету (в Белграде и Софии), в Румынии — два (в Бухаресте и Яссах), в Черногории не было ни одного высшего учебного заведения, и молодые люди должны были отправляться за границу, чтобы получить образование. Почти 90% населения Балканского полуострова было неграмотным⁵.

Острейшей проблемой на Балканах была социально-экономическая. В Сербии, Болгарии и других балканских странах уровень эксплуатации рабочего класса был выше, чем в остальных европейских государствах⁶. В конкурентной борьбе с более сильными соперниками предприниматели балканских стран стремились получить прибыль прежде всего за счет эксплуатации дешевой рабочей силы. Г. М. Димитров, характеризуя способы эксплуатации рабочих Болгарии, называл владельцев предприятий «алчными разбойниками». Он писал в 1913 г.: «Разбойники и убийцы сейчас находятся не в горах, как это было в турецкие времена. Ныне они на фабриках, шахтах и других предприятиях страны, среди управляющих государством и в разных государственных учреждениях»⁷. Лидер социал-демократической партии Сербии Р. Драгович называл рабочих и ремесленников «величайшими мучениками»⁸, а другой руководи-

тель этой партии, Д. Тузович, констатировал, что «наемный труд забирает больше жертв, чем самая кровавая война»⁹.

Злободневный характер имела на Балканах аграрная проблема. Практически во всех странах сохранялись многие элементы феодальных отношений. В Румынии широко практиковалась отработочная система. Более половины сельскохозяйственных угодий (4 млн. из 7,8 млн. га), принадлежало помещикам. Румынское крестьянство задыхалось от малоземелья (300 тыс. безземельных, 290 тыс. с наделами до 2 гектаров). В Сербии и Болгарии крестьяне освободились от феодальных пут еще в XIX в., но и здесь аграрный вопрос стоял очень остро. В обеих странах преобладало мелкокрестьянское хозяйство и ощущался сильнейший земельный голод. В черногорской деревне не был ликвидирован полунатриархальный родо-племенной строй с экстенсивным земледелием. Большую актуальность для балканских народов представляло решение национального вопроса, который имел отношение не только к внутривосточной жизни, но и к международной политике. На Балканах не был полностью завершен процесс национального воссоединения, и значительные территории со славянским и греческим населением находились еще под игом Османской империи в ее европейской части. Что касается албанцев, то они были лишены Турцией даже автономии. В. И. Ленин в работе «О праве наций на самоопределение» подчеркивал историческое значение решения национальной проблемы для балканских народов. Он писал о пробуждении на Балканах стремления народов к созданию национально-независимых и национально-единых государств¹⁰.

Эту задачу можно было решить либо путем народных революций и создания в их результате демократической федерации балканских государств, либо войн балканских монархий против Османской империи, которые могли быть успешными лишь в случае объединения этих государств в военно-политический союз.

В силу конкретно-исторических условий, сложившихся в то время на Балканском полуострове, развитие событий пошло по второму пути: в 1912 г. здесь был создан союз монархий, направленный своим острием против Османской империи. Балканский союз имел также задачу защитить местные рынки от экспансии иностранного, прежде всего австро-венгерского и германского, капитала и обеспечить условия для подъема национальной экономики. На Балканах, несмотря на названные препятствия, шел процесс развития

капитализма. Не рассматривая эту тему, которая является предметом специального исследования, назовем лишь некоторые факты.

Наибольшего успеха на Балканах капитализм достиг в сфере внешней торговли. (Балканские страны уступали индустриальному Западу, но активно сбывали свою сельскохозяйственную продукцию.) Болгария, например, установила торговые связи не только со всеми соседними странами, но и с Россией, Францией, Италией, Австро-Венгрией и даже с отдаленной на тысячи километров Англией. По Черному морю и Дунаю Болгария в 1910—1911 гг. импортировала 67% и экспортировала 76% своих товаров¹¹.

Сербия подписала торговые конвенции с рядом европейских государств¹². В 1905 г. она заключила таможенный союз с Болгарией, который содействовал расширению внешнеторговых связей этих государств. Сербия через Болгарию получила выход к Черному и Средиземному морям¹³ и турецкому рынку, Болгария открывала себе путь в Центральную Европу. Болгаро-сербский таможенный союз позволил Сербии защитить свою экономику от попыток Австро-Венгрии изолировать сербское государство. С 1906 по 1911 г. Австро-Венгрия вела против Сербии так называемую «свиную», или таможенную войну, запретив вывоз продукции сербского животноводства в империю. Экономическое сближение Сербии с Болгарией способствовало подписанию в 1912 г. этими странами договора о военно-политическом сотрудничестве, ставшем основой Балканского союза.

Экономический фактор сыграл значительную роль в присоединении к Балканскому союзу Греции и Черногории. Оба этих государства, несмотря на различный уровень их экономики, были заинтересованы в создании препятствий для экспансии иностранного капитала. Греция — одна из ведущих торговых и торгово-посреднических держав в Средиземноморском бассейне (по сравнению с 1898 г. ее торговый флот вырос к 1914 г. в три раза: с 326 тыс. водоизмещения до 1 млн. т)¹⁴ — опасалась соперничества со стороны Австро-Венгрии, Италии и Англии. Черногория, где капиталистическое развитие только начиналось, вела борьбу с проникновением в страну австро-венгерского и итальянского капиталов. Образование Балканского союза могло способствовать защите национальных рынков Греции и Черногории. «Экономически и политически необходимый союз стал союзом балканских монархий», — констатировал В. И. Ленин¹⁵. Вместе с тем Ленин неоднократно подчеркивал негативные стороны деятельности балканских монар-

хий, предупреждая об их склонности к военным авантюрам и попыткам договориться с великими державами за спиной народов. В. И. Ленин горячо приветствовал программные положения социал-демократических партий о создании балканской федерации демократических республик.

Социал-демократические партии и идея балканской федерации

Этот вопрос впервые в общем виде был поставлен руководителем Болгарской рабочей социал-демократической партии тесных социалистов Д. Благоевым в 1885 г., но конкретную разработку он получил на I Балканской социалистической конференции в Белграде 25—27 декабря 1909 г., на которой были представлены социал-демократические партии Сербии, Болгарии, Румынии, Греции, Турции, а также присутствовали делегаты из Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении и Македонии. «Объединение и взаимная поддержка стран и народов на Балканах,— говорилось в основном докладе секретаря Социал-демократической партии Сербии Д. Туцовича,— единственный путь, который ведет к экономическому, национальному и политическому освобождению. Наша цель — союз и объединение балканских народов»¹⁶.

После конференции социалистические партии балканских стран и югославянских областей Австро-Венгрии включили пункт о балканской федерации в свои программы и придерживались ее вплоть до первой мировой войны¹⁷.

Что же понимали социал-демократы под балканской федерацией демократических республик? Наиболее полно суть этой идеи была изложена редактором органа БРСДП (т. с.) газеты «Рабочнически вестник» Христо Кабакчиевым, который писал, что федерация должна представлять собой объединение балканских государств с республиканским управлением, где все народы пользовались бы равными правами и свободами, сохранили бы в неприкосновенности свой национальный язык, свою культуру и имели широкое местное самоуправление. Общефедеративные задачи — ведение внешней политики, оборона федерации от нападения извне, фискально-финансовые дела, обеспечение интересов общегосударственного и национального рынков, таможни, средства связи, — по мысли Кабакчиева, должны были осуществлять парламент и правительство федерации¹⁸. Болгарская рабочая социал-демократическая партия тесняков высказывалась

Секретарь Социал-демократической партии Сербии Д. Тудович последовательно отстаивал право «всех народов на самоопределение». (Защищая независимость Сербии против агрессии Австро-Венгрии он погиб на фронте в 1914 г.)

Отношение буржуазных партий Болгарии к планам создания Балканского союза

Идея освобождения родственных народов из-под ига Османской и Австрийской империй и их воссоединения с Болгарией, Сербией и Грецией, была близка ряду буржуазных и мелкобуржуазных партий, политических и общественных организаций всех трех государств. Однако только некоторые из них высказывались за всебалканскую федерацию, большинство же партий национальной буржуазии ограничивалось планом создания военно-политического блока балканских монархий.

В Болгарии из мелкобуржуазных партий наиболее радикальные позиции занимал Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС)²⁵. Его внешнеполитическая программа исходила из осуществления двух основных задач: предотвращения междоусобных войн с соседними государствами и создания такого объединения балканских народов в виде федерации или конфедерации, которая обеспечивала бы их защиту от экспансии империалистических держав, прежде всего Германии и Австро-Венгрии. Один из лидеров БЗНС, С. Омарчевский, по этому поводу писал: «Мощный союз... между всеми народами, населяющими Балканский полуостров... будет способствовать спасению полуострова и его процветанию... Только в этом союзе залог мира на Балканах и сохранения его независимости от нашествия германизма»²⁶.

Руководство БЗНС последовательно отстаивало антивоенную программу, выступая с разоблачениями своекорыстных целей болгарской монархии, и вместе с тесняками призывало к сближению балканских народов²⁷. Однако программные положения о федерации были составлены нечетко. В документе выдвигалась лишь общая задача, но не разъяснялись пути ее осуществления. Согласно программе, созданию балканской федерации должно было способствовать установление межгосударственных контактов Болгарии, Сербии, Греции и Румынии и налаживание отношений с Турцией. Но что понималось под этим лозунгом? В программе упоминалось лишь об отказе балканских стран от взаимных территориальных притязаний и об осуществлении в

европейских владениях Турции административно-территориальных реформ в пользу нетурецких народов. Аморфный характер документа делал его непонятным массам. Идея балканской федерации не была популярна. Накануне первой Балканской войны значительная часть членов партии вообще отказалась от этого положения, перейдя на позиции национальной буржуазии. В 1912 г. в БЗНС произошел организационный раскол и общая национальная программа партии потеряла свое первоначальное значение²⁸.

Болгарская радикально-демократическая партия, созданная в 1905 г. под влиянием революции в России и объединявшая в своих рядах преимущественно радикальные слои интеллигенции, в начале своей деятельности признавала идею федерации. В 1907 г. она организовала в Софии встречу с сербскими радикалами под лозунгом борьбы против болгарского и сербского шовинизма, выдвинув задачу решения национального вопроса на базе создания балканской федерации, которая понималась радикалами как объединение в единый союз балканских буржуазных государств с участием Турции. Программа партии предусматривала осуществление каждым государством — членом федерации конституционных реформ и демократизации государственного строя. Однако, когда началась итало-турецкая война, многие члены партии высказались за конфронтацию с Турцией, заявив, что надо воспользоваться ослаблением Османской империи и решить национальный вопрос военным путем. Партия раскололась на две части — сторонников и противников прежней программы — и потеряла свое влияние в массах²⁹.

Две ведущие буржуазные партии Болгарии — народная (лидеры Т. Тодоров и И. Гешов) и прогрессивно-либеральная (лидер Ст. Данев) — первоначально также склонялись к идее создания балканской федерации³⁰ или как минимум сближения балканских государств. Первые две партии представляли интересы крупной и средней финансово-ростовщической буржуазии и обогатившихся землевладельцев, заинтересованных в стабилизации экономики, укреплении общевалканского рынка и сохранении на Балканах политического статус-кво. Вплоть до итало-турецкой войны они высказывались за решение спорных межбалканских вопросов мирным путем и предлагали включить Турцию в состав будущей балканской федерации. Для пропаганды этой идеи в Софии был основан болгаро-турецкий комитет. И. Гешов, придя к власти, пытался наладить отношения с Турцией, но эта попытка не удалась. В 1911 г. болгаро-турецкий

комитет был преобразован в болгаро-сербский, что совпало с улучшением отношений между обеими странами и начавшейся в Сербии и Болгарии практической работой по созданию Балканского союза.

В Болгарии инициаторами сближения с Сербией были И. Гешов и Ст. Данев. Что представляли собой эти деятели? Иван Евстратиев Гешов (1849—1924) был сторонником ориентации на Тройственное согласие, прежде всего на Англию. Закончив в 1872 г. Манчестерский университет и изучив передовые для того времени теории политэкономии и финансовой науки, он пытался применить их в Болгарии. В 1882 г. Гешов стал министром финансов восточной Румелии, в 1883—1886 гг. был директором Болгарского народного банка, в 1886 г. и 1894—1899 гг. — министром финансов объединенной Болгарии. На этих постах Гешов проводил протекционистскую политику, высказываясь за ускоренное капиталистическое развитие Болгарии. Его перу принадлежит ряд экономических трактатов, известен Гешов и как публицист. С 1889 г. он председатель Болгарского литературно-научного общества, преобразованного в 1911 г. в Академию наук Болгарии³¹.

Доктор Стоян Петров Данев (1858—1949), русофил по воззрениям, участвовал добровольцем в войне Сербии против Османской империи 1876 г., горячо приветствовал освобождение Болгарии Россией в 1877—1878 гг. В 1899 г. он лидер прогрессивно-либеральной партии, в 1901—1903 гг. — председатель совета министров Болгарии, в 1911—1912 гг. — председатель Народного собрания³².

С именем Гешова и Данева связано создание Балканского союза. В их деятельности в этой области проглядываются два этапа: до итало-турецкой войны и после нее. На первом этапе они выдвигали идею объединения в союзе всех балканских стран, в том числе Турции, на втором высказывались за заключение союзного договора с балканскими монархиями без Турции. Тогда же бывший болгаро-турецкий комитет был преобразован в комитет сближения Болгарии с Сербией и в обеих странах началась подготовка к подписанию союзного договора. По-видимому, уже в то время Гешов и Данев стали склоняться к отвоеванию у Турции ее европейских территорий.

По тому же пути пошла и демократическая партия (лидер А. Малинов). Вначале она высказывалась за сближение с Сербией. Сербско-австро-венгерская таможенная война 1906—1911 г. позволяла болгарской средней торговой и промышленной буржуазии, интересы которой представляла

партия, надеяться на проникновение на сербский рынок. В период итало-турецкой войны, как казалось ее лидерам, открылась возможность для завоевания не только рынков, но и территории европейской части Турции силами одной Болгарии, без союза с Сербией и другими балканскими странами. Болгарская армия, самая сильная на Балканах, позволяла, по мнению А. Малинова, выполнить эту задачу³³.

Три оппозиционные партии Болгарии — народно-либеральная (лидер Д. Петков), либеральная (лидер В. Радо-славов) и отколовшаяся от нее младолиберальная партия (лидер Д. Тончев) — выдвигали программу создания «Великой Болгарии», опираясь на союз с Германией и Австро-Венгрией. Эти партии стояли на шовинистических позициях и были противниками союза с Сербией, Грецией и Черногорией.

Г. М. Димитров считал скрытым сторонником прогерманской ориентации также царя Фердинанда³⁴, который, однако, в период создания Балканского союза временно поддерживал И. Гешова и Ст. Данева, а не оппозицию, считая их планы более выгодными для Болгарии. Об этом монархе написана обширная литература. Из новых работ наиболее интересна книга Йордана Йовкова³⁵.

Фердинанд Леопольд Мария, сын Людвига Виктора, герцога Сакс Кобург-Готского и принцессы Клементины Бурбонской и Орлеанской, потомок последнего императора Священной Римской империи Сигизмунда I, родственник почти всех монархов и принцев крови абсолютистской Европы XVIII в., надеялся и сам стать преемником своих предков. Угодливая придворная камарилья сравнивала Фердинанда с царем Симеоном I, который нанес в 917 г. поражение Византии. В кабинете царя висела картина престольного храма св. Софии в Константинополе, в болгарскую столицу были приглашены архитекторы из Вены, Парижа и Милана для разработки проекта нового царского дворца, который должен был соперничать с Тюильри и Версалем. Его строительство предполагалось закончить после победоносной войны с Турцией³⁶.

Но успех этой кампании в значительной мере зависел от единства действий балканских государств.

Буржуазные партии Сербии и Балканский союз

В Сербии буржуазные партии — правящая партия радикалов, независимая радикальная партия («самостальцы»), народная партия (бывшие либералы) и прогрессивная пар-

тия («напредняки») — далеко не сразу и не единодушно высказывались за создание Балканского союза. По словам видного югославского историка академика В. Чубриловича, эти партии долго придерживались «узкосербской национальной программы»³⁷.

В то же время среди значительной части интеллигенции, студенчества и радикальных кругов буржуазных партий большое распространение получила идея консолидации сил Сербии с другими балканскими странами для совместной борьбы за завершение процесса национального воссоединения. Одним из первых объединительные идеи стало распространять общество «Славянский юг», созданное в 1903 г. профессурой Великой школы в Белграде. В его состав вошли такие выдающиеся деятели сербской культуры, как Йован Цвийич, Йован Скерлич и Богдан Попович. Девизом общества были лозунги «Южные славяне, объединяйтесь!» и «Революция в неосвобожденных землях!». В 1910—1911 гг. общество провело кампанию за сближение сербов и болгар против разжигания националистами противоречий между этими народами. Газета общества, выходявшая под тем же названием, опубликовала на эту тему ряд статей³⁸.

На сходных позициях стояли Сербское общество учителей и Сербское общество профессоров, организовавшие в Белграде несколько встреч с учителями болгарских школ и профессорами Софийского университета³⁹. За расширение культурных и политических связей балканских народов высказался журнал «Српски книжевни гласник» («Сербские литературные известия»), объединивший вокруг себя радикально настроенных писателей, журналистов и литературных критиков. Журнал сыграл важную роль в идеологической подготовке Балканского союза.

На расширении экономических связей с Болгарией, Грецией и Румынией настаивала также значительная часть торговой и промышленной буржуазии. Таможенная война Сербии с Австро-Венгрией заставляла ее искать новых партнеров. В 1911 г. в Белграде был создан филиал Сербско-болгарского комитета для содействия торговле с Болгарией, пользовавшийся поддержкой многих влиятельных государственных деятелей страны, в том числе председателя совета министров и министра иностранных дел Милана Миловановича.

Милованович впервые высказывался за сближение Сербии с Болгарией в 1897 г., но окончательно взял курс на заключение с ней союзного договора после аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией⁴⁰. «Между Сербией и Ав-

стро-Венгрией примирение невозможно», — констатировав Милованович в 1909 г.⁴¹ Развивая ту же мысль, министр записал в своем дневнике 19 января 1912 г.: «Если мы, сербы, хотим остаться независимым государством, то должны прежде всего предпринять все, что в наших силах, чтобы достичь соглашения с Болгарией, но этого, в свою очередь, можно добиться только с одобрения и при поддержке России. В противном случае у нас одна дорога — под ярмо Австро-Венгрии. От того, как мы решим этот вопрос, зависит судьба всего Балканского полуострова»⁴².

Во имя достижения этой цели Милованович готов был пойти на компромисс с Болгарией, отказавшись от продвижения Сербии на юго-восток. Он утверждал, что интересы Сербии лежат в бассейне Адриатического моря, выход к которому являлся исторической задачей государства⁴³.

Другой лидер сербской радикальной партии, Никола Пашич, также выступавший за создание Балканского союза, напротив, стоял за расширение территории Сербии на юг вплоть до Салоник, что задевало интересы не только Турции, но еще трех государств: Болгарии, Греции и Австро-Венгрии, каждое из которых претендовало на этот важный в торговом и стратегическом отношении порт.

Пашич не умел (и не хотел!) идти на уступки, был менее гибким дипломатом, чем Милованович. В сентябре 1911 г. на совещании представителей Сербии и Болгарии, когда обсуждался вопрос о подписании болгаро-сербского договора о дружбе и союзе, Пашич своей неуступчивостью едва не сорвал все дело. «Самым непримиримым и самым упорным был Пашич, самым уступчивым Милованович», — констатировал представитель Болгарии на этой встрече Д. Ризов⁴⁴.

Между обоими лидерами радикальной партии существовали противоречия. «Сербский византиец», как называли Пашича современники, человек большого темперамента и непомерного честолюбия, видел в Миловановиче своего соперника. Являясь более опытным, чем Милованович, политиком, Пашич имел более прочные позиции в радикальной партии, которая, в свою очередь, оказывала влияние на решения Народной скупщины. Миловановичу приходилось с трудом отстаивать свою программу в парламенте. Во время одного из обсуждений, 12 июня 1912 г., с министром случился сердечный приступ, и через четыре дня он умер.

По свидетельству сербского посланника в Петербурге Д. Поповича, Милованович недолюбливал Пашича и не без скрытого злорадства подчеркивал свою образованность.

В 1910 г. в присутствии Пашича он разговаривал с русским министром А. П. Извольским только на французском языке, поставив в невыгодное положение Пашича⁴⁵.

Несхожей была и биография этих государственных деятелей. Никола П. Пашич (1845—1926) испытал многие превратности судьбы. В молодости он увлекался вольнолюбивыми идеями, одно время даже разделял взгляды М. А. Бакунина и Светозара Марковича, принимал участие в герцеговинском восстании 1875 г., являясь корреспондентом газеты Марковича «Освобожден» («Освобождение»), затем, во время войны 1876 г. Сербии с Турцией, служил в сербской армии. В том же году Пашич возглавил партию сербских радикалов. Этот период его жизни был особенно сложным. Радикалы то находились у власти, то состояли в оппозиции. Участвуя в антиправительственных заговорах, Никола Пашич неоднократно приговаривался к тюремному заключению, дважды ему выносился смертный приговор, он был вынужден эмигрировать за границу, скрываясь от преследования правительства. Когда же ситуация изменялась, Пашич не только возвращался в Сербию, но и становился во главе кабинета. За свою жизнь он переменил множество профессий: инженер-путеец по образованию, Пашич работал также журналистом и учителем. В 1893—1894 гг. он был посланником в Петербурге. На склоне лет резко поправили взгляды лидера радикалов. После воцарения в Сербии Петра Карагеоргиевича Пашич стал верной опорой трона, одним из идеологов монархизма и сербского великодержавия⁴⁶.

Деятельность Милована Миловановича (1863—1912) нашла отражение в ряде работ⁴⁷, наиболее полной из которых является исследование Д. Джорджевича. Как утверждал историк, в жизни Миловановича было два несхожих между собой этапа — до и после занятия им поста министра иностранных дел. «На первом этапе, — писал Д. Джорджевич, — она протекала стороной от балканских страстей той бурной эпохи. Бомбы, динамит, мрачная толпа заговорщиков, скрытно пробирающаяся по дворцу, стрельба в пустых коридорах королевских покоев — все это было чуждо Миловановичу»⁴⁸.

Милованович учился в Париже, там же защитил докторскую диссертацию по юриспруденции, вернувшись в Сербию, возглавил кафедру международного права и энциклопедии Великой школы в Белграде, разрабатывал проекты ряда конституций сербского государства, участвовал в составлении Гаагской конвенции 1907 г.

Дипломатическая карьера Миловановича была недолгой, но успешной. Сначала он (один год) служил консулом в Будапеште, затем посланником в Бухаресте, чрезвычайным и полномочным посланником в Риме, а с 1908 г. он министр иностранных дел. В 1911 г. он был назначен председателем совета министров. Последние четыре года Милованович активно участвовал в создании Балканского союза. Чтобы лучше понять сложность этой задачи, необходимо остановиться на внутреннем положении Сербии того времени.

Внутриполитическое положение в Сербии в период создания Балканского союза

Обстановка в Сербском королевстве, сложившаяся после прихода в мае 1903 г. к власти династии Карагеоргиевичей, характеризовалась соперничеством различных политических сил и была неустойчивой, несмотря на временное укрепление режима в результате принятия новой конституции.

Последняя заметно расширяла права Народной скупщины и Сената, наделив их прерогативами верховной законодательной власти. Там шла междоусобная борьба буржуазных партий: сторонников нового режима, которых представляли главным образом радикалы, и оппозиции. Монархия встречала также сопротивление со стороны республиканцев, которые хотя и не были еще объединены в единый блок, но представляли уже значительную силу. Республиканские взгляды высказывали социал-демократы, часть либералов и «самостальцев»⁴⁹.

Опорой династии являлась армия. Однако среди ее руководства не было полного единства. Офицерство делилось на две соперничавшие группировки. Одну из них представляло высшее придворное офицерство (своего рода преторианская гвардия). Многие из «преторианцев» участвовали в заговоре 1903 г., после которого Петр I взшел на трон. «Заговорщики» («завереники») — ультрамонархисты по своим взглядам — были сторонниками военной диктатуры, а в области внешней политики стояли на крайних позициях, призывая Сербское королевство расширять свою территорию при помощи войн.

Другую группу военных составляло среднее офицерство, служившее главным образом в провинции. Оно было недовольно привилегированным положением столичных военных и выступало с требованием реформ в армии. Сторонники этого направления называли себя «контрзавереника-

ми» (антизаговорщиками), или «контрачами». Среди них было немало республиканцев.

В 1911 г. в Сербии появилась третья группа военных — тайный союз «Объединение или смерть» («Черная рука») ⁵⁰. Его руководителем был начальник осведомительного отдела генерального штаба полковник Драгутин Димитриевич-Апис, один из участников дворцового переворота. Союз пользовался негласной поддержкой многих высших офицеров, в том числе начальника генерального штаба воеводы Радомира Путника. Он ставил своей задачей присоединение к Сербскому королевству при помощи войны все сербские земли, находившиеся за его пределами. Программа союза предусматривала также осуществление заговоров, диверсий и террористических актов. В проскрипционном списке союза числились болгарский царь Фердинанд I, греческий король Георг I, австрийский престолонаследник Франц Фердинанд и многие другие руководящие государственные деятели соседних стран. Тайный офицерский союз склонялся к введению в стране военной диктатуры при сохранении монархии. Однако часть его членов высказывалась за республику. Засилье военщины являлось признаком слабости сербской монархии. Лидер социал-демократической партии Сербии Д. Туцович писал в статье «Преторианство и демократия», что, до тех пор пока правительство не предпримет самых решительных мер против милитаристских кругов, Сербия не выйдет из состояния внутреннего кризиса ⁵¹.

Сербская монархия была вынуждена считаться с военными кругами и в то же время пыталась опираться на парламент. Во главе Сербского королевства стоял Петр I Карагеоргиевич (1844—1921), обязанный своим воцарением как военным, так и Народной скупщине, которая приняла решение о приглашении его на престол. Любопытна необычная биография этого монарха. В литературе его называют «королем-изгнанником», поскольку большую часть своей жизни (63 года) он провел вне пределов Сербии, сначала (1844—1903) скрываясь от преследований династии Обреновичей, затем (1915—1918) уехав из страны, которая находилась под австро-венгерской оккупацией. Петр Карагеоргиевич, внук основателя сербского государства и вождя Первого сербского восстания 1804—1813 гг. Петра Карагеоргия, участвовал на стороне Франции в войне 1870—1871 гг. с Пруссией, а также в герцеговинском восстании 1875 г. против османского ига. Он был одним из лидеров сербской эмиграции. После восшествия на престол, чтобы

укрепить династию, Петр I породнился с домом Романовых, выдав свою дочь Елену за князя Иоанна Константиновича Романова. В январе 1910 г. в Петербурге была сыграна роскошная свадьба. Шаферами новобрачных были царь и царица. В 1914 г. семидесятилетний король передал управление государством сыну Александру, назначив его регентом. В 1921 г. он умер в одиночестве, оставленный придворными и забытый собственными детьми⁵².

. Престолонаследник (с 1921 г.— король) Александр в изучаемый период не играл еще ведущей роли во внутриполитической жизни государства, но оказывал уже заметное влияние на придворные круги. Целеустремленный и коварный, принц использовал все средства для достижения власти. В 1909 г. он добился отстранения от престолонаследия своего старшего брата Георгия⁵³. Александр создал при дворе свою преторианскую группу — «Белую руку» (около 50 человек), установил связи с генеральным штабом, постепенно подчинив себе руководство армией.

Все это должен был учитывать Милованович, чтобы привлечь к своему плану создания Балканского союза разные силы и течения сербского общества. Доступные исследователям источники не позволяют проследить все перипетии борьбы Миловановича за осуществление этого плана. Остается, например, загадкой, история, как главе сербского правительства удалось перетянуть на свою сторону лидеров тайного общества «Объединение или смерть». Первоначально последние были решительными противниками сближения с Болгарией и даже угрожали Миловановичу физической расправой, если он не пересмотрит своей программы⁵⁴. Однажды в автомобиль Миловановича проник член общества майор Войин Танкосич и, угрожая револьвером, потребовал отказа министра от намеченного внешнеполитического курса. Милованович, однако, не только устоял перед этой угрозой, но и сумел переубедить Танкосича и других руководителей общества в ошибочности их взглядов. Во время первой Балканской войны черноруковцы взаимодействовали с болгарскими четами, а сама организация получала финансовую помощь от сербского правительства.

Милованович при осуществлении своих планов опирался на поддержку российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига, сторонника создания Балканского союза. Министр согласовал эти планы также с русским правительством. Он дважды, в 1910 и 1911 гг. приезжал в Петербург и вел переговоры о создании союза с А. П. Извольским и С. Д. Сазоновым.

Подписание болгаро-сербского союзного договора

Ход болгаро-сербских переговоров о подписании союзного договора обстоятельно освещен в воспоминаниях главы болгарского правительства И. Гешова⁵⁵, о них читатель может также узнать из работ В. А. Жебокрицкого и А. К. Мартыненко⁵⁶. Менее исследован вопрос о непосредственных причинах, подтолкнувших оба правительства на этот шаг. В Архиве внешней политики России хранятся интересные документы, которые позволяют установить, что уже в начале 1911 г., т. е. задолго до итало-турецкой войны, которую в литературе считают главной причиной подписания болгаро-сербского договора о военном союзе, в Софии и Белграде стали обсуждаться эти планы. Оба правительства оказались обеспокоенными намерениями Австро-Венгрии воспользоваться вспыхнувшим в 1910 г. восстанием в Албании и захватить Новопазарский Санджак, а также установить свой протекторат над самой Албанией⁵⁷.

Об этом свидетельствует донесение российского посла в Константинополе Н. В. Чарыкова С. Д. Сазонову от января 1911 г., в котором сообщалось, что находившийся в то время в Турции с визитом болгарский царь, узнав о концентрации австро-венгерских войск у границ Новопазарского Санджака, «оставил все прочие дела» и срочно посетил российское посольство, чтобы прозондировать позицию России. Фердинанд, согласно сообщению Н. В. Чарыкова, назвал планы Австро-Венгрии «единственной угрозой миру» на Балканах и подчеркнул заинтересованность Болгарии в Салониках⁵⁸.

Еще более определенно на этот счет высказался председатель Народного собрания Болгарии Ст. Данев в беседе с временным поверенным в делах России в Софии С. Л. Урусовым, состоявшейся 21 марта. Данев прямо заявил, что единственным средством предотвращения экспансионистских планов Австро-Венгрии явилось заключение военно-политического союза балканских государств под покровительством России. Необходимо, сказал он, «создать оплот против попытки Австро-Венгрии к расширению своего владычества на Балканах, в особенности в сторону Салоник». Данев дал понять, что обладание Салониками является заветной целью самой Болгарии⁵⁹.

В сентябре болгаро-австрийские отношения настолько обострились, что Болгария оказалась готовой послать в Новопазарский Санджак свои войска, чтобы помешать захвату

его Австро-Венгрией. А. В. Неклюдов сообщал С. Д. Сазонову 19 сентября: «Генерал Фичев, доверенное лицо царя, в беседе с французским посланником заявил, что Болгария вступит в действие в двух случаях: войны Греции с Турцией и вступления Австро-Венгрии в Санджак. В последнем случае болгарские войска двинулись бы на два фронта: к Адрианополю и в долину Вардара»⁶⁰.

Для Сербии проблема Новопазарского санджака имела еще большее значение. В случае его захвата Австро-Венгрией страна оказывалась бы окруженной владениями монархий Габсбургов почти со всех сторон и навсегда лишилась бы выхода к морю. Сербское правительство чрезвычайно остро реагировало на эту угрозу. 17 сентября 1911 г. М. Милованович, посетив Н. Г. Гартвига, сделал заявление о твердом намерении Сербии противостоять экспансии монархии⁶¹. 2 октября в российское посольство прибыл сам король Петр I, который предупредил о возможности войны Сербии с Австро-Венгрией. «Сербия не будет удержана, если австрийские войска перейдут границу Санджака,— заявил он.— Мы, конечно, будем раздавлены, но это нас не остановит»⁶².

Другой причиной, ускорившей заключение болгаро-сербского соглашения о союзе, была итало-турецкая война. И. Гешов писал в воспоминаниях, что переговоры между Болгарией и Сербией начались сразу после ее объявления. Первая встреча Миловановича и Гешова произошла в поезде на перегоне Белград — станция Лапово. Чтобы ввести в заблуждение австрийских шпионов, которыми, по словам Гешова, «кишел Белград», свидание состоялось поздно ночью. В поезд болгарский премьер-министр шел под чужим паспортом, а с паспортом Гешова в Белград отправился другой человек⁶³. Во время встречи, продолжавшейся 3 часа, были обсуждены все аспекты будущего болгаро-сербского договора о союзе. «Мы,— вспоминал Гешов,— коснулись всех вопросов, интересующих обе стороны, начиная с итало-турецкой войны и младотурецкого режима»⁶⁴.

Болгарский министр пытался выяснить позицию Сербии по поводу возможной войны союзников с Турцией, однако Милованович отнесся к этому с осторожностью, выдвинув прежде всего задачу укрепления союза с Россией. «Как только был поднят вопрос о ликвидации Турции,— вспоминал И. Гешов,— господин Милованович пустился в длинные рассуждения о настоящем и будущем наших стран». «Нужно подождать конца этой войны и обеспечить за собой поддержку России,— заявил он.— Без этой поддержки

нельзя и не нужно ничего предпринимать»: «О да! — воскликнул в ответ Гешов. — Если бы одновременно с ликвидацией Турции мог наступить и распад Австро-Венгрии, все разрешилось бы очень просто: Сербия получила бы Боснию и Герцеговину, Румыния — Трансильванию, а мы не боялись бы румынского вмешательства в нашу войну с Турцией»⁶⁵.

Болгария и Сербия, как свидетельствует И. Гешов, на первом этапе переговоров о союзе преследовали неодинаковые цели: для Сербии главной задачей была оборона против Австро-Венгрии, для Болгарии — война с Турцией. Несмотря на эти расхождения, 29 февраля (13 марта) 1912 г. договор о дружбе и союзе между Болгарией и Сербией был подписан. 29 апреля того же года он был дополнен секретной военной конвенцией, а в июне в Варне состоялось совещание начальников генеральных штабов генерала И. Фичева и воеводы Р. Путника, во время которого были согласованы военно-оперативные планы сторон⁶⁶.

Большой интерес вызывает вопрос, почему Болгария и Сербия, стремившиеся к созданию союза под эгидой России, утаивали от русского правительства военную конвенцию, которая была его основой. Ст. Данев писал в воспоминаниях, что когда он в апреле 1912 г. встретился в Ливадии с царем и Сазоновым, то ничего не сказал им о разрабатывавшейся в ту пору военной конвенции⁶⁷.

Мало того, о содержании конвенции и решений совещания начальников генеральных штабов знали далеко не все члены болгарского и сербского правительств, не говоря уже о дипломатах, аккредитованных в странах Тройственного соглашения.

Д. Попович, сербский посланник в Петербурге, жаловался, что неосведомленность о характере болгаро-сербской конвенции ставила его в тупик при встречах с С. Д. Сазоновым, который интересовался подробностями болгаро-сербского соглашения о союзе. В своих воспоминаниях дипломат писал, что, находясь в отпуске в Белграде, он посетил главу сербского правительства и спросил, какие будут инструкции, если на Балканах начнется война. Пашич, по словам Поповича, ответил посланнику неопределенно. «„Трудно сказать, — заявил он, — может быть, будет конфликт, может быть, нет“. „И это все?“ — спросил я Пашича. „И это все“, — ответил он мне, посланнику, аккредитованному в одной из самых важных для нас стран, от которой мы ожидаем наибольшей помощи и которая должна стать верховным арбитром для балканских стран»⁶⁸.

Болгарское и сербское правительства тщательно скрывали свои военные планы, опасаясь отказа России и других держав Тройственного согласия поддержать их в войне с Турцией и Австро-Венгрией.

Позиция России в этом вопросе нашла отражение в ряде документов. Так, Н. Г. Гартвиг в беседе с М. Миловановичем 17 сентября прямо призвал Сербию не поддаваться на австро-венгерскую провокацию и сохранять мир. «Сохранение мира на Балканах,— заявил он,— будет зависеть от самих балканских государств»⁶⁹.

То же самое посланник повторил Петру I 27 февраля 1912 г., за два дня до подписания болгаро-сербского договора. «Я особенно подчеркнул то обстоятельство, что, по мнению русского правительства, соглашение (с Болгарией.— Ю. П.) должно содействовать укреплению порядка на Балканах... но отнюдь не служить орудием в их руках для каких-либо завбевательных замыслов»⁷⁰.

Идентичное разъяснение позиции России еще 12 октября 1911 г. сделал посланник в Софии А. В. Неклюдов. Встретившись с И. Гешовым, он сказал, что Россия стоит за заключение оборонительного союза Болгарии с Сербией, но является решительной противницей военных акций. Не ограничившись этой встречей, А. В. Неклюдов через несколько дней нанес визит сербскому посланнику в Софии М. Спалайковичу. «Я объявил категорически Спалайковичу,— сообщая в Петербург Неклюдов,— что о каких-либо планах раздела Турции Россия и слышать не хочет»⁷¹.

Наконец, позиция России была четко определена самим Сазоновым и царем. Во время упомянутой встречи с Ст. Даневым в Ливадии царь и Сазонов предупредили, что Россия согласна стать верховным покровителем и арбитром Балканского союза, но станет поддерживать только оборонительные действия союзников. Одновременно Сазонов предостерег Данева от опасности привлечения к союзу Черногории, указав, что черногорский король может использовать Баяканский союз для войны с Турцией⁷². На этом этапе Россия по той же причине не видела необходимости включения в состав союза и Греции. Черногория и Греция занимали наиболее решительные антиавстрийские позиции, но в то же время не обладали значительными военными силами. Вопрос же об их участии в антиавстрийской коалиции казался Петербургу проблематичным.

Вовлечение в Балканский союз Греции и Черногории

Однако болгарское и сербское правительства по своей инициативе повели переговоры с Черногорией и Грецией. 16 мая 1912 г. был подписан болгаро-греческий договор. Формально союз носил оборонительный характер, но мог стать и наступательным, так как предусматривал обязательства обоих государств об оказании взаимной помощи в «случае систематического нарушения международных прав на Балканах» третьей стороной. Об этом свидетельствовала и военная конвенция Греции и Болгарии о совместном выступлении против Турции, подписанная 22 сентября 1912 г.

Заключительным актом создания Балканского союза явилось присоединение к нему Черногории. Переговоры с Черногорией начала Болгария⁷³. В конце мая 1912 г. уполномоченные болгарского правительства встретились в Вене с министром иностранных дел Черногории Душаном Греговичем и выработали общие принципы соглашения о союзе. Затем переговоры были продолжены в Цетинье самим королем Николаем и болгарским посланником Н. Колушевым⁷⁴, а 15 сентября было заключено устное болгаро-черногорское соглашение о военном союзе против Турции. Черногория обязывалась первой вступить в войну (за месяц до Болгарии), Болгария брала на себя обязательства финансировать содержание черногорского войска в течение трех месяцев войны⁷⁵.

Значительно сложнее обстояло дело с подписанием черногоро-сербского договора. Между обоими государствами весной 1912 г. обострились отношения в связи с вопросом о строительстве в Сербии двух мемориальных памятников: музея в Топлице (по случаю столетнего юбилея со дня Первого сербского восстания 1804—1813 гг.) и королевской усыпальницы Карагеоргиевичей в Опленце.

За этим конфликтом, носившим на первый взгляд чисто династический характер, скрывались более серьезные политические мотивы. Сербия после воцарения династии Карагеоргиевичей все более становилась «югославянским Пьемонтом», что беспокоило честолюбивого черногорского короля Николая, который сам хотел стать «первым сербом», объединив вокруг Черногории сербские территории. Строительство мемориалов в Сербии могло поднять ее престиж. На просьбу короля Петра I перезахоронить в усыпальнице Карагеоргиевичей останки его супруги Зорки и двух сыно-

вей, умерших в Цетинье, король Николай ответил отказом, заявив, что прах его дочери должен покоиться на черногорской земле⁷⁶.

Только после долгих уговоров, в которых приняла участие царская дипломатия, глава черногорского государства дал свое согласие на перезахоронение, но продиктовал свои условия. Из Цетинье в Сербию был отправлен черногорский траурный поезд. Его сопровождали министр иностранных дел Д. Грегевич и генерал-адъютант короля бригадир М. Мартинович. Сначала ковчег под пушечный салют отправили из Антивари парохомом до Триеста, затем железной дорогой до пограничной венгерской станции Зимон (Земун). Но дальше вдруг возникли осложнения. Встал вопрос, как быть при его следовании по сербской земле. Кто должен сопровождать траурный поезд: сербы или черногорцы, кому будет отдано предпочтение при церемонии захоронения в Опленаци? Царской дипломатии опять пришлось улаживать дело, чтобы избежать скандала.

Вскоре возникли новые черногоро-сербские осложнения. В конце мая — начале июня 1912 г. король Николай выехал с торжественным визитом в Вену по приглашению императора Франца Иосифа. Это была первая его поездка в Австро-Венгрию после провозглашения Черногории королевством. Николай I придавал ей особое значение, а в Белграде, напротив, к визиту черногорского короля отнеслись с крайней подозрительностью. Черногорский монарх был принят в Вене с подчеркнутой предупредительностью. Он был размещен в императорском дворце, встречался с престолонаследником Францем Фердинандом, его наградили высшими орденами Австро-Венгрии. Особенно большое беспокойство Сербии и России вызвало назначение черногорского короля шефом 55-го австрийского пехотного полка, расквартированного близ границы России, а также его доверительные беседы с лидером военной партии Австро-Венгрии эрцгерцогом Францем Фердинандом⁷⁷.

К концу лета 1912 г. черногоро-сербские противоречия, однако, стали смягчаться, а отношения с Турцией, напротив, приняли в то время остроконфликтный характер. На черногоро-турецкой границе столкновения следовали одно за другим. 12 и 19 июля в Беранском районе и селе Кочаны дело дошло до кровавых инцидентов. В Кочанах турецкими войсками была устроена резня среди черногорского населения, во время которой были убиты 27 и ранены 180 человек. Антитурецкие настроения охватили всю Черногорию. В августе между Турцией и Черногорией были прер-

ваны дипломатические отношения: оба государства де-факто отозвали своих представителей⁷⁸.

Россия и Франция предприняли попытку предотвратить назревающую военную конфронтацию. С. Д. Сазонов и Р. Пуанкаре 25 сентября обратили внимание турецкого правительства на то, что оно берет на себя ответственность «за непонимание серьезности положения», предложив отозвать войска от границ Черногории и других балканских государств и провести административные реформы в Турции с учетом интересов нетурецких народов⁷⁹.

Через два дня Петербург и Париж сделали новое предупреждение Турции, указав на тяжелые последствия, к которым может привести ее политика на Балканах. 27 сентября С. Д. Сазонов в телеграмме русскому послу в Константинополе М. Н. Гирсу предложил уведомить турецкое правительство, что в случае агрессии Турции Россия не сможет «отказать славянским государствам в защите их интересов»⁸⁰.

Одновременно русское и французское правительства предприняли новую попытку удержать Черногорию от войны с Турцией, которая, однако, не увенчалась успехом.

Назревал также военный конфликт между Болгарией и Турцией и между Сербией и Турцией. Н. Г. Гартвиг доносил в Петербург 10 сентября: «Общественность (Сербии.— Ю. П.) все более стоит за войну с Турцией»⁸¹. 17 сентября посланник сообщил, что король Петр I вопреки советам России отдал секретный приказ о мобилизации армии⁸².

Аналогичные сведения поступали и из Софии. «Общее настроение весьма тревожно»,— уведомлял Петербург А. В. Неклюдов. «Царь Фердинанд,— писал посланник,— невзирая на предупреждения с нашей стороны, может все-таки ринуться, очертя голову, в роковую борьбу с Турцией»⁸³.

Надвигающаяся схватка с Османской империей сблизила Сербию с Черногорией. В начале октября 1912 г. впервые за долгие годы между обоими государствами был заключен союз. В Люцерне (Швейцария) представители черногорского и сербского правительств подписали две важные секретные конвенции: политическую и военную⁸⁴. Первая определяла общие принципы совместной политики во время войны, вторая фиксировала роль каждого государства в военных действиях, предусматривая развертывание операций не только против Турции, но и в случае агрессии со стороны Австро-Венгрии — против монархии Габсбургов. Принципиально важным положением союзной конвенции было

определение главной цели войны. Оба государства брали на себя обязательства отказаться от междоусобных распрей во имя достижения задачи освобождения от османского ига югославянских народов. Подписанием черногорско-сербского соглашения завершилось создание Балканского союза.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 155.
- ² АВПР, ф. ПА, д. 3770, л. 200.
- ³ Виноградов В. Н., Писарев Ю. А. 1905—1907 годы в России и революционные процессы на Балканах.— ВИ, 1976, № 6, с. 67.
- ⁴ См.: Први конгрес Српске социал-демократске партије и Главног радничког савеза. Београд, 1953, с. 11.
- ⁵ См.: Виноградов В. Н., Писарев Ю. А. 1905—1907 годы..., с. 67.
- ⁶ См.: Синдикални покрет у Србији (1903—1919). Београд, 1958; Работническото движение в България: Материали. С., 1953, т. 1, с. 100—102, 235, 262—263.
- ⁷ Димитров Г. Съчинения. С., 1951, т. 1, с. 295—296.
- ⁸ Драговић Р. Изобр. чланака. Београд, 1954, с. 177.
- ⁹ Тџовић Д. Законско осигурање радника. Београд, 1911, т. 28.
- ¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 269.
- ¹¹ Статистически годишник на Българското царство за 1912 г. С., 1915, с. 323—327.
- ¹² См.: Нинчић М. Царински савез Србије и Бугарске.— Дело, књ 31, с. 326; Костић Ц. Уговор о царинском савезу Србије и Бугарске, 1905.— Економист, 1933, № 2.
- ¹³ Тодоровић М. Солун и балканско питање. Београд, 1913, с. 37.
- ¹⁴ Владимиров Л. Война и Балканы. Пг., 1918, с. 34—35; Борџевић Д. Србија и Балкан на почетку XX века.— В кн.: Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1965, с. 208—209.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 156.
- ¹⁶ Историјски архив КПЈ, Београд, 1950, т. VI, с. 267.
- ¹⁷ См.: Маринова М. Българските марксисти в защита на националните интереси България, 1900—1912. С., 1976, с. 118, 121.
- ¹⁸ См.: Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите и пленумите на ЦК, 1891—1918. С., 1957, т. I, с. 341.
- ¹⁹ См.: Димитријевић С. Балкански социјалисти и први светски рат.— В кн.: Прилози за историју социјализма. Београд, 1964, књ 1.
- ²⁰ См. библиографију данной книги.
- ²¹ См. подробнее: Първи конгрес на Българското историческо дружество. С., 1972, с. 585—590.
- ²² Благоев Д. Съчинения. С., 1960, т. 13, с. 284, 530.
- ²³ Кабакчиев Хр. Към балканска федерация. С., 1913; Коларов В. Поебди и поражения.— Работнически вестник, 1912, № 149, с. 152, 193.
- ²⁴ Работнически вестник, 1913, 25 май.
- ²⁵ См.: Велев Л. Болгарский земледельческий союз и идея балканской федерации (1908—1919) — Etudes Historiques, 1973, t. IV, p. 307—315.
- ²⁶ Стателова Е. Политика, партия, печат на българската буржуазия, 1909—1912. С., 1973, с. 122.
- ²⁷ См.: Огнянов Л. Борбата на БЗНС против първата световна война. С., 1977, с. 110.
- ²⁸ См.: Велев Л. Болгарский земледельческий союз..., с. 308—309.
- ²⁹ См.: Велев Л. Политические партии в Болгарии и балканские войны 1912—1913 гг.— Etudes Historiques, 1968, 4, p. 446—447.

- ³⁰ См.: *Пантев А.* и др. Външната политика на България и опозиционните партии (1900—1914).— ИИИ, 1974, т. 23, с. 127—136.
- ³¹ См.: *Иван Евстратиев Гешов.* Възгледи и дейности. С., 1926.
- ³² После монархо-фашистското преврътане 1923 г. Ст. Данев прикнел към Демократическому съюзу. В края на живота занимавал преподавателска и литературна дейност.
- ³³ См.: *Крачунов К.* Външната политика на България (Кабинет Малинов, 1908—1911). С., 1931, с. 43.
- ³⁴ См.: *Димитров Г.* Речи, доклади, статии. С., 1947, т. III, с. 164.
- ³⁵ См.: *Йовков Й.* Кобургът: (Хроника на царуването на Фердинанд I Сакс—Кобург—Готски). С., 1978.
- ³⁶ См.: Там же, с. 303—304.
- ³⁷ *Чубрилович В.* История политички мисли у Србији XIX века. Београд, 1958, с. 446, 449, 464, 478.
- ³⁸ См.: *Цвијетичанин Р.* Срби пред југословенским питањем. — Политика, 1981, 29 авг.
- ³⁹ См.: *Јанковић Д.* Југословенство у Србији 1903—1912.— Анали п. ф. у Београду, 1960, књ. 5/6, с. 523—535.
- ⁴⁰ См.: *Борђевић Д.* Пашић и Миловановић у преговорима за Балкански савез 1912 г.— ИЧ, 1959, № 9/10, с. 468—469.
- ⁴¹ ДАСРС, ф. Миловановић, д. 26, № 13.
- ⁴² ДАСРС, ф. Миловановић, д. 10, № 1.
- ⁴³ ДАСРС, ф. Миловановић, д. 26, № 13.
- ⁴⁴ *Борђевић Д.* Пашић и Миловановић..., 467—469.
- ⁴⁵ См.: *Поповић Д.* Никола Пашић и Русија.— Годишњак Николе Чушића, Београд, 1937, књ. XLVI, с. 147.
- ⁴⁶ В 1914—1948 гг. Н. Пашић возглавлял правительство, затем был заменен С. Протицем. Перед смертью он окончательно разошелся с Александром, отказавшись передать секретные материалы МИДа за 1911—1914 гг., которые лишь недавно стали достоянием историков.
- ⁴⁷ См.: *Јовановић Ј.* Милован Миловановић.— СКГ, 1937, № 2/6.
- ⁴⁸ *Борђевић Д.* Милован Миловановић. Београд, 1962, с. 178.
- ⁴⁹ См.: *Раденић А.* Из страначких програма после мајског преврата 1903 године.— ИГ, 1960, № 1/2, с. 95—110.
- ⁵⁰ *Поповић Ч.* Организација „Уједињење или смрт“: Узроци и начин постанка.— Нова Европа, 1937, књ. 15/18.
- ⁵¹ См.: *Туцовић Д.* Изабрана дела. Београд, 1950, књ. II, с. 260.
- ⁵² Светозар Прибићевић, министар внатрешних дела Королевства сербов, хорватов и словенцев, тако описао кончину Петра: «Король умер в присутствии Пашича и моего. Он лежал в комнате с голыми стенами, кое-где замазанными краской. В помещении не было ничего, кроме железной кровати и стола. Его труп был покрыт солдатской шинелью. Когда король умирал, никого из его детей не было». Сын короля Георгий и дочь Елена не успели прибыть к моменту кончины своего отца, младший сын регент Александр находился во Франции и не захотел приехать даже на похороны. См.: *Pribičević S.* La dictature du roi Alexandre. P., 1933, p. 159.
- ⁵³ *Karađorđević D.* Istina o momе životu. Beograd, 1969.
- ⁵⁴ ДАСРС, ф. Миловановић, д. 16, № 23; д. 18, № 5, 9.
- ⁵⁵ См.: *Гешов И.* Балкански союз: Воспоминания и документи. СПб., 1915, с. 15—16.
- ⁵⁶ См.: *Жебокришкић В. А.* Болгария накануне Балканских войн, 1912—1913. Киев, 1960; *Маргъненко А. К.* Болгария в Балканском союзу 1912 року.— Историчні зв'язки славянських народів. АН УРСР: Наукові записки. Київ, 1956, т. 7.

- 57 См.: *Галкин И. С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции (1905—1912). М., 1960; *Steinitz E.* Berhtolds albanische Politik.— ВМ, 1932, N 2, S. 153—168; *Schwedemann K.* Grundzüge der Balkanpolitik Österreich-Ungarns, 1908—1914.— ВМ, 1930, N 3, S. 203—226.
- 58 АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 21, л. 8.
- 59 АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 21, л. 61.
- 60 АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 21, л. 163.
- 61 АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 138, л. 51.
- 62 МОЭИ. Сер. 2, т. XVIII, ч. 2, с. 65.
- 63 См.: *Гешов И.* Балканский союз, с. 15—16.
- 64 Там же.
- 65 Там же.
- 66 См.: *Кесяков Д.* Принос към дипломатическата история на България, 1875—1925. С., 1925, с. 58—61.
- 67 См.: *Данев Ст.* Моите аудиенции с императора Николай II.— Сила, 1922, № 18.
- 68 *Поповиќ Д.* Никола Пашиќ..., с. 147.
- 69 АВПР, ф. Канцелярия, 1942, д. 21, л. 257.
- 70 МОЭИ, Сер. 2, т. XX, ч. 2, № 61, № 613
- 71 МОЭИ: Сер. 2, т. XX, ч. 1, № 100.
- 72 МОЭИ. Сер. 2, т. XX, ч. 1, № 4; *Кесяков Д.* Принос към дипломатическата история..., с. 58—61.
- 73 См.: *Генчев А.* Межсъюзническата война 1913 година. С., 1940, с. 45—51.
- 74 См.: *Тошев А.* Балканските войни, т. 1, с. 361.
- 75 По 35 тыс. левов в месяц из расчета 1 лев в день на каждого черногорца. См.: Красный арх., 1926, т. 2 (15), с. 22.
- 76 АВПР, ф. ПА, д. 599, л. 13—14.
- 77 АВПР, ф. ПА, д. 1599, л. 63.
- 78 См.: История Болгарии. М., 1954, т. 1, с. 483.
- 79 АВПР, ф. ПА, д. 129, л. 115.
- 80 АВПР, ф. ПА, д. 2846, л. 116.
- 81 СР, Вд. 33, N 12075, 12099, 12115.
- 82 АВПР, ф. ПА, д. 2846, № 116.
- 83 МОЭИ. Сер. 2, т. XX, ч. 1, № 402.
- 84 См.: *Ракочевиќ Н.* Политички односи Црне Горе и Србије 1903—1918. Цетиње, 1981, с. 163—164.

Глава четвертая

ПЕРВАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ

Международная солидарность народов с освободительной войной против Османской империи

26 сентября (9 октября) 1912 г. на дворцовой площади столицы Черногории Цетинье, заполненной ликующей толпой, был зачитан манифест об объявлении войны вековому угнетателю славян — Османской монархии. Свободолюбивый черногорский народ (население 230 тыс. человек), подняв знамя освободительной войны, бросил дерзкий вызов империи, которая на первый взгляд казалась непобедимой.

Остальные члены Балканского союза сохраняли видимость нейтралитета, предоставив инициативу объявления войны черногорскому государству. Такая тактика позволяла проверить реакцию великих держав на выступление Черногории и предотвращала их нежелательное вмешательство. Черногорско-турецкая война в глазах европейских правительств выглядела как локальный конфликт, не вызывавший серьезной тревоги за дело мира на континенте. Вместе с тем героическая борьба черногорцев возбудила к себе симпатии европейской общественности, что имело для Балканского союза немаловажное значение.

План Балканского союза вполне удался. За исключением России, связанной с Черногорией военной конвенцией 1910 г., ни одна другая европейская держава не проявила особого беспокойства по поводу начавшейся войны. В столицах Европы господствовало мнение о быстром окончании этого конфликта или победе Турции над слабым противником.

«Германия поступила бы совсем иначе, если бы предвидела победу Балканского союза», — признался после войны турецкому послу в Берлине Мухтар-паше канцлер Теобальд Бетман-Гольвег¹. Еще более красноречиво о неожиданном для Германии исходе войны выразился новый германский посол в Константинополе Ганс Вангенгейм, сменивший переведенного в Лондон А. Маршалла фон Биберштейна. Вангенгейм не без ехидства писал Вильгельму II, что его пред-

пешественник, активно участвовавший в перевооружении турецкой армии, «своевременно сошел в могилу», не дожив до крушения своих планов, и что в более трудном положении находится инструктор турецкой армии германский генерал фон дер Гольц, который вынужден пережить позор поражения подведомственных ему войск².

Однако в начале войны дела Черногории обстояли не лучшим образом. Ее вооруженные силы значительно уступали по численности и техническому оснащению турецкой армии. Черногория не имела регулярных войск, которых заменяли ополченцы, насчитывавшие немногим больше 35 тыс. человек. На все черногорские войска приходилось 106 артиллерийских орудий устаревшей конструкции без достаточного запаса снарядов³.

Турецкие войска, напротив, были хорошо вооружены. Их артиллерия, укомплектованная скорострельными пушками германской фирмы Круппа, была в 10 раз мощнее черногорской⁴.

Король Черногории Николай скрыл намерение начать войну от русского военного агента полковника М. Н. Потапова, утвердив оперативный план на семейном совете с участием нескольких военных, созванном всего лишь за пять дней до ее начала⁵. При составлении оперативного плана им не были учтены особенности ведения войны в горной местности, были оставлены без внимания вопросы снабжения войск продовольствием и боеприпасами, а отряды не были обеспечены медицинским обслуживанием и связью. В неудовлетворительном состоянии оказалась и тыловая служба. Верховным главнокомандующим король назначил самого себя. Он же руководил штабом, где царил полный беспорядок. Австро-венгерский военный атташе в Цетинье капитан Густав Хубка так описывал обстановку в главной квартире черногорских вооруженных сил: «Поступающие (с фронта) донесения принимал, как правило, лично король. Потом эти бумаги валялись многие часы и даже дни на столах в курительной комнате или исчезали в просторных карманах королевского платья. Столь же примитивно обстояло дело с изданием распоряжений и их отправкой на фронт. Дешети составлялись без серьезного обдумывания, наспех, на них не ставилось даты, они нигде не регистрировались. Приказы писались от руки самим королем или под его диктовку одной из принцесс или кем-нибудь из присутствующих и тотчас, минуя проверку, отправлялись на телеграф»⁶.

Черногорские войска воевали на двух направлениях: Шкодринском (Скутарийском) и Косовском. Первое счита-

лось главным, и здесь действовали основные силы черногорцев — 2 бригады в составе 35 батальонов. Король Николай поставил перед этими войсками задачу — взять «с налета» сильно укрепленную крепость Шкодер (Скутари), господствующую над выходом в северную часть албанского Приморья. Командующим Зетским отрядом, который должен был первым войти в город, из династических соображений был назначен престолонаследник Данило, хотя он и не обладал военным опытом⁷. Черногорцы, успешно преодолев горные массивы, окружили крепость, но из-за отсутствия осадной техники взять ее не смогли. Черногорские войска понесли большие потери.

Косовский отряд (17 батальонов), которым командовал боевой и многоопытный командир сердар (генерал) Янко Вукотич, с боями продвинулся в глубь этой области, освободив ряд крупных населенных пунктов. Его поддерживало не только сербское и черногорское население вилайета, но и албанцы, поднявшиеся на восстание против османского ига. Отряд Я. Вукотича после вступления 5 (18) октября в войну Сербии, Болгарии и Греции установил контакты с сербскими войсками.

Соотношение сил на новом этапе войны стало уже в пользу балканских союзников, располагавших 578 тыс. солдат против 420 тыс. солдат Турции⁸. Но главное значение имел моральный фактор — освободительный характер войны для Балканского союза. Сербские, болгарские, греческие и черногорские войска воевали за прогрессивные цели, что вызвало у них боевой подъем, в то время как значительное число турецких войск, укомплектованных нетурецкими национальностями, не хотело воевать за Османскую империю и, как правило, оказывало лишь слабое сопротивление или отступало без боя. Еще накануне войны в Битоли и окрестных городах, где располагались турецкие гарнизоны, состоявшие из албанцев, вспыхнули восстания против султана. Большую помощь войскам Балканского союза оказывало местное население⁹.

Уже через три недели войска Балканского союза нанесли решающие поражения турецким армиям, освободив почти всю территорию европейской части Османской империи, за исключением узкой полосы, прикрывавшей подступы к Константинополю и черноморским проливам и трех осажденных крепостей: Скадара, Адрианополя и Янины.

22 октября Турция запросила перемирие, уведомив об этом правительство Франции. 31 октября великий визирь Кямиль-паша поставил тот же вопрос перед русским послан-

ником в Софии А. В. Неклюдовым, прося Россию о посредничестве¹⁰.

Главные военные цели Балканского союза были выполнены. «„Балканы — балканским народам!“ — это уже достигнуто», — писал в те дни В. И. Ленин¹¹. Отмечая историческое значение успехов Балканского союза, В. И. Ленин подчеркивал, что они «означают обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими пережитками»¹².

Первая Балканская война вызвала большой международный резонанс и способствовала подъему освободительных движений среди угнетенных народов Австро-Венгрии, прежде всего югославян. «Когда на Балканах грянул первый выстрел, его эхо отозвалось в самом отдаленном нашем селе», — писал известный словенский пролетарский писатель Иван Цанкар¹³.

Сразу после начала военных действий против Османской империи в ряде городов югославянских областей монархии Габсбургов прогрессивная интеллигенция и руководство оппозиционных буржуазных политических партий создали собрания в знак солидарности со странами Балканского союза: 20 и 23 октября — в Любляне, 27 октября — в Сплите и Шибенике, 4 ноября — в Сараеве, 12 ноября — в Дубровнике¹⁴.

«Большинство славянских народностей, — констатировал в австрийском рейхсрате один из лидеров пангерманизма, Иро, — явно высказывает симпатии балканским державам, особенно Сербии. Во многих городах происходят манифестации. При таком настроении населения монархии не может быть и речи о серьезном военном выступлении Австро-Венгрии»¹⁵.

Широкие размеры приняло добровольческое движение. Более тысячи волонтеров отправились в сербскую армию из Боснии, свыше 500 человек — в черногорские войска из Герцеговины¹⁶. В Македонии было создано 12 батальонов добровольцев, насчитывавших в общей сложности 14 тыс. человек¹⁷. Большая их часть воевала вместе с болгарской армией.

Почти все студенты и учащиеся: болгары, сербы и другие южные славяне, обучавшиеся в учебных заведениях России, записались добровольцами. К ним присоединились многие представители русской интеллигенции и студенчества¹⁸. Значительную помощь войскам Балканского союза оказывала также многочисленная сербская, черногорская, болгарская и греческая эмиграция в Америке и Европе.

Война за освобождение балканских народов встречала сочувствие далеко за пределами Балканского полуострова,

а военные успехи Сербии и ее союзников поднимали престиж Сербии как «югославянского Пьемонта»¹⁹.

Материалы, хранящиеся в Венгерском государственном архиве (Будапешт), свидетельствуют о большой популярности первой Балканской войны среди сербского населения южной Венгрии (Воеводина), а в архивах Вены содержатся многочисленные документы о развитии антиавстрийских и антигабсбургских настроений в Истрии и Далмации²⁰. В 1912 и 1913 в Боснии и Герцеговине под влиянием побед Сербии резко усилилось национально-революционное движение Омладины, известное в литературе под названием «Молодая Босния».

В. И. Ленин, внимательно наблюдавший за событиями на Балканах, предсказывал, что они могут оказать воздействие на ход исторических процессов во всей Юго-Восточной Европе. Балканский кризис, писал он, есть «одно из звеньев той цепи событий, которое с начала XX в. ведет повсюду к обострению классовых и международных противоречий, к войнам и революциям»²¹.

Вместе с тем В. И. Ленин, как и прежде, предостерегал от опасности использования великими державами войны против Турции балканских монархий в своекорыстных целях. В обращении РСДРП(б) «Ко всем гражданам России», написанном в 1912 г. В. И. Лениным и явившемся первым откликом большевиков на эту войну, говорилось, что последние «становятся все более склонными к отчаянным авантюрам»²² и что вмешательство великих держав может привести к общеевропейскому конфликту.

Политика России в период первой Балканской войны

При анализе политики России на Балканах в тот период необходимо учитывать ряд факторов, которые ставили ее в особое положение по сравнению с другими великими державами, создавая для царской дипломатии дополнительные сложности. Одной из них была необходимость принимать решения в качестве верховного арбитра и быть посредником при возникновении споров в рамках Балканского союза. «Наше особое положение, — отмечал С. Д. Сазонов, — создает неблагоприятную для нас обязанность напоминать каждому из балканских государств о необходимости взаимной уступчивости»²³.

Вместе с тем Петербург не мог игнорировать и взятые в 1897 г. совместно с Веней обязательства о сохранении на

Балканах принципа статус-кво. Подтвержденное в 1903 г. в Мюрцштеге русско-австро-венгерское соглашение делало оба государства своего рода гарантами неприкосновенности государственных границ на Балканском полуострове, утвержденных Берлинским трактатом 1878 г. Правда, Австро-Венгрия, аннексировав в 1908 г. Боснию и Герцеговину, создала прецедент для нарушения этого принципа, но формально он по-прежнему считался основой основ политики на Балканах России, Австро-Венгрии и других великих держав.

Между тем Балканский союз выдвинул задачу пересмотра берлинской системы, и Россия вынуждена была считаться с этим. Ревизия принципа статус-кво становилась, таким образом, остройшей проблемой, затрагивавшей интересы многих государств.

Чрезвычайно важным для Петербурга являлся и вопрос о взаимоотношениях с Турцией. Война балканских союзников с Османской империей нарушала балканско-ближневосточную концепцию русского правительства о создании Всебалканского союза с участием в нем Турции. Россия должна была проводить чрезвычайно гибкую политику, чтобы сохранить возможность воздействовать на обе воюющие стороны, не потеряв позиции как в балканских государствах, так и в Турции.

Более частным, но тоже важным фактором, усложнявшим балканскую политику России, были ее обязательства перед Черногорией по двусторонней военной конвенции 1910 г. Хотя эта конвенция и была приостановлена Россией в 1912 г. из-за нарушения ее Черногорией, которая начала войну с Турцией вопреки желанию Петербурга, тем не менее само наличие этого документа²⁴ ставило Россию в затруднительное положение, о чем дали понять С. Д. Сазонову в Берлине, где его застала война. Т. Бетман-Гольвег и А. Кидерлен-Вехтер в беседах с С. Д. Сазоновым подчеркивали, что войну с Турцией начала союзница России Черногория и что поэтому Россия должна нести за нее ответственность. Они предупреждали, что если локальный конфликт на Балканах примет общеевропейский характер, то Россия будет виновницей мировой войны. Вот почему объявление Черногорией войны Турции, по словам самого Сазонова, произвело на него «удручающее впечатление»²⁵.

Идентичное настроение в начале войны было и у других ведущих государственных деятелей и дипломатов России. А. П. Извольский с тревогой писал С. Д. Сазонову 10 октября, что, как бы ни закончилась эта война, она создаст для

Российской империи значительные трудности. Возможны три ее исхода, предсказывал посол: победа Балканского союза, победа Турции и затяжная война. Первый вариант, по мнению Извольского, мог привести к конфронтации славянства с мусульманским миром, второй — к втягиванию России в войну с Турцией, третий — к усилению позиций Австро-Венгрии. Извольский писал, что самое лучшее для России — сохранять нейтралитет, не вмешиваясь в военный конфликт²⁶.

Эту точку зрения разделяли высшие государственные деятели России: царь, новый председатель совета министров В. Н. Коковцов, С. Д. Сазонов и большинство членов правительства. Царь высказал ее 21 октября, когда ему был доставлен доклад товарища министра иностранных дел А. А. Ператова, в котором анализировалась международная ситуация на Балканах. «Я,— сделал помету на упомянутом докладе Николай II,— настаиваю на полном невмешательстве России в предстоящие военные действия». Вместе с тем царь ратовал за обеспечение интересов Российской империи на Черном море. «Мы обязаны принять всякие меры для ограждения *своих* (подчеркнуто в тексте.— Ю. П.) интересов на Черном море»,— говорилось в резолюции²⁷.

В Архиве внешней политики России хранится ряд других важных, но еще не публиковавшихся документов о стратегии и тактике российского правительства в то время на Балканах. Особенно интересны два письма С. Д. Сазонова к А. П. Извольскому от 10 октября и 15 ноября, написанные, по-видимому, в ответ на цитированное выше письмо посла. Министр объяснял в этих документах позицию царского правительства в связи с начавшейся на Балканах войной.

Россия, писал Сазонов в первом письме, будет придерживаться политики нейтралитета, что отвечает не только ее собственным интересам, но и имеет международное значение, заставляя также и другие государства, прежде всего Австро-Венгрию, воздержаться от вмешательства в балканские дела. «Ценность наших нынешних отношений с венским кабинетом,— подчеркивал Сазонов,— обуславливается главным образом возможностью сойтись на условии чисто отрицательного характера, а именно невмешательства в войну с своекорыстными целями»²⁸.

Во втором письме говорилось о русско-турецкой и русско-румынской политике. «Для России, оставшейся в стороне во время войны,— писал министр,— представится возможность, с одной стороны, упрочить свое влияние среди бал-

канских государств со включением в их число, если возможно, Румынии, а с другой стороны, укрепить свое положение относительно Турции, которой придется более, чем когда-либо, считаться с нашим к ней отношением»²⁹.

Придерживаясь политики нейтралитета, Россия вместе с тем оказывала морально-политическую поддержку и широкую экономическую помощь Балканскому союзу. Не имея возможности организовать прямые военные поставки оружия балканским странам, что было бы встречено отрицательно в Турции, Россия использовала акционерное Общество российско-дунайского пароходства, поставлявшее в Болгарию и Сербию военные грузы, на которых, однако, была обозначена коммерческая маркировка. Так, в Сербию в октябре под видом невоенных товаров было отправлено из России 100 тыс. шинелей, 80 тыс. гимнастерок и палаток на 80 тыс. солдат и офицеров сербской армии³⁰.

Болгария таким же путем получила из России на 15 декабря 1912 г. оружия на общую сумму 224 299 руб.³¹ В ноябре — декабре 1912 и в январе 1913 г., в самые трудные для Черногории периоды, когда страна из-за плохого урожая и войны осталась без хлеба, Россия оказала черногорскому народу продовольственную помощь, передав бесплатно 375 тыс. пудов кукурузы и 137 тыс. пудов пшеничной муки³². Общие затраты русской казны на приобретение хлеба и его доставку в Черногорию составили 2150 тыс. крон³³. 16 января 1913 г. было принято решение о дополнительном ассигновании на продовольственные нужды Черногории 1150 тыс. крон³⁴.

Российское правительство дало негласное разрешение на сбор пожертвований в фонд помощи Балканскому союзу и на отправку на Балканы добровольцев, а также санитарно-медицинских отрядов. В советских архивах хранятся многочисленные материалы о широчайшем движении среди русской общественности в поддержку Балканского союза. Приведем лишь несколько примеров. Так, 10 октября Городская дума Петербурга ассигновала 100 тыс. руб. на организацию врачебно-санитарной помощи войскам Болгарии, Сербии, Черногории и Греции. 14 октября аналогичное решение приняла Городская дума Нижнего Новгорода, направившая в Болгарию 4 медико-санитарных отряда по 50 коек каждый³⁵. В тот же день Московская земская управа выступила с инициативой объединения усилий всех земств России с целью организации помощи славянским государствам³⁶. Петербургское Общество славянской взаимности, имеющее филиалы во всех крупных городах страны, приступило

к сбору пожертвований и за период с 4 октября 1912 по 1 мая 1913 г. собрало в общей сложности 38 633 руб.³⁷

Огромную помощь воинам балканских армий оказал российский Красный Крест. В Болгарию, например, он направил полевой военный госпиталь на 400 коек и 3 походных лазарета по 100 коек в каждом³⁸. Широкой известностью в Сербии пользовался лазарет, созданный на средства супруги русского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига А. П. Гартвиг-Фонвизиной³⁹. Другой лазарет в сербских войсках был организован женой директора I политического департамента МИД Г. Н. Трубецкого. В 1912—1913 гг. в Мраморном дворце в Петербурге производился сбор пожертвований в пользу семей греческих и сербских воинов, погибших на войне с Турцией⁴⁰. При Славянском обществе в Петербурге был создан специальный отдел им. М. Г. Черняева, который ведал сбором пожертвований. Аналогичный комитет был основан при газете «Новое время»; он отослал в Черногорию, Сербию и Болгарию 73 395 руб.⁴¹

Русское правительство в то же время строго следило за тем, чтобы общественность не разжигала антитурецкую повинистическую кампанию. В ноябре министерство внутренних дел наложило запрет на публикацию Славянским обществом в Петербурге приветствия балканским союзникам по случаю их побед, составленного в недоброжелательном духе по отношению к Турции. С. Д. Сазонов по той же причине отклонил проект А. В. Неклюдова о высадке 50-тысячного морского десанта в Бургасе или Мидии и о занятии им позиций в 50 км на север от Босфора для оказания давления на Турцию. Эта мера, по мнению министра, могла привести к обострению русско-турецких отношений, что противоречило основной линии петербургского кабинета⁴².

Исходя из общих принципов балканской политики, министерство иностранных дел России относилось и к вопросу о статус-кво. В начале войны, когда неясны были ее перспективы, оно поддерживало незыбленость этого принципа, чтобы помешать державам Запада начать раздел турецкого наследства, а в случае поражения Балканского союза сохранить в неприкосновенности территории его членов.

Военные успехи балканских союзников позволили Петербургу по-новому поставить вопрос относительно европейских территорий Турции, но в то же время оставить без изменения прежнюю точку зрения о проливах и невмешательстве великих держав в балканские дела.

18 октября С. Д. Сазонов писал Н. Г. Гартвигу и другим дипломатическим представителям России на Балканах, что

правительство готово пересмотреть Мюрцштегское соглашение 1903 г. о статус-кво при следующих условиях: 1) отказе великих держав от территориальных приобретений на Балканах; 2) признании балканскими государствами принципа равновесия сил и соблюдения ими достигнутых ранее соглашений и 3) сохранении за Турцией суверенитета над проливами и полосой территории, обеспечивающей их военную защиту (р. Марица — г. Адрианополь — Черное море)⁴³.

Таким образом, уже на этой стадии войны Россия первой из европейских держав высказалась за пересмотр в пользу балканских государств государственных границ, установленных Берлинским трактатом 1878 г., и поддержала требования балканских народов о воссоединении. Большое значение для балканских стран имело также предложение России о сохранении равновесия сил на Балканах и о соблюдении всеми государствами ранее взятых обязательств. Таким путем Россия пыталась сгладить междоусобные противоречия в рамках союза и за его пределами.

После победы сербов под Куманово 23—24 октября С. Д. Сазонов закрепил высказанную ранее точку зрения о статус-кво, заявив о необходимости пересмотра берлинской системы в духе упомянутых предложений российского правительства. «Статус-кво мертв и похоронен», — заявил он сербскому посланнику в Петербурге Д. Поповичу⁴⁴.

Предложения Сазонова о пересмотре принципа статус-кво на европейских территориях Турции не распространялись на остальную часть Османской империи, в том числе на черноморские проливы. Царская Россия с самого начала первой Балканской войны проводила последовательный курс на их сохранение в руках Турции при одновременном обеспечении в этом районе интересов Российской империи и других причерноморских государств.

Петербург стремился решить две задачи: не допустить расширения театра войны на Черное море, что могло не только подорвать торговлю России с Болгарией и Румынией, но и создать опасную ситуацию для самой Российской империи, во-первых, и помешать переходу проливов под контроль более сильного, чем Турция, государства или группы государств, во-вторых.

«Для нас, — писал С. Д. Сазонов послу в Константинополе М. Н. Гирсу 5 (17) октября 1912 г., — было бы в высшей степени желательно добиться выключения бассейна Черного моря из района военных действий, ибо, оказывая существенную услугу болгарам, мы в то же время обеспечили бы безопасность нашей торговли в Черном море, которая, несом-

ненно, разовьется во время войны как с болгарскими, так и с румынскими портами. В то же время мы утвердили бы этим принцип нашего преобладания на Черном море»⁴⁵.

Учитывая важность этого вопроса, С. Д. Сазонов пытался получить поддержку Франции. 22 сентября, т. е. еще до начала военных действий, он поручил А. П. Извольскому прозондировать почву насчет возможной позиции Франции в случае распространения войны на Черное море. Министр предлагал Франции как минимум выступить с совместным заявлением, предостерегающим Турцию против ведения военных действий в Черном море, а в случае неудачи этого демарша организовать у берегов Турции военно-морскую демонстрацию держав Антанты. Со своей стороны Сазонов обещал послать к проливам и побережью Болгарии черноморскую эскадру, а на Кавказе провести частичное сосредоточение у турецких границ русских войск⁴⁶.

Однако эти планы вскоре пришлось оставить. Ни Франция, ни Англия не поддержали Россию. С. Д. Сазонов писал председателю совета министров В. Н. Коковцову 10 октября, что его план давления на Турцию не удался и что союзники России по Тройственному согласию заняли уклончивую позицию. В этой обстановке, делал вывод министр, Россия должна отказаться от каких-либо односторонних военных демонстраций и придерживаться строгого нейтралитета. В. Н. Коковцов поддержал С. Д. Сазонова, и русское правительство ограничилось мерами оборонительного характера, задержав до 31 декабря 1912 г. увольнение в запас старослужащих из войск Кавказского военного округа и части войск Варшавского округа (на случай нарушения нейтралитета Австро-Венгрией)⁴⁷.

В середине октября в Петербурге возникла новая тревога — угроза захвата проливов Болгарией или изменения их статуса в связи с предложениями Англии об установлении международного контроля над этими жизненно важными для России коммуникациями.

Точка зрения царского правительства по этому вопросу была изложена в ряде документов: телеграмме С. Д. Сазонова посланцам в Лондоне и Париже от 15 октября⁴⁸, заявлении министра посланнику Болгарии в Петербурге С. Бобчеву от 18 октября⁴⁹, меморандуме МИД французскому правительству от 20 октября⁵⁰ и проекте С. Д. Сазонова о перемирии от 23 октября. Наибольший интерес представляет последний документ, в котором были суммированы предложения царского правительства по вопросу о проливах. С. Д. Сазонов предлагал вести переговоры о перемирии между Балкан-

ским союзом и Турцией на следующих главных условиях: 1) за Турцией остаются проливы с хинтерландом, в состав которого входит Адрианополь; 2) все остальные территории Турции в Европе подлежат разделу между Балканским союзом на основе взаимной договоренности его членов; 3) предусматривается возможность создания автономной Албании под суверенитетом Турции; 4) обеспечивается выход к Адриатическому морю Сербии; 5) гарантируется свобода транзита австро-венгерских товаров через вновь приобретенные территории Сербии⁵¹.

В конце октября — начале ноября наступил последний этап так называемого Константинопольского кризиса, вызванного угрозой пересмотра режима проливов в связи с поражением Турции в войне. В литературе этот этап обычно связывают с планами болгарского царя Фердинанда, который под влиянием побед Балканского союза над Турцией вынашивал идею создания «Великой Болгарии», включая в ее состав Константинополь и проливы. По словам директора политического отдела газеты «Таймс» У. Стида, находившегося в ту пору на Балканах, Фердинанд мечтал воссесть на турецкий престол под именем Симеона I, сохранив за собой и болгарское царство⁵².

Не отрицая личных амбиций честолюбивого Фердинанда, следует, однако, сказать, что эти планы разрабатывались не только в Софии. Болгарские историки Т. Влахов и И. Панайотов⁵³, исследовавшие этот вопрос, привели интересные материалы о том, что за спиной Фердинанда уже в то время, а не в период 2-й Балканской войны, как принято считать, стояли Германия и Австро-Венгрия, которые на заключительном этапе турецкой войны вели двойную игру: продолжая поддерживать Турцию, они в то же время учитывали и возможность победы Болгарии.

В качестве доказательства двойственной политики центральных держав историки привели ряд документов. Один из них — депеша австро-венгерского посла в Константинополе Я. Паллавичини Л. Берхтольду, относящаяся, по-видимому (документ не датирован), к концу октября — началу ноября, когда Турция вела мирные переговоры с Балканским союзом. «В последнее время я и германский посол, — сообщал Паллавичини, — каждый день бываем у турецкого министра иностранных дел и находимся в тесном контакте с другими политическими деятелями Турции. Во время бесед мы советуем не спешить с заключением мира... Рано еще делить шкуру неубитого медведя. Положение еще может измениться к лучшему»⁵⁴.

Другой документ, относящийся к тому же периоду, прямо противоположного характера. Он свидетельствует о поддержке Германией Болгарии, а не Турции. Это депеша германского посла в Константинополе Г. Вангенгейма кайзеру с указанием на то, что великий визирь Турции Кямилпаша, обеспокоенный возможной перспективой захвата болгарскими войсками Константинополя, обратился к германскому императору с личной просьбой о помощи. Вильгельм II на полях этой телеграммы сделал характерную для него надпись в стиле фельдфебеля: «Болгары влезут (в Константинополь.— Ю. П.) и хорошо, что влезут, а старый Кямил может спокойно подышать — ему почти сто лет»⁵⁵.

Двойственную политику проводили в то время также Англия и Франция. На словах поддерживая Турцию, Париж и Лондон выдвигали планы, посягавшие на ее суверенитет⁵⁶. Р. Пуанкаре давал России советы не мешать царю Фердинанду отобрать у турок Константинополь, а вопрос о границах Турции решить позже великими державами, как это было сделано в 1878 г. Берлинским конгрессом⁵⁷. Лорд Грей выдвинул проект нейтрализации проливов под международным контролем, что также ущемляло права Турции. Преимущество Англии в военном флоте обеспечивало ей фактический контроль над Босфором и Дарданеллами.

Царское правительство отклонило план нейтрализации проливов. «Для России,— писал начальник черноморского оперативного отряда Морского генерального штаба капитан 2-го ранга А. В. Немитц,— лучше иметь на Босфоре и в Дарданеллах турецкие пушки, чем увидеть там представителей международной интернационализации»⁵⁸.

Позицию Морского генерального штаба поддержал Генеральный штаб сухопутных вооруженных сил. 22 ноября в докладе по Генеральному штабу отмечалась целесообразность сохранения под суверенитетом Турции не только проливов, но и территорий, обеспечивающих их безопасность. В документе говорилось: «Если с общеславянской точки зрения совершенное удаление турок из Европы и представляется желательным, то с точки зрения военных интересов России на ее южном фланге оно безусловно невыгодно. Поэтому, не создавая особых препон к справедливому территориальному расширению союзных государств за счет Турции, желательно, однако, положить известный предел этому расширению славянских государств, оставив часть территории Балканского полуострова в руках Оттоманской империи»⁵⁹.

Дальнейшее развитие конфликта вокруг вопроса о Константинополе и проливах приостановилось на некоторое вре-

мя после заключения 3 декабря перемирия между Балканским союзом и Турцией. На этот раз инициатором переговоров о прекращении войны выступила Болгария. Болгарские войска не смогли взять Чатаджинские высоты, и план Фердинанда о походе на Константинополь, к которому подталкивала Германия, а по некоторым данным и Англия⁶⁰, сорвался. Оказались несостоятельными и другие проекты изменения статуса проливов.

Однако Россию ожидало новое испытание, связанное с сербско-австрийским конфликтом в районе Адриатики. Этот кризис был еще более опасен, чем конфликт из-за проливов. По словам С. Д. Сазонова, он мог привести к общеевропейской войне⁶¹.

Великие державы и конфликт Австро-Венгрии с Сербией из-за Адриатики

Для Сербии, лишенной «окна в Европу», выход к Адриатическому морю имел жизненно важное значение⁶². Современники не без основания сравнивали Сербию с тюрьмой, обнесенной высокой стеной. Стиснутое с обеих сторон более сильными в военном и экономическом отношении соседями — Австрийской и Османской империями, сербское государство было обречено на экономическое прозябание и постоянную заботу о сохранении независимости.

Программа выхода к морю была выдвинута в Сербии еще в XIX в.⁶³ и с тех пор встречала постоянную поддержку общественности. Мечты о море нашли отражение в сербском эпосе, песнях, литературе, искусстве. Морские планы сербского государства разрабатывали не только представители буржуазных партий⁶⁴, но и социал-демократы. Д. Туцович обосновал их в своей книге «Сербия и Албания», указав, что в выходе к морю заинтересовано основное население Сербии — крестьянство, которое при помощи морской торговли сможет реализовывать продукцию сельского хозяйства⁶⁵.

Однако между сербскими социалистами и идеологами буржуазии имелись принципиальные различия в трактовке этого вопроса. Социал-демократы были противниками его решения на путях войны или порабощения албанского и другого инационального населения. В упомянутой книге Д. Туцович остро разоблачал захватнические планы сербской монархии. Подзаголовок книги так и звучал «Одно приложение к критике завоевательной политики сербской буржуазии».

Сербская монархия, напротив, стояла за захват принадлежавшего Турции албанского Приморья или его части вооруженным путем, ссылаясь на то обстоятельство, что многие эти земли до их завоевания Османской империей входили в состав сербского средневекового государства. Сербское королевство хотело поставить великие державы перед совершившимся фактом, воспользовавшись войной Балканского союза с Турцией.

Помимо Сербии, на те же территории или как минимум на протекторат над Албанией претендовали Австро-Венгрия и Италия, а три других монархии — Черногория, Греция и Болгария — в тайне от Сербии лелеяли планы посадить на албанский трон своего ставленника либо разделить албанские земли между собой. Албанский вопрос в связи с этим приобрел международный характер, вызвав острейшие противоречия среди европейских держав.

Впервые о своих адриатических планах сербское правительство публично заявило 15 октября 1912 г. в интервью Н. Пашича, которое он дал газете «Берлинер тагеблатт». На следующий день это заявление было перепечатано официально газетой «Самоуправа». На этой стадии программа сербского правительства была умеренной. Пашич ставил вопрос об обеспечении торговых и экономических интересов Сербии и ограничивался просьбой к великим державам передать под суверенитет Сербии «хотя бы небольшой порт на Адриатическом море»⁶⁶.

Однако даже это скромное пожелание вызвало в Вене резкую реакцию. Прочитав интервью Пашича, Берхтольд в тот же день выступил на объединенном заседании австрийской и венгерской делегаций с речью, заявив, что монархия Габсбургов имеет «на Балканах жизненно важные интересы и будет отстаивать их при всяких обстоятельствах». Тогда же по его предложению делегации утвердили чрезвычайный военный кредит в размере 205 млн. крон сверх уже отпущенных на нужды армии 554 млн. крон⁶⁷.

Не ограничившись военным шантажом, австро-венгерское правительство дважды — 16 и 23 октября — поставило в известность царское правительство о своей позиции. Посол Австро-Венгрии граф Турн заявил С. Д. Сазонову, что его правительство «никоим образом не могло бы примириться с расширением Сербии до Адриатического моря»⁶⁸.

23 октября произошло беспрецедентное в дипломатической практике событие: министерство иностранных дел Сербии получило из Вены анонимный пакет с картой Балкан-

ского полуострова, на которой была обозначена «автономная Албания», охватывающая всю территорию Адриатического побережья от Черногории до Греции и преграждающая путь Сербии к морю. «Таинственная посылка», сообщал в Петербург Н. Г. Гартвиг, вызвала в сербском министерстве иностранных дел большое возбуждение⁶⁹.

Придерживаясь политики «кнута и пряника», Австро-Венгрия предприняла также попытку привлечения на свою сторону Сербии экономическими посулами. В конце октября в Белград из Вены одна за другой выехали две экономические миссии: профессора торговой академии Австрии Отто Нейрата и профессора венского университета Иозефа Редлиха⁷⁰. Они выдвинули ряд предложений: о присоединении Сербии к австро-венгерскому таможенному союзу, о предоставлении сербскому государству льгот при провозе своих товаров по железным дорогам Австро-Венгерской монархии и о выходе Сербии не к Адриатическому, а к Эгейскому морю с использованием в этих целях Салоникского порта, который по проекту Вены должен был формально получить статус порто-франко⁷¹, но находиться под контролем Австро-Венгрии.

После отъезда этих миссий переговоры с сербским правительством продолжил австро-венгерский посланник в Белграде барон Стефан Угрон. Он высказался за создание льготных условий для транспортировки сербских товаров через австрийскую гавань Сплит. Угрон выдвинул также предложение предоставить Сербии порт не на бывшем турецком побережье Адриатики, а на территории Черногории и снова повторил отвергнутый сербским правительством вариант о создании в Салониках сербской торговой зоны⁷².

Эти предложения преследовали своей целью столкнуть Сербию с Черногорией и вбить клин в отношения Сербии с Грецией и Болгарией. Посетив 6 ноября российского посланника Н. Г. Гартвига, Н. Пашич ознакомил его с предложениями О. Нейрата, И. Редлиха и барона С. Угрона. «Австрия... — заявил Пашич, — хочет держать нас в своих тисках. Какая нам польза от территориальных приобретений, если это не дает нам экономической независимости? Вена указывает нам на черногорские порты и на путь к Эгейскому морю. Не сказывается ли в этом стремление посорить нас с союзниками?» Глава сербского правительства, отклонив предложения Австро-Венгрии, подтвердил Н. Г. Гартвику твердое намерение Сербии добиваться осуществления своей программы на Адриатике. «Отказаться от выхода к морю

Сербия ни в коем случае не может, — сказал он. — Для Сербии как земледельческой страны это вопрос жизни, и нет такой силы, которая остановила бы нас на этом пути»⁷³.

Верховное командование сербской армии заняло еще более решительную позицию, утверждая, что во имя достижения цели — выхода Сербии к Адриатическому морю — можно пойти даже на риск конфронтации с Австро-Венгрией. «Мы победили турка, способного спать на камнях и ничего не есть, а с изнеженными швабами, привыкшими к мягким постелям, нам легче будет справиться. Так говорят в Белграде почти все», — сообщал русский военный агент В. А. Артамонов⁷⁴. В начале ноября по распоряжению верховного командования сербской армии был сформирован Приморский отряд, который форсированным маршем направился к побережью Адриатического моря. «Откроем нашему отечеству свободный путь в весь мир!» — говорилось в приказе командующего этим отрядом. Преодолев горные хребты, отделявшие Сербию от Приморья, отряд занял ключевой пункт на побережье — г. Льеш (Лежа) и морской порт Сан-Джовани-ди-Медуа, начав поход к важнейшему в стратегическом отношении пункту — Дуррес (Дураццо).

В ответ Вена пригрозила Сербии войной.

Причины австро-сербского конфликта были весьма глубокими. Конрад фон Гетцендорф откровенно писал, что вопрос о гавани для Сербии имеет второстепенный характер, а главным является югославянская проблема, принявшая после успехов Сербии в войне с Османской империей для монархии Габсбургов актуальное значение. «Корнем всех зол Австро-Венгерской монархии, — утверждал он, — были ее взаимоотношения с Сербией и стоящей за ней Россией... Все остальное имело второстепенное значение»⁷⁵.

Германский посол в Вене Чиршки в своем донесении в Берлин от 18 ноября отметил две стороны проблемы: политическую и военно-стратегическую. Говоря о первой, Чиршки писал, что если монархия Габсбургов «недостаточно сильно и энергично выступит против сербских притязаний», то она не сможет преодолеть центробежные тенденции 7 млн. югославян, которые тяготеют к «новому, большому самостоятельному сербскому государству». Военно-стратегический аспект проблемы, по мнению посла, состоял в угрозе прорыва Сербией главной опорной линии Германии в Центральной Европе Гамбург — Триест. Чиршки отмечал, что если Сербия получит даже одну гавань на Адриатическом море, то последняя может быть использована не только Сербией, но и Россией в военных целях⁷⁶.

Выход Сербии к Адриатическому морю затрагивал и экономические интересы Австро-Венгрии. Монархия Габсбургов стремилась быть монополистом в морской торговле с балканскими странами, соперничая лишь с Италией. До первой Балканской войны Сербия служила перевалочным пунктом в ее торговле с Турцией и восточносредиземноморскими странами. Салоникский торговый порт и железные дороги Битоль — Салоники и Салоники — Константинополь, в строительство которых вложили свои капиталы австрийские монополии, обслуживали внешнюю торговлю дунайской империи. В случае же открытия нового пути для Сербии на Адриатику могла произойти переориентация сербской торговли.

Важным обстоятельством было и то, что Австро-Венгрия надеялась стать наследницей турецких торговых интересов в бывших европейских владениях Османской империи⁷⁷. Монархия Габсбургов имела здесь значительные экономические позиции. В 1911 г. Австро-Венгрия реализовала в этой части Турции товаров на 100 млн. крон. Во время первой Балканской войны 1912 г. австрийская торговля здесь упала и была сведена с дефицитом в 71 млн. крон. После войны перед Веной встал вопрос: что будет дальше?

Каково было отношение европейских держав к сербско-австрийскому спору?

Германия была готова оказать помощь своему союзнику, но первое время, учитывая всю сложность международной обстановки, сдерживала Австро-Венгрию от слишком активных действий против Сербии. Для Берлина, который в то время зондировал почву о возможности заключения соглашения по Ближнему Востоку с Лондоном, чрезвычайно важно было создать впечатление, что провоцирующей стороной в австро-сербском конфликте из-за Адриатики являются Сербия и Россия. «Мы... ни на минуту не отступим от своих союзных обязательств, — заверял Кидерлен Вену, — но мы высказываем пожелание, чтобы Австрия... в случае серьезных событий выглядела бы и казалась бы провоцируемой, а не провоцирующей»⁷⁸.

Ту же мысль высказывал Вильгельм II, который прежде всего стремился представить поджигательницей войны Россию. 19 ноября он инструктировал Бетмана и Кидерлена: «Поведение Австро-Венгрии не должно выглядеть как провокация войны с Россией. Австро-Венгрия должна выдвинуть предложения о будущей Албании и предоставить России возможность отклонить их, толкнув сербов на все. И тогда русские будут выглядеть провокаторами, которые

не хотят оставить Вену в покое. Это даст нашему правительству хороший повод для мобилизации»⁷⁹.

В то же время германское правительство не хотело, чтобы Австро-Венгрия пошла на уступки Сербии и России. Ему было важно постоянно разжигать конфликт на Балканах. Так, когда в Берлине стало известно, что Берхтольд вдруг заколебался по поводу применения военных санкций против Сербии, уступив требованиям умеренных кругов, Вильгельм II грубо его одернул. На полях телеграммы, посланной в Вену, он написал: «Австрия забыла, что надо править по-немецки... Кровью и железом можно вылечить этих мерзавцев (сербов.— Ю. П.)»⁸⁰. Другая его помета была еще более лаконичной: «Повесить их! (сербское правительство.— Ю. П.)».

После того как сербские войска, захватив Сан-Джовани-ди-Медуа (Шеньгини), устремились к Дурресу, кайзер заявил о готовности считать этот момент достаточным основанием для начала войны. «Создалось положение, которого я хотел достигнуть,— говорил он Кидерлену 19 ноября.— Если последуют ответные меры и представления, которые заставят Франца Иосифа начать войну, то право будет на его стороне, и я готов считать это за казус феодерис...»⁸¹

Итальянское правительство проводило более осторожную политику, чем Германия, что объяснялось двойственным отношением Италии к самой албанско-адриатической проблеме. Рим был противником планов Сербии, но в то же время не хотел уступать бывшее турецкое побережье Адриатики Австро-Венгрии⁸². Итальянский посланник в Белграде Ринели превзошел сам себя в попытке ввести в заблуждение как сербское правительство, так и австро-венгерского посланника барона Угрона относительно истинных целей Италии. Появляясь в министерстве иностранных дел Сербии или беседуя с русским посланником в Белграде Н. Г. Гартвигом, он на словах выражал свое согласие с «жизненно важными целями» Сербии, в австро-венгерском же посольстве высказывал прямо противоположные взгляды. Дело кончилось тем, что Н. Пашич потребовал от Ринели ясного ответа, разоблачив его интриги. «Сербы прижали вертихвоста»,— злорадовал С. Д. Сазонов, сообщая об этом инциденте М. Палеологу⁸³.

В середине ноября, когда сербские войска, выйдя на побережье Адриатического моря, приступили к активным операциям, итальянское правительство сбросило маску, дав понять, что оно будет противодействовать переходу этих территорий к Сербии. Граф Аварна, итальянский посол

в Вене, прямо заявил об этом русскому послу Н. Н. Гирсу, предупредив, что Италия «обеспокоена продвижением сербских войск в албанском Приморье». Аварна намекнул, что Италия недовольна также позицией России, которая, по его словам, не оказывает сдерживающего влияния на Сербию. «Только от России зависит прекращение конфликта», — сказал посол⁸⁴.

Отношения Англии и Франции к сербским планам недостаточно изучены в литературе. Доступные исследователям документы показывают, что Лондон и Париж весьма прохладно реагировали на требования Белграда о предоставлении Сербии порта на Адриатическом море. Жизненные интересы оторванной от моря Сербии мало волновали эти великие морские державы.

Английский и французский империализм преследовал собственные цели в Средиземноморье, стремясь обеспечить свои морские интересы, потеснить Австро-Венгрию и Италию или добиться их отрыва от Центральной коалиции. По словам югославского историка Б. Кризмана, последняя задача оставалась в фокусе английской политики даже после начала мировой войны⁸⁵.

Характеризуя магистральную линию политики Англии и Франции в этом вопросе, С. Д. Сазонов писал Н. Г. Гартвигу 8 ноября, что в Лондоне и Париже «отнюдь не расположены обострять конфликт» (с Австро-Венгрией из-за Сербии. — Ю. П.). На прямой вопрос А. П. Извольского, как отнеслось бы французское правительство к военному нападению Австро-Венгрии на Сербию, Р. Пуанкаре дал уклончивый ответ, заявив, что «для него (Пуанкаре. — Ю. П.) было бы невозможно формулировать даже частным образом линию поведения Франции в случае активной интервенции Австрии», и добавил, что инициатива в этом вопросе «должна принадлежать России, т. е. пытался переложить на Петербург всю ответственность за конфликт на Балканах. Р. Пуанкаре ограничился самыми общими обещаниями о поддержке России, да и то лишь в том случае, если на стороне Австро-Венгрии выступит Германия⁸⁶.

Британское правительство заняло еще более уклончивую позицию, заявив, что Англия выполнит свои союзные обязательства при трех обстоятельствах: 1) если это сделает Франция, 2) если инициатором войны будут Германия и Австро-Венгрия и 3) если Россия не проявит заинтересованности, т. е. не будет помогать Сербии. Чтобы поставить все точки над и, А. Никольсон написал 19 ноября английскому послу в Петербурге Дж. Бьюкенену: «Мы едва ли будем

в состоянии следовать за ней (Россией. — Ю. П.) до крайнего предела, до которого она, кажется, склонна довести дело»⁸⁷.

Из великих держав лишь одна Россия пыталась оказать Сербии поддержку. Уже в самом начале событий С. Д. Сазонов обратил внимание Австро-Венгрии и Италии на то, что для Сербии выход к Адриатическому морю имеет «жизненно важное значение». Об этом он заявил австро-венгерскому послу в Петербурге Турну 23 октября⁸⁸, а через три дня — его итальянскому коллеге. Министр иностранных дел зафиксировал позицию русского правительства: «Мы хотим, чтобы на Балканах был обеспечен прочный мир. Это окажется невозможным, если законные интересы Сербии не будут удовлетворены»⁸⁹.

29 октября Сазонов снова обратился к австро-венгерскому послу с предложением решить этот вопрос мирным путем. Информировав представителей России за границей о своей беседе с представителем Австро-Венгрии, министр писал: «Я старался убедить австрийского посла в опасности и нежелательности такого шага (конфликта с Сербией. — Ю. П.)... Я просил графа Турна телеграфировать в Вену, не признают ли там возможным предоставить Сербии гавань на Адриатике с сохранением за ней характера исключительно торгового порта»⁹⁰. Аналогичную беседу С. Д. Сазонов провел и с германским послом⁹¹.

Одновременно русское правительство пыталось удержать Сербию от рискованных действий. 29 октября С. Д. Сазонов направил Н. Г. Гартвигу следующую телеграмму: «Мы категорически предупреждаем Сербию, чтобы она не рассчитывала увлечь нас за собой. На вооруженное столкновение с державами Тройственного союза из-за вопроса о сербском порте мы не пойдем». И дальше: «Надо уговорить сербов... Чем больше они будут обнаруживать заносчивости, тем опаснее для них остаться совершенно изолированными»⁹².

3 ноября министр иностранных дел снова обратил внимание сербского правительства на необходимость отказаться от «политики необдуманных увлечений». Он просил Н. Г. Гартвига разъяснить сербам, «что при известной уступчивости они легче могут рассчитывать на содействие держав Тройственного соглашения». Говоря о генеральном курсе внешней политики России и Сербии, Сазонов писал: «Нам не следует обострять конфликт до опасности общеевропейской войны»⁹³.

В телеграммах от 9, 10 и 12 ноября министр снова и снова предупреждал Н. Пашича от рискованных действий, подчеркивая твердую антивоенную позицию России⁹⁴. «На мою долю выпала... неблагоприятная задача предостеречь

сербское правительство от излишних увлечений этим соблазнительным планом», — писал С. Д. Сазонов в воспоминаниях⁹⁵.

Однако сербская дипломатия допустила ряд просчетов. 7 ноября поверенный в делах Сербии в Берлине М. Богичевич сделал А. Кидерлен-Вехтеру необоснованное заявление о том, что Сербия может рассчитывать на полную поддержку (в том числе и военную) России и Болгарии в осуществлении своих планов. Кидерлен-Вехтер в ответ предупредил, что в этом случае Германия обнажит свой меч в защиту Австро-Венгрии⁹⁶. Аналогичное заявление сделало и итальянское правительство. Итальянский посол в Париже Т. Титтони посетил Р. Пуанкаре и сказал, что Италия связана с Австро-Венгрией союзническими обязательствами⁹⁷.

Ситуация сразу резко обострилась, и ее не смогли исправить сделанные по требованию русского правительства повторные разъяснения М. Богичевича о том, что он высказал лишь свое личное мнение, тем более что сербское правительство официально не опровергло его первое заявление.

В русско-сербских, сербско-французских и сербско-английских отношениях наступил новый этап. Р. Пуанкаре, ранее (27 октября в речи в Нанте) дававший Сербии туманное обещание о поддержке, выступил с заявлением о строгом нейтралитете Франции⁹⁸, Э. Грей предложил отложить решение вопроса о выходе Сербии к морю до мирной конференции, Петербург снова предупредил Белград против военных захватов. Пригласив к себе сербского посланника Д. Поповича, С. Д. Сазонов предостерег: «Если вы и дальше будете требовать Дураццо, останетесь без Белграда. Внимание! В Вене совсем потеряли голову». На вопрос Д. Поповича «Что же делать?» министр сказал, что Белград должен официально заявить о стремлении Сербии «установить свободное общение с морем в целях своего экономического и государственного развития», но ни в коем случае не посягать на албанские земли⁹⁹.

Однако сербское правительство, на словах заверившее Сазонова в согласии следовать его советам, на деле продолжало старую политику, пытаясь поставить Европу перед совершившимся фактом. Верховное командование сербской армии не приостановило своих операций в Приморье, вызывая недовольство на Западе и ставя Россию в сложное положение.

13 ноября Э. Грей обратился к российскому правительству с предложением оказать давление на Сербию, заставив

ее ограничиться разделом с Черногорией Новопазарского Санджака. Грей писал, что, пока не закончена война Балканского союза с Турцией, Сербии рано ставить вопрос о «турецком наследстве»¹⁰⁰. С плохо скрытым раздражением руководитель Форин оффис предупреждал: «Упорство сербов может вызвать недовольство общественного мнения всей Европы, не говоря уже об Англии». Артур Никольсон высказывался более резко: «Сербия вообразила, что может диктовать свою волю всей Европе»¹⁰¹. Р. Пуанкаре выражался деликатнее, но и он был противником дальнейшего обострения ситуации в районе Адриатики¹⁰². По поручению Грея английский посланник Томас Пейдж посетил Н. Пашича, предложив сербскому правительству прекратить наступление на Дуррес и вообще отложить решение вопроса о сербском порте на Адриатике на усмотрение великих держав.

Не ограничившись демаршем перед Сербией, Англия и Франция попытались осуществить косвенный нажим на Россию. Э. Грей предупредил С. Д. Сазонова об опасности повторения ситуации 1909 г., когда центральные державы пригрозили войной Сербии и России. Французский посол в Вене Диллон, встретившись с Н. Н. Гирсом, пошел еще дальше, намекнув, что если Сербия спровоцирует войну с Австро-Венгрией из-за своих локальных интересов, а Россия поддержит ее, то Франция и Англия «не обязательно поддержат» Россию¹⁰³.

Сербия оказалась в изоляции. На чрезвычайных заседаниях, длившихся без перерыва целых два дня, 15 и 16 ноября, сербское правительство бурно обсуждало заявление Грея. Оно рассмотрело также позицию верховного командования сербской армии, которое не желало идти на какие-либо уступки и упорно настаивало на продолжении военной экспедиции¹⁰⁴. В результате было принято половинчатое решение. Согласившись на словах с предложением Грея, правительство в то же время не препятствовало действиям военных, сославшись на трудности связи с Приморским отрядом. Эти проволочки вызвали очередной взрыв недовольства в Лондоне. Царский посол А. К. Бенкендорф извещал Сазонова 20 ноября, что в Англии против Сербии стали выступать даже бывшие ее сторонники, оправдывая действия Вены. «Что касается Австро-Венгрии, — сообщал посол, — то дело дошло до того, что начинают ценить умеренность ее тона»¹⁰⁵.

Министерство иностранных дел России, учитывая создавшуюся ситуацию, предприняло 23 ноября еще одну

(шестую по счёту) попытку убедить сербское правительство в необходимости самых осторожных действий, чтобы не выглядеть перед лицом Европы возбудителем конфликта. С. Д. Сазонов снова посоветовал Сербии ограничиться одними экономическими требованиями, «оставаясь на почве весьма примирительной политики»¹⁰⁶.

Такая тактика могла иметь шансы на успех. Важно было снять напряженность в международных отношениях на Балканах, заручиться поддержкой великих держав и представить зачинщицей споров Австро-Венгрию, а не Сербию.

С этой целью Р. Пуанкаре и С. Д. Сазонов выдвинули проект строительства железной дороги, связывающей Сербию с Адриатическим морем по нейтральной территории вдоль границы Черногории с Албанией. Проект не затрагивал интересов третьих стран и в то же время позволял Сербии осуществить свои планы¹⁰⁷.

Проект Пуанкаре — Сазонова встретил поддержку всех великих держав, за исключением Австро-Венгрии¹⁰⁸. В его пользу высказались даже Италия и Германия. Первая сделала это в пику монархии Габсбургов. Премьер-министр Италии Джолитти посчитал, что если Сербия получит железную дорогу и торговый порт на Адриатике, то это подорвет гегемонию Австро-Венгрии на Балканах. В Берлине выразили надежду, что в строительстве железной дороги и портовых сооружений примет участие немецкий капитал, и с этой целью предложили создать международный консорциум, где решающие позиции принадлежали бы Германии.

С. Д. Сазонов отклонил предложение Берлина о международном консорциуме, настаивая на предоставлении Сербии права самой строить железную дорогу без участия других государств. 6 декабря он телеграфировал А. К. Бенкендорфу: «Полагаем желательным установление обеспечения для Сербии выбора направления железной дороги и порта, который будет с нею соединен»¹⁰⁹.

Однако осуществлению этих планов помешало дальнейшее обострение конфликта между Австро-Венгрией и Сербией. Обе стороны не захотели идти на половинчатое решение. В Вене продолжали придерживаться прежнего курса на недопущение Сербии к морю, в Белграде военные круги подталкивали правительство к решительным действиям в Приморье, невзирая на угрозу войны с Австро-Венгрией¹¹⁰.

25 ноября под влиянием военных премьер-министр Сербии Н. Пашич в интервью газете «Таймс» выдвинул крайние требования, отказавшись от прежней умеренной программы. Недооценив сложность международной ситуации,

Пашич заявил, что Сербия претендует на всю бывшую турецкую территорию в Приморье от Дурреса до Лежа общей протяженностью в 50 км, а также на район от озера Охрид на юге до г. Джаковица на севере¹¹¹. 29 ноября Приморский отряд оккупировал большую часть этой территории, объявив ее составной частью Сербии.

Интервью Пашича и действия сербских войск вызвали неблагоприятный отклик в столицах Европы. «Заявление Пашича может затруднить нашу позицию по ликвидации войны,— предупреждал С. Д. Сазонов Н., Г. Гартвига,— прошу Вас разъяснить Пашичу, пусть он избегает заявлений, которые противоречат нашей политике»¹¹².

Заместитель статс-секретаря Англии по иностранным делам А. Никольсон назвал интервью Пашича «самым провокационным документом, который ему приходилось видеть в это кризисное время»¹¹³. Италия направила Сербии ноту протеста против оккупации Приморья, а Австро-Венгрия пригрозила Сербии войной. По распоряжению военного министерства Австро-Венгрии в стране была объявлена частичная мобилизация. Так, локальный конфликт между Сербией и Австро-Венгрией из-за вопроса о сербском порте на Адриатическом море приобрел международный характер и грозил перерасти в войну на Балканах.

Угроза возникновения общеевропейской войны

В буржуазной литературе тенденциозно освещается вопрос о причинах этого кризиса. В работах немецких историков 30-х годов Э. Штейница, К. Шведеманна, Е. Хельмрейха и Х. Михаэлиса, а также в исследованиях проф. Гарвардского университета У. Лэнжера о балканской политике России¹¹⁴ виновниками международной напряженности на Балканах в конце 1912 — начале 1913 гг. объявляются Сербия и Россия, а Австро-Венгрия, напротив, называется «обороняющейся стороной». На самом деле, как свидетельствуют документы, эвентуальным агрессором была монархия Габсбургов, которая использовала попытку Сербии решить адриатическую проблему как предлог к войне. Достаточно сказать, что первые мероприятия по подготовке военного нападения на Сербию были осуществлены генеральным штабом Австро-Венгрии еще в начале октября 1912 г., т. е. задолго до адриатического кризиса. Уже тогда австрийская военная партия высказалась за организацию похода против Сербии, а к границам Австро-Венгрии с Сербией

были придвинуты имперские войска общей численностью в 80 тыс. солдат и офицеров.

30 октября, по данным русского военного агента в Вене полковника Зенкевича, план военной операции против Сербии был окончательно утвержден Генеральным штабом, но в ноябре генерал-фельдмаршалом Конрадом в него были внесены коррективы, согласно которым основной удар австро-венгерских войск должен был быть нанесен не по Сербии, а по России и лишь после разгрома русских войск предполагалось начать операцию в Сербии. «Если Россия и дальше будет стоять за Сербию,— утверждал Конрад,— то следует в отношении Сербии держаться оборонительно, а всеми корпусами маршировать в Галицию»¹¹⁵.

Генерал обосновывал свой план военно-стратегическими и политическими соображениями. В стратегическом отношении, по его мнению, более важным было поражение основного противника Австро-Венгрии — России. Однако война с Россией, предупреждал Конрад, может закончиться успешно лишь в союзе с Германией. 22 ноября начальник генерального штаба Австро-Венгрии генерал А. Шемуа договорился в принципе с генералом Мольтке о взаимодействии войск двух держав на русском фронте в случае, если начнется общеевропейская война¹¹⁶. Политическая сторона вопроса, как считал Конрад, состояла в опасности подъема движения солидарности славянских народов Австро-Венгрии с Сербией. Генерал утверждал, что, для того, чтобы оправдать в глазах общественного мнения эту войну, надо найти такой предлог, который делал бы царскую Россию и Сербию ответственными за нее.

Той же точки зрения придерживались генерал Мольтке и Вильгельм II. «Необходимо найти предлог для войны, надо сманеврировать так, чтобы повод пришел от славян», — писал Мольтке Конраду¹¹⁷. Вильгельм II, в свою очередь, заявлял: «Если бы последовали русские контрмеры..., которые заставили бы императора Франца Иосифа начать войну, тогда я готов (как я уже не раз говорил канцлеру) выступить против России совместно с Австро-Венгрией»¹¹⁸.

Однако ни Россия, ни Сербия не дали повода для этого. Царское правительство на состоявшихся 19 и 22 ноября закрытых заседаниях отклонило предложение военного министра В. А. Сухомлинова о частичной мобилизации Киевского, Одесского и Варшавского военных округов, ограничившись временным задержанием увольнения из армии части личного состава в этих округах¹¹⁹. В правительственном решении говорилось, что «следует принять все меры

к тому, чтобы не обострять событий и не дать нашим противникам возможности вовлечь Россию в опасное положение»¹²⁰. Отсутствие у России намерения нападать на Австро-Венгрию был вынужден признать даже Вильгельм II¹²¹.

По совету Петербурга Сербия заняла осторожную позицию. «Благоволите обратить внимание сербского правительства на крайнюю желательность в настоящую минуту тщательно воздерживаться от всего того, что могло бы быть сочтено Австрией за провокацию», — писал С. Д. Сазонов Н. Г. Гартвигу 28 ноября¹²². 1 декабря на созванном Н. Пашичем экстренном совещании лидеров буржуазных политических партий было решено предотвратить войну с Австро-Венгрией. На следующий день заместитель министра иностранных дел Й. Йованович официально известил австро-венгерского посланника барона С. Угрона о готовности Сербии вывести войска из Приморья и признать автономию Албании¹²³.

Однако австро-венгерский генеральный штаб и после этого продолжал военные приготовления, сосредоточивая все новые и новые контингенты войск на русской и сербской границах. В конце ноября — начале декабря в Галиции было сконцентрировано до 600 тыс., на сербской границе — более 200 тыс. солдат. Австрийские мониторы на Дунае приблизились к Белграду. По словам очевидцев, командование имперской армии нагнетало военный психоз. В войсках разучивался воинственный марш Радецкого, австрийские офицеры в кабаках похвалялись, что уже на второй день войны они будут хозяевами сербской столицы.

Положение Сербии становилось все более тревожным. Ее союзники Болгария и Греция, ранее высказывавшиеся за передачу Сербии порта на Адриатике, заявили, что они не смогут оказать ей военную помощь, если из-за этого начнется война¹²⁴. Сама же Сербия могла выставить против Австро-Венгрии всего 25 тыс. солдат третьего созыва. Наиболее боеспособные четыре сербские армейские группы находились на турецком фронте и на Адриатическом побережье и для их переброски на австро-венгерский фронт потребовалось бы время¹²⁵.

Сербское правительство с тревогой ожидало со дня на день ультиматума Вены. Из Белграда в Ниш был эвакуирован ряд фондов архива министерства иностранных дел, на юг Сербии отправлены раненые солдаты, туда же переведены турецкие военнопленные. Российский посол в Германии С. Н. Свербеев телеграфировал 5 декабря в Петербург о возможности нападения Австро-Венгрии на Сербию.

«Может наступить момент, — предупреждал он, — когда венский кабинет будет не в состоянии сдержать военный пыл (милитаристских кругов. — Ю. П.)»¹²⁶.

С. Д. Сазонов, отвечая на запрос сербского правительства, какова будет позиция России в случае, если Австро-Венгрия предъявит Сербии ультиматум, 10 декабря снова призвал Сербию не идти на риск войны, а при получении австро-венгерского ультиматума апеллировать к Тройственному согласию. Он предложил передать вопрос об адриатическом порте на решение мирной конференции, созываемой в Лондоне, заверив Сербию в неизменной поддержке России¹²⁷. Это был единственный выход, чтобы предотвратить войну.

Между тем австрийская военная партия не соглашалась ни на какие компромиссы. Мало того, 14 декабря новый начальник генерального штаба Австро-Венгрии генерал Конрад, назначенный 5 декабря вместо Шемуа, обратился к императору с требованием начать военный поход против Сербии «несмотря ни на что»¹²⁸.

15 декабря, однако, произошла неожиданная развязка. В этот день коронный совет, заседавший под председательством самого Франца Иосифа, отклонил предложение военных. «Я не хочу войны с Россией. Это было бы началом конца Австрии», — заявил император¹²⁹.

Чем объясняется это решение?

Оно было обусловлено несколькими причинами. Одна из них состояла в изменении первоначальной позиции Германии. После того как Балканский союз и Турция подписали 3 декабря перемирие, а державы Тройственного согласия приняли решение созвать в Лондоне мирную конференцию, немецкое правительство отказалось от подталкивания Австро-Венгрии к войне. В Берлине не захотели выглядеть соучастниками военного конфликта и надеялись использовать конференцию для достижения своих целей мирными средствами или как минимум выиграть время, чтобы завершить программу реорганизации армии, срок окончания которой планировался на 1913 г. В Берлине лелеяли также надежду установить контакты с Англией, которая, в свою очередь, заявляла о готовности пойти на переговоры с Германией¹³⁰. Обычно недоверчивый руководитель внешнеполитического ведомства Германии поддался соблазну участвовать вместе с Греем в перекройке карты Балканского полуострова. Восторженно назвав предстоящие переговоры в Лондоне «музыкой будущего», А. Кидерлен-Вехтер вознамерился сыграть в «лондонском оркестре» не последнюю роль¹³¹.

- 61 См.: Сазонов С. Д. Воспоминания, с. 87—90.
- 62 См.: Борбевић Д. Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону, 1912. Београд, 1956, с. 3.
- 63 См.: Чубриловић В. Историја политички мисли у Србији XIX в. Београд, 1958.
- 64 См.: Цвијић Ј. Излазак Србије на Јадранско море.— Гласник српског географског друштва, 1913, св. 2, с. 195.
- 65 См.: Туцовић Д. Србија и Арбанија. Београд, 1914, с. 81.
- 66 Самоуправа, 1912, 16 окт.
- 67 АВПР, ф. Канцеларија, 1912 г., д. 124, л. 111—113.
- 68 АВПР, ф. ПА, д. 130, л. 98.
- 69 АВПР, ф. Канцеларија, 1912 г., д. 17, л. 219.
- 70 АВПР, ф. Канцеларија, 1912 г., д. 59, л. 670—671.
- 71 АВПР, ф. Комисија, оп. 910, д. 194, л. 294.
- 72 АВПР, ф. Комисија, оп. 910, д. 195.
- 73 АВПР, ф. ПА, д. 528, л. 221—222; д. 2846, л. 18.
- 74 АВПР, ф. Комисија, оп. 910, д. 196, л. 379.
- 75 Conrad F. Bd. III, S. 11.
- 76 GP, Bd. 33, № 12402, S. 366—371.
- 77 Južbašić D. O nekim pitanjima austrougarske politike prema uređenju privrednih odnosa u Makedoniji i na Balkanu za vrijeme krize 1912—1913 godine.— In: Prilozi Instituta za istoriju radničkog pokreta. Sarajevo, 1969, N 5, s. 165—170.
- 78 GP, Bd. 33, N 12397, S. 361.
- 79 GP, Bd. 33, N 12349, S. 303—304.
- 80 GP, Bd. 33, N 12402.
- 81 GP, Bd. 33, N 13404.
- 82 АВПР, ф. Комисија, оп. 910, д. 194, л. 467.
- 83 Stieve F. Der diplomatische Schriftwechsel Izwolskis. B., 4926, Bd. II, N 562.
- 84 АВПР, ф. Канцеларија, 1912 г., д. 125, л. 177.
- 85 Krizman B. Austro-Ugarska i Antanta 1918.— Historijski pregled. Zagreb, 1954, knj. III, s. 39—50.
- 86 АВПР, ф. ПА, д. 130, л. 121; Материалы..., с. 300.
- 87 АВПР, ф. ПА, д. 131, л. 110—111; BD, vol. IX, pt II, N 238; GP, Bd. 33, N 12407, S. 376—377; N 12446, S. 415—417.
- 88 АВПР, ф. ПА; д. 130, л. 98.
- 89 АВПР, ф. ПА, д. 130, л. 140.
- 90 АВПР, ф. ПА, д. 130, л. 125.
- 91 АВПР, ф. ПА, д. 131, л. 12.
- 92 АВПР, ф. ПА, д. 130, л. 121.
- 93 АВПР, ф. ПА, д. 131, л. 10—11.
- 94 АВПР, ф. ПА, д. 131, л. 10—11; д. 2846, л. 189.
- 95 Сазонов С. Д. Воспоминания, с. 86—87.
- 96 GP, Bd. 33, N 12338, S. 292—294.
- 97 См.: Поповић Д. Никола Пашић и Русија..., с. 149—150.
- 98 См.: Борбевић Д. Излазак Србије..., с. 41.
- 99 АВПР, ф. ПА, д. 131, л. 30; Борбевић Д. Излазак Србије..., с. 61.
- 100 АВПР, ф. ПА, д. 2846, л. 180; BD, vol. IX, pt II, N 192, p. 146—147; N 266, p. 198.
- 101 BD, vol. IX, pt II, N 197, p. 152—153.
- 102 DDF, 3e série, vol. 4, N 452, p. 466.
- 103 АВПР, ф. Канцеларија, 1912, д. 125, л. 182.
- 104 АВПР, ф. ПА, д. 2846, л. 185.
- 105 АВПР, ф. Комисија, оп. 910, д. 195, л. 903—904.
- 106 АВПР, ф. Комисија, оп. 910, д. 196, л. 19.

- ¹⁰⁷ *Poincare R.* Les Balkans en feu 1912. P., 1926, p. 346.
- ¹⁰⁸ GP, Bd. 33, N 12410; OUA, Bd. IV, N 4543, S. 960; 4583, S. 968—987.
- ¹⁰⁹ АВПР, ф. ПА, д. 132, л. 16.
- ¹¹⁰ BD, vol. IX, N 183.
- ¹¹¹ *Helmreich E.* The diplomacy of the Balkan wars 1912—1913. Cambridge, 1938, p. 224.
- ¹¹² *Siebert B.* Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Entente-politik der Vorkriegsjahre. Berlin; Leipzig, 1921, S. 598.
- ¹¹³ BD, vol. IX, N 286; OUA, Bd. IX, N 4612.
- ¹¹⁴ *Steinitz E.* Berchtolds Politik zu Beginn des Balkankrieges.—BM, 1931, N 1, S. 45—56; *Schwedemann K.* Gründzüge der Balkanpolitik Österreich-Ungarns, 1908—1914.—BM, 1930, N 3, S. 203—226; *Helmreich E.* Rußlands Einfluß auf den Balkanbund im Oktober 1912.—BM, 1933, N 2, S. 217—234; *Michaelis H.* Die deutsche Politik während der Balkankriege, 1912. Leipzig, 1922; *Langer W.* Russia, the straits question and the European Powers.—English Review, 1922, N 4.
- ¹¹⁵ OUA, Bd. IV, N 4710, S. 1072—1073.
- ¹¹⁶ OUA, Bd. IV, N 4572, S. 979; N 4710, S. 1072—1073.
- ¹¹⁷ *Јовановић Ј.* Одговорност Србије за рат. Београд, 1927, с. 9—11.
- ¹¹⁸ GP, Bd. 33, N 12405, S. 373—374.
- ¹¹⁹ АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 194, л. 365.
- ¹²⁰ ЦГА СССР, ф. 1276, оп. 8, д. 465, л. 51.
- ¹²¹ OUA, Bd V, N 4947; *Stieve F.* Der diplomatische Schriftwechsel..., N 610.
- ¹²² АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 196, л. 67—68.
- ¹²³ DDF. 3-е série, t. IV, N 616; *Борбенић Д.* Излазак Србије..., с. 89.
- ¹²⁴ OUA, Bd. IV, N 4489, S. 924—925; N 4572, S. 976; 4666, S. 1044; N 4693, S. 1063.
- ¹²⁵ См.: Први Балкански рат, 1912—1913. Београд, 1959, књ. I.
- ¹²⁶ АВПР, ф. Канцеларија, 1912 г., д. 124, л. 202.
- ¹²⁷ *Stieve F.* Der diplomatische Schriftwechsel..., N 610, 613.
- ¹²⁸ *Chlumetsky L.* Erzherzog Franz-Ferdinand. Wien, 1929, S. 138.
- ¹²⁹ АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 196, л. 228.
- ¹³⁰ См.: *Галкин И. С.* Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав.—Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук, 1956, вып. 4.
- ¹³¹ OUA, Bd. IV, N 4675, S. 1051; 4717, S. 1081.
- ¹³² GP, Bd. 33, N 12475; Bd. 34, N 2505.
- ¹³³ См.: *Писарев Ю. А.* Освободительное движение..., с. 271—278.

Глава пятая

БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС НА ЛОНДОНСКИХ КОНФЕРЕНЦИЯХ

Дипломатия великих держав накануне конференций

Несмотря на перемирие между странами Балканского союза и Турцией и временное смягчение сербско-австрийского конфликта из-за Адриатики, общая ситуация на Балканах и в Восточной Европе в целом продолжала оставаться сложной. На границах Австрийской и Российской империй стояли войска. На Дунае, в непосредственной близости от Белграда, крейсировали австрийские и венгерские военные корабли, в Вене военная партия продолжала вынашивать свои зловещие планы¹. Между Австро-Венгрией и Сербией и Австро-Венгрией и Россией существовали настолько глубокие противоречия, что они не могли быть устранены временным сглаживанием конфликта.

Наиболее серьезной причиной австро-сербских и русско-австрийских антагонизмов было изменение соотношения сил в Юго-Восточной Европе после войны балканских государств с Турцией. Победа Сербии и ее союзников подняла международный престиж сербского государства. В то же время она способствовала падению авторитета монархии Габсбургов в глазах населявших ее народов, прежде всего сербов, хорватов и словенцев. «Падение нашего авторитета весьма ощутимо,— констатировал министр-президент Австрии граф К. Штюргк,— ослабление сил нашей монархии и неожиданные успехи балканских государств, которые достигли вершины политической и государственной самоуверенности, произвели на наше югославянское темпераментное население самое сильное впечатление. Среди населения растет неверие в способность монархии защитить свои интересы; многие считают, что Далмация и Приморье будут потеряны империей»².

Перед монархией Габсбургов возникла альтернатива: либо подрыв Балканского союза и привлечение на свою сторону Сербии и других балканских государств, либо война. Австро-венгерский посланник в Белграде барон С. Угрон писал 1 декабря графу Л. Берхтольду: «Имеются только два выхода из этой ситуации: или война до истребления, или заключение в самое ближайшее время союза с Сербии-

ей, который должен быть достигнут помимо союза с Россией и вопреки ему. Третьего решения я не вижу»³.

Те же мысли, но уже по поводу экономических отношений Австро-Венгрии с Сербией высказал 20 декабря издатель влиятельного журнала «Эстеррейхише рундшау» Л. Хлумецки. «Мы, — писал он, — не можем жить в вечном страхе... Вопрос стоит так, чье влияние будет преобладать в Белграде — наше или русское. Если к русскому влиянию присоединится еще экономическая независимость (Сербии. — Ю. П.), тогда будет ясно, что южнославянский вопрос решен без нас и против нас. Данный момент имеет всемирно-историческое значение, и упущение его будет равносильно катастрофе для Австро-Венгрии. Если мы сейчас не добьемся цели, то будем побиты навсегда»⁴.

На сходных позициях стояли многие видные государственные и политические деятели монархии Габсбургов: министр финансов Австрии фон Залески, член палаты господ Йозеф Бернтайтер, советник престолонаследника Франца Фердинанда граф Отокар Чернин, крупные экономисты — Нейрат, Бек и Швигель, профессор венского университета будущий министр финансов Австрии Йозеф Редлих, редактор официоза «Нойе фрайе пресе» историк Генрих Бендикт, депутаты рейхсрата К. Крамарж и Т. Масарик, выражавшие интересы чешского капитала, который стремился к завоеванию сербского и балканского рынков и многие другие⁵.

По поручению этой группы в Белград дважды — в ноябре и декабре — выезжал Т. Масарик, который вел переговоры по экономическим вопросам с деловыми кругами Сербии, а при встрече с Н. Пашичем зондировал почву о возможности расширения торговых отношений Австро-Венгрии с Сербией и присоединения последней к таможенному союзу с монархией Габсбургов⁶.

В свою очередь, в Вене побывали председатель Белградской торговой палаты Коста Ризнич и председатель торгового объединения Сербии Милорад Павлович, имевшие при себе рекомендательное письмо министра народного хозяйства К. Стояновича, в котором выражалось пожелание подписать дополнительную конвенцию к австро-венгеро-сербскому торговому договору, благоприятную для обеих сторон⁷.

Важным вопросом, затрагивавшим интересы Австро-Венгрии и Сербии, а также других балканских государств, был вопрос о компенсациях. Сербия, Болгария, Греция и Черногория приобрели в результате войны бывшие европейские территории Турции, где до войны Австро-Венгрия имела

свои экономические позиции. Вена стремилась компенсировать их утрату переложением на балканские государства части Османского долга и возместить за счет этих стран даже убытки, понесенные отдельными монополиями, банками, держателями акций железнодорожных компаний, имевших свои вложения в турецкие или смешанные австро-венгро-турецкие предприятия. Выплата этих компенсаций привела бы к истощению казны балканских государств и в конечном счете к их зависимости от Австро-Венгрии.

В конце 1912 г. в Вене была разработана, а в феврале 1913 г. принята правительством «Программа экономического соглашения с балканскими государствами», которая предусматривала осуществление широкой экономической экспансии монархии Габсбургов на Балканах⁸. Согласно программе, Австро-Венгрия должна была заключить с Сербией торговый договор на основе принципа наибольшего благоприятствования. Она была готова повысить импорт в страну из Сербии скота (до 85 тыс. свиней и 25 тыс. голов коров в год). В свою очередь, в Вене надеялись, что Сербия предоставит встречные льготные условия для имперской торговли, в том числе и во вновь присоединенных к Сербии районах⁹.

В Вене разрабатывался также план широкого железнодорожного строительства на Балканах, который должен был способствовать дальнейшему проникновению австро-венгерского империализма на Ближний и Средний Восток. Он был задуман еще Эренталем, а после первой Балканской войны поддержан генералом Конрадом и его единомышленниками по военной партии, преследовавшей на Балканах военно-стратегические цели. «Путь, который я себе представляю,— писал Конрад,— заключается прежде всего в достижении соглашения с Белградом о едином управлении железными дорогами Сербии и габсбургской монархии. Если бы Сербия, однако, отклонила это предложение и продолжала питать свои враждебные монархии намерения, то выходом должно быть военное решение»¹⁰.

Планом Конрада предусматривались строительство и эксплуатация Австро-Венгрией на Балканах трех магистральных железнодорожных линий: 1) железной дороги по территории Черногории и Албании с последующим соединением ее с железными дорогами Греции; 2) железной дороги в Новопазарском Санджаке; 3) железной дороги от г. Битоля до Адриатического моря. При прокладке этих дорог австрийские и венгерские банки¹¹ могли приобрести более половины всех акций, что обеспечивало контроль монархии

над ключевыми путями сообщения в Сербии и на Балканах в целом.

В преддверии лондонской конференции, где должна была определяться будущая карта Балканского полуострова, в Вене и Берлине появился ряд других проектов. Одним из них был проект воссоздания на новой основе союза трех императоров и раскола Тройственного соглашения. Исследователи лишены возможности использовать подлинные документы для освещения этой темы — они изъяты, по-видимому, опытной рукой из фондов всех трех министерств иностранных дел: царской России, кайзеровской империи и монархии Габсбургов. Однако сохранились косвенные материалы, которые позволяют судить о том, что в Берлине и Вене придавали этому вопросу немаловажное значение и что в Петербурге при царском дворе имелось сильное течение германофилов — сторонников переориентации внешней политики Российской империи на державы Центральной коалиции.

Оставляя за рамками книги эту тему, являющуюся предметом специального изучения, отметим, что в период международного кризиса, вызванного созданием Балканского союза и его войной с Турцией, Вена и Берлин по крайней мере три раза зондировали почву о возможности сближения с царской Россией — в августе и ноябре 1912 и в феврале 1913 г.¹² Центральная коалиция преследовала при этом цель расколоть союз России с Сербией и другими балканскими государствами. Русская дипломатия, однако, разгадала этот замысел. «В настоящее время, — сообщал С. Д. Сазонов А. П. Извольскому, — не может быть и речи о каком-либо одностороннем соглашении по означенному вопросу. Такое соглашение шло бы в разрез с нашим отношением к балканским государствам»¹³.

Небезынтересно, что наряду с венской дипломатией в том же направлении действовали лидеры австрийской военной партии.

В Архиве внешней политики России хранится важный и еще не публиковавшийся документ о попытке генерала Конрада внушить российскому военному агенту в Вене полковнику М. И. Зенкевичу мысль о разрыве России с Сербией. Учитывая значение документа, приведем его почти полностью по записи полковника Зенкевича. 14 декабря Зенкевич передал в Петербург следующее сообщение: «Сегодня был у генерала Конрада. — «Критические времена переживаем мы, — сказал генерал. — Нас грабят со всех сторон, в особенности сербы... Они ведут крайне опасную

для нас пансербскую пропаганду и хотят создать Великую Сербию, что для нас было бы слишком опасно. Мой идеал — союз трех императоров. С Германией вам делить нечего, у нас большие интересы на Балканах, вам же открывается широкое поле деятельности в Азии». «Нет, — возразил я, — Россия — великая славянская держава, и у нас есть свои интересы на Балканах». «Позвольте, — горячо воскликнул Конрад, — какой-нибудь серб — совершенно чужой человек для остзейского немца». «Россия — славянская страна, — повторил я, — и остзейские немцы составляют в ней незначительное меньшинство». «Мне очень грустно, что Вы так думаете», — нервно, с горечью сказал Конрад¹⁴.

Академик Е. В. Тарле в работе «Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г.» показал, что С. Д. Сазонову и его единомышленникам приходилось вести борьбу против сторонников ориентации на Германию¹⁵. Особой остроты эта борьба достигла во время лондонского совещания послов великих держав.

Мирная конференция и совещание послов в Лондоне

16 и 17 декабря 1912 г. в Лондоне открылись два международных форума: конференция балканских стран по заключению мира с Турцией и совещание послов шести великих держав: Англии, Франции, России, Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Оба форума должны были рассмотреть один и тот же круг вопросов, но их организатор — статс-секретарь Англии по иностранным делам Э. Грей — преднамеренно отделил балканские государства от великих держав, отказавшись от предложения С. Д. Сазонова допустить представителей Балканского союза и Румынии на совещание послов¹⁶. Греку удалось на некоторое время ввести в заблуждение Германию обещаниями занять на совещании послов строго нейтральную позицию¹⁷. Вильгельм II писал: «Англия не хотела бы выступать ни на нашей стороне, ни против нас, она желала бы и в дальнейшем мирно качаться между двумя союзами»¹⁸.

В свою очередь, и германская дипломатия использовала мирную конференцию, чтобы дезориентировать Англию. Обозреватель газеты «Таймс» У. Стид писал: «Англия попала в западню и недооценила ситуацию, которая вела к войне». По словам У. Стида, «английская дипломатия,

в которой доминировал страх перед европейским конфликтом; отступила... и содействовала Балканской войне»¹⁹.

Между мирной конференцией и совещанием послов имелись отличия как по форме их проведения, так и по существу. Конференция по заключению мира носила официальный характер, и ей была придана показная парадность. Она была открыта в торжественной обстановке в знаменитом Сент-Джеймском королевском дворце Карла II Стюарта, и ее заседания были гласными. Совещание послов, напротив, проходило за закрытыми дверями в Форин оффис. Его председателем был министр иностранных дел Англии Э. Грей, а участниками — посол Австро-Венгрии граф А. Менсдорф, посол России граф А. К. Бенкендорф, посол Германии князь К. Лихновский, посол Франции П. Камбон и посол Италии маркиз А. Сан-Джулиано. На встречах послов не велось протоколов и единственным историческим документом о нем оказался дневник французского посла П. Камбона.

Послы великих держав работали не спеша. Их мало волновала судьба балканских народов. Совещания в полном составе устраивались крайне редко, чаще это были встречи с глазу на глаз, за чашкой чая, после чего их участники играли в гольф, посещали знаменитые английские дерби или просиживали за роббером. Всего состоялось 63 встречи послов, и совещание закончилось лишь 11 августа 1913 г., почти через полтора месяца после подписания мира между Балканским союзом и Турцией.

Какие же вопросы обсуждались на мирной конференции и на совещании послов?

Остановимся вначале на мирной конференции. В ней приняли участие следующие дипломаты и государственные деятели. Болгарию представлял председатель Народного собрания д-р Ст. Данев, посланник в Лондоне М. Маджаров и генерал С. Паприков, Сербию — бывший председатель совета министров Ст. Новакович, председатель Народной скупщины А. Николич, посланник в Париже М. Веснич и крупный общественный деятель Н. Стоянович, Черногорию — личный эмиссар короля Николая М. Миюшкович, воевода И. Войнович и бывший поверенный в делах в Константинополе И. Попович, Турцию — министр сельского хозяйства Решид-паша, посол в Берлине Осман Низами-паша и сенатор Э. Баджария, Грецию — премьер-министр Э. Венизелос, бывший министр иностранных дел С. Скулудис, посланник в Лондоне Й. Геннадиус и посланник в Вене Дж. Стрейтс.

Перед отъездом в Лондон, все делегации получили письменные инструкции от своих правительств, за исключением сербской, которой были даны лишь устные предписания. Сверхосторожный Н. Пашич, по свидетельству сербского посланника в Петербурге Д. Поповича, решил не оставлять делегации документа и не передал Ст. Новаковичу даже болгаро-сербский договор о союзе от 29-февраля (13 марта) 1912 г., опасаясь, что его разглашение может поставить Сербию в сложное положение ²⁰.

На конференции развернулась борьба между делегациями вокруг территориальных требований. Греция претендовала на Фракию, Эпир, южную Македонию, острова Эгейского и Мраморного морей, остров Кипр и даже на западное побережье Анатолийского полуострова с населением в 2650 тыс. человек, что превышало численность населения самой Греции ²¹. Венизелос конфликтовал не только с Решид-пашой, но и с Даневым. По словам австро-венгерского посланника в Афинах Брауна, греко-болгарские отношения достигли такой остроты, что дело шло к войне между этими государствами ²².

Все более напряженными становились также отношения между болгарской и сербской монархиями. Глава сербской делегации профессор истории Ст. Новакович в интервью газете «Таймс» обосновывал требования сербской монархии ссылками на средневековое Душаново царство ²³. Не ограничившись интервью, он вручил мирной конференции меморандум, где была сформулирована территориальная программа Сербии ²⁴.

Руководитель черногорской делегации М. Миошкович выдвигал требование о переходе под сюзеренитет Черногории албанского города Шкодэр (Скутари) и порта Сан-Джовани-ди-Медуа. Кроме того, Черногория претендовала на Плевле и Джаковицу, которые находились в сфере интересов Сербии ²⁵.

Болгарская делегация настаивала на закреплении за Болгарией большей части бывших европейских владений Турции и некоторых островов (Родосто и др.) ²⁶. Болгария не отказалась от надежды приобрести Салоники, Каваллу и другие территории, на которые претендовала Греция ²⁷.

Турецкая делегация не шла ни на какие уступки. Решид-паша еще накануне конференции, остановившись в Париже, заявил Р. Пуанкаре о намерении отстаивать старые границы империи. «Мы хотим мира, но такого, который соответствовал бы нашим интересам», — сказал он. Глава турецкой делегации отмечал, что, хотя Турция и проиграла

войну, она не собирается поступиться своими интересами. Заканчивая беседу, он подчеркнул готовность Турции продолжать войну. «Мы — хозяева ситуации», — заявил Решид-паша²⁸.

Идентичные взгляды о позиции турецкой делегации на Лондонской конференции были высказаны им и в беседе с австро-венгерским послом в Константинополе Я. Паллавичини перед отъездом в Лондон. На конференции турецкая делегация отстаивала требование о сохранении под властью Порты большей части Фракии, островов, примыкавших к Дарданеллам, Андрианополю, Килисы и других пунктов. Она не хотела уступать Албанию и Македонию, соглашаясь в крайнем случае на предоставление Албании автономии с турецким князем во главе, а Македонии автономии при наместнике — протестантском князе²⁹. Правительство дало Решид-паше указание возражать против передачи Сербии порта на Адриатике и покинуть Лондон в случае противного решения конференции³⁰.

Турция накануне и во время конференции зондировала почву о возможности подписания сепаратного перемирия с Болгарией. Советские историки П. В. Жогов и В. А. Жебокрицкий³¹ и болгарский историк Т. Влахов³² привели ряд материалов о болгаро-турецких переговорах, начавшихся еще в конце первой Балканской войны. В Константинополь в качестве частного лица с этой целью был направлен из Софии К. Колчев, пробывший в турецкой столице до 5 января 1913 г.³³ Германский посол в Турции Вангенгейм был в курсе событий, что явствует из его депеши А. Кидерлен-Вехтеру от 29 ноября 1912 г., а также из донесения Паллавичини в Вену.

Вильгельм II одобрил эти переговоры, рассчитывая привлечь Болгарию на сторону Центральной коалиции. На полях пересланного ему 1 декабря 1912 г. донесения Вангенгейма он написал: «Турецкое сообщение о предложениях Фердинанда о союзе, равно как и измена последнего по отношению к своим союзникам, меня не удивляет. Это гениальная и великая мысль... Австрия должна заключить с Турцией и Болгарией военный союз, а мы должны помочь укрепить их и возродить... Греция и Сербия безвозвратно отступят... Австрия станет руководящей силой на Балканах и в Восточном Средиземноморье, а вместе с ней и Италия. Возрожденный, подстроенный заново турецко-болгарский флот станет сильным противником Англии, ее путь к Александрии будет затруднен. С Россией на Балканах будет покончено, и она окажется запертой в Одессе.

Благодаря этому Тройственный союз станет господствовать в Средиземном море, будет протянута рука к самой вершине халифата, а затем и к управлению всем магометанским миром»³⁴.

Кайзер еще накануне конференции строил планы формирования прогерманского балканского союза, в состав которого вошли бы Болгария и Турция. 3 ноября на полях донесения Кидерлена по балканскому вопросу, он написал: «Наша цель — союз четырех, как седьмая великая держава в европейском концерте наряду с Австрией и Тройственным союзом». Вильгельм II выдвигал идею создания Соединенных штатов Балкан в качестве противовеса России, утверждая, что в предстоящей войне с Российской империей этот блок может быть использован Центральной коалицией³⁵.

Однако болгаро-турецкие сепаратные переговоры о перемирии не дали результата. Между Болгарией и Турцией имелись непримиримые противоречия в вопросе о границах. 10 декабря в болгарском Народном собрании с воинственной речью выступил лидер либеральной партии В. Радославов, призвавший к захвату Адрианополя, Салоник, Чаталджинских высот и побережья Эгейского моря³⁶. Ему вторили шовинистически настроенные депутаты³⁷.

24 января в Турции произошел государственный переворот, и новое младотурецкое правительство отозвало делегацию из Лондона. В работе мирной конференции наступил перерыв, на Балканах возобновились военные действия, на время сблизившие балканских союзников.

Совещание послов великих держав, напротив, продолжало свою работу. Каждый его участник преследовал свои цели, которые были сформулированы в данных им правительствами инструкциях. Так, граф А. Менсдорф, представитель Австро-Венгрии, получил предписания: 1) ни под каким видом не допускать Сербию к Адриатическому морю; 2) добиться установления протектората монархии Габсбургов над Албанией; 3) обеспечить экономические интересы Австро-Венгрии на Балканах, в том числе в Салониках³⁸.

А. Кидерлен-Вехтер, статс-секретарь Германии по иностранным делам, предложил своему представителю князю К. Лихновскому во всем поддерживать Австро-Венгрию³⁹. Касаясь ее антисербской позиции, он цинично заявил, что «Австро-Венгрия может поступать с сербами точно так же, как Франция с марокканцами, а Англия с египтянами, и никто не имеет права мешать ей в этом»⁴⁰.

Австро-Венгрии и Германии противостояла Россия. С. Д. Сазонов в секретной инструкции А. К. Бенкендорфу 13 декабря сформулировал следующие основные положения: 1) закрепление результатов побед Балканского союза; 2) обеспечение выхода Сербии к Адриатическому морю; 3) недопущение превращения Албании в зависимую от Австро-Венгрии территорию⁴¹.

В ходе совещания возник ряд вопросов, вокруг которых развернулась междоусобная борьба представителей великих держав. В. И. Ленин с полным основанием назвал это совещание «театром грязни и интриг так называемых великих держав»⁴².

Одной из спорных проблем, обсуждавшихся на совещании послов, была черногорско-скутарийская.

Великие державы и черногорско-скутарийский кризис

Шкодринский (скутарийский) кризис возник еще до лондонских конференций в результате попытки Черногории захватить в свои руки турецкую крепость Шкодер (Скутари), имевшую стратегически важное значение. Начиная войну с Турцией, черногорский король Николай преследовал далеко идущие планы. Русский посланник в Цетинье А. А. Гирс сообщал в Петербург 27 октября: «Король Николай в совершенно частной беседе запросил мое мнение относительно возможности для него объявить себя королем Малисии, а в случае нужды стать королем всей Албании»⁴³. В ноябре черногорский монарх снова повторил эту идею в беседе с А. А. Гирсом, выдвинув другой вариант: автономная Албания под верховным суверенитетом Черногории⁴⁴. Наконец, у короля был и третий проект «освоения» Албании, который привез в своем портфеле в Лондон на мирную конференцию М. Миюшкович: воцарение в Албании принца Виктора Луи Бонапарта, дальнего родственника Наполеона I, с выдачей за него замуж принцессы Ксении, дочери короля Николая⁴⁵. На лондонской мирной конференции черногорская делегация пыталась получить согласие австро-венгерского посла графа Менсдорфа на приобретение Черногорией крепости Шкодер (Скутари).

Монархия Габсбургов, в свою очередь, зондировала почву о возможности присоединения Черногории к австрийскому таможенному союзу, давая королю Николаю различные посулы, в том числе обещания кредитов. Говоря об этих переговорах, А. А. Гирс сообщал в Петербург 13 ноября

1912 г.: «Австрийский посланник снова был у Николы, подтвердив, что Скутари намечается в состав Албании, но что Албания может сохранить этот город в руках Черногории при условии заключения последней таможенного союза с Австрией при уступке ей части высот Крстца, расположенного между австрийской границей и Негушем»⁴⁶. Через три дня А. А. Гирс снова информировал правительство о планах черногорского монарха: «Николай готов уступить Австро-Венгрии часть Санджака, который достался Черногории, чтобы помешать установлению непосредственной границы с Сербией. Тем самым образовался бы клин, который начинаясь у Боснии, шел бы в юго-западном направлении и отделил бы Сербию от Черногории. На эту тему идут совещания и в королевской семье»⁴⁷.

Наконец, о закулисных переговорах черногорской делегации с Австро-Венгрией говорит еще один документ — телеграмма С. Д. Сазонова А. А. Гирсу от 17 декабря, в которой министр, ссылаясь на донесение А. К. Бенкендорфа, сообщал посланнику о встрече М. Миюшковича с австро-венгерским послом графом А. Менсдорфом. Миюшкович, по словам Бенкендорфа, предложил уступить Австро-Венгрии часть территории Черногории в районе горы Ловчен в обмен на Шкодер. С. Д. Сазонов с возмущением писал А. А. Гирсу: «Поведение Миюшковича заставило нас усомниться в том, является ли он представителем Черногории или Австрии в Лондоне?». И дальше: «Дайте определенно понять, что если король при этом рассчитывает на Австрию, купив ее поддержку ценой интересов своего народа, то он рискует нанести непоправимый ущерб своему положению»⁴⁸.

Черногорские историки по-разному оценивали упомянутые факты. Н. Шкеревич утверждал, что главной причиной этого сговора был отказ России в предоставлении Черногории военных кредитов во время первой Балканской войны. Оправдывая действия короля, Шкеревич писал, что он хотел пополнить свою казну и поэтому обратился за помощью к Австро-Венгрии⁴⁹. Современный черногорский историк Н. Ракочевич делал вывод, что король поступил так по иной причине. По мнению историка, Николай черногорский был готов заключить временный альянс с Австро-Венгрией, чтобы помешать Сербии проводить великодержавную политику, угрожающую независимости Черногории. Стремление Сербии стать «вторым Пьемонтом», утверждал Н. Ракочевич, было главной опасностью в глазах честолюбивого короля Николая, который сам хотел играть роль «второго Капура»⁵⁰.

Источники подтверждают правильность выводов Н. Ракочевича. Черногорский монарх весьма ревниво смотрел на продвижение сербских войск в Приморье, противодействуя планам получения Сербией порта на побережье Адриатического моря. «Николай,— сообщил А. А. Гирс С. Д. Сазонову 20 ноября 1912 г.,— против выхода Сербии к Адриатике... Примирившись с тем, что Медуа ему не достанется, он не хочет, чтобы она досталась Сербии»⁵¹. Однако неудачи черногорских войск под Шкодером, так и не сумевших взять крепость, заставили черногорского монарха обратиться за помощью к Сербии. В феврале 1913 г. Сербия предоставила Черногории несколько артиллерийских батарей, а в марте направила ей в помощь второй Приморский отряд численностью в 30 450 человек для совместных действий с черногорцами по захвату крепости⁵².

К тому времени ухудшились черногорско-австрийские отношения, чему способствовала вероломная политика Вены. Король Николай довольно скоро убедился в коварстве австро-венгерского правительства, которое, пообещав ему Шкодер, не только нарушило эти обещания, но и выступило главным противником перехода города под суверенитет Черногории. Вена потребовала отвода черногорских и сербских войск с этого направления, мешая Приморскому отряду объединиться с черногорцами. Черногорскому королю стали также известны закулисные переговоры Вены с принцем Вюртембергским, которого она хотела сделать королем Албании. Австро-венгерский посланник в Цетинье барон В. Гизль неосторожно сообщил эту новость А. А. Гирсу, последний не преминул передать ее черногорскому королю⁵³.

Одновременно до Николая дошли сведения о концентрации австро-венгерских войск у черногорской границы. Их передал королю пользующийся у него доверием помощник русского военного агента в Цетинье подполковник В. Н. Егорьев. Сообщая в Петербург о своей беседе с королем, Егорьев писал: «Король изумился, слушая очень внимательно, задумался, потом сказал: „Ну что же, придется воевать с Австрией“»⁵⁴.

В апреле 1913 г. черногорско-австрийские отношения достигли крайней напряженности. Австро-Венгрия потребовала вывода черногорских войск из Шкодера, которым после долгой осады удалось, наконец, вступить в город. Военно-морское командование Австро-Венгрии предложило оккупировать черногорские порты Бар и Ульцинь, заставив короля Николая вывести войска из Шкодера⁵⁵. Австро-

Венгрию поддержала Германия, подталкивавшая Вену к решительным действиям. Вильгельм II написал на полях телеграммы К. Лихновского: «Я думаю, что граница австрийского терпения должна кончиться. Быстрый и радикальный удар (против Черногории.— Ю. П.) явится разрешением вопроса. Чем дольше Австрия будет терять время, уступать и оттягивать, тем хуже». Кайзер уверял Вену, что великие державы не вступятся за Черногорию. «Великие державы поскулят, но не пошевелят пальцем»,— предсказывал он ⁵⁶.

Так оно и произошло. 15 апреля совещание послов поддержало Австро-Венгрию, а не Черногорию, предложив передать Шкодер под управление международной комиссии, а 17 апреля английский посланник в Цетинье, посетив короля Николая, предупредил его о готовности Э. Грея предоставить Австро-Венгрии «свободу рук» в случае, если Черногория не подчинится этому решению. Черногорский король обратился за содействием к Сербии, прося ее о помощи, но сербское правительство не решилось на военный конфликт с Австро-Венгрией из-за Шкодера. Сербский посланник в Цетинье М. Гаврилович передал королю Николаю отрицательный ответ Н. Пашича на его просьбу, посоветовав избежать конфронтации с монархией Габсбургов ⁵⁷. 2 мая правительство Черногории приняло решение об эвакуации крепости. «Или мы должны очистить Скутари, или новая война»,— заявил король на созванном для обсуждения этого вопроса совещании представителей правительства и командования черногорских войск. Почти все присутствовавшие признали полную бесперспективность для Черногории войны с Австро-Венгрией ⁵⁸. 4 мая черногорские войска покинули город, вместо них в крепость был введен отряд международных сил. Так был ликвидирован очередной кризис на Балканах.

Позиция царского правительства отличалась от позиции других великих держав в решении названной проблемы. На первом этапе кризиса, когда его еще можно было преодолеть путем мирных переговоров, Петербург поддерживал Черногорию, высказываясь за удовлетворение ее требований. Вместе с тем русское правительство настаивало на одновременном удовлетворении требования Белграда о выходе Сербии к Адриатическому морю и пыталось помешать попытке Австро-Венгрии противопоставить Сербию Черногории ⁵⁹. Инструктируя А. К. Бенкендорфа 19 декабря, С. Д. Сазонов сформулировал перед представителем России на совещании послов в Лондоне три задачи: 1) содейство-

вать переходу Черногории Шкодера и прилегающей к городу территории по р. Бояна, учитывая экономическое и стратегическое значение этих земель для черногорского государства; 2) добиваться принятия решения по вопросу об участии Сербии на равном основании с великими державами в контроле и финансировании строительства нейтрального порта на побережье Адриатического моря и железной дороги, ведущей к этому порту; 3) содействовать получению Сербией права использовать этот порт для беспрепятственного провоза своих товаров, в том числе и военных, в мирное и военное время.

17 декабря Сазонов повторил свои предложения, указав, что русское правительство не имеет ничего против перехода под суверенитет Черногории не только Шкодера, но и порта Сан-Джовани-ди-Медуа⁶⁰. Наконец, 19 декабря министр в секретной депеше послал в Англии и Франции сформулировал в более широком плане вопрос об установлении непосредственной границы между Сербией и Черногорией, имея в виду пересмотр тех статей Берлинского трактата 1878 г., которые мешали этому⁶¹.

В январе 1913 г. и в последующие месяцы, когда черногорский король вел упоминавшийся выше секретный зондаж с Австро-Венгрией и упорно сопротивлялся осуществлению планов Сербии⁶², С. Д. Сазонов занял более негативную позицию в отношении передачи крепости Черногории. В телеграмме Бенкендорфу 5 января он писал, что «Россия не может допустить решения вопроса о Скутари в ущерб Сербии и в пользу одной Черногории»⁶³. Лишь на заключительном этапе, после того как вопрос об этой крепости принял остроконфликтный характер, С. Д. Сазонов склонился к точке зрения Англии, отдавая отчет о неизбежном поражении Черногории в случае ее военной конфронтации с Австро-Венгрией.

Следует сказать, что министру иностранных дел России было нелегко защитить эту позицию от воинственно настроенных кругов панславистов и милитаристов в самой Российской империи⁶⁴. Уже первые успехи Балканского союза вызвали в царской России подъем шовинистических настроений среди националистической буржуазии и экстремистских кругов военщины. В ноябре 1912 г., когда сербские войска после успешных действий против Турции предприняли поход на побережье Адриатического моря, а черногорцы начали осаду крепости, многие влиятельные буржуазные органы печати России («Новое время», «Речь», «Голос Москвы», «Русское слово» и др.) стали призывать прави-

тельство к поддержке Сербии и Черногории, заявляя о необходимости использовать момент для того, чтобы взять реванш за дипломатическое поражение Петербурга во время боснийского кризиса 1908—1909 гг.⁶⁵ «Мы готовы к войне! Все силы России подготовлены к выступлению», — писала, например, газета «Голос Москвы» 8 ноября 1912 г.⁶⁶

1 февраля 1913 г. в Петербурге в Славянском обществе был заслушан доклад одного из его руководителей, генерал-майора в отставке И. С. Пальмова, на тему «Историческая сущность Восточного вопроса и идеальное его решение с точки зрения славянофилов». Докладчик ратовал за резкую активизацию наступательной политики России на Балканах и в районе проливов. «Обладание проливами, — заявил он, — имеет жизненно важное значение для России и славянских государств». И. С. Пальмов выдвигал задачу расширения союза славянских и других христианских народов под эгидой царизма не только на Балканах, но и в Центральной Европе и, снова вернувшись к проблеме проливов, утверждал, что ее решение в пользу России будет выгодно и этому союзу. «Проливы, — заявил он, — должны принадлежать греко-славянскому союзу под гегемонией России и при духовном главенстве греческой патриархии»⁶⁷.

Правые круги буржуазно-дворянской общественности России — панслависты и славянофилы — обрушились на С. Д. Сазонова за проведение осторожной балканской политики. 18 января 1913 г. один из идеологов панславистов, А. А. Башмаков, в речи «Наш долг на лондонской конференции», произнесенной на собрании славянофилов Петербурга, резко осудил министра за его стремление избегать военную конфронтацию с Австро-Венгрией. Оратор призвал к немедленному военному походу против Австро-Венгрии: «Если бы завтра мы услышали призыв к нам государя, слезы радости навернулись бы у нас на глазах»⁶⁸.

Особенно большим нападкам С. Д. Сазонов подвергался в связи со скутарийским кризисом. Кампанию против министра возглавили черногорские княжны, дядя царя великий князь Николай Николаевич, его брат великий князь Петр Николаевич, бывший министр внутренних дел В. И. Гурко, член правления Славянского общества генерал А. П. Скутаревский, Д. Н. Вергун, А. А. Башмаков и др.

На банкете 28 марта, организованном Славянским обществом в «Европейской» (гостиница в Петербурге), выступавшие договорились до того, что назвали С. Д. Сазонова «русским немцем» (Д. Н. Вергун), заявляли, что министр несет «личную ответственность перед историей» (В. И. Гур-

ко). Они критиковали «слишком рациональную» политику Сазонова, призывали к войне. В принятой резолюции участники банкета выдвинули задачу «тысячелетней истории» — захвата проливов⁶⁹.

После младотурецкого переворота и возобновления военных действий на Балканах нападки на С. Д. Сазонова приняли еще более ожесточенный характер. Панслависты требовали вмешательства в балканские дела.

С. Д. Сазонов, в свою очередь, назвал экстремистов «приготовишками» и «гимназистами», предупреждая об опасности их курса. Англия и Франция, констатировал министр, не собираются поддерживать Черногорию и Сербию, а сама Россия далеко не готова к войне в одиночку со всей Центральной коалицией. Министр ссылаясь также на неустойчивость внутривосточного положения Российской империи, где назревал новый подъем революционного движения. Последний аргумент был главным для сторонников Сазонова. Восстания моряков на Черном и Балтийском морях, ленские события 1911 г., рост антивоенных настроений в армии заставляли членов совета министров во главе с В. Н. Коковцовым, а также руководителей Генерального штаба и Морского генерального штаба призывать к сдержанности в балканской политике. Однако у Сазонова были и противники — военный министр В. А. Сухомлинов, его помощник генерал А. А. Поливанов, дядя царя великий князь Николай Николаевич, директор 1-го политического (балканского) отдела МИД Г. Н. Трубецкой. В скрытой оппозиции к министру находился и Н. Г. Гартвиг⁷⁰. Что касается царя, то он, как всегда, проявлял колебания, свойственные его характеру. Он поддерживал то Сазонова, то его противников⁷¹. Документы свидетельствуют о противоречивости суждений царя. На одних он делал пометы: «Я — против осложнений из-за Скутари», на других писал прямо противоположное. Все это затрудняло деятельность русской дипломатии на Балканах.

Албанская проблема и великие державы

Одним из главных вопросов на совещании послов великих держав был албанский. Основные противоречия вокруг него развернулись между Австро-Венгрией и Италией, преследовавших в Албании своекорыстные цели. «На Балканах, — писал В. И. Ленин, — „интересы“ Италии и Австрии не совпадают. Италия хочет урвать еще кусок — Албанию, Австрия этого допустить не хочет»⁷². Борьба этих империа-

листических хищников за Албанию началась задолго до лондонских конференций. Еще в 1897 г. тогдашний начальник австро-венгерского генерального штаба фельдмаршал Фридрих Бек направил Францу Иосифу меморандум, доказывая военно-стратегическое значение приобретения монархией албанского побережья Адриатического моря.⁷³ В октябре 1912 г. генерал Конрад снова поставил этот вопрос. Он писал, что Албания «должна быть принята во внимание (Австро-Венгрией. — Ю. П.) не только как сила, противостоящая Италии, но и как союзник против Сербии и Черногории»⁷⁴.

Италия, в свою очередь, видела в лице Албании плацдарм для дальнейшего проникновения на Балканы, считая, что захват ее побережья на Адриатике может обеспечить ей гегемонию в жизненно важном для нее морском бассейне.

На совещании послов в Лондоне представители Австро-Венгрии и Италии, однако, пытались скрыть свои истинные цели под флагом «защиты» интересов Албании. Граф Менсдорф, например, демагогически заявлял, что Албания сможет обеспечить свою независимость якобы только при покровительстве Австро-Венгрии. Он преднамеренно обострял территориальный вопрос, настаивая на присоединении к Албании районов с сербским, черногорским и греческим населением, а также территорий со смешанным в этническом отношении составом. С этой целью Менсдорф представил совещанию послов фальсифицированную этнографическую карту.

Глава итальянской делегации маркиз А. Сан-Джулиано, чтобы сорвать предложение Менсдорфа, высказался за передачу Черногории Шкодера, Сан-Джовани-ди-Медуа и Лежа, но возражал против уступок каких-либо албанских земель в пользу Греции, стремясь как можно дальше отодвинуть ее границы от Влэры (Валоны). В качестве компенсации за это он предлагал передать Греции остров Крит⁷⁵. Предложения Италии вызвали возражения сразу трех государств: Англии, Сербии и Греции. Первая выступила против распространения власти Греции на остров Крит, Сербия претендовала на те же районы, что и Черногория, Греция хотела присоединить к себе южную часть Албании и Эпир⁷⁶.

Противником итальянской и австро-венгерской программ были также Турция и Франция. В Константинополе пытались сохранить за Османской империей все подвластные ей ранее территории, в Париже были обеспокоены возможной перспективой создания итало-австрийского condominiumа

в Албании или протектората над ней одного из этих государств⁷⁷.

Наиболее сложным было положение царской России, которая выдвигала три разные по своему характеру задачи: помешать захватническим планам Австро-Венгрии и Италии в Албании, убедить великие державы в необходимости доступа Сербии к морю и не затрагивать при этом интересов Турции.

Министерство иностранных дел России разработало ряд проектов решения албанско-сербско-турецкой проблемы, самыми важными из которых были два: проект посланника в Софии А. В. Неклюдова и новый проект консула в Митровице А. М. Петряева⁷⁸.

Проект Неклюдова предоставлял Албании широкие права автономии при сохранении формально верховного суверенитета Турции. Несмотря на компромиссный характер, объективно этот проект был выгоден Албании, так как исходил из учета реальных возможностей решения албанской проблемы в период острого противоборства великих держав. Всякий другой вариант мог бы привести либо к установлению над Албанией протектората Австро-Венгрии и Италии, либо к ее зависимости от Османской империи. Согласно записке Неклюдова, население страны получало право избирать свои местные органы власти, создавать свой суд и свою милицию (жандармерию). Из Албании должны были быть выведены турецкие войска. Проект устанавливал границы Албании, примерно соответствующие ее нынешним⁷⁹.

Проект А. М. Петряева был менее радикальным, но и он преследовал своей целью защитить Албанию от посягательств на ее независимость со стороны австро-венгерского и итальянского империализма. Этот проект, хотя и сохранял за Турцией верховный суверенитет над Албанией, устанавливал контроль за деятельностью турецкого генерал-губернатора в стране международной комиссии шести великих держав, в состав которой входила и Россия. Населению Албании предоставлялось право избирать местные органы власти. Проектом предусматривались введение в Албании более современного судопроизводства и реорганизация отсталой феодальной системы фиска⁸⁰.

Оба проекта были сведены С. Д. Сазоновым воедино и затем предложены А. К. Бенкендорфом лондонскому совещанию послов. Последнее, однако, сделало шаг назад, приняв решение, которое открывало путь для иностранного вмешательства во внутренние дела Албании⁸¹. В решении говорилось, что «автономия Албании гарантируется и контро-

лируется исключительно со стороны шести держав под суверенитетом и сюзеренитетом султана»⁸². Сопещание послов, отказавшись признать Албанию турецкой провинцией, не признало ее и независимым государством⁸³. 29 июня 1913 г. совещанием было принято решение о государственном устройстве Албании (так называемый Органический статут). Албания провозглашалась автономным, суверенным и наследственным княжеством «при гарантии» европейских государств. Предусматривалось, что верховный правитель Албании — князь — должен избираться сроком на 8 месяцев, а комиссия шести великих держав назначаться на целых 10 лет⁸⁴.

Великие державы долгое время не могли подобрать на албанский престол подходящую кандидатуру. За этот трон боролись 15 человек. Англичане в качестве своего кандидата выдвигали герцога фон Ураха, итальянцы — египетского принца Фуада, французы — принца Сикста Пармского или принца Виктора Луи Бонапарта, австрийцы — сразу четырех кандидатов: Исмаила Кемаль-бей, Ису Болетинаца, Авдибей и Мехмед-пашу Дералия. Фигурировали также кандидатуры Альберта Гика и дон Аландро Кастриота. Пока трон был вакантным, в Албании правили несколько влаетелинов: во Влере (Валоне) — Исмаил Кемаль-бей, в Тиране — Эссад-паша, в Эльбасане — Акиф-паша, в Ороши (центр Мирдиты) — Пренк Биб Дода, в Фиери — Омер-паша. В состав их «правительств» входили крупные феодалы из местной знати, бывшие чиновники и офицеры Османской империи. В стране господствовала апархия, между «правителями» шла междоусобная борьба⁸⁵.

Об отношении России к албанскому вопросу сохранились коевенные материалы из архива российского посольства в Константинополе. Речь шла главным образом о контактах посольства с албанской политической эмиграцией. Последнее установило связи с двумя эмигрантскими группами, так называемыми «стариками», бывшими чиновниками турецкой администрации в Албании, которые выдвигали план предоставления стране автономии в рамках Османской империи, и группой сторонников полной независимости Албании (радикалов). Второе течение, которое возглавлял бывший депутат турецкого парламента Сурея-бей, выступало за провозглашение в Албании конституционной монархии с королем-протестантом во главе при парламенте швейцарского образца. Это направление, объединившее в своем составе интеллигенцию и учащуюся молодежь, пользовалось все возрастающим влиянием, и русский посол в Турции

М. Н. Гирс обращал на него особое внимание С. Д. Сазонова, предлагая учитывать возможность победы радикалов. С. Д. Сазонов, в свою очередь, советовал М. Н. Гирсу поддерживать контакты прежде всего с этими деятелями, подчеркивая отсутствие у России экспансионистских целей в Албании. «Мы, — писал Сазонов, — вряд ли будем добиваться на албанской территории каких-либо особых прав, компенсаций и пр.»⁸⁶

18 февраля 1913 г. в Константинополе состоялся съезд албанцев-эмигрантов, высказавшийся за создание албаносербского государства под эгидой сербского короля Петра I, но при сохранении Албанией независимости. М. Н. Гирс сообщал 7 марта в Петербург: «Я полагаю, что к мысли о будущем собирании албанских земель вокруг Сербии мы можем отнестись лишь сочувственно (положительно. — Ю. П.) и что само зарождение движения является удобной почвой для развития того недоверия к стремлениям Австрии, которое ныне особенно сказывается»⁸⁷. Николай II, прочитав этот документ, одобрил взгляды Гирса⁸⁸, поставив на его донесении «да», а С. Д. Сазонов, поддержав идею создания сербско-албанского государства, направил по этому поводу меморандум австрийскому посольству в Петербурге, предложив совместно рассмотреть упомянутый вариант⁸⁹.

Что ответило правительство Австро-Венгрии на это предложение, неизвестно, но, судя по дальнейшим событиям, Вена заняла отрицательную позицию. Уже в то время Австро-Венгрия вела переговоры с Германией о назначении на албанский престол немецкого принца Вильгельма Вида, родственника королевы Румынии. Италия поддержала его кандидатуру, выговорив право посылать к его двору своих советников.

В марте 1914 г. в столицу Албании Дуррес прибыл принц Вид, ставший вскоре ее королем под именем Вильгельма I. Главой албанского правительства стал бывший турецкий посол в Петербурге Турхан-паша Пермети, министром внутренних дел — Эссад-паша, ориентировавшийся ранее на Сербию и Черногорию, но переменявший ориентацию на Италию.

Создание централизованной монархии в Албании, однако, не привело к консолидации государства. Короля Вида, изолировавшего себя от албанского народа, называли в стране «опереточным монархом», среди населения он не пользовался популярностью. В сентябре 1914 г., едва началась мировая война, Вильгельм Вид бежал из Албании, оставив ее на произвол судьбы. Так бесславно закончилась попытка

великих держав решить проблему албанской государственности за «зеленым столом» переговоров без участия представителей албанского народа и вопреки его воле. «Европейским миротворцам» не удалось договориться и по другим балканским вопросам.

Второй этап лондонских конференций

Как уже отмечалось, 21 января (3 февраля) 1913 г. на Балканах снова вспыхнула война. Младотурецкое правительство Махмуда Шефкет-паши, заявив о неприемлемости для Турции условий мирных переговоров, возобновило военные действия против балканских союзников.

Очень скоро, однако, Турция потерпела поражение и уже 15 февраля обратилась к великим державам с просьбой о посредничестве в перемирии⁹⁰. Турецкое правительство попыталось сохранить при этом за собой осажденный болгарами Адрианополь или хотя бы его часть, населенную мусульманами, а также крепости Шкодер и Янина, окруженные черногорскими и греческими войсками⁹¹. Оно не хотело уступить Греции острова в Эгейском море и отказывалось признать требования Балканского союза о возмещении ему убытков, причиненных Турцией. В то же время, ссылаясь на тяжелое экономическое положение страны, Порты заявила о своем намерении повысить на 40% пошлины для иностранных товаров, ввозимых в Турцию⁹².

В марте Балканский союз, в свою очередь, сформулировал программу мирных переговоров, предъявив претензии на Адрианополь и Янину, острова Эгейского архипелага, остров Крит и европейские территории Турции по линии Родосто—Мидия. Победители потребовали уплаты Турцией репараций и частичного возмещения ею убытков, причиненных торговцам и промышленным компаниям балканских государств. Балканские союзники оставляли за собой право после заключения мира поставить вопрос о предоставлении Турцией привилегий для православной церкви на той части территории Балканского полуострова, которая осталась еще в ее составе⁹³.

В исторической литературе подробно освещен вопрос о дальнейших переговорах Балканского союза и Турции с великими державами в связи с предложением о медиации. Об этом писали еще современники — посланник Болгарии в Сербии А. Тошев⁹⁴ и участники Лондонской конференции⁹⁵, а также немецкий историк 20-х годов Е. Хельмрейх⁹⁶. Этой

темой занимались советские историки В. А. Жебокрицкий, П. В. Жогов и В. И. Бовыкин⁹⁷, работы которых не потеряли своего значения и поныне. В то же время важнейший вопрос об экономической программе участников первой Балканской войны и великих держав накануне заключения мирного договора оказался исследованным менее подробно.

Основным положением этой программы являлось требование великих держав о перенесении на балканские страны части оттоманского долга, а также предложение Франции и Англии о создании международной комиссии по контролю за финансами Турции, что могло бы привести к усилению экономического закабаления как балканских стран, так и Турции западными державами.

Большой интерес имеет переписка С. Д. Сазонова с председателем совета министров В. Н. Коковцовым в декабре 1912 — январе 1913 г. и с послом в Париже А. П. Извольским в апреле 1913 г. Так, в письме В. Н. Коковцову 18 декабря 1912 г. С. Д. Сазонов обратил внимание главы русского правительства на опасность для балканских стран плана Франции переложить на эти государства часть обязательств по оттоманскому долгу. «Защищая интересы балканских государств, — писал министр, — Россия должна зорко следить за тем, чтобы справедливое обеспечение кредиторов не повлекло за собой переложения на балканские государства части долга в размерах, превышающих удовлетворение указанной финансовой операции». Сазонов заявлял, что эти предложения Франции и Англии не могут встретить со стороны России поддержки⁹⁸.

В письме к А. П. Извольскому 18 апреля 1913 г. министр отрицательно оценил также и предложение Англии об установлении общеевропейского контроля над финансами Турции⁹⁹. В другом письме послу, отправленном в тот же день и носившем более частный характер, С. Д. Сазонов значительно шире аргументировал свою точку зрения, поставив вопрос в плоскость общей политики России на Балканах и Ближнем Востоке. Министр отмечал, что создание международной финансовой комиссии в Турции может привести к гегемонии на Ближнем Востоке одной из великих держав, в том числе главного соперника России — Германии. С. Д. Сазонов предлагал расширить контакты Российской империи с Турцией. «Мы полагаем, — писал он, — что Россия может извлечь больше выгод из прямых и непосредственных отношений со свободной Турцией, чем связав ее подчинением европейского контроля, а себя самих неизбежным участием в последнем»¹⁰⁰.

Вместе с тем царское правительство отнюдь не отказывалось от участия в другой международной комиссии (по оттоманскому долгу), которая обеспечивала интересы русского империализма на Балканах и Ближнем Востоке¹⁰¹.

С. Д. Сазонов доверительно сообщал А. П. Извольскому, что для России большую опасность представляет сама постановка вопроса об изменении установившейся системы статус-кво в отношении Турции и проливов. Министр подчеркивал, что Россия должна поддерживать турок. «Турция, — утверждал он, — не может не сознавать серьезной опасности, грозящей отныне Константинополю и проливам. Эта опасность будет в настоящее время иметь более веса в глазах турок, чем традиционное их недоверие к России, нас будет сближать с Турцией до известной степени общий интерес в том, чтобы проливы не подпали под чужое владычество»¹⁰².

Далее министр остановился на вопросе русско-болгарских отношений в связи с проблемой проливов, указав, что упомянутая позиция России не противоречит ее традиционно дружественным отношениям к Болгарии.

Российское правительство в связи со сказанным было крайне заинтересовано в прекращении войны Балканского союза с Турцией и вместе с правительствами других великих держав обратилось 1. (13) апреля 1913 г. к Балканскому союзу и Турции с предложением заключить немедленное перемирие¹⁰³. Через два дня этим советам последовали Болгария и Турция, а вскоре и другие страны (дольше всех воинственную позицию занимала Греция).

В Лондон в начале мая снова съехались участники мирной конференции. 24 апреля (7 мая) возобновились совещания послов великих держав.

17 (30) мая представителям балканских государств и Турции был вручен проект мирного договора, составленный Э. Греем и П. Камбоном, причем Грей предупредил участников мирной конференции о невозможности дальнейшей отсрочки подписания договора. «Кто не может подписать документ — должен покинуть Лондон», — заявил он. Э. Венизелос и Н. Стоянович попытались было оспорить эту процедуру, указав, что она напоминает ультиматум, но их заявление не было принято во внимание. «Бунт на коленях» представителей балканских монархий и султанской Турции продолжался, однако, недолго. В 12 ч. 25 мин. того же дня (по Гринвичу) договор был скреплен их подписями, и только своенравный Венизелос отказался подписаться под его текстом¹⁰⁴. Со словами: «Лучше война, чем позорная капи-

туляция», — он покинул заключительное заседание мирной конференции. Вместо Венизелоса от Греции свои подписи под документом поставили С. Скулудис, Й. Геннадиус и Дж. Стрейтс¹⁰⁵.

Мирная конференция не оправдала надежд ее участников. Сербия так и не получила выхода к Адриатическому морю, Греция не добилась присоединения островов в Эгейском море, Албания, провозгласившая свою независимость, долгие годы испытывала диктат шести великих держав.

Лондонский мирный договор не удовлетворил ни балканские государства, ни Турцию, он не только не способствовал стабилизации международной обстановки на Балканах, но, напротив, привел к дальнейшему ее обострению, что, в свою очередь, приблизило сроки второй Балканской войны¹⁰⁶.

- ¹ *Andrassy J. Diplomatie und Weltkrieg. V., W., 1920, S. 47; Могилевич А. А., Айрапетян М. Э. На путях к мировой войне, 1914—1918. М., 1940, с. 104 и след.*
- ² *Magyar Országos Levéltár, Filmtár.— ННStA, Protokolle des Ministerrates für gemeinsame Angelegenheiten. 2.V 1913, Н. XXX. 1913—1914, S. 311.*
- ³ OUA, Bd. V, № 4732, S. 4.
- ⁴ ЦГА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 641, л. 169.
- ⁵ *Baernreither J. Fragmente eines politischen Tagebuches. В., 1928, S. 177—178.*
- ⁶ OUA, Bd. V, N 4893, S. 107—108.
- ⁷ См.: *Стојановић К. Говори и расправе. Београд, 1922, св. 3, с. 141.*
- ⁸ ННStA, Politische Archiv, XL. Interna, N 311.
- ⁹ См.: *Ђорђевић Д. Царински рат Аустро-Угарске и Србије, 1906—1911. Београд 1962, с. 447—453, 626—630; Јуџбашић Дз. О неким питањима аустроугарске политике према уређењу привредних односа у Македонији и на Балкану за вријеме кризе 1912—1913 године.— Прилози Института за историју радничког покрета, Сарајево, 1969, N 5, с. 165—196.*
- ¹⁰ *Conrad F. Bd. III, S. 11.*
- ¹¹ *Južbašić Dz. О неким питањима. . ., с. 182.*
- ¹² МОЭИ. Сер. 2, т. XX, ч. 2, № 468; АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 195, л. 1077; СР, Bd. 33, N 12327.
- ¹³ АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 195, л. 1077.
- ¹⁴ АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 196, л. 296—297.
- ¹⁵ См.: *Тарле Е. Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г.— Былое, Пг., 1922, кн. 19.*
- ¹⁶ АВПР, ф. ПА, д. 130, л. 26.
- ¹⁷ См.: подробнее: *Зайцев В. В. Германская политика на Балканах и позиция Англии в период Лондонской конференции великих держав, 1912—1913.— В кн.: Германская внешняя политика в новое и новейшее время. М., 1974, с. 99—107.*
- ¹⁸ СР, Bd. 33, N 12399, S. 364.
- ¹⁹ *Стрид У. Енглези и рат.— Југословенски гласник, Ниш, 1915, № 1, с. 39.*
- ²⁰ См.: *Поповић Д. Никола Пашић и Русија.— Годишњик Николе Чушића, Београд, 1937, књ XLVI, с. 147—148.*

- 21 АВПР, ф. ПА, д. 1349, л. 141.
- 22 *Sosnosky T.* Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866. Stuttgart; Berlin, 1914, Bd. II, S. 351.
- 23 См.: *Јовановић Ј.* Новаковић у дипломатији: (Споменица Стојана Новаковића). — СКГ, 1921, књ XXIII, с. 218.
- 24 АВПР, ф. ПА, д. 530, л. 69—84.
- 25 *Bogitschewitsch M.* Die auswärtige Politik Serbiens. В., 1929, Bd. I, N 236.
- 26 «Мы должны взять Чатаалджи и пробиться к морю», — заявил В. Радославов (Стенографски дневници на XV Обикновено Народно събрание, 1972. С., 1913, с. 56).
- 27 См.: Доклад на парламентарната изпитателна комисија. С., 1918, т. 1, с. 42.
- 28 OUA, Bd. V, N 4880, S. 98—100; N 4883, S. 101—102; 4976, S. 169—170.
- 29 OUA, Bd. V, N 4849, S. 83—84.
- 30 OUA, Bd. V, N 4880, 4883, 4976.
- 31 См.: *Жогов П. В.* Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912—1913. М., 1969, с. 106; *Жебокрицкий В. А.* Болгария в период балканских войн. Киев, 1961, с. 176—178.
- 32 См.: *Влазов Т.* Външната политика на Фердинанд и Балканският съюз. — ИП, 1950, № 4/5, с. 437.
- 33 См.: *Гиргинов А.* Народната катастрофа: Войните 1912—1913. С., 1926, с. 57—58.
- 34 GP, Bd. 33, N 12468, S. 441.
- 35 GP, Bd. 33, N 12320, S. 276.
- 36 *Pantev A., Popov R., Sharova K., Statelova E., Todorova Z.* The Foreign Policy of the Opposition Parties in Bulgaria, 1900—1914. — Bulgarian Historical Review, 1975, N 1, p. 54—58.
- 37 См.: Стенографски дневници..., с. 56, 65, 71, 76.
- 38 OUA, Bd. V. N 4911, 4924, 4925; GP, Bd. 34, N 12510, 12511, 12540.
- 39 GP, Bd. 34/I, N 12540, S. 44—46.
- 40 GP, Bd. 33, N 12482, S. 454.
- 41 АВПР, ф. ПА, д. 131, л. 91—94, 119—120.
- 42 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 38.
- 43 АВПР, ф. Канцелярия, 1912 г., д. 138, л. 125.
- 44 АВПР, ф. ПА, д. 1599, л. 200.
- 45 АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 196, л. 121.
- 46 АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 195, ч. 1, л. 1039. А. А. Гирс — С. Д. Сазонову, Цетинье, 1912, 13 нояб.
- 47 АВПР, ф. ПА, д. 1599, л. 226. А. А. Гирс — С. Д. Сазонову, Цетинье, 1912, 16 дек.
- 48 АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 196, л. 354—355. С. Д. Сазонов — А. А. Гирсу, 1912, 17 дек.
- 49 См.: *Шкеровић Н.* Из односа Црне Горе и Русије. Војна конвенција 1910. — ИЗ, 1959 књ XVI, св. 3/4, с. 113—120.
- 50 См.: *Ракочевић Н.* Односи Црне Горе и Србије у период 1912—1914. — В кн.: Велике силе, с. 577—586.
- 51 АВПР, ф. ПА, д. 1599, л. 205.
- 52 См.: *Ракочевић Н.* Односи Црне Горе..., с. 578—579.
- 53 АВПР, ф. ПА, д. 1599, л. 201. А. А. Гирс — С. Д. Сазонову, Цетинье, 1912, 14 нояб.
- 54 АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 195, л. 945. Подполковник

- В. Н. Егорьев — Главному управлению Генерального штаба, 1912, 20 нояб.
- ⁵⁵ См.: *Вуковић Божо-Божидар*. Рат Црне Горе против Турске и Бугарске 1912—1913 и рад Црне Горе на унији и сарадњи са Србијом. Цетиње 1971, с. 75.
- ⁵⁶ GP, Bd. 34/II, N 13252, S. 783.
- ⁵⁷ См.: *Вуковић Божо-Божидар*. Рат Црне Горе..., с. 171.
- ⁵⁸ См.: Глас Црногорца, Цетиње, 1913, 25 апр.
- ⁵⁹ АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 196, л. 229. С. Д. Сазонов — А. К. Бенкендорфу, 1912, 7 дек.
- ⁶⁰ АВПР, ф. ПА, д. 132, л. 42, 60. С. Д. Сазонов — А. К. Бенкендорфу, 1912, 17 дек.
- ⁶¹ АВПР, ф. ПА, д. 132, л. 66. С. Д. Сазонов — А. К. Бенкендорфу и А. П. Извольскому, 1912, 19 дек.
- ⁶² Король Николай заявил 14 февраля 1913 г.: «Моя страна предпочтет погибнуть, чем оставить этот город» (Сборник секретных документов из архивов бывшего министерства иностранных дел. Пг., 1917, № 5).
- ⁶³ АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 197, л. 441.
- ⁶⁴ См.: *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1910—1914). — ИЗ, 1965, т. 75, с. 44—85.
- ⁶⁵ См.: *Гришина М. И.* Империалистические планы кадетской партии по вопросам внешней политики России в 1907—1914 гг. — Учен. зап. МГПИ, 1967, кн. 286, с. 66—84.
- ⁶⁶ Голос Москвы, 1912, 8 нояб.
- ⁶⁷ Славянские изв., СПб., 1913, 7 апр., № 21.
- ⁶⁸ Славянские изв., СПб., 1913, 24 февр., № 15.
- ⁶⁹ См.: Славянские изв., СПб., 1913, 7 апр., № 21.
- ⁷⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 195, л. 682. С. Д. Сазонов — Н. Г. Гартвигу, 1912, 10 нояб.
- ⁷¹ АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 196, л. 243; АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 138, л. 163.
- ⁷² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 116.
- ⁷³ *Helmsreich E.* Die tieferen Ursachen der Politik Berchtolds im Oktober 1912. — ВМ, 1932, N 3.
- ⁷⁴ *Conrad F.* Bd. II, S. 311.
- ⁷⁵ OUA, Bd. IV, N 4638, S. 1022—1024; *Marjanovič M.* Londonski ugovor iz 1915. Zagreb, 1960.
- ⁷⁶ OUA, Bd. V, N 4880, 4883, 4976; BD, v. IX, N 427.
- ⁷⁷ См.: *Ђорђевић Д.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону, 1912. Београд, 1956, с. 130.
- ⁷⁸ АВПР, ф. ПА, д. 129, л. 12.
- ⁷⁹ АВПР, ф. ПА, д. 1349, л. 142—143.
- ⁸⁰ АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 195, л. 86—87; АВПР, ф. ПА, д. 131, л. 80—81.
- ⁸¹ GP, Bd. 33/I, N 12556.
- ⁸² АВПР, ф. Комиссия, оп. 910, д. 195, л. 86—87.
- ⁸³ OUA, Bd. V, N 4944, S. 147—149; N 4954, S. 155; BD, vol. IX, N 391.
- ⁸⁴ GP, Bd. 34/I, N 12545, S. 53—54; N-12562, S. 74—75; Graf Benkenдорffs diplomatischer Schriftwechsel. Berlin; Leipzig, 1928, Bd. VI, N 765, 767.
- ⁸⁵ См.: *Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д.* Краткая история Албании. М., 1965.
- ⁸⁶ АВПР, ф. ПА, д. 1047, л. 16—17.
- ⁸⁷ АВПР, ф. ПА, д. 1047, л. 86.

- ⁸⁸ См.: Царское село. Помета: 1913, 12 марта.
- ⁸⁹ Меморандум: La future province autonome turque de l'Albanie.— АВПР, ф. ПА, д. 1047, л. 86.
- ⁹⁰ См.: *Жогов П. В.* Дипломатия Германии..., с. 107—108.
- ⁹¹ См.: *Тошев А.* Балканските войни. С., 1929, т. I, с. 159.
- ⁹² АВПР, ф. ПА, д. 1048, л. 8.
- ⁹³ OUA, Bd. V, N 6157, S. 971.
- ⁹⁴ См.: *Тошев В.* Балканските войни, т. I, с. 144—145.
- ⁹⁵ OUA, Bd. V, N 6157.
- ⁹⁶ *Helmreich E.* The diplomacy of the Balkan, 1912—1913. Cambridge, 1938, p. 1938, p. 327—328.
- ⁹⁷ См. библиографию.
- ⁹⁸ См.: *Жебокрицкий В. А.* Болгария в период..., с. 120; *Бовыкин В. И.* Русско-французские противоречия на Балканах и Ближнем Востоке накануне первой мировой войны.— ИЗ, 1957, т. 59, с. 111.
- ⁹⁹ АВПР, ф. ПА, д. 3048, л. 151—155; *Бовыкин В. И.* Русско-французские противоречия..., с. 111.
- ¹⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 464, л. 73.
- ¹⁰¹ АВПР, ф. ПА, д. 131, л. 42; ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 464, л. 72—73.
- ¹⁰² ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 600, л. 2.
- ¹⁰³ *Helmreich E.* The diplomacy of the Balkan, p. 329—330.
- ¹⁰⁴ BD, vol. IX, N 1006.
- ¹⁰⁵ Protokoles de Conclusion de la Paix Allies, 3 (16) XII 1912—27.V (9.VI) 1913.
- ¹⁰⁶ См.: *Стид У.* Енглези и рат, с. 39.

Глава шестая

ВТОРАЯ БАЛКАНСКАЯ ВОЙНА, БУХАРЕСТСКИЙ МИР

Попытка России предотвратить распад Балканского союза

Уже на второй день после подписания Лондонского мира на Балканах снова забушевали страсти. В Софии и Афинах, в Белграде и Цетинье балканские монархи, не удовлетворившись половинчатыми решениями конференции, стали выдвигать территориальные требования, проявляя готовность обнажить свой меч. На этот раз не против Турции, а друг против друга¹. «Сегодня... над балканскими народами снова возникает грозный призрак чудовищной и позорной человеческой войны», — писал орган БСДРП (т. с.) газета «Работнически вестник» 6 апреля 1913 г.² Аналогичную оценку возникшей ситуации дал председатель совета

министров Болгарии И. Гешов. «Вражда между болгарской монархией, с одной стороны, греческой и сербской — с другой, принимает угрожающие размеры», — записал он в своем дневнике в тот же день³.

Анализируя причины обострения межбалканских противоречий после окончания первой Балканской войны, Г. М. Димитров, отмечал усиление империалистических тенденций среди балканской буржуазии и балканских монархий. Он писал, что дележ добычи вызвал оживление «великоболгарского шовинизма, великосербского шовинизма, великогреческого шовинизма и других великодержавных шовинистических течений на Балканах»⁴.

Наиболее глубокие противоречия обнаруживались между Болгарией и остальными членами Балканского союза, а также между Болгарией и Турцией, которая вынашивала реваншистские планы. В основе болгаро-турецких, болгаро-сербских, болгаро-греческих и болгаро-румынских антагонизмов лежали опасения балканских монархий, что самая сильная в военном отношении держава — Болгария, — получив львиную долю территорий бывшей части европейской Турции, станет играть на Балканах ведущую роль.

Царская Россия, в свою очередь, проявляла беспокойство, выражая опасение по поводу возможного нарушения принципа равновесия сил на Балканах, что могло привести к крушению Балканского союза, находившегося под ее влиянием. Особую тревогу Петербурга вызывала политика царя Фердинанда, который склонялся к союзу с Австро-Венгрией. Русский посланник в Афинах Е. П. Демидов писал С. Д. Сазонову 9 июня 1913 г., за несколько дней до межбалканской войны: «Болгария, руководствуясь видами на будущее, может стать орудием в руках Австрии»⁵.

Главной задачей балканской политики России в тот период было сглаживание межбалканских противоречий. Вплоть до межсоюзнической войны и даже в ее начале царское министерство иностранных дел продолжало искать пути к компромиссным решениям, чтобы предотвратить или ослабить конфликты на Балканах. Средством к достижению этой цели было право России на верховное третейское разбирательство споров между союзниками, предусмотренное болгаро-сербским союзным договором 1912 г. Ссылаясь на него, С. Д. Сазонов телеграфировал 17 апреля Н. Г. Гартвигу и А. В. Неклюдову: «Стремясь сохранить самое полное беспристрастие к обеим сторонам, мы считаем долгом напомнить об одном постановлении, которое при всяком толковании договора не может утратить силы, а именно что лю-

бой спор по поводу толкования или исполнения как договора, так и военной конвенции передается на решение России». В той же телеграмме министр подчеркивал необходимость «приложить все усилия к примирению Болгарии с Сербией»⁶.

Болгарский историк И. Панайотов в интересной работе о взаимоотношениях России и Болгарии в тот период привел многочисленные данные о попытках Петербурга ликвидировать болгаро-сербский конфликт при помощи арбитража. Не ограничившись перепиской с Софией и Белградом, С. Д. Сазонов трижды выступал с инициативой созыва совещания глав правительств Сербии и Болгарии, а перед самой межсоюзнической войной выдвинул новое предложение о встрече представителей Балканского союза для урегулирования мирным путем противоречий между его членами⁷.

В связи с этим Петербург стремился приостановить гонку вооружений в балканских странах, опасаясь, что оно будет использовано ими друг против друга. В Болгарии расходы на вооружение поглотили в 1913 г. более половины общего государственного бюджета и достигли астрономической цифры — 2 млрд. левов, в Сербии они повысились на 55% и составили в 1913 г. 370 млн. динаров, в Греции на нужды армии в том же году было израсходовано 188 млн. фр., что равнялось 65% общего государственного бюджета страны. От членов Балканского союза не отставала Румыния. Ее военные расходы в 1912—1913 гг. определялись в 434 млн. фр., в то время как в 1901—1902 гг. на те же нужды было израсходовано вдвое меньше (216 млн. фр.)⁸. Предложения России о частичном разоружении могли способствовать улучшению ситуации на Балканах, но не встретили поддержки балканских монархий⁹.

Царское правительство пыталось также избежать каких-либо связывающих ее обязательств по отношению к балканским государствам, проводя политику строгого нейтралитета. В марте Болгария и Сербия, каждая в строгой тайне от другой страны, предприняли попытки привлечь Россию на свою сторону. Воспользовавшись приездом в Софию уполномоченного министерства финансов Солдатенкова, царь Фердинанд поручил министру финансов Б. Тодорову прозондировать почву о возможности заключения двустороннего болгаро-русского соглашения против Сербии и Турции. Болгария, по словам Б. Тодорова, готова была взять на себя обязательство «навсегда отказаться» от посягательств на черноморские проливы и оказать России помощь в их овладении, Россия же, как предлагал Тодоров, должна была

содействовать Болгарии в приобретении территорий, отошедших к Сербии после войны с Турцией¹⁰.

Российское правительство отклонило это предложение, заявив о невмешательстве в болгаро-сербские споры и призвав Болгарию разрешить межсоюзнические разногласия мирным путем. «Всякие переговоры с Болгарией,— писал Сазонов в инструкции посланникам в Софии и Белграде,— преждевременны до тех пор, пока ее разногласия с Сербией не будут полностью урегулированы»¹¹.

Идентичный ответ министерство иностранных дел России дало сербскому правительству, выступившему с предложением о заключении двустороннего сербско-русского соглашения, направленного против Австро-Венгрии. 28 мая посланник Сербии в Вене Й. Иованович, посетив российского посла Н. Н. Гирса, задал ему вопрос: не согласится ли Россия помочь Сербии захватить у Австро-Венгрии или Албании гавань на побережье Адриатического моря в обмен на согласие Сербии сотрудничать с Россией и ее союзниками в войне против Центральной коалиции?¹² Н. Н. Гирс в осторожной форме отклонил это предложение, сославшись на стремление России сохранять мирные отношения с Австро-Венгрией и строго придерживаться решений лондонского совещания послов по Албании.

С предложениями о сепаратной сделке к России обратилась и Турция. 16 июля, в день своего вступления в войну против Болгарии, турецкое правительство, используя обходные пути передало императорскому послу в Константинополе М. Н. Гирсу конфиденциальное письмо за подписью великого визиря Махмуда Шефкет-паши, в котором давалось обещание предоставить России привилегии при железнодорожном строительстве в восточной Турции и решить в ее пользу армянскую проблему при условии, если Россия со своей стороны даст согласие на захват Турцией Адрианополя. Это предложение было направлено против Болгарии. Русское правительство отклонило домогательства великого визиря, предупредив Турцию против военных акций на Балканах. В то же время Петербург подтвердил свою готовность поддерживать с Турцией добрососедские отношения. «Мы хотим,— писал С. Д. Сазонов,— установления наилучших отношений с Турцией, но это возможно только на почве окончательного примирения ее с линией Энос—Мидия. Всякая попытка (Турции.— Ю. П.) вернуть себе утраченное может привести к самым опасным последствиям...»¹³ М. Н. Гирс в ответной телеграмме С. Д. Сазонову 21 июня также говорил о необходимости сохранения «интегритета

Турции в Азии», одновременно выступая против ее реваншистских планов на Балканах¹⁴.

В Петербурге с большой тревогой встретили известие о намерении Сербии и Греции заключить антиболгарский военный союз. За день до подписания этого договора, 14 мая, С. Д. Сазонов писал посланникам в Белграде и Афинах: «Сербское и греческое правительства ведут, по-видимому, уклончивую и опасную игру, заявляя нам о своих мирных намерениях и в то же время уклоняясь от прямых и определенных ответов на наши представления, деятельно готовясь к совместной борьбе с Болгарией»¹⁵.

Той же линии Россия придерживалась и при урегулировании болгаро-румынского конфликта, вспыхнувшего весной 1913 г. Царское правительство поддержало предложение Бухареста о частичном исправлении в пользу Румынии границы в районе города Силистрии, но отклонило предложенный в последний момент Бухарестом план. Оно четыре раза (6, 10, 12 и 26 июля) официально предупреждало Румынию против акта силы¹⁶, а когда румынский король Кароль I по собственной инициативе все же отдал приказ о нападении на Болгарию, потребовало немедленного прекращения похода румынских войск на Софию и тем спасло болгарскую столицу от оккупации¹⁷.

Россия предприняла попытку отвлечь Румынию от союза с Австро-Венгрией, сыграв на румыно-австро-венгерских противоречиях из-за Трансильвании. Этот вопрос подробно исследован в работах советских историков Б. Б. Кросса и Т. М. Исламова¹⁸, а также в трудах румынского историка В. Мачу¹⁹. Борьба за привлечение на свою сторону Румынии была важным аспектом балканской политики России того периода. Поздравляя С. Д. Сазонова с успехом, А. П. Извольский писал: «Вашим дипломатическим шедевром я считал и продолжаю считать отвлечение Румынии от Австрии, о чем я всегда мечтал, но чего не мог или не сумел добиться»²⁰.

Однако в целом царская дипломатия, а также французская и отчасти английская дипломатии потерпели поражение в борьбе с дипломатией Центральной коалиции. Наиболее печальным итогом для России и ее союзников был распад Балканского союза. Исполняющий обязанности российского военного агента в Болгарии Ю. Маниевский оценивал это как полное крушение всей балканской политики держав Тройственного соглашения²¹. Свое поражение признал и сам С. Д. Сазонов. Беседуя 3 сентября с поверенным в делах

Франции в Петербурге Дульса, министр горько сетовал на распад Балканского союза. «Они ускользнули от меня», — жаловался Сазонов, имея в виду не только отход от союза Болгарии, но и колебания остальных его членов²².

В чем же состояли причины дипломатических неудач России и ее западных союзников? Почему произошел распад Балканского союза? Чтобы ответить на эти вопросы, следует проанализировать балканскую политику соперников Антанты — Германии и Австро-Венгрии, а также осветить позиции самих балканских государств.

Провоцирование межсоюзнической войны Центральной коалицией

Основной целью Центральной коалиции после создания Балканского союза было разрушение этого военно-политического блока. «Наша политика с начала войны (первой Балканской. — Ю. П.) была направлена на то, чтобы взорвать Балканский союз», — писал в частном письме посланнику в Бухаресте графу О. Чернину 18 июня 1913 г. начальник канцелярии министра иностранных дел Австро-Венгрии граф А. Хойош²³. Идентичную позицию занимал и Вильгельм II. Подталкивая балканские монархии к междоусобному конфликту, он писал: «Если это славянское чудовище (Балканский союз. — Ю. П.) развалится, война между балканскими славянами надолго нанесет удар панславизму»²⁴.

Однако в Берлине и Вене при общности целей не было единства взглядов на способы их осуществления и на стратегическую линию балканской политики в целом. Австро-Венгрия, имевшая непосредственные интересы на Балканах, стремилась использовать противоречия между балканскими государствами для вмешательства в балканские дела, претендовала на захват Салоник или на гегемонию в этом районе, пыталась установить свой протекторат над Албанией, а главное — хотела ослабить Сербию, нанеся удар ее суверенитету, включив сербское государство в сферу своего влияния.

Весной и летом 1913 г., в Вене снова активизировалась военная партия. Военный агент России полковник М. И. Зенкович сообщал 24 марта: «Конрад возмущен медлительностью австрийской дипломатии, которая, по его мнению, дает сербам возможность сосредоточить войска для отпора австрийцам. Он требует немедленного открытия военных

действий против Сербии и Черногории, угрожая отставкой»²⁵. Начальник генерального штаба непрерывно осаждал нерешительного Берхтольда требованиями о походе на Белград²⁶. 21 июня перед самой межсоюзнической войной между министром и генералом Конрадом состоялся следующий разговор: «*Конрад*: Какова ситуация? Какое направление примет наша политика? *Граф Берхтольд*: Мы будем наблюдать и ждать. *Конрад*: А если Болгария будет разбита? *Граф Берхтольд*: Тогда мы выступим. *Конрад*: Вооруженным путем?»²⁷. 3 июля Берхтольд известил германского посла фон Чиршки, что австро-венгерское правительство при неблагоприятном для Болгарии исходе войны пошлет против Сербии войска²⁸.

Германия заняла более сдержанную позицию, не желая ввязываться в войну из-за локальных интересов балканских монархий. Помощник статс-секретаря по иностранным делам А. Циммерман, узнав о намерениях Австро-Венгрии, предложил Чиршки «утихомирить Вену», предупредив австро-венгерское правительство «от слишком поспешных шагов»²⁹.

Чем объяснялась такая позиция Берлина? Конечно, не миролюбием Германии, как это пытались представить Д. Лёдинг и другие немецкие буржуазные историки³⁰. Германское правительство рассчитывало на взаимное ослабление воюющих сторон, которым Центральная коалиция могла бы воспользоваться для установления своего господства на Балканах. Вот что писал по этому поводу 3 июля 1913 г. канцлер Германии Т. Бетман-Гольвег: «Для двуединой монархии будет выгодно, если в результате войны Болгария и Сербия ослабнут и будут враждебно настроены друг против друга». Развивая эту мысль, Бетман указывал, что обескровленные междоусобной войной балканские монархии станут легкой добычей Австро-Венгрии и Германии, тогда как вмешательство монархии Габсбургов в войну могло бы привести к общеевропейской войне и вызвать взрыв анти-австрийских настроений не только на Балканах, но и среди югославын в самой двуединой монархии. Война в Европе, намекал канцлер, должна быть спровоцирована славянами, а не австрийцами³¹. Советы Берлина оказали воздействие на Вену. Австро-Венгрия не решилась в одиночестве вступить в войну в защиту Болгарии.

Немалое влияние на решение Берхтольда сохранить нейтралитет оказала Италия. В Риме дали понять, что междоусобный конфликт на Балканах не может служить основанием для одностороннего вмешательства в балканские дела

Австро-Венгрии. Итальянский империализм не хотел, чтобы его основной соперник воспользовался войной для усиления своих позиций на Балканах.

Балканские монархии берут курс на войну

Принципиальную оценку политике балканских монархий того периода дали еще современники — руководители социалистических и демократических партий самих балканских государств. Так, Г. М. Димитров писал о «завоевательных стремлениях династий и буржуазных классов Болгарии, Сербии и Греции»³². Д. Туцович, лидер сербской социал-демократической партии, называл войну Сербии с Болгарией «безумием, кровавым злодейством», «погибелью обоих государств», результатом «классового эгоизма буржуазии»³³. Хр. Кабакчиев объяснял военный конфликт «шовинистическим сумашествием» правящих кругов балканских государств³⁴.

«Господствующие классы Болгарии, а также Сербии и Греции,— писал он в воспоминаниях,— стремились получить большую часть освобожденной от Турции территории... Румынская буржуазия и крупные землевладельцы решили захватить земли южной Добруджи под предлогом компенсации, а правители Турции вернуть земли, освобожденные балканскими государствами». Разоблачая методы балканских монархий, Кабакчиев отмечал: «Правители Болгарии, Сербии и Греции разожгли межсоюзническую войну под лозунгом „национального освобождения“»³⁵. Аналогичные оценки позиции балканской буржуазии и монархий дал В. И. Ленин, который констатировал, что последние руководствовались в войне «буржуазными и династическими интересами»³⁶.

Балканские социалисты вели активную борьбу против братоубийственной войны. Орган Социал-демократической партии Сербии газета «Радничке новине», например, 3 мая 1913 г. в статье «Против шовинистического безумия» писала: «Наша обязанность — пресечь шовинистическое сумашествие (буржуазной.— Ю. П.) печати, которая с каждым днем становится все более необузданной, разжигая в умах своих читателей ненависть к болгарам...»³⁷. В статье «Не хотим больше крови» та же газета 4 мая требовала не доводить дело до войны против Болгарии³⁸. Д. Туцович писал в «Военном дневнике», что ему легче умереть, чем воевать против болгарского народа³⁹. По данным болгарских историков А. Анчева, Л. Огнянова и М. Велевой, тесняки и

левая часть членов Болгарского земледельческого народного союза не только вели пропаганду против войны, но и участвовали в антивоенных выступлениях, пытаясь сорвать военные мероприятия балканских монархий⁴⁰.

БРСДП (т. с.) 6 апреля через газету «Работнически вестник» обратилась к трудящимся Болгарии с призывом поднять свой голос против войны. «Сегодня, — говорилось в обращении, — когда над балканскими народами снова возникает грозный призрак чудовищной и позорной человеческой бойни... мы заявляем: война между балканскими союзниками будет страшным и ничем не искупимым злодеянием. Балканским народам необходим не только мир с Турцией, но и длительный, вечный мир между собой»⁴¹. 1 мая ЦК БРСДП (т. с.) опубликовал антивоенный манифест, подписанный ее руководителем Д. Благоевым⁴².

В Белграде 5 мая было организовано массовое собрание общественности, на котором выступил один из лидеров Социал-демократической партии Сербии, Д. Лапчевич. Он сказал: «Мы не хотим раздела территорий, мы хотим полной национальной свободы и самостоятельности всех наций в федерации балканских республик. Болгарские пролетарии — наши братья, сербская буржуазия — наш неприятель»⁴³. Против войны, за объединение балканских народов в республиканскую федерацию выступила также Социал-демократическая партия Румынии⁴⁴.

Балканские монархии и шовинистические круги буржуазии, напротив, взяли курс на войну. О ее причинах писали болгарские историки Е. Стателова, Ц. Тодорова и Л. Панайотов, а также югославские историки С. Скоко и А. Митрович. Из трудов советских ученых по этому периоду можно назвать работы М. В. Кирсенко, Б. Б. Красса и В. А. Жебокрицкого. Принципиальная оценка советскими исследователями 2-й Балканской войны дана в обобщающих исследованиях: «История дипломатии», «История Болгарии» и «История Югославии»⁴⁵.

Как уже было сказано, первые противоречия между балканскими союзниками возникли на Лондонской мирной конференции, когда Болгария, Сербия и Греция поставили вопрос о разделе завоеванного. Взаимную борьбу делегаций на время прервали возобновившиеся военные действия с Турцией, но после подписания лондонского мира она вспыхнула с новой силой.

Наступательную позицию заняла греческая монархия. Видный советский историк Е. А. Адамов показал в своих работах, что правительство греческого короля Константина

выдвинуло две программы территориальных расширений: программу-минимум и программу-максимум. Первая предусматривала создание так называемой Малой Греции, имея в виду осуществление Афинами территориальных захватов на севере, что задевало интересы Болгарии, вторая ставила задачу образования Великой Греции с включением в ее состав не только островов Эгейского моря, но и западного побережья Анатолийского полуострова, принадлежавшего Турции⁴⁶.

Антиболгарские планы вынашивала и сербская монархия. 9 мая Н. Пашич направил С. Д. Сазонову частное письмо, в котором, говоря о территориальных требованиях Сербии, ссылаясь главным образом на необходимость получения ею выхода к Эгейскому морю. Он настаивал также на установлении непосредственной границы между Сербией и Грецией, чтобы обеспечить прямую связь Сербии с Салониками⁴⁷. 13 мая сербское правительство направило Болгарии официальную ноту с заявлением о денонсации союзного договора 1912 г., а 15 мая Пашич сделал в Народной скупщине сообщение о внешней политике, заявив, что сербское правительство требует от Болгарии территориальных компенсаций за военную помощь, оказанную Сербией Болгарии во время первой Балканской войны⁴⁸. Через 4 дня, 19 мая, Сербия заключила военный союз с Грецией, направленный против Болгарии.

О позиции Болгарии еще в 1914 г. писал бывший глава ее правительства И. Гешов в книге «Преступное безумие»⁴⁹. Автор обвинял в межсоюзнической войне одного царя Фердинанда, пытаясь снять ответственность за нее с правительства и буржуазии. Видный современный болгарский историк С. Дамянов⁵⁰ убедительно доказал, что Фердинанд был не одинок и что за спиной царя стояли шовинистическая буржуазия и военщина. Он же привел материалы о том, что Болгарию к войне с Сербией подталкивала Австро-Венгрия. 8 июня министр иностранных дел дунайской монархии граф Л. Берхтольд телеграфировал австро-венгерскому посланнику в Софии графу Тарновскому: «Болгария может рассчитывать не только на нашу симпатию, но и на нашу активную помощь»⁵¹. Это обещание оказало решающее влияние на позицию правительства в военных кругах Болгарии.

В тот же день состоялось заседание главнокомандующего болгарской армией генерала М. Савова о вручении Сербии ультиматума⁵². 11 июня новый премьер-министр Болгарии Ст. Данев заявил о прекращении переговоров с Сербией и

отозвал из Белграда посланника А. Тошева. Разрыв дипломатических отношений был предвестником войны.

Именно так воспринял этот акт С. Д. Сазонов. Пригласив к себе болгарского посланника С. Бобчева, министр выразил свое беспокойство состоянием болгаро-сербских отношений. Сазонов разговаривал с посланником репительню. «Вы слушаете советы Австрии,— сказал министр с раздражением,— это некорректно по отношению к России и славянству. Болгарию ожидает поражение... Я должен поставить Вас в известность, что Россия не окажет вам помощи, забудьте о том, что существуют некоторые наши обязательства на основе договора 1902 г.»⁵³

Чтобы предотвратить войну, правительство России обратилось к балканским странам с предложением о созыве совещания представителей Болгарии, Сербии, Греции и Черногории в Петербурге. На этот раз С. Данев и Н. Пашич ответили согласием, но сделали это так поздно и оговорили свой приезд такими предварительными условиями, что встреча не состоялась. Н. Пашич заявил, например, что правительство не может самостоятельно решить вопрос об обращении к России с предложением об арбитраже, а должно согласовать его с Народной скупщиной. Последняя, однако, тянула с ответом и санкционировала поездку Пашича в Петербург лишь 17 (30) июня, т. е. уже после начала военных действий⁵⁴. Ст. Данев тоже уклонялся рассмотреть предложения России, выразив намерение поехать в Петербург 14 (28) июня, за два дня до войны, что явилось своего рода отпиской. Оба правительства оказались под влиянием шовинистических кругов буржуазии и военщины.

В Сербии активным сторонником войны с Болгарией был престолонаследник Александр Карагеоргиевич⁵⁵.

В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР хранится интересный и не публиковавшийся еще документ — рапорт российского военного агента в Сербии полковника В. А. Артамонова о его беседе с принцем, состоявшейся за несколько дней до войны. Александр заявил Артамонову, что третейское разбирательство болгаро-сербских споров не может ничего дать ни Сербии, ни Болгарии. «Поверьте мне,— сказал принц,— что в конце концов наилучшим исходом для всех нас — Сербии, России и Болгарии — явилась бы сербско-болгарская война, которая так или иначе решит вопрос»⁵⁶.

Болгарские историки Т. Влахов и И. Панайотов, тщательно изучившие отечественные источники, установили, что царь Фердинанд и его правительство не собирались

пойти на мирное разрешение конфликта. Против верховного арбитража России выступала также греческая монархия, где перед войной возобладала милитаристская группировка во главе с королем Константином⁵⁷.

Вторая Балканская война, Бухарестский мир и великие державы

В ночь с 16 на 17 (с 29 на 30) июня болгарские войска по приказу царя Фердинанда напали на сербские и греческие войска. На следующий день греческий посланник в Софии вручил болгарскому правительству ноту с обвинением Болгарии в агрессии, а 20 июня, не дождавшись ответа Болгарии, Греция, в свою очередь, начала военные действия против болгарских войск. Через три дня Греция и Сербия официально объявили войну Болгарии, на их стороне выступила Черногория, которая не имела территориальных претензий к Болгарии, но находилась в союзе с Сербией. 27 июня против Болгарии выступила Румыния.

2-я Балканская война для обеих сторон была несправедливой, захватнической. Ленинская «Правда» еще 19 мая предсказывала, что столкновение балканских монархий может вылиться в кровавый междоусобный конфликт. Газета подчеркивала классовую сущность войны, отмечая, что она будет вестись в интересах господствующих кругов, а не в интересах балканских народов. «Теперь, когда сцепились друг с другом славяне — болгары и сербы — и люди одной веры — болгары и греки, народным массам, должно быть ясно, что... дело идет не о родине, не о народных интересах, не о защите веры, а лишь исключительно об интересах господствующих классов»⁵⁸.

Россия и на этот раз предприняла попытку погасить межбалканский конфликт, обратившись 29 июня к Сербии, Греции и Болгарии с призывом прекратить огонь и встретиться в Петербурге для разрешения конфликта мирным путем⁵⁹. Это предложение, однако, было отвергнуто Сербией и Грецией⁶⁰, а через три дня на Болгарию напала Турция. Судьба Болгарии была предрешена.

30 июля в Бухаресте ею был подписан неравноправный мирный договор с Сербией, Грецией, Черногорией и Румынией, а 3 сентября в Константинополе, не менее тяжелый, — с Турцией.

В результате войны Болгария потеряла не только значительную часть территорий, приобретенных ею после пер-

вой Балканской войны, но и ряд своих старых владений, в том числе житницу страны — Южную Добруджу, отошедшую к Румынии. Болгария обязалась скрыть существующие крепости и не строить новых на румынско-болгарской границе. Территориальные потери Болгарии были бы еще большими, если бы не Россия, которая на Бухарестской конференции стремилась облегчить для Болгарии условия мирного договора⁶¹.

Россия пыталась также сохранить за Болгарией Каваллу — важный торговый порт на Эгейском море, но не добилась этого вследствие отрицательной позиции Франции, Германии и Англии. Проблема Каваллы неожиданно оказалась в центре внимания конференции и приобрела международное значение. Вокруг вопроса об этой гавани на Эгейском море разгорелись споры не только между Болгарией и Грецией, но и между великими державами. Временно образовались два противоположных лагеря. В первый вошли Франция, Англия и Германия, во второй — Россия и Австро-Венгрия. Противоестественный на первый взгляд характер этих объединений объяснялся временным совпадением целей их участников. Франция, Англия и Германия поддерживали Грецию, Россия и Австро-Венгрия — Болгарию. При этом каждая держава преследовала собственные задачи: Англия и Франция хотели вовлечь Грецию в союз против Германии, Германия — ее же против Англии и Франции; Австро-Венгрия пыталась приблизить к себе Болгарию, такие же задачи преследовала и Россия, имея прямо противоположные цели.

Царское правительство, высказавшись за переход Каваллы к Болгарии, а не Греции, хотело помешать великодержавным планам греческого короля Константина. «С точки зрения интересов России, — писал С. Д. Сазонов царю, — оставление Каваллы за Болгарией желательно в качестве противовеса возрастающим притязаниям Греции и опасным видам ее на проливы»⁶².

Наконец, решение этого вопроса в пользу Болгарии было важным для Петербурга еще в одном отношении. Болгария и так была поставлена на колени, и для сохранения ее международного престижа необходимо было пойти ей на уступки. Сазонов все еще надеялся восстановить Балканский союз, в котором Болгарии отводилась немалая роль.

Однако на Бухарестской конференции России и Австро-Венгрии не удалось провести большинства своих решений. Конференция закончилась победой противоположной группировки, что привело к временному охлаждению отноше-

ний России с Англией и Францией, а Австро-Венгрии с Германией.

Бухарестская конференция не способствовала стабилизации положения на Балканах и даже вызвала дальнейшее обострение международной обстановки в этой части Европы. Румынский король Кароль I назвал Бухарестский мир «военным миром»⁶³, а посол Франции в Вене Дюмен предсказывал его неизбежное крушение в самое ближайшее время⁶⁴. Всеохватывающую характеристику нового этапа, наступившего после 2-й Балканской войны дала большевистская «Рабочая правда», которая писала: «Не мир, а ряд столкновений, ряд кровавых драм, состязание в вооружениях, игра дипломатов, опасения иностранного вмешательства и интриги, иудины поцелуи и иудины предательства — вот что предстоит Балканам»⁶⁵.

¹ См. подробнее: *Галкин И. С.* Балканские страны в 1870—1914 гг. М., 1950, с. 24.

² Рабочически вестник, 1913, 6 апр.

³ *Гешов И.* Балканский союз: Воспоминания и документы. СПб., 1915, с. 57—58.

⁴ *Димитров Г.* Съчинения. С., 1954, т. II, с. 406—407.

⁵ Цит. по кн.: *Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* На путях к мировой войне. М., 1940, с. 188—189.

⁶ *Гешов И.* Балканский союз..., с. 57—58.

⁷ См.: *Панайотов И.* Руско-българските отношения през балканските войни 1912—1913.— ИИИ, 1968, т. 20, с. 53—83.

⁸ История Болгарии. М., 1954, т. 1, с. 498.

⁹ См.: Доклад на парламентарната изпитателна комисия. С., 1918, т. 1, № 472.

¹⁰ См.: *Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* На путях..., с. 167.

¹¹ Там же.

¹² АВПР, ф. Канцелярия, 1913, д. 18, л. 231.

¹³ Цит. по кн.: *Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* На путях..., с. 191.

¹⁴ АВПР, ф. ПА, д. 1048, л. 330.

¹⁵ Цит. по кн.: *Гешов И.* Балканский союз, с. 60.

¹⁶ АВПР, ф. ПА, д. 1351, л. 25—34.

¹⁷ См.: Доклад..., т. 1, с. 779.

¹⁸ См.: *Кросс Б. Б.* Предпосылки русско-румынского сближения накануне первой мировой войны.— Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Ист. науки, 1971, т. 502, с. 108—147; *Исламов Т. М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны, М., 1972.

¹⁹ Revista de istorie, Buc., 1974, t. 27, N 9, p. 1335—1361.

²⁰ Материалы..., с. 408.

²¹ ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 3048, л. 66.

²² DDF. 3-e série, t. VIII, N 136, p. 166—169.

²³ OUA, Bd. VI, N 7399, S. 664—665.

²⁴ GP, Bd. 35, N 13373, S. 21.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп 8, д. 455, л. 325.

²⁶ Kriegsarchiv Wien. Militärkanzlei. Franz Ferdinands. N 6361, ex 1913; N 1003, ex 1914.

- 27 *Conrad F.* Bd. III, S. 353.
- 28 См.: *Ситон-Ватсон Р. В.* Сарајево. Загреб, 1926, с. 25—28.
- 29 *GP*, Bd. 35, N 13484, S. 124.
- 30 См.: библиографию данной книги.
- 31 *Prüßner A.* Die politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns, 1879—1914. Wien, 1920, Bd. II, S. 301—302.
- 32 *Димитров Г.* Съчинения. С., 1956, т. 7, с. 396—397.
- 33 *Тучовић Д.* Целокупна дела. Београд, 1924, св. I, с. 26, 33.
- 34 Работнически вестник, 1913, 6 апр.
- 35 *Кабакчиев Хр.* Спомена. С., 1955, с. 115.
- 36 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 38.
- 37 Радничке новине, 1913, 3 май.
- 38 См.: Радничке новине, 1913, 4 май.
- 39 *Тучовић Д.* Целокупна дела, с. 29—33.
- 40 См. библиографию данной книги.
- 41 Работнически вестник, 1913, 6 апр.
- 42 См.: Радничке новине, 1913, 4 май.
- 43 Радничке новине, 1913, 7 май.
- 44 См.: История Румынии, 1848—1917. М., 1971, с. 495—499.
- 45 См.: История Болгарии. М., 1954; История Югославии. М., 1963.
- 46 См.: *Адамов Е. А.* Великодержавная политика Греции и великие державы.—Новый Восток. М., 1922, кн. 2, с. 160.
- 47 АВПР, ф. ПА, д. 530, л. 65—68.
- 48 АВПР, ф. ПА, д. 530, л. 1—15.
- 49 См.: *Гешов И.* Престъпното безумие и анкетата по него: Факти и документи. С., 1914, с. 108.
- 50 См.: *Дамьянов С.* Проблеми на политиката на великите сили спрямо България в навечерието на първата световна война.— В кн.: България в света от древността до наши дни. С., 1979, т. II, с. 69—71.
- 51 OUA, Bd. V, N 7486; DDF. 3e série, t. V, N 103.
- 52 См.: Войната между България и другите балкански държави през 1913 г. С., 1941, т. 1, с. 51.
- 53 АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 103, л. 276.
- 54 См.: Доклад..., т. 2, с. 87.
- 55 См.: *Скоко С.* Војно-политички положај Србије после Букурештског мира.— В кн.: Велике силе, с. 232.
- 56 ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 3054, л. 8.
- 57 ДА ДСИП, п. о., 1913, ф. XI.
- 58 Правда, 1913, 19 май.
- 59 *GP*, Bd. 35, N 13506, S. 143—144.
- 60 DDF. 3e série, t. VII, N 334.
- 61 См.: История Болгарии, т. 1, с. 498.
- 62 Цит. по кн.: *Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* На путях..., с. 195.
- 63 DDF. 3e série, t. VIII, N 352, p. 442—443.
- 64 См.: *Ногович Ф. О.* Империалистические противоречия накануне первой мировой войны.— ИЗ, 1947, т. 23, с. 210.
- 65 Рабочая правда, 1913, 14 июль.

Глава седьмая
БАЛКАНЫ
ПОСЛЕ БУХАРЕСТСКОГО МИРА

♦

Общая обстановка на Балканах после войны

С разными чувствами покидали Бухарест участники мирного форума. Больше всего его итогами был удовлетворен председатель конференции глава румынского правительства Т. Майореску. Румыния добилась многого. Территория страны увеличилась до 138 тыс. км², население возросло до 7540 тыс. человек¹.

Румынское королевство превратилось в самое обширное среди балканских монархий государство, а его король Карл Эйтель Людвиг Зеферин, как он назывался в Пруссии, или Кароль I, получивший это имя в Румынии, отпрыск знаменитого, но сильно обедневшего рода Гогенцоллерн-Зигмаринген, стал отныне претендовать на гегемонию на Балканах. После войны за Каролом I начали ухаживать все три императора соседних могучих держав: Вильгельм II наградил румынского монарха высшим германским орденом², Николай II посулил, а в 1914 г. дал ему жезл русского фельдмаршала, Франц Иосиф I, ранее сводивший с главой румынского государства счеты из-за Трансильвании, счел за лучшее забыть на время об этих недоразумениях.

Удивительна история этого венценосца. В 1866 г. избранный румынским князем 27-летний капитан гвардейского кавалерийского прусского полка Карл Гогенцоллерн с двумя тощими чемоданчиками под чужим именем швейцарского гражданина Карла Гёртингена прибыл в Бухарест, чтобы занять престол. Он был тогда так беден, что смог взять на австрийский пароход только билет 2-го класса. Однако в 1913—1914 гг. его состояние уже превышало 100 млн. фр. На биржевых спекуляциях и голде румынского народа Кароль нажил себе баснословное богатство, превратившись в одного из самых богатых монархов Европы³.

В королевской резиденции на Синае после подписания выгодного для Румынии Бухарестского мира шли торжества, на площадях столицы устраивались пышные парады войск, а в общественных «присутствиях» читалась героическая поэма, сочиненная королевой Елизаветой (псевдоним Кармен Сильва) в честь короля и румынского воинства.

В Афинах также били в литавры. Греческий король Константин устроил смотр войск у стен древнего Акрополя, как бы символизируя величие новой Греции. Монетным двором была отлита памятная медаль с изображением короля рядом с византийским императором Василием II Болгаробойцей, который в 1002 г. огнем и мечом опустошил болгарские земли, в парламенте бывший глава греческого правительства Д. Раллис и другие буржуазные депутаты возносили хвалу греческим солдатам и призывали к новым победам и походам⁴. Венцом торжеств явилось вручение королю Константину жезла германского фельдмаршала. Князь Б. Бюлов с возмущением писал в воспоминаниях, что Вильгельм II наградил высшим воинским званием посредственного греческого полководца, поставив его в один ряд с Г. Мольтке (старшим) и А. фон Рооном⁵.

В Белграде торжества были поскромнее, но и там праздновали победу. Петр I, король Сербии, мог быть доволен: он значительно округлил свои владения. Территория Сербского королевства за время Балканской войны расширилась почти вдвое (с 48 303 до 87 303 км²), население возросло с 2912 тыс. человек до 4444 тыс. человек⁶.

В Цетинье, несмотря на крайнюю бедность государственной казны, опустошенной двумя балканскими войнами, так же было отмечено успешное окончание войны. «На фейерверки и организацию торжественных обедов, балов и суаре были потрачены колоссальные казенные средства», — вспоминал бывший министр иностранных дел и председатель Государственного совета Черногории воевода Гавро Вукович. — В то же время общий бюджет нашей столицы был настолько скуден, что мы едва-едва могли финансировать городское освещение, оплачивать нескольких жандармов для поддержания порядка и сохранять чистоту на улицах»⁷.

Иные настроения царили в Болгарии. Ее делегация на Бухарестской конференции заявила протест против несправедливого мира, приобщив к документу особую декларацию с требованием его пересмотра. В день закрытия конференции в государственных учреждениях был объявлен траур, в кафедральном соборе Софии митрополит отслужил панихиду по погибшим воинам, а царь Фердинанд, опасаясь беспорядков, забаррикадировался во дворце, на охрану которого были вызваны войска с артиллерией⁸.

Население страны проявляло недовольство решениями Бухарестской конференции и деятельностью своего правительства. По столице распространялись слухи о создании комиссии по расследованию причин преступной войны и о

возможном отречении Фердинанда в пользу своего старшего сына Бориса.

Против царя и придворной камарильи выступали тесняки, члены Болгарского народного земледельческого союза, представители радикальной интеллигенции. Социалисты открыто называли Фердинанда Кобурга и повиннистическую буржуазию виновниками национальной катастрофы. Об этом прямо заявил в Народном собрании тесняк Г. Кирков, а лидер БЗНС Стамболийский публично выступил в печати с разоблачением антинациональной политики царского правительства⁹. Через год, 16 июня, на митинге студентов перед Народным собранием, созванном в первую годовщину со дня начала братоубийственной войны, он публично обвинил Фердинанда в ее провоцировании: «Подлинным виновником войны является царь. По справедливости его надо было бы повесить!»¹⁰.

Однако наряду с ростом недовольства прогрессивной общественности политикой царского правительства в Болгарии после Бухарестского мира наблюдалось усиление реваншистских настроений, подогревавшихся шовиннистической буржуазией и придворными кругами. Фердинанд и его окружение не хотели примириться с поражением. Еще в дни работы Бухарестской конференции болгарский царь угрожал своим бывшим противникам реваншем. «Моя месть будет ужасна», — заявил он в узком кругу придворных. Реваншистские идеи нашли отражение и в приказе Фердинанда о демобилизации армии. «Свернем знамена до лучших дней!» — говорилось в нем¹¹. День демобилизации был превращен военщиной в очередной смотр боевой готовности вооруженных сил Болгарии. Через неделю, когда отмечался юбилей восшествия Фердинанда Кобурга на болгарский престол, в Софии был устроен торжественный парад болгарских войск¹².

Милитаризм поднял голову не только в Болгарии. Военные круги Сербии призывали к походу на Австро-Венгрию, в Греции повинисты требовали осуществления программы максимум, буржуазные экстремисты Румынии поговаривали о захвате чужих земель.

2-я Балканская война, оказавшаяся катастрофической по своим последствиям для Болгарии, имела двойственные результаты для стран-победительниц. Приведя к увеличению территории Сербии, Греции и Румынии, война разрушила вместе с тем Балканский союз, облегчив проникновение на Балканы германо-австрийского империализма. Ленинская

газета «Рабочая правда» в передовой статье «Братья-славяне», говоря о завоевательной политике правящих кругов балканских монархий, писала: «Этим классам глубоко безразличны красивые слова о славянстве, о вере, о родине. Когда этого требуют их интересы, они с тем чувством, с каким посылали славян против турок или немцев, посылают православных болгарских крестьян против православных же крестьян греческих и славян против славян»¹³. Балканы превращались в «пороховой погреб» Европы, в очаг международной напряженности.

Чрезвычайно сложный характер после войны приняли на Балканах и взаимоотношения между отдельными политическими группами и классами, во всех странах наблюдались кризисные явления в экономике, разорительные войны способствовали ухудшению положения трудящихся масс. Особой остроты внутриполитическая ситуация достигла в тот период в Сербии, Болгарии и Черногории.

Сербия после балканских войн

В Сербии сложности внутриполитической ситуации после окончания победоносных для нее балканских войн объяснялись усилением борьбы двух направлений в правящих кругах: экстремистского и умеренно либерального, каждое из которых оказывало влияние на внешнюю политику королевства. Первое направление представляла военная партия, подталкивающая правительство к новым завоеваниям, а в области внутренней политики — к ужесточению режима, отмене конституции и введению в стране военной диктатуры. Главной силой этого течения была могущественная тайная организация «Объединение или смерть» («Черная рука»), ставившая своей задачей присоединение вооруженным путем к Сербскому королевству всех югославянских территорий, что привело бы к военным конфликтам Сербии с Австро-Венгрией.

Более умеренное течение, возглавляемое Н. Пашичем, отражало взгляды подавляющей части буржуазии и было заинтересовано в сохранении существующего правопорядка, закрепленного конституцией 1903 г. Пашич и его единомышленники избегали политики военных авантюр, считая задачей номер один освоение завоеванного, укрепление внутриполитического положения в стране и обеспечение ее внешнеполитических позиций. «Сегодня в наших интересах, — заявлял глава сербского правительства, — чтобы Авст-

ро-Венгрия просуществовала еще 25—30 лет, пока мы на юге не освоим все настолько прочно, что эти территории нельзя будет от нас отделить»¹⁴.

Правящие круги сербской монархии не отказались при этом от планов объединения вокруг Сербии территорий, населенных югославянами, в том числе тех, которые находились в Австро-Венгрии. Как и прежде, сербское правительство имело две национально-унионистские программы: программу-минимум и программу-максимум. Первая предусматривала воссоединение с Сербией одних только сербов, вторая — всех югославян Австро-Венгрии, а также черногорцев¹⁵.

Наряду с югославянской проблемой в Белграде продолжали составляться планы выхода Сербии к Адриатическому или Эгейскому морям и превращения королевства в морскую державу. Однако осуществление этих планов откладывалось сербским правительством до создания благоприятного момента, в то время как милитаристские круги настаивали на немедленных действиях вплоть до военных, не считаясь ни с чем.

Программа Пашича и его сторонников была более реалистичной. Сербия нуждалась в мире. Прежде всего королевству надо было восстановить свои подорванные войной финансы. За десять месяцев войны Сербия израсходовала на военные нужды 370 млн. динаров, что более чем в два раза превышало ее довоенный государственный бюджет (в 1912 г. он составил 151 млн. динаров)¹⁶. В эту сумму не входили расходы на уплату процентов по внешним долгам в размере 46 млн. динаров и на пособия инвалидам войны, превышавшие 7 млн. динаров. Кроме того, Сербия должна была выплатить западным державам 20% оттоманского долга на общую сумму 550 млн. динаров в счет компенсаций за приобретение Сербией турецкого имущества на бывших территориях Османской империи в Европе¹⁷.

Чтобы поправить положение с финансами, сербское правительство оказалось вынужденным просить новый заем во Франции на сумму 250 млн. динаров¹⁸. Заем оказался невыгодным для сербского государства: за вычетом банковских расходов Сербия получила всего 212 млн. динаров и израсходовала полученные кредиты на покрытие задолженности. Государству так и не удалось стабилизировать финансы¹⁹.

Не лучшим было и состояние вооруженных сил Сербского королевства. За две балканские войны, в которых участвовала Сербия, она потеряла убитыми 82 тыс. солдат и

офицеров при общей численности армии около 400 тыс. человек²⁰. Временный поверенный в делах России в Сербии В. Н. Штрандтман констатировал: «Сербская армия настолько ослаблена балканскими войнами, что может восстановить свои силы в лучшем случае лишь через 2—3 года»²¹. Аналогичный вывод сделал новый австро-венгерский посланник в Белграде В. Гизль, перемещенный в конце 1913 г. в Сербию из Черногории. «Сербия, — сообщал он в Вену 10 апреля 1914 г., — хочет мира, так как не может воевать. Страна ослаблена в экономическом, военном и политическом отношении. Ей потребуется еще несколько лет мира»²².

В свете сказанного особенно опасными выглядели планы сербских милитаристских кругов. Между ними и правительством вспыхнул конфликт, продолжавшийся целых семь месяцев — с ноября 1913 по май — июнь 1914 г. Непосредственной его причиной стали резкие столкновения гражданских и военных властей во вновь присоединенных к Сербии землях. Военные настаивали на сохранении здесь (не менее, чем на 5 лет) оккупационного режима, что вызывало недовольство на местах, гражданская администрация, напротив, стремилась проводить более умеренную и более реалистичную политику, которая учитывала бы интересы местного населения.

Сербское правительство выступило против крайностей милитаристов, издав так называемый Закон о приоритете гражданских властей. Н. Пашич утверждал, что армия должна находиться в подчинении у буржуазного государства, а не играть самостоятельную роль. Особенно опасным он считал существование тайного общества «Объединение или смерть» («Черная рука»), которое вмешивалось во внутренние дела государства. Позже Пашич так объяснял причину своего конфликта с этим обществом: «Черная рука» хотела влиять на государственную политику... считая, что она должна быть такой, как она думает. А мы — парламентарное государство. Мы сами знаем, как вести политику. Страной управляет король, правительство и скупщина... Мы не можем позволить, чтобы офицерский мундир влиял на политику. Этого не позволяют нигде в мире. Армия должна строиться на послушании»²³.

Члены организации и оппозиционно настроенные офицеры сербской армии в ответ на указ правительства о переходе всей власти во вновь присоединенных к Сербии районах в руки гражданской администрации потребовали отставки Пашича. Портреты премьера были выброшены из многих воинских казарм, в печатном органе общества «Черная ру-

ка» газете «Пьемонт» появились антиправительственные статьи и карикатуры. Милитаристские круги призывали короля Петра I к войне против монархии Габсбургов, что при неустойчивости внутривосточной ситуации и крайней накаленности международной обстановки на Балканах могло иметь для Сербии катастрофические последствия.

В стране обострилась также борьба и в верхах. Король Петр I, состояние здоровья которого ухудшалось, все чаще отходил от государственных дел, передоверяя их престолонаследнику Александру и главе правительства Пашичу. Между последними, однако, не было согласия. Честолюбивый принц пытался установить личную диктатуру, оттеснив Пашича. Оба, в свою очередь, вели «тайную войну» против всемогущего начальника генерального штаба воеводы Радомира Путника.

Осенью 1913 и в начале 1914 г. Н. Пашичу удалось несколько укрепить свое положение, осуществив перестановки в армии и в государственном аппарате. Был уволен в отставку ставленник Р. Путника и покровитель общества «Черная рука» военный министр Милош Божанович, переведены на пенсию лидеры военной оппозиции генералы Мишич и Дамнян Попович, отстранен от должности ряд непослушных правительству деятелей среди гражданской администрации. Но это были лишь паллиативы.

Внутривосточный кризис в стране продолжался. В мае 1914 г. он даже усилился. На этот раз лично против Пашича и правительства радикалов выступили оппозиционные партии: «самостальцы» (независимцы) и «напредняки» (прогрессисты). Они повели борьбу за власть и образовали в Народной скупщине единый блок. Буржуазная оппозиция бойкотировала принятие Народной скупщиной правительственных законопроектов, срывала ее заседания, выдвигала против радикалов обвинения в коррупции. Так, при обсуждении государственного бюджета на 1914 г. она вместо участия в голосовании возбудила дело о финансовой афере министра финансов Л. Пачу, одного из лидеров радикальной партии, сторонника Пашича. Обвинение не подтвердилось, но принятие законопроекта было сорвано. Правительству не удалось провести через Народную скупщину и другие законопроекты. «Наша парламентская жизнь... — констатировала газета «Политика», — и ранее переживала кризисы и бури, но еще никогда этот кризис не был столь опасен, как в настоящее время»²⁴.

Правительство пригрозило распустить Народную скупщину и провести новые парламентские выборы, оппозиция

в ответ потребовала пересмотреть конституцию 1903 г. с тем, чтобы при помощи создания верхней палаты в парламенте ограничить права правительства²⁵. Это предложение мало изменяло структуру буржуазного государства. Верхняя палата Народной скупщины по проекту оппозиции состояла бы из представителей буржуазии и явилась бы еще одной надстройкой сербского монархического государства.

Принципиально иной характер имели предложения социал-демократов. Они также выступали за пересмотр цензовой конституции 1903 г., но выдвигали радикальные требования. Социалист-депутат Т. Кацлерович заявил в своем выступлении в Народной скупщине 8 апреля 1913 г.: «Нашу конституцию необходимо изменить, создав в интересах народа демократическую основу управления страной, введя пропорциональную систему голосования при всеобщем избирательном праве»²⁶.

Социал-демократы вскрыли причины и существо политического кризиса в стране, указав, что противоречия между радикалами и оппозицией не идут дальше беспринципной борьбы за министерские портфели, а конфликты между правительством и военными кругами не выходят за рамки господствующих классов. «Это конфликт между офицерской кастой и правящей буржуазией, военными и гражданскими властями, между милитаризмом и парламентаризмом, конфликт между казармой и скупщиной», — писал лидер СДП Сербии Д. Туцович²⁷.

Социалисты выступали с программой сокращения расходов на армию и создания балканской демократической федеративной республики. Так, их газета «Радничке новине» 27 июля выдвигала следующие задачи: «После мира (Бухарестского. — Ю. П.) — демобилизация армии, после демобилизации — мобилизация всех сил балканских социал-демократических партий (на борьбу. — Ю. П.) за прочный мир, за объединение Балкан, за балканскую федеративную республику». В номере от 24 августа газета провозгласила лозунг ликвидации монархических режимов на Балканах и образования на Балканах социалистических республик²⁸.

Но социал-демократы в ту пору еще не имели достаточных сил, чтобы повести за собой массы, а многие их программные положения не учитывали реальной обстановки. Сербская монархия, напротив, хотя и испытывала осложнения, сохраняла в стране решающие позиции, что отражалось и на ее внешней политике. Последняя, как мы увидим, претерпела после Бухареста значительные изменения.

Болгария после Бухарестского мира

Внешнеполитическую линию болгарского правительства того периода невозможно понять, отвлекаясь от негативных для Болгарии итогов второй Балканской войны. По определению В. И. Ленина, Бухарестский мир имел для болгарского государства уничижительный характер²⁹.

Болгария дорого заплатила за роковую для себя войну. Помимо территориальных потерь, о которых говорилось выше, страна переживала серьезные экономические трудности, ее ресурсы находились в критическом состоянии, война привела к большим людским потерям. За время двух войн Болгария потеряла 160 тыс. человек убитыми и ранеными, 40 тыс. солдат вернулись с фронта инвалидами. Военные расходы страны составили 2 млрд. левов, государственный долг превысил 700 млн. левов³⁰.

Весьма неблагоприятным было и международное положение государства. Болгария, по существу, попала в изоляцию. Ей долгое время не удавалось наладить взаимоотношения со своими непосредственными соседями. Из балканских стран только Румыния и Турция в 1913 г. прислали в Софию своих дипломатических представителей. Но Румыния и после этого продолжала ориентироваться на союз с Сербией и Грецией, направленный против Болгарии, Турция же, заключив с Болгарией в сентябре мирный договор, оговорила его подписание рядом уступок Болгарии в свою пользу. Болгарии удалось восстановить дипломатические отношения с Сербией лишь в конце февраля 1914 г., а с Грецией и того позже³¹.

Болгарское правительство провозгласило доктрину реванша, не имевшую при неблагоприятной для Болгарии международной ситуации перспектив³². Попытка пересмотра Болгарией Бухарестского трактата восстанавливала против нее Сербию, Румынию и Грецию. Германия и Австро-Венгрия также считали несвоевременным ревизовать Бухарестский договор. Статс-секретарь по иностранным делам Германии фон Ягов в инструкции барону Г. Вангенгейму, послу в Константинополе, 13 сентября 1913 г. прямо предупреждал об этом. Германия, писал он, не хочет быть втянута «в реваншистские планы Болгарии»³³.

В Берлине после Бухареста поддерживали Румынию, а не Болгарию. Военное поражение Болгарии создало у Вильгельма II поверхностное представление о соотношении сил. Кайзер игнорировал потенциальные военные возможности

Болгарии, преувеличивая в то же время могущество Румынии.

Сходные просчеты допускала и Франция, также делавшая ставку на Румынию. Во французском генеральном штабе явно переоценивали силы румынской армии, что убедительно показал в своих исследованиях советский историк В. А. Емец³⁴.

В Берлине и Вене не были также уверены в прочности правительства Радославова. Болгарский историк Л. Огнянов в содержательной работе «Болгарский земледельческий народный союз и политика великих держав на Балканах (1913—1915)»³⁵ проследил отношение общественности Болгарии к внешнеполитическому курсу Фердинанда после Бухарестского мира. Буржуазные политические деятели страны, писал он, разделились в то время на две главные группировки: сторонников и противников Фердинанда и его правительства. Первая группировка ориентировалась на центральные державы, надеясь, что с их помощью все же удастся пересмотреть решения Бухарестской конференции. Другое направление представляли русофилы и та часть буржуазной оппозиции, которая ориентировалась на державы Тройственного соглашения. В их числе были бывший глава болгарского правительства И. Гешов, посланник в Лондоне М. Маджаров, бывшие посланники в Белграде и Петербурге А. Тошев и С. Бобчев, помощник главнокомандующего болгарской армии, участник освободительной войны 1877—1878 гг., Радко Димитриев (с 1913 г. — посланник в Петербурге)³⁶ и многие другие.

Решительную борьбу против реванша и войны вели крестьяне и земледельцы. В ноябре 1913 г. в связи с выборами в XVI Народное собрание БЗНС обратился с воззванием к болгарским избирателям, в котором выдвигались требования о создании народной милиции вместо армии и о сокращении военных расходов. Воззвание призывало правительство сделать официальное заявление о своей миролюбивой политике и о том, что Болгария не собирается прибегать к силе для ревизии Бухарестского договора. 31 декабря того же года БЗНС опубликовал более развернутую внешнеполитическую программу. В ней выдвигались три главные задачи: «...сближение с соседними балканскими государствами, восстановление доверия к Болгарии со стороны России и других держав и мир, мир, мир»³⁷.

Лидер БЗНС Ал. Стамболийский внес в программу коррективы, выдвинув тезис о соблюдении Болгарией строгого нейтралитета. Он утверждал, что основная задача прави-

тельства — остаться в стороне от борьбы империалистических держав, уклонившись от союза как с царской Россией, так и с монархией Габсбургов. В то же время Стамболийский высказывался за сближение балканских народов и против междоусобных войн. По мнению руководителя БЗНС, коренной причиной разобщенности балканских государств являлась политика балканских монархий³⁸. Однако Стамболийский не ставил вопрос о ликвидации монархии в Болгарии и создании республики.

Отражением настроений общественности Болгарии к авантюристической внешней политике Фердинанда — Радославова явилось поражение правящей коалиции на выборах в Народное собрание 7 декабря 1913 г. За правительственных кандидатов было подано всего 202 363 голосов, оппозиция же получила 329 320 голосов. Правительство могло опираться только на 94 депутатов из 204. Лишь на выборах в марте 1914 г. Радославову удалось получить относительное большинство в парламенте (7 мандатов), но его положение и после этого продолжало оставаться шатким³⁹.

Неустойчивость правительства учитывалась как в Берлине, так и в Петербурге. Немецкие банки долгое время отказывали Софии в предоставлении займа. В марте 1914 г. директор берлинского банка «Дисконтегезелльшафт» заявил, что он подождет с выдачей Болгарии кредитов, пока правительство Радославова не получит прочного большинства в Народном собрании⁴⁰. В Петербурге, наоборот, связывали надежды на восстановление Балканского союза при участии в нем Болгарии с отставкой Радославова.

При общей тенденции к сближению с Центральной коалицией болгарский царь продолжал лавировать. Этой тактики он придерживался вплоть до поздней осени 1915 г., когда Болгария окончательно примкнула к германскому блоку.

Нерешительность и неостоянство Фердинанда Кобурга были причиной настороженного отношения к нему в Берлине и Вене, что подтвердилось во время его встречи с Берхтольдом и Францем Иосифом 17—20 ноября 1913 г.⁴¹

Накануне поездки в Вену Фердинанд поручил Радославову заручиться поддержкой австро-венгерского посланника в Софии графа А. Тарновского. «В последнее время, — сообщал Тарновский Берхтольду, — руководящие министры (Болгарии. — Ю. П.) не дают мне покоя, настаивая на союзе с нами»⁴². Эти попытки, однако, не имели успеха, Тарновский воздерживался от каких-либо обещаний, и Фердинанд, отправляясь в Вену, так и не знал, чем кончится его визит. В поездке болгарского царя ожидали неприятности. Ферди-

нанду пришлось скрывать от болгарской общественности сам факт своего визита в Австро-Венгрию. Царский поезд следовал по Болгарии ночью, не останавливаясь даже на крупных станциях. В Вене вопреки протоколу Фердинанда не встретили ни император, ни престолонаследник. Карету болгарского царя сопровождал лишь усиленный эскорт конной полиции. По словам поверенного в делах России с Австро-Венгрией Н. А. Кудашева, двор и правительство монархии Габсбургов приняли главу болгарского государства подчеркнуто холодно. Берхтольд вел себя уклончиво, а эрцгерцог Франц Фердинанд вообще отказал царю в аудиенции, дав понять, что он не забыл нанесенной обиды — подписания Болгарией антиавстрийского договора с Сербией 29 февраля 1912 г. Болгарский царь был лишен возможности посетить свой подшефный 11-й австрийский гусарский полк. Облачившись в мундир полка, Фердинанд понапрасну прождал весь день намеченной встречи — она не состоялась. Монаршему визитеру не удалось выполнить и главную задачу — заключить союз с Австро-Венгрией против Румынии. В Вене разгадали этот тайный замысел. «Болгарского царя, — с сарказмом писал Н. А. Кудашев, — щедро одарили советами благоразумия», предложив сначала урегулировать отношения с Румынией⁴³.

После Вены Фердинанд собрался было поехать в Германию, но получил невежливый отказ. «Если болгарский царь появится в Берлине — приготовьте ему поезд для немедленного возвращения назад», — распорядился кайзер⁴⁴.

Чем же объяснялся такой прием Фердинанда Кобурга? Немецкие историки К. Шведеманн, Э. Штейнитц и К. Тукин⁴⁵, тщательно изучившие историю болгаро-австро-венгерских и германо-болгарских отношений того периода, писали, что в основе противоречий между Болгарией и Центральной коалицией лежала румынская проблема и что в Вене и Берлине не хотели разыгрывать «болгарскую карту». К этому можно добавить, что как раз во время визита Фердинанда I в парижской газете «Матэн» были опубликованы материалы об антиавстрийском болгаро-сербском договоре 1912 г., что вызвало сильное раздражение в Вене и Берлине.

Неудачно для Болгарии складывались и финансовые переговоры с Францией, Германией и Австро-Венгрией⁴⁶. В октябре 1913 г. в Париж, Вену и Берлин для заключения внешних займов по поручению царя отправились министры Н. Геннадиев и Д. Тончев. В Париже им сразу дали отрицательный ответ, заявив, что Франция не может выдать Болгарии кредиты без предварительного согласия на это

России⁴⁷. В Берлине банк «Дисконтегезелльшафт» оговорил предоставление Болгарии займа согласием Софии передать банку строительство железной дороги к побережью Эгейского моря, на что не могло согласиться болгарское правительство⁴⁸. В Вене представителей Болгарии также ожидал афронт: Австро-Венгрия отказала им в займе⁴⁹.

В 1913 г. Болгарии так и не удалось преодолеть международную изоляцию и решить свои финансовые проблемы. Положение стало меняться только в 1914 г., когда обе коалиции перед лицом надвигавшейся мировой войны снова повели борьбу за Болгарию, стремясь привлечь ее на свою сторону. Первой инициативу в этом деле проявила Германия, предоставившая 27 апреля 1914 г. Болгарии финансовый заем⁵⁰. Российский посланник в Софии А. А. Савинский, сменивший в декабре 1913 г. А. В. Неклюдова, с тревогой писал по этому поводу: «Отныне нам угрожает опасность безвозвратного закрепления немецкого влияния в Болгарии»⁵¹.

Черногория после Бухарестского мира

Черногория вышла из балканских войн победительницей, но это была пиррова победа, обошедшаяся государству большими потерями в людях и нанесяшая значительный урон его финансам и экономике. Вооруженные силы страны в результате кровопролитных войн потеряли почти треть своего личного состава — 11 900 убитыми и ранеными. Финансы государства были опустошены непомерными военными расходами. «Государственная казна пуста», — констатировал в 1913 г. министр финансов Ристо Попович. Он отмечал, что Черногория залезла во внешние и внутренние долги и что в стране господствуют хаос и экономическая разруха, а население испытывает продовольственные трудности⁵².

В декабре 1913 г. Россия оказала Черногории продовольственную помощь⁵³, поставив 10 млн. кг хлеба, но это был всего лишь временный выход из положений, так как экстенсивное сельское хозяйство черногорского государства не могло полностью обеспечивать потребности населения в продуктах питания⁵⁴.

Войны продемонстрировали общую отсталость страны. Черногория не имела регулярной армии, ее вооруженные силы были плохо оснащены техникой, военные операции развертывались по старинке, партизанскими методами. Особенно характерной в этом отношении была скадарская экспедиция, закончившаяся неудачей.

Автократический режим династии Негошей-Петровичей вызывал растущее недовольство широких слоев населения. Впервые за долгие годы самовластного правления Николая I в Народной скупщине образовалась сильная оппозиция. В январе 1914 г. на выборах в скупщину король получил незначительное количество голосов, проведя всего лишь 7 своих сторонников⁵⁵. Среди оппозиции возникла идея низложения Николая и приглашения на черногорский престол династии Карагеоргиевичей либо воцарения старшего сына короля принца Данилы. Извещая Петербург об этом заговоре, российский военный агент в Цетинье полковник М. Н. Потапов писал: «Знаю некоторые подробности, но не смею доверить их бумаге».

За государственное объединение Черногории с Сербией выступала не только буржуазная оппозиция. Странниками создания сильного и объединенного югославянского государства, которое могло бы противостоять монархии Габсбургов, была передовая часть общественности обеих стран. Так, в Сербии эти взгляды высказывал видный литературный критик радикального направления Йован Скерлич. В речи в Народной скупщине 31 октября 1913 г. он заявил, что задача Сербии и Черногории — не вести взаимную борьбу за территории, а объединить свои усилия для совместного отпора империалистическим державам⁵⁶.

Унионистские идеи поддерживала и Социал-демократическая партия Сербии. «Народ Сербии и Черногории хочет не разграничения, а объединения», — писала социалистическая газета «Радничке новине» 7 августа 1913 г.⁵⁷

Австро-Венгрия, напротив, раздувала противоречия между двумя династиями: черногорской династией Негошей-Петровичей и сербской династией Карагеоргиевичей. «Для нас, австрийцев, большое значение имело соперничество между Сербией и Черногорией, — признавался австро-венгерский посланник в Цетинье. — Но оно не имело корней в народе (черногорском. — Ю. П.), а проявлялось главным образом среди королевской семьи (Николая I. — Ю. П.) и ближайшего ее окружения — там ненависть к династии Карагеоргиевичей была открытой»⁵⁸.

Интересные данные о внутривосточном положении Черногории того периода содержатся в воспоминаниях современников: бывшего австро-венгерского посланника в Цетинье барона Владимира Гизля, его помощника военного атташе Густава Хубки, члена черногорского правительства Любо Бакича и начальника канцелярии МИД Сербии, за-

нявшего в 1914 г. пост сербского посланника в Вене, Йована Йовановича⁵⁹.

Король Николай, как свидетельствуют приведенные ими материалы, в поисках выхода из кризиса пошел на создание коалиционного правительства воеводы Янко Вукотича, включив в его состав не только своих единомышленников, но и представителей оппозиции⁶⁰.

Однако эти перемены не привели к стабилизации обстановки. Новое правительство поддержало требование оппозиции о заключении государственной унии с Сербией, что вызвало недовольство короля, который не хотел уступать свой трон сербскому королю Петру I Карагеоргиевичу. Черногорский историк Н. Ракочевич в монографии «Политические отношения Черногории и Сербии в 1903—1918 гг.», показал, что король Николай I, давший формальное согласие на переговоры об унии с Сербией, прибегал к различным маневрам, чтобы затянуть решение этого вопроса⁶¹. Представитель кородя на переговорах в Белграде Лазарь Миошкович получил от него соответствующие инструкции⁶².

Следует сказать, что сербское правительство тоже вело двойную игру: на словах Н. Пашич поддерживал идею объединения двух государств, но на деле не предпринимал для этого конкретных шагов. В Белграде не собирались давать Черногории гарантий о сохранении ее независимости в случае воссоединения Черногории с Сербией. В конце концов переговоры были сорваны, обе стороны не договорились даже о координации межгосударственной деятельности по дипломатической и военной линиям⁶³.

Разоблачая своекорыстные цели черногорской и сербской монархий, газета «Радничке новине» писала 24 августа 1913 г.: «Нигде монархизм... не проявил себя с такой негативной стороны, как в вопросе объединения этих двух родственных государств»⁶⁴.

Другим камнем преткновения в черногорско-сербских отношениях была проблема установления межгосударственных границ. Король Николай выдвинул требование о переходе к Черногории Призрена, Джаковици и Плевле с окрестностями, т. е. доброй половины бывшего Новопазарского Санджака. На те же территории, особенно на Призрен, который должен был стать узловым пунктом запланированной Сербией железной дороги Белград — побережье Адриатического моря, претендовало и Сербское королевство. Переговоры проходили в остроконфликтной обстановке и растянулись более, чем на полгода. Только 13(26) ноября 1913 г. они завершились подписанием совместного протокола. Решающее

влияние на это соглашение оказала Россия. Царская дипломатия сумела убедить черногорское и сербское правительства, что отсутствием взаимной договоренности Белграда и Цетинье о государственных границах между двумя монархиями может воспользоваться Австро-Венгрия, которая стремится прибрать к своим рукам спорные территории⁶⁵.

С большими сложностями развивались отношения Черногории с Австро-Венгрией и другими великими державами. После скадарского кризиса Черногория долгое время не могла восстановить свой пошатнувшийся международный престиж. В Вене не была забыта история со скадарской экспедицией, которая едва не привела к всебалканскому военному конфликту, в Париже и Лондоне все еще не доверяли цетинскому правительству и воздерживались от предоставления ему кредитов, в Петербурге опасались, что глава черногорского государства втянет Россию в новую военную авантюру и придерживали выдачу Черногории ежегодной военной субсидии.

Король Николай предпринял было попытки преодолеть международную изоляцию. Он предложил Австро-Венгрии направить своих инструкторов и судей во вновь присоединенные к Черногории районы Новопазарского Санджака, предоставив им право контроля за работой местных органов власти и судопроизводства, но встретил отказ. Австро-Венгерское правительство выдвинуло встречное предложение о присоединении Черногории к имперскому таможенному союзу, что, в свою очередь, было отклонено черногорским правительством, стоявшим на страже экономической независимости страны.

Взаимоотношения Черногории с Австро-Венгрией вследствие этого продолжали оставаться прохладными. В ноябре 1913 г. они даже ухудшились, что привело к отзыву из Цетинье имперского посланника генерала В. Гизля, прослужившего в Черногории более пяти лет. На смену популярному при цетинском дворе В. Гизлю в Черногорию приехал малоизвестный дипломат барон Э. Отто, служивший ранее в далекой Персии. Король Николай, щепетильно относившийся к вопросу о приоритете, болезненно воспринял перевод Гизля в Сербию, где во главе государства стоял его соперник по руководству унионистским движением Петр I Карагеоргиевич. Гизль писал в воспоминаниях, что его прощальная встреча с Николаем черногорским носила натянутый характер. Король принял генерала «учтиво, но прохладно», а окружение монарха даже устроило Гизлю своего рода «антиавстрийскую демонстрацию»: никто из присутствовав-

ших не «нацепил» на парадные мундиры австро-венгерские ордена, сын же короля принц Петр, шеф офицерского корпуса, явился при турецком ордене, хотя Черногория в то время еще формально находилась в состоянии войны с Турцией⁶⁸.

Охлаждением черногорско-австрийских отношений воспользовалась царская дипломатия.

- ¹ См.: История Румынии, 1848—1917. М., 1971, с. 380.
- ² См.: *Бюлов Б.* Воспоминания. М.; Л., 1935, с. 408.
- ³ См.: *Виноградов В. Н.* Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969, с. 12.
- ⁴ См.: *Кирсенко М. В.* Внешняя политика Греции в период балканских войн: Канд. дис. Рукопись. Киев, 1971, с. 94.
- ⁵ См.: *Бюлов Б.* Воспоминания, с. 407—409.
- ⁶ История Югославии. М., 1963, т. I, с. 657.
- ⁷ Четрdesетогодишњица владавине кнеза Николе: Мемоари војводе Гавра Вукотића, црногорског министра иностраних дјела и председника Државног савета у пензији. Цетиње, 1928, с. 29—31.
- ⁸ См.: *Йовков И.* Кобургџт. С., 1978, с. 291—292.
- ⁹ *Стамболиски А.* Двете ми срещи с цар Фердинанд. С., 1919, с. 14.
- ¹⁰ Замеделско знаме, 1914, 24 јун.
- ¹¹ *Йовков И.* Кобургџт, с. 289.
- ¹² См.: Там же, с. 289—292.
- ¹³ Рабочая правда, 1913, 14 јун.
- ¹⁴ Споменница Николе П. Пашића, 1845—1925. Београд, 1925, с. 721.
- ¹⁵ См.: *Јанковић Д.* «Велике» и «мали» ратни планови Николе Пашића (1914—1918).—Анали П. Ф. у Београду, 1972, књ. 1/3.
- ¹⁶ См.: *Стојадиновић М.* Шта стаје ратови.—Дело, 1915, књ. 74.
- ¹⁷ См.: *Стојадиновић М.* Турске финансије.—Дело, 1915, књ. 66.
- ¹⁸ АВПР, ф. ПА, д. 530, л. 154.
- ¹⁹ См.: *Алексић-Пејковић Л.* Одной Србије са Француском и Енглеском. 1903—1914. Београд, 1965, с. 310.
- ²⁰ *Скоко С.* Војно-политички положај Србије после Букурешског мира.—В кн.: Велике силе, с. 343—346.
- ²¹ АВПР, ф. ПА, д. 530, л. 154. В. Н. Штрандтман — А. А. Нератову. Белград, 1913, 27 авг.
- ²² ОУА, Вд. VII, N 9564, S. 1041.
- ²³ Цит. по кн.: *Живановић М.* Солунски процес 1917. Београд, 1955, с. 601.
- ²⁴ Политика, 1913, 9 мая.
- ²⁵ См.: *Вучковић В.* Унутрашње кризе Србије и први светски рат.—ИЧ, 1956, књ. XIV/XV, с. 186—187.
- ²⁶ Народна скупштина: Стенографске белешке. Београд, 1913, XVII редован састанак, с. 267.
- ²⁷ *Туцовић Д.* Преторианство или демократија.—Изабрани списи, Београд, 1950, књ II, с. 257—260.
- ²⁸ Радничке новине, 1913, 27 јули; *Топаловић М.* О односима српског и бугарског радничког покрета у периоду 1903—1918.—В кн.: Српска социјал-демократска партија. Београд, 1965, с. 252—254.
- ²⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 370.
- ³⁰ *Леси Р.* Партијата на тесните социјалисти в периода на Балканската, междусъюзначеската и първата световна война (1912—1918). С., 1950, с. 18.

- ³¹ См.: Дипломатически документи по намесата на Българија во европската војна. С., 1920, т. 1, док. № 127, 128, 130.
- ³² См.: *Гиргинов А.* Българија пред великата војна. С., 1932, с. 5—6.
- ³³ GP, Bd. 36/I, N 13816.
- ³⁴ См.: *Емеџ В. А.* Противоречия между Россией и союзниками по вопросу вступления Румынии в войну (1915—1916).— ИЗ, 1956, т. 56, с. 52—90.
- ³⁵ См.: *Огнянов Л.* Болгарский земледельческий народный союз и политика великих держав на Балканах (1913—1915).— В кн.: Велике силе, с. 351—356.
- ³⁶ См.: *Узунов Хр.* Генерал-лейтенант Радко Димитриев.— ВИС, 1980, № 3, с. 180—188.
- ³⁷ Земледелско знаме, 1913, 18 нояб.
- ³⁸ См.: *Огнянов Л.* Болгарский земледельческий народный союз..., с. 354.
- ³⁹ См.: *Гринберг С. Ш.* Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне первой мировой войны (1912—1914).— В кн.: Славянский сборник. Минск, 1947, с. 295.
- ⁴⁰ OUA, Bd. III, N 3936, 9461.
- ⁴¹ АВПР, ф. ПА, д. 1351, л. 188.
- ⁴² OUA, Bd. VII, N 8781, S. 403—404.
- ⁴³ АВПР, ф. Канцелария, 1913, д. 17, л. 126—127. Н. А. Кудашев — С. Д. Сазонову, Вена, 1913, нояб. 2(15).
- ⁴⁴ АВПР, ф. ПА, д. 1351, л. 188.
- ⁴⁵ *Steinitz E.* Berchtolds Politik gegen den Balkanbund.— ВМ, 1932, N 4, S. 331—344; *Swedemann K.* Grundzüge der Balkanpolitik Österreich — Ungars 1908—1914.— ВМ, 1930, N 3, S. 203—226; *Tukin C.* Die politischen Beziehungen zwischen Österreich — Ungarn und Bulgarien von 1908 bis Bucharesten Frieden. Hamburg, 1936, S. 232.
- ⁴⁶ См.: *Гринберг С. Ш.* Внешнеполитическая ориентация..., с. 295—296.
- ⁴⁷ МЭОИ. Сер. 3, т. I, № 22.
- ⁴⁸ См.: *Хальсгарген Г.* Империализм до 1914 г. М., 1961, с. 649.
- ⁴⁹ OUA, Bd. VII, N 9136, 9422, 9461.
- ⁵⁰ См.: *Дажанов С.* Проблеми на политиката на великите сили спремо Българија во навечерието на првата световна војна.— В кн.: Българија во света од древността до наши дни. С., 1979, т. II, с. 71—76.
- ⁵¹ МОЭИ. Сер. 3, т. VI, № 336.
- ⁵² См.: *Буровиќ М.* Црногорске финансије. Титоград, 1960, с. 205.
- ⁵³ МОЭИ. Сер. 3, т. II, № 69, с. 114.
- ⁵⁴ См.: *Булаиќ Ж.* Аграрни односи у Црној Гори (1878—1912). Титоград, 1959, с. 12—20.
- ⁵⁵ См.: *Ракочевиќ Н.* Избори за Црногорску народну скупштину 1914 г. и програм владе генерала Јанка Вукотића.— ИЗ, 1972, № 3/4, с. 413—430.
- ⁵⁶ См.: *Скерлиќ Ј.* Фелтони, скици, говори. Београд, 1964, с. 356.
- ⁵⁷ Радничке новине, 1913, 7 (20) авг.
- ⁵⁸ Цит. по ст.: *Ракочевиќ Н.* Односи измеѓу Црне Горе и Аустро-Угарске од завршетка Скадарске кризе маја 1913 до Сарајевског атентата.— В кн.: Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967, с. 819—823.
- ⁵⁹ *Giesel von Giesling W.* Zwei Jahrzehnte im Nahen Orient. В., 1927; *Хубка Г.* Дипломација у Црној Гори.— Записи, Цетиње, 1937, књ XVIII, с. 131—142; Архив Историјског института Црне Горе,

- ф. 45. Бумаги Л. Бакича: Рукопись; *Јовановић Ј.* На двору црногорском.— Записи, Цетиње, 1928, књ. II, с. 11.
- ⁶⁰ См.: *Шкеровић Н.* Црна Гора на освјетку XX вијека. Београд, 1964, с. 9, 577—590.
- ⁶¹ См.: *Вучковић В.* Дипломатска позадина уједињења Србије и Црне Горе.— Југословенска ревија за међународно право, 1959, № 2, с. 237.
- ⁶² См.: *Ракочевић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије, 1903—1918. Цетиње, 1981, с. 198—200.
- ⁶³ *Димитрије — Димо Вујевеић.* Уједињење Црне Горе и Србије. Титоград, 1962, с. 64—65.
- ⁶⁴ Радничке новине, 1913, 24 авг.
- ⁶⁵ См.: *Ракочевић Н.* Политички односи..., с. 186—187.
- ⁶⁶ См.: Там же.

Глава восьмая

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И БАЛКАНЫ ПОСЛЕ БУХАРЕСТСКОГО МИРА

Новый этап балканской политики России

23 ноября 1913 г. С. Д. Сазонов направил царю аналитическую записку о ситуации, сложившейся на Балканах после Бухарестского мира, поставив вопрос о необходимости внесения ряда коррективов в прежнюю политику России в этом регионе. «События на Балканском полуострове, создавшие неустойчивое и непрочное положение на всем Юго-Востоке Европы и в Малоазиатской Турции,— говорилось в документе,— выдвигают перед министерством иностранных дел задачу определить наше собственное отношение к условиям политической обстановки»¹.

Как и при составлении более ранней балканской программы, министр и на этот раз предложил дипломатам, аккредитованным в балканских государствах и Турции, пригласить свои соображения об основных направлениях балканско-ближневосточной политики России, а также провел консультации с различными ведомствами, которые так или иначе занимались внешнеполитическими вопросами: иностранным отделом Морского генерального штаба, морским и военным министерствами, министерством финансов и министерством торговли и промышленности.

В Архиве внешней политики России и других архивах СССР хранится ряд важных материалов об этих предложе-

ниях. Часть из них была направлена в министерство еще до межсоюзнической войны, часть после нее.

Наиболее интересными являются записки А. А. Гирса, Н. Г. Гартвига, Е. П. Демидова и А. В. Неклюдова. Любопытна также записка посла в Париже А. П. Извольского, затрагивающая более широкие аспекты внешней политики России.

Посланник в Цетинье А. А. Гирс в записке «Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира»² констатировал существенные изменения в расстановке политических сил на Балканах и Ближнем Востоке, произошедшие после балканских войн. Он писал: «Передо мной вырисовывается новая действительность, как результат балканских войн: исчезновение Турции с Балканского полуострова и появление на ее месте в качестве хозяев усилившихся балканских государств». «Чем они будут для нас и чем мы должны быть для них?» — спрашивал А. А. Гирс и отмечал два ключевых, с его точки зрения, фактора: неизбежное нарастание противоречий на Балканском полуострове, во-первых, и тенденцию к отходу балканских монархий от союза с Россией, во-вторых. Царский дипломат выражал опасение как по поводу великодержавных планов Фердинанда Кобургского, так и по поводу гегемонистской программы Белграда. Он высказывался также против государственного слияния Сербии и Черногории и против присоединения к ним югославянских земель Австро-Венгрии, утверждая, что «Великая Сербия» или «Великая Черногория» рано или поздно отойдут от Союза с Россией. А. А. Гирс стоял за укрепление позиций России в Турции, заявляя, что Порта должна играть роль противовеса Болгарии и Сербии на Балканах. «Не теряя времени, нам надо укрепить свое положение в Анатолии и в бассейне Черного моря», — писал он. Принципиально новым предложением А. А. Гирса, выступавшим ранее за борьбу с главным соперником России на Балканах — Австро-Венгрией, была мысль об известной трансформации «политики Мюрцштега», т. е. об отказе обоих государств от взаимной конфронтации и о полюбовном разделении Балкан на сферы влияния. А. А. Гирс считал, что для России выгодно сохранение Австро-Венгрии, которая переживала внутренний кризис и престиж которой был подорван балканскими войнами. Он уверял, что ослабленная монархия Габсбургов не будет опасна для России.

По-иному трактовал балканскую политику России посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг. По его мнению, задача Петербурга — содействовать созданию сильного и объединенного югославянского государства во главе с Сербией, ко-

торое может стать главной преградой экспансии Германии и Австро-Венгрии на Балканах. В записке С. Д. Сазонову, направленной в Петербург 4 июня 1913 г., Гартвиг писал, что Сербия является самой надежной опорой России в Юго-Восточной Европе. В противоположность А. А. Гирсу Гартвиг утверждал, что распад Австро-Венгрии выгоден России, так как крушение монархии Габсбургов поможет воссоединению ее югославянских народов с Сербией³.

Посланник в Афинах Е. П. Демидов в реферате, составленном уже после Бухареста, остановился преимущественно на русско-греческих отношениях, отметив рост великодержавных тенденций короля Константина. Панэллинизм, предостерегал он, «может создать нам со временем серьезные затруднения»⁴. Вместе с тем дипломат считал возможным привлечь Грецию к союзу с Россией и высказывался за создание блока «православных государств» в составе Греции и Сербии, присоединив впоследствии к нему «неправославную» Румынию. Демидов мало верил в перспективу восстановления в Балканском союзе Болгарии, но считал, что, несмотря на трудности, Петербург должен продолжать попытки привлечь Болгарию в союз. Проигравшая войну Болгария, писал он, будет искать выход из изоляции, что должна использовать Россия⁵.

А. В. Неклюдов уверял Сазонова, что даже после межсоюзнической войны Россия может рассчитывать на союз с Болгарией, где сильны прорусские традиции. Он писал о значительном влиянии в стране русофильской оппозиции, но предостерегал министра от слишком прямолинейных действий по ее поддержке. «Нам нечего защищать политику Фердинанда, — писал он, — но отнюдь не следует допускать, чтобы оппозиция пользовалась именем и авторитетом России. Нам необходимо оставаться совершенно в стороне»⁶.

Записка А. П. Извольского, отправленная в Петербург в ноябре 1913 г., расходилась с названными документами. Посол в Париже был единственным дипломатом, который считал итоги второй Балканской войны успешными для царской России. По его словам, для царизма было бы значительно хуже, если бы России пришлось заниматься третейским разбирательством при решении территориальных споров на Балканах. «Задача эта, — писал он, — была бы абсолютно неразрешима и поссорила бы нас разом со всеми балканскими государствами». Бывший министр давал понять, что Сазонов допустил ошибку, ориентируясь на союз с Болгарией. По его словам, Фердинанд «уже давно» находился «в тесной связи с Веней» и посягал на черноморские

проливы. Другим соперником России в этом регионе, утверждал Извольский, являлась Греция, которую подталкивали на агрессивные действия против Турции Франция и Германия⁷.

Анализ Извольским международных отношений на Балканах не отражал действительного положения дел. Болгария в тот период еще не стала союзницей Центральной коалиции, Франция не стремилась обострять отношения Греции и Турции, Германия пыталась завоевать на свою сторону Грецию, но не хотела в то же время ослаблять Турцию.

Сазонов отклонил записку Извольского, но принял к сведению ряд положений других составителей документов, что нашло отражение в его докладе царю от 23 ноября 1913 г. Этот доклад был одобрен правительством и санкционирован царем. Он явился программным документом, определившим главные задачи балканской политики России на ее новом этапе.

Первая часть доклада министра касалась русско-турецких отношений. С. Д. Сазонов поставил вопрос о позиции России в связи с возможным крушением Османской империи. «Сомнение в прочности и долговечности Турции, — писал министр, — связано для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценки всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения».

Как быть? — спрашивал Сазонов. Руководитель внешнеполитического ведомства отмечал, что имеются два пути для решения этой проблемы: военный и мирный. Первый путь предполагает захват проливов силой, второй — дальнейшее развитие двусторонних мирных отношений с Турцией при сохранении ее суверенитета над проливами.

Министр решительно высказывался за второй путь, выдвинув в защиту своего предложения два соображения: незаинтересованность России в появлении в районе проливов более сильного, чем Турция, государства, во-первых, и ее неподготовленность к войне за проливы, во-вторых.

Обосновывая первое положение, Сазонов отмечал, что для России одинаково опасен как непосредственный переход проливов в руки великих держав или их марионеток, так и англо-французский план интернационализации (нейтрализации) проливов и установления над ними контроля международной комиссии. Преобладание в ней морской державы — Англии или Германии, которая располагала самой мощной армией, писал Сазонов, лишило бы Россию возможности оказывать влияние на решения этой комиссии.

«Проливы в руках сильного государства, — предостерегал

министр,— это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству». Сазонов отмечал и другую сторону вопроса: контроль за проливами обеспечивал западным державам влияние на Балканах и Ближнем Востоке. «Владеющий проливами имеет ключ для наступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах».

Турция казалась царскому правительству менее опасным соперником. «Турция,— писал Сазонов,— не слишком сильное и не слишком слабое государство, не способна угрожать нам и в то же время вынуждена считаться с более сильной Россией». «Скорое распадение Турции,— делал вывод Сазонов,— не может быть для нас желанным»⁸.

Возражая сторонникам военного захвата проливов, министр отмечал неподготовленность России к войне. К записке была приложена справка Морского генерального штаба о состоянии военно-морских сил, подтверждавшая этот вывод⁹. «В настоящее время,— резюмировал Сазонов,— приходится говорить не только о невозможности активных выступлений против Турции, но и о недостаточности наших оборонительных средств»¹⁰.

Вторая часть доклада министра касалась балканских проблем. С. Д. Сазонов остановился как на глобальных общебалканских задачах, так и на отношениях России с каждой балканской страной в отдельности. Центральная идея министра заключалась в восстановлении Балканского союза, в котором Сербия и Болгария должны были играть руководящую роль. «Как ни трудна задача снова сплотить Сербию и Болгарию,— писал он,— но только при условии союза каждая из них может ставить себе дальнейшие национальные идеалы. Находясь во вражде, оба государства будут сковываться взаимным бессилием»¹¹.

Руководитель внешнеполитического ведомства высказался за присоединение к Балканскому союзу Румынии. Отдавая должное сложности этой задачи, он писал: «Положение Румынии на Балканах во многом схоже с положением Италии в Европе. Обе державы страдают мегаломанией и, не имея достаточно сил, чтобы осуществить открыто свои задачи, должны пробавляться политическим оппортунизмом, высматривая, где в данную минуту сила, чтобы быть на ее стороне»¹².

В докладе С. Д. Сазонова проскальзывала тревога по поводу усиления агрессивной деятельности Германии на Балканах и Ближнем Востоке, что и дало повод некоторым историкам утверждать, будто уже в то время царское правитель-

ство взяло курс на войну¹³. Для таких утверждений, однако, нет оснований. Напротив, германская угроза еще более усилила стремление правительства заручиться поддержкой балканских государств и сгладить межбалканские конфликты.

Это нашло выражение и в разрешении греко-турецкого конфликта из-за островов в Эгейском море, урегулированного при посредничестве России, Англии и Франции¹⁴. 14 ноября 1913 г. между Грецией и Турцией в Афинах было подписано соответствующее соглашение в духе Лондонского мирного договора. Ряд неурегулированных этим соглашением вопросов передавался на рассмотрение Гаагского международного трибунала и на арбитраж Парижской финансовой комиссии. России и другим державам Тройственного соглашения удалось предотвратить третью балканскую войну. Это был их дипломатический реванш за крушение Балканского союза.

Австро-Венгрия и Балканы после Бухарестского мира

В 1951 г. австрийский публицист Е. Кормонс в книге под интригующим заголовком «Таинственная судьба» писал о негативных для Австро-Венгрии последствиях событий на Балканах. «Бухарестский мир, — констатировал автор, — вдвое увеличил территорию Сербии вопреки желанию Вены. Все это привело к такому сильному падению престижа Австро-Венгрии, что у многих возникал вопрос: а можно ли считать империю вообще великой державой?»¹⁵

Ценнейшие данные о настроениях правящих кругов дунайской монархии того времени содержатся в воспоминаниях, дневниках и переписке современников: профессора Венского университета, будущего министра финансов Австрии Й. Редлиха, начальника канцелярии министра иностранных дел А. Хойоша, имперского министра графа И. Буриана, главы венгерского правительства И. Тисы и других государственных и политических деятелей¹⁶. Все они единодушно писали о депрессии, охватившей двор после неудач венской дипломатии на Бухарестской конференции и о растерянности, царившей на Балльхаузплатце.

Уже первые известия об успехе сербского оружия и поражении самой сильной на Балканах болгарской армии вызвали в Вене настоящий шок. «В министерстве иностранных дел, — писала 22 июня 1913 г. венская газета «Ди цайт», — считалось почти предрешенным, что Сербия будет уничтожена... Предполагалось, что вслед за этим Австро-Венгрия заключит союз с двумя сильнейшими балканскими

государствами (Болгарией и Румынией.— Ю. П.). Теперь эти грезы становятся обманчивыми»¹⁷. В ходе войны Сербия поддержала Румыния, находившаяся формально в союзе с Австро-Венгрией и Германией. Это было очередным провалом венской дипломатии.

Отрицательным фактором для монархии Габсбургов оказалось решение Бухарестской конференции о Новопазарском Санджаке, который переходил во владение Сербии и Черногории, что затрудняло осуществление австро-венгерских планов проникновения в Салоники. Рупшились проекты Вены проведения железной дороги из Боснии через Новопазарский Санджак в Салоники, к Эгейскому морю, подрывались самые основы программы экономической экспансии австро-венгерского империализма на юго-восток. «Новопазар для Боснии — это то же самое, что Босфор для Черного моря», — писал лидер венгерской оппозиции граф Дюла Андраши¹⁸.

Но особенно неприятным для правящих кругов империи было усиление освободительных движений югославян и других неравноправных народов в самой монархии, рост популярности Сербии как центра унионистских устремлений. Югославянская проблема тем самым становилась одной из главных во внутривосточной жизни многонационального австро-венгерского государства. «Между нами и сегодняшней Сербией, — сетовал Берхтольд в письме посланнику в Бухаресте О. Чернину, — стоит великая югославянская проблема, которая все настоятельнее требует своего решения»¹⁹. Граф Чернин, в свою очередь, предупреждал об опасности развития центробежных движений в других национальных районах. «Мы, — писал он в ответном письме 5 декабря, — живем в эпоху национальных объединений и сквозь всю нашу политическую жизнь проходит национальный дух... То, что сейчас происходит на сербской, наблюдается и на румынской границе»²⁰.

Австро-Венгрия переживала сильнейший внутривосточный кризис. В. И. Ленин, отмечая искусственный характер государственной системы многонациональной монархии Габсбургов, основанной на неравноправии наций, предсказывал ее неизбежное крушение²¹.

Австро-Венгрия испытывала также сильнейшие экономические трудности в связи с потерей балканского рынка. После второй Балканской войны положение с имперскими финансами ухудшилось. По официальным данным, вывоз из Австро-Венгрии на Балканы сократился в 1913 г. по сравнению с довоенным периодом на 40%, торговый дефицит

превысил 728 млн. крон, а государственный долг возрос до 20 млрд. крон²². Удар по финансам монархии наносили военные расходы. Хотя Австро-Венгрия не приняла непосредственного участия в войне на Балканах, она тем не менее истратила огромную сумму на осуществление военных мероприятий по усилению армии и военно-морского флота. «Еще одна такая мобилизация, — констатировал австрийский министр финансов фон Залески, — и все будет кончено». Министр предупреждал, что монархия в случае войны могла бы продержаться не более двух месяцев, после чего наступил бы ее полный финансовый крах²³.

В Вене выражали недовольство деятельностью австро-венгерской дипломатии, которой не удалось провести в жизнь ни одного из своих проектов. Вызывало раздражение и то, что на конференции в Бухаресте Германия не только не поддержала Австро-Венгрию, но и заняла полярную позицию, согласившись передать Каваллу Греции, а не Болгарии. Александр Хойош обвинял Берлин даже в «предательстве»²⁴, а его мать Алиса фон Хойош, персонифицируя врагов монархии, относила к их числу самого германского канцлера Бетман-Гольвега. «Если бы этот Бетман был настоящим мужчиной, — утверждала графиня, — он вмешался бы в войну Сербии с Болгарией»²⁵.

Пессимистические настроения охватили самого министра. Он и ранее тяготился своей должностью, а 16 июля попросил императора об отставке. Однако Франц Иосиф не отпустил своего первого министра. Согласившись с мнением Берхтольда, что Австро-Венгрия переживает трудное время, он сказал, что капитан корабля должен покидать свой пост последним. Берхтольд остался, не добившись никаких изменений к лучшему.

Как и прежде, на формирование балканского курса монархии оказывали влияние два политических течения: военная партия и деловые круги, представлявшие главным образом промышленную и торговую буржуазию, заинтересованную в балканском рынке; каждое из них внесло в свои программы изменения с учетом новой ситуации.

Особенно любопытны коррективы, сделанные лидерами военной партии генералом Конрадом и эрцгерцогом Францем Фердинандом. Первый выдвинул целых четыре проекта покорения Сербии.

Один из них был составлен Конрадом в мае 1913 г.²⁶, вскоре после окончания первой Балканской войны, когда, по мнению генерала, существовала возможность привлечения на сторону Австро-Венгрии «мирным путем» Сербии и

со союзников. Послевоенные экономические трудности, испытываемые этими государствами, позволяли надеяться на осуществление данного плана. Центральной его идеей было создание некоего кондоминиума между Австро-Венгрией и Сербией. Конрад писал, что при осуществлении его проекта Сербия получила бы в австро-венгерско-сербском государственном объединении те же права, что и Бавария в германской империи, т. е. сохранила бы свою династию, правительство и армию, но лишилась бы прав выступать самостоятельно на международной арене. Ее внешняя торговля стала бы зависеть от общегосударственных (имперских) правил и законов, а ее пути сообщения контролировались бы монархией Габсбургов. Вооруженные силы Сербии по замыслу Конрада попадали под фактический контроль Австро-Венгрии, так как верховное командование сербской армии должно было координировать свои военно-оперативные планы с генеральным штабом Австро-Венгрии. Проектом предусматривались проведение совместных военных маневров и дислокация в Сербии австро-венгерских войск (в Австро-Венгрии — сербских)²⁷.

Другой проект был предложен генералом непосредственно перед межсоюзнической войной и имел прямо противоположный характер. К тому времени полностью рассеялись иллюзии Конрада по поводу возможности создания упомянутого кондоминиума, австро-венгерское правительство предприняло попытку перессорить Сербию с ее партнерами, надеясь разрушить Балканский союз. Начальник генерального штаба выдвинул с этой целью идею раздела территории Сербии между соседними государствами: Румынией, Грецией, Болгарией и Албанией, что, по его словам, могло привлечь эти страны на сторону Австро-Венгрии. Сама монархия, утверждал Конрад, также должна была поживиться за счет Сербии, получив Белград, плодородные районы рек Мачва и Вардар, Нишский округ и Новопазарский Санджак. Последний стал бы плацдармом для дальнейшего проникновения Австро-Венгрии на юг и юго-восток Балканского полуострова²⁸.

Предложение Конрада встретило поддержку военного министра А. Кробатина. Он заявил, что надо предпринять поход в Сербию и разделить ее между Австрией, Болгарией и Румынией, а затем аннексировать также и Черногорию²⁹.

Третью записку Конрад направил Берхтольду и императору 8 июля, когда на Балканах сложилась следующая ситуация: в войну против Болгарии уже вступили Сербия и Греция, но ее еще не начали Румыния и Турция. В тот

период в генеральном штабе Австро-Венгрии появился план нападения на Сербию с тыла, захвата сербской территории и присоединения ее к дунайской монархии. В меморандуме говорилось: «Исходя из политической концепции исключительно опасно оставлять Сербию вне рамок монархии, тем более что она граничит с нашими югославянскими областями. Своими успехами Сербия привлекает к себе югославян Австро-Венгрии... С военной точки зрения большую опасность представляет 500-тысячная сербская армия, зараженная духом национализма, армия, постоянно готовая с юга напасть на монархию... С точки зрения экономической Сербия может служить важным рынком для монархии, не имеющей колоний». Резюмируя, Конрад делал вывод, что присоединение Сербии к Австро-Венгрии не только жизненно актуальная задача для монархии Габсбургов, но и единственное средство предотвратить ее распад³⁰.

Четвертый проект Конрада появился вскоре после межсоюзнической войны. В нем уже не шла речь о присоединении сербских территорий к монархии Габсбургов или об их разделе с соседними балканскими монархиями. Ситуация настолько изменилась, что об этом нечего было и думать. Сербия, победив Болгарию и заключив союз с Румынией и Грецией, стала сильным государством, угрожая Австро-Венгрии. Вместе с тем она не восстановила еще свою военную мощь, чем, по мнению генерала, должна была воспользоваться монархия Габсбургов и начать против Сербии превентивную войну.

«Австрия должна проглотить Сербию», — заявил он германскому дипломату фон Трейтлеру³¹. Ту же мысль Конрад высказывал Берхтольду: «Войну с Сербией следует считать основой нашей политики и вести ее надо до конца, т. е. до уничтожения Сербии как государства»³². С программой генерала Конрада в министерстве иностранных дел солидаризировался граф А. Хойш, в правительстве — имперский министр финансов Л. Билински³³.

Против этих планов по разным причинам выступали престолонаследник Франц Фердинанд, руководитель австро-венгерской делегации на Лондонском совещании послов граф А. Менсдорф, в венгерском правительстве — граф И. Тиса.

Первый снова вернулся в то время к идее триализма, имея в виду реорганизацию дуалистической системы монархии в триалистическую. Эрцгерцог преследовал две задачи: ослабить позиции Венгрии и превратить Хорватию в центр притяжения югославян, противопоставив ее Сербии. Франц

Фердинанд был противником присоединения территории православной Сербии к монархии Габсбургов, утверждая, что это может ослабить позиции католической Хорватии. «Можно предпринять некоторые акции против Сербии, но ни под каким видом не аннексировать ни один квадратный метр ее территории», — заявлял принц³⁴.

Граф Менсдорф считал, что включение в состав монархии менее развитой в экономическом отношении Сербии будет иметь плачевные результаты для экономики Австро-Венгрии. Кроме того, рассуждал он, сербы, пропагандирующие освобождение югославян из-под ига монархии Габсбургов, внесут дух беспокойства в политическую жизнь государства. «Война, — предупреждал Менсдорф, — не принесла бы нам ничего хорошего даже в случае нашей победы. Для чего тогда нам иметь дело с Сербией?»³⁵

Граф И. Тиса, выражавший интересы венгерских аграриев и крупной венгерской буржуазии, как и прежде, опасался, что присоединение к монархии аграрной Сербии может изменить соотношение сил на имперском рынке не в пользу Венгрии. Кроме того, он был против возможного усиления в многонациональном государстве славянских элементов. Не соглашаясь с планами Конрада, Тиса называл их «слишком опасными». Наконец, министр-президент Венгрии учитывал международный аспект проблемы. В случае нападения Австро-Венгрии на Сербию в защиту последней, предупреждал он, «может подняться вся Европа», прежде всего Россия. Монархия Габсбургов, по мнению Тисы, была не подготовлена к европейской войне. Глава венгерского правительства в связи со сказанным призывал Берхтольда отказаться от рискованной политики на Балканах и не провоцировать Сербию и Россию на войну. «Сербия — неприятный сосед, но с этим соседством приходится считаться», — заключал многоопытный политический деятель³⁶.

Что касается Берхтольда, то он, как и прежде, проявлял колебания, лавируя между различными группировками. Министр то склонялся к мнению Конрада, то, напротив, поддерживал Тису³⁷. В его политике наблюдалось немало противоречий. Так, под влиянием военной партии Берхтольд в начале болгаро-сербского военного конфликта высказался за вмешательство в балканские дела, имея в виду не только дипломатический нажим на Сербию, но и активные действия против нее. Германский посол в Вене фон Чиршки сделал следующую запись о беседе с Берхтольдом, состоявшейся 1 июля: «Здесь намереваются с самого начала балканских событий занять вполне определенную позицию. В слу-

чае, если в результате полной победы Болгарии в пользу Сербии вмешается Россия, в Вене будут этому сопротивляться. На мой вопрос, каким образом будет оказано это сопротивление, граф Берхтольд ответил: или непосредственными шагами в Петербурге, или захватом Белграда. Австро-венгерское вмешательство, по его словам, было бы необходимо и без русской провокации в случае, если бы Сербия добилась решающей победы, в результате которой произошло бы создание Великой Сербии. На вопрос, что можно подразумевать под Великой Сербией, я не получил от гр. Берхтольда точного ответа. В последнее время он считает, что необходимо помешать установлению границы между Сербией и Грецией»³⁸.

Однако тот же Берхтольд уже под влиянием Тисы и его сторонников так и не решился на войну с Сербией.

Руководитель внешнеполитического ведомства постоянно оглядывался на Берлин. Как показал в своей работе венгерский историк И. Галантай³⁹, Берхтольд и император Франц Иосиф стремились скоординировать политику на Балканах с внешнеполитическим курсом Германии, без поддержки которой они не решались вызвать крупные международные осложнения, угрожающие войной с Сербией и Россией. Особенно наглядно это проявилось во время так называемого октябрьского кризиса 1913 г. Он возник неожиданно. Еще в сентябре все было спокойно и, как казалось, ничего не предвещало осложнений: в Вене и Белграде мирно обсуждались экономические вопросы, вызывавшие взаимный интерес, главе сербского правительства Н. Пашичу в австрийской столице был оказан торжественный прием уполномоченному Австро-Венгрии барону С. Угрону — и сербской⁴⁰.

Но вскоре на переговорах возникли противоречия. Предметом споров стала железнодорожная проблема. Австро-Венгрия, потеряв надежды приобрести Новопазарский Санджак, выдвинула план его экономического завоевания и разработала проект перехода железных дорог, пролегающих по вновь присоединенным к Сербии территориям в руки Общества восточных железных дорог. В перспективе речь шла о планах установления контроля монархии Габсбургов над железными дорогами не только Сербии, но и всего Балканского полуострова, так как упомянутое общество уже имело в разных балканских странах свои капиталовложения. Австро-венгерские банки скупали по выгодным ценам (1 акция за 810 франков) акции немецких компаний и стали после этого играть в обществе решающую роль⁴¹.

Сербия, несмотря на трудности с финансами, сама решила приобрести эти акции, о чем Пашич заявил Берхтольду во время их венской встречи. Сербский премьер отклонил и другие попытки вмешательства Австро-Венгрии во внутренние дела Сербии. Им были отвергнуты предложения Берхтольда об участии австро-венгерского капитала в эксплуатации сербских табачных плантаций и о контроле австрийской и венгерской католической церкви над католическими приходами Сербии во вновь присоединенных к ней районах. «Сербия,— заявил Пашич,— суверенное государство, и сама может обеспечить развитие своей экономики. Она имеет либеральную конституцию, гарантирующую свободу вероисповедания»⁴². Переговоры закончились провалом. Собеседники, писала оппозиционная венская газета «Ди цайт», разошлись, так и не договорившись»⁴³.

Тем временем произошли события, еще больше обострившие противоречия между Австро-Венгрией и Сербией. В последних числах сентября в приграничных районах Сербии и Албании вспыхнуло восстание албанских племен, которое охватило ряд территорий юго-западной Сербии. Повстанцы получили оружие от Австро-Венгрии и Италии. Сербская армия не только подавила восстание, но и оккупировала часть территории Албании до 50 км в глубину⁴⁴. Вскоре конфликт принял международный характер, в него втянулись Австро-Венгрия и Германия, на события оказались вынужденными реагировать и державы Тройственного соглашения. Наибольшую активность в конфликте проявляла Австро-Венгрия, выдвинувшая против Сербии обвинение в нарушении лондонского соглашения об Албании. К сербским границам вновь были посланы австро-венгерские войска.

Германия на этот раз поддержала Австро-Венгрию. 3 октября германский посланник в Белграде Ю. Гризингер посетил министерство иностранных дел Сербии и сделал официальное заявление о единстве позиций Берлина и Вены⁴⁵. Державы Тройственного соглашения обратились к сербскому правительству с советами проявить максимум сдержанности, не доводя дело до войны. Россия и Франция указывали, что в интересах самой Сербии не бросать страну в кровавую авантюру. Посол Англии в Вене Ферфакс Картрайт, напротив, занял антисербскую позицию. Он почти открыто поддерживал Австро-Венгрию. В Лондоне действовали более завуалированно, но и там давали понять, что нарушения Сербией Лондонского мирного договора 1913 г. не «встретят одобрения общественности»⁴⁶. 5(18) октября Ав-

стро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, потребовав эвакуации сербских войск из Албании в течение 8 дней. Сербское правительство, оказавшись в международной изоляции, уступило и за день до истечения срока ультиматума вывело войска из Албании. Конфликт был урегулирован.

Однако этим дело не закончилось. Австро-Венгрию против Сербии стала подталкивать Германия, которая осенью 1913 г. резко изменила свой внешнеполитический курс на Балканах.

Балканы в военных планах Германии

В. И. Ленин, говоря о происхождении первой мировой войны, отмечал, что, хотя ее виновниками были все империалистические государства, зачинщицей войны, ее инициатором являлась кайзеровская Германия, которая раньше других стран осуществила перевооружение своей армии и была поэтому заинтересована в превентивном выступлении, стремясь опередить другие державы⁴⁷.

Особенно большое значение имело принятие рейхстагом 3 июня нового военного закона об увеличении вооруженных сил государства по сравнению с 1871 г. на 25%, или в численном отношении до 207 тыс. человек, а в случае войны более чем до 2 млн. солдат и офицеров. На довооружение этой армии была ассигнована невиданная в мирное время сумма — 1 млрд марок⁴⁸.

Германская армия стала самой сильной в Европе. Она превосходила все другие армии по своей технической оснащенности. Немецкие войска имели к 1914 г. 9388 артиллерийских орудий, в том числе 1396 тяжелых, в то время как русская армия — всего 7903 орудия, из них 791 тяжелое, французская — соответственно 4077 и 506. Германия и Австро-Венгрия вместе превосходили по артиллерии Россию и Францию. Они располагали 13476 артиллерийскими орудиями против 11991⁴⁹.

Германия обладала густой сетью железных дорог и могла обеспечить полную мобилизацию и переброску на фронт своих войск в кратчайшие сроки — за несколько дней, тогда как России для этого нужны были недели, а в условиях бездорожья на отдельных участках западной границы даже месяцы. Франция не закончила еще строительство оборонительных рубежей на границе с Германией, Англия быстро вооружилась, занимая по темпам вооружения и модернизации своих войск второе место после Германии, но на Дау-

пинг-стрит еще не приняли решения о войне, стремясь выиграть время, и этим хотели воспользоваться в Берлине.

Уже 16 августа 1913 г. Вильгельм II издал секретную инструкцию об изменении основного направления внешнеполитической деятельности министерства иностранных дел на Балканах. Отныне главной его задачей становилась дипломатическая подготовка войны. «Сегодня может быть перемещена на второй план прежняя задача нашей политики сохранять мир в Европе», — говорилось в документе⁵⁰. В качестве аргумента в пользу этого тезиса выдвигалось положение о необходимости использовать военное превосходство Германии при неподготовленности к войне ее противников. Последние, утверждал кайзер, к серьезной схватке еще не готовы.

В документе давалась оценка итогов балканских войн и делался вывод о том, что балканские государства, ослабленные войнами, могут попасть в зависимость к центральным державам. Возможными союзниками Германии в будущей войне, кроме Румынии, назывались Греция и Турция. Сербия и Черногория, напротив, рассматривались как союзники России. О Болгарии не было высказано определенного мнения — кайзер продолжал не доверять Фердинанду, тогда как Мольтке считал Болгарию эвентуальным союзником Германии.

В инструкции большое место уделялось германо-австро-венгерским отношениям. Вильгельм II выдвигал задачу укрепления союза с монархией Габсбургов, косвенно признав, что ранее Берлин нередко нарушал интересы своего партнера. «Ныне, когда заключен мир (в Бухаресте. — Ю. П.), — писал он, — требуется делать все для того, чтобы наши союзники, особенно Австрия, убедились в правильности нашей политики и тем самым устранялось бы их недовольство»⁵¹.

И в Берлине начали действовать! В сентябре на военных маневрах в Силезии, куда были приглашены представители австро-венгерского генерального штаба, Вильгельм II заверил Вену в своих дружеских чувствах, подчеркнув единство целей двух монархий. Более подробно на ту же тему он говорил с генералом Конрадом во время встречи в фамильном замке князя Плесса в Зальцбурге, состоявшейся после маневров⁵², и на юбилейных торжествах в честь столетней годовщины лейпцигской битвы 17 октября. Здесь была сформулирована кайзером развернутая антисербская программа. Генерал Конрад писал в мемуарах, что император Германии подталкивал монархию к военному походу против Сербии,

пообещав свою поддержку. «Я иду с вами,— заявил кайзер,— другие государства не в состоянии ничего предпринять». Вильгельм II, констатировал Конрад, не только не отговаривал Австро-Венгрию от военных действий против Сербии, как он это делал раньше, а даже упрекал начальника генерального штаба в нерешительности. «Вы могли бы уже через несколько дней быть в Белграде»,— заявил генералу кайзер⁵³.

Не ограничившись беседой с начальником австро-венгерского генерального штаба, германский император направился на свидание с престолонаследником Францем Фердинандом в его фамильный замок Конопишт в Чехии. От этой встречи зависело многое: эрцгерцог был главным инспектором вооруженных сил страны, первым кандидатом на престол в случае кончины немощного и уставшего от дел 84-летнего Франца Иосифа. Надо было спешить, и Вильгельм II уже в ночь на 17 октября прибыл в Конопишт.

Первое конопиштское свидание

Конопиштское свидание окружено непроницаемой тайной. О самих переговорах не сохранилось документальных источников. В печати сообщалось лишь о том, что эрцгерцог устроил своему венценосному гостю «сказочный прием», на котором присутствовала австрийская аристократия: принц Э. Лобковиц, князь М. Турн, графы О. Чернин, Р. Ностиц, и что вместе с германским императором в окрестных лесах охотились хозяин замка и министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Л. Берхтольд.

В оппозиционной прессе промелькнули менее приятные для высокого гостя известия: о воззвании чешских газет к населению Праги бойкотировать немецкие товары и о строгом полицейском контроле на дорогах, ведущих к замку. На подступах к Конопишту, начиная от Боденбаха и вплоть до Бенешова, чехам было запрещено всякое передвижение на транспорте⁵⁴. О том, какие вопросы обсуждались в Конопиште, можно судить лишь по косвенным данным. Участники встречи не делали записей, переговоры велись с глазу на глаз. 28 октября Берхтольд, вернувшись из Конопишта, упомянул о своей беседе с кайзером в замке, не раскрыв ее содержания⁵⁵. 4 ноября о встречах с Францем Фердинандом и Вильгельмом II вспомнил австро-венгерский посол в Берлине граф Л. Сегеньи⁵⁶, но и он не сообщил каких-либо подробностей. Более определенные материалы (но также недостаточные!) содержатся в сборнике германских докумен-

тов «Ди гроссе политик», изданном в Германии. Они свидетельствовали о том, что эрцгерцог обсуждал с кайзером вопрос об отношении к России. Франц Фердинанд поставил под сомнение ее готовность выступить в поддержку Сербии. «Внутренние затруднения (в России.— Ю. П.) слишком велики,— заметил австрийский престолонаследник,— чтобы она смогла вести наступательную внешнюю политику»⁵⁷.

Но даже эти скудные материалы позволяют сделать вывод, что руководители двух держав не ограничивались охотой на оленей, а вели важные переговоры. Начальник юридического отдела министерства иностранных дел Австро-Венгрии Фридрих Визнер утверждал, что там обсуждался вопрос и о Сербии. По его мнению, без Конопишта не было бы и сараевского убийства⁵⁸. Так или иначе, но после этой встречи резко возросла военная подготовка держав Центральной коалиции.

Покинув тихий средневековый замок, Вильгельм II направился в Вену, где предпринял решительные шаги по стягиванию Австро-Венгрии на путь военных авантур. 26 октября кайзер пригласил на чай в германское посольство графа Берхтольда. Начиная беседу, Вильгельм II сказал, что хочет дать ему несколько советов не как император министру, а как «старший» по возрасту (кайзеру было 54 года, Берхтольду 50). Встреча носила сугубо политический характер и касалась наиболее острых вопросов балканской политики. Вильгельм II провоцировал Австро-Венгрию на войну с Сербией. «Если его императорское величество император Франц Иосиф чего-нибудь хочет,— втолковывал кайзер,— то сербское правительство обязано подчиниться, а если оно этого не сделает, то Белград должен быть бомбардирован и оккупирован до тех пор, пока воля его императорского величества не будет исполнена. И в этом вы можете быть уверены, я вас поддерживаю. Я готов обнажить меч, когда ваш образ действий этого потребует». В конце беседы Вильгельм II остановился на более общей задаче борьбы германизма со славянами, развязно заявив о превосходстве германской расы. «Славяне не рождены, чтобы управлять, они могут быть только слугами, к этому их надо приручить»⁵⁹. Берхтольд засвидетельствовал, что кайзер при этих словах картинно дотронулся рукой до висевшей у него на боку сабли.

Вскоре после этой беседы в Австро-Венгрии среди военщины широкое распространение получила брошюра анонимного автора под псевдонимом прорицательницы Кассандры, озаглавленная «Вооружение Европы и Австрия». В брошю-

ре доказывалось, что только победоносная война против славян может обеспечить существование монархии Габсбургов. «Балканы мы должны приобрести. Нет другого средства для того, чтобы остаться великой державой. Для нас дело идет о существовании государства, о преодолении экономического кризиса, который, несомненно, повлечет за собой распадение монархии. Для нас дело идет о том, быть или не быть». Брошюра заканчивалась призывом: «Вооружайтесь! Вооружайтесь! Вооружайтесь!»⁶⁰.

Не ограничившись Австро-Венгрией, германский империализм предпринял попытку втянуть в орбиту своей политики Турцию. С этой целью в Константинополь поздней осенью 1913 г. была направлена немецкая военная миссия генерала Отто Лимана фон Сандерса.

¹ АВПР, ф. ПА, д. 134, л. 60.

² См.: Гирс А. А. Австро-Венгрия, Балканы и Турция: Задачи войны и мира. Пг., 1917, с. 13—16.

³ АВПР, ф. ПА, д. 530, л. 98.

⁴ АВПР, ф. ПА, д. 530, л. 97—98.

⁵ Там же.

⁶ АВПР, ф. ПА, д. 1351, л. 153. А. В. Неклюдов — вице-консулу в Варне С. Г. Богоявленскому, София, 1913, 22 авг.

⁷ См.: Материалы..., с. 408.

⁸ АВПР, ф. ПА, д. 134, л. 66; Красный архив, 1924, т. 7, с. 33.

⁹ АВПР, ф. ПА, д. 134, л. 79—82.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 70.

¹³ См.: например: *Захер Я. М.* Константинополь и проливы. — Красный архив, 1924, т. 7, с. 45—47; *Екмечий М.* Ратни циљеви Србије, 1914. Београд, 1973, с. 181—207.

¹⁴ МОЭИ. Сер. 3, т. 1, с. 3, 45.

¹⁵ *Cormons E.* Schicksale und Schatten. Salzburg, 1951, S. 153—154.

¹⁶ *Galantai J.* Die österreichisch-ungarische Monarchie und der Weltkrieg. Вр., 1979, S. 114—121.

¹⁷ Die Zeit, 1913, 22. Juni.

¹⁸ *Ђорђевић Д.* Аустро-српски сукоб око проекта Новопазарске железнице. — ИЧ, 1959, № IX/X; *Он же.* Излазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора у Лондону, 1912. Београд, 1956.

¹⁹ OUA, Bd. VII, N 9032, S. 592.

²⁰ OUA, Bd. VII, N 9052, S. 609—614.

²¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 447.

²² ЦГА ВМФ СССР, ф. 48, оп. 1, д. 9932, л. 2, 36.

²³ *Conrad F.* Bd. III, S. 84.

²⁴ *Mitrović A.* Prodor na Balkan i Srbija, 1908—1918. Beograd, 1981, s. 145.

²⁵ Ibid.

²⁶ *Conrad F.* Bd. III, S. 311—312, 349—350, 404—409.

²⁷ GP, Bd. 39, S. 441—442.

²⁸ *Mitrović B.* Prodor..., s. 167.

- ³⁰ Fischer F. Bündnis der Eliten: Zur Kontinuität der Machtstrukturen im Deutschland, 1871—1945. Düsseldorf, 1971, S. 35—60.
- ³¹ Mitrović A. Prodor..., S. 163.
- ³² Ibid., S. 163—164.
- ³³ Kriegsbibliothek Wien. Militärkanzlei Franz Ferdinands, N 6361 ex 1913; Conrad F. Bd. III, S. 311—312, 404—409.
- ³⁴ Redlich J. Schicksalsjahre Österreichs. Das politische Tagebuch. Graz; Wien, 1951, Bd. VI, S. 203; OUA, Bd. VI, N 6870, S. 330—331.
- ³⁵ Conrad F. Bd. III, S. 156; Mitrović A. Prodor..., s. 165.
- ³⁶ Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente/Hrsg. von K. D. Erdmann. Göttingen, 1972, S. 304—305.
- ³⁷ OUA, Bd. VI, N 8779, S. 402.
- ³⁸ См.: Hantsch H. Leopold Graf Berchtold: Grandseigneur und Staatsmann. Graz, 1963, S. 158—160; Wegener A. Der Ausbruch des Weltkriegs. Hamburg, 1939, Bd. I, S. 120—130.
- ³⁹ GP, Bd. 35, N 13475, S. 115—116.
- ⁴⁰ Galantai J. Die österreichisch-ungarische Monarchie..., S. 151—162.
- ⁴¹ АВПР ф. ПА, д. 530, л. 180. В. Н. Штрандтман — А. А. Нератову. Белград, 1913, 8 окт.; OUA, Bd. V, № 4738.
- ⁴² АВПР, ф. ПА, д. 531, л. 389, 438, 439.
- ⁴³ АВПР, ф. ПА, д. 531, л. 370. Н. Г. Гартвиг — С. Д. Сазонову, Белград, 1913, 26 сент.
- ⁴⁴ Die Zeit, 1913, 8 Okt.
- ⁴⁵ АВПР, ф. ПА, д. 530, л. 180.
- ⁴⁶ АВПР, ф. ПА, д. 530, л. 183—184. Н. Г. Гартвиг — С. Д. Сазонову, Белград, 1913, 3 окт.
- ⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 6, л. 2. Н. А. Кудашев — С. Д. Сазонову, Вена, 1913, 24 окт.
- ⁴⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 16.
- ⁴⁹ Deutschland im ersten Weltkrieg. В., 1970, Bd. I, S. 122—123.
- ⁵⁰ Держиговский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война 1914—1918 гг. М., 1964, с. 23.
- ⁵¹ Mitrović A. Prodor..., s. 150.
- ⁵² Ibid.
- ⁵³ См.: Хальсгарген Г. Империализм до 1914. М., 1961, с. 622.
- ⁵⁴ Conrad F. Bd. III, S. 476—477.
- ⁵⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 2, л. 73—74.
- ⁵⁶ OUA, Bd. VII, N 8934, S. 512—515.
- ⁵⁷ OUA, Bd. VIII, N 8951, S. 528—529.
- ⁵⁸ GP, Bd. 39, N 15736.
- ⁵⁹ Wiesner F. Schuld der südslawischen Regierung am Mord von Sarajevo.— ВМ, 1928, N 4, S. 321.
- ⁶⁰ OUA, Bd. VII, N 8934, S. 512—515.
- ⁶¹ Цит. по кн.: Павлович М. П. Militarизм, маринизм и война 1914—1918 гг. М., 1918, с. 76—80.

Глава девятая

**ПОПЫТКА ГЕРМАНИИ
ВОВЛЕЧЬ В СОЮЗ ТУРЦИЮ
И ПОЗИЦИЯ РОССИИ**

◆

**Миссия Сандерса
и германо-русские отношения**

Прибытие в Турцию миссии генерала Сандерса способствовало обострению и без того напряженной международной обстановки на Ближнем Востоке и Балканах, возбудив нервозность не только царского правительства, но и буржуазных кругов России¹. Газета «Новое время» с раздражением писала, что отныне «турецкая политика делается не в Константинополе, а в Берлине», называя Турцию «азиатской колонией Германии» и «германским Египтом»². Русский военный историк Н. Н. Головин, предостерегая царское правительство от опасности овладения Германией проливами, сравнивал Россию с «заколоченным домом», в который можно попасть только через «дымовую трубу»³.

После младотурецкого переворота в январе 1913 г. Порта взяла курс на сближение с Германией и на перевооружение своей армии, готовясь к реваншу за поражение в первой Балканской войне. В мае того же года великий визирь Махмуд Шефкет-паша обратился к Вильгельму II с официальным предложением о присылке в Турцию германской военной миссии для руководства реорганизацией турецкими вооруженными силами, пообещав дать ей самые широкие полномочия. Одновременно турецкое правительство намеревалось направить в Германию 250 офицеров, чтобы они смогли завершить там свое военное образование⁴. Вильгельм II, однако, не сразу принял это предложение. Поражение Турции в войне с Балканским союзом заставило германский генеральный штаб повременить с ответом. «Турция в военном отношении нуль,— писал Мольтке Конраду.— Если мы раньше говорили о Турции как о больном человеке, то теперь следует говорить как об умирающем. Она стала нежизнеспособной и находится в состоянии агонии»⁵.

Успехи Турции в войне с Болгарией привели к переоценке Берлином ее военных возможностей. Кроме того, после Бухарестского мира изменилась сама международная ситуация на Балканах, Турция стала играть более значительную

роль в планах Германии. В случае войны с Россией она могла бы обеспечить прикрытие правого фланга германских войск на русском фронте, угрожая Кавказу, а при походе Германии на восток стала бы удобным плацдармом для нападения на английские колониальные войска в Египте, Месопотамии и Персии. Недаром кайзер, инструктируя генерала Сандерса, выдвинул перед ним задачу создания «колонизальной армии Турции».

Была еще одна причина, вызвавшая изменение отношения Германии к Турции. Вильгельм II и его правительство опасались усиления в этой стране и на всем Ближнем Востоке влияния держав Антанты. Большое беспокойство Берлина вызывала также двойственная политика самого турецкого правительства. Младотурки готовы были вступить в контакты с противниками Германии. Так, в апреле 1913 г. тот же Махмуд Шефкет-паша заключил соглашение с Англией о присылке в Турцию в качестве морского советника адмирала британского флота А. Лимпуса, турецкое правительство подписало с английской фирмой «Армстронг — Виккерс» на 30 лет контракт на переоборудование доков и арсеналов в Измире и Константинополе, а Франция приняла участие в реконструкции турецких гаваней. Закупая оружие и готовясь к войне на море, младотурецкое правительство использовало все доступные ему средства. Дредноуты Турция строила на верфях Англии и Аргентины, пушки приобретала у германской фирмы Круппа, укрепления на Чатаджинских высотах возводились на средства французской фирмы «Шнейдер — Крезе»⁶.

Учитывая эти обстоятельства, Вильгельм II решил ускорить посылку в Константинополь военной миссии. Он поручил статс-секретарю по иностранным делам фон Ягову разработать программу ее деятельности, а сам занялся подбором кандидатуры руководителя миссии. Выбор пал на бывшего командира 22-й дивизии в Касселе генерала Отто Лимана фон Сандерса, которого император знал лично.

Прибыв в Турцию, Сандерс получил назначение на должность командующего Первым константинопольским корпусом, т. е. фактически сосредоточил в своих руках гарнизон столицы, которому подчинялась и охрана черноморских проливов. Помощники Сандерса — генералы Вебер и Поссельт — были назначены соответственно инспекторами крепостей и береговой артиллерии в зоне проливов. Немецкие офицеры возглавили также все ведущие отделы генерального штаба Турции и были поставлены во главе военной академии и офицерского училища в Константинополе.

«Миссия Сандерса,— с тревогой писал российский военный агент в Турции генерал М. Н. Леонтьев,— опутала своей паутиной всю страну»⁷. К концу 1913 г. численность немецких офицеров в Турции достигла 342 человек.

Уже первые сведения о предстоящем приезде в Турцию германской военной миссии вызвали в Петербурге настороженность. После получения телеграммы от посла М. Н. Гирса и военно-морского агента капитана 1-го ранга А. Н. Щеглова о предполагаемом назначении генерала Сандерса командующим Константинопольским гарнизоном С. Д. Сазонов 23 декабря подготовил доклад на имя царя, предложив созвать Особое совещание для обсуждения вопроса о чрезвычайной ситуации, возникшей в районе черноморских проливов⁸. Оно состоялось 8 февраля 1914 г. Кроме того, в тот же период Сазонов обменялся письмами с морским и военным ведомствами, чтобы согласовать вопрос о единстве действий перед лицом возникшей опасности.

Протокол Особого совещания и другие документы того периода сравнительно подробно проанализированы в литературе, однако их интерпретация требует пояснений. В советской и зарубежной историографии имеются разные толкования итогов совещания и балкано-ближневосточной политики России того периода в целом. Одни историки⁹ рассматривали доклад Сазонова царю и решения Особого совещания как программу войны, другие, напротив, считали, что правительство стоит за мирное разрешение конфликта¹⁰, третьи утверждали, будто существовало различие между субъективными взглядами С. Д. Сазонова, не желавшего войны, и объективными последствиями его политики, ведущей к военной конфронтации¹¹.

Правильная оценка общей стратегии и тактики царской дипломатии и ее политики на Балканах этого времени невозможна без учета всей совокупности внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов, оказавших на нее влияние. Прежде всего следует иметь в виду неблагоприятную для царизма международную ситуацию, сложившуюся в момент обострения германо-русских отношений. В 1913 г. еще не были преодолены англо-русские трения на Среднем и Ближнем Востоке, и Англия, как заявил Артур Никольсон, не собиралась «таскать каштаны из огня» в пользу России¹². Лондон в то время продолжал придерживаться своего плана «нейтрализации» Босфора и Дарданелл, который был неприемлем для Российской империи.

Министр иностранных дел выражал сомнения в готовности Франции оказать поддержку России. Французский им-

периализм имел собственные интересы в Турции и не хотел вязываться в конфликт из-за германской миссии. «Что же делать, — спрашивал Сазонов в записке, — решать ли вопрос в плане военных осложнений или искать другой выход?» Петербург, писал он, не может локализовать конфликт войной против одной только Турции — в ее защиту выступит Германия. Обращаясь к царю, Сазонов предупреждал: «Решение вопроса может быть перенесено из Константинополя на нашу западную границу со всеми последствиями, отсюда вытекающими. Вашему императорскому величеству принадлежит принятие столь ответственного решения»¹³.

С. Д. Сазонов снова обратился за советом к военному и морскому ведомствам. Морской министр адмирал И. К. Григорович в своем ответном письме 20 декабря 1913 г. решительно высказался против войны. «В ближайшие годы, — писал он, — России желательна отсрочка ликвидации Восточного вопроса при строгом соблюдении политического статус-кво»¹⁴. Идентичных взглядов придерживался первый помощник начальника Генерального штаба генерал-квартирмейстер русской армии генерал Ю. Н. Данилов. В «Записке по вопросу о военной подготовке России в целях выступления на Ближнем Востоке», составленной 19 декабря, он прямо указывал на неподготовленность сухопутных вооруженных сил России к общеевропейской войне¹⁵.

Особое совещание признало целесообразным решить этот вопрос дипломатическим путем. Председатель Особого совещания глава правительства В. Н. Коковцов назвал войну «величайшим бедствием для России», указав не только на неблагоприятную для Российской империи международную обстановку, но и на неустойчивое внутривосточное положение в самой стране. Он констатировал рост антивоенных настроений и развитие революционного движения. В этих условиях, предостерегал В. Н. Коковцов, внешние осложнения могли бы усугубить внутренний кризис¹⁶.

Затем состоялись переговоры России с Германией. В Петербурге их вели С. Д. Сазонов и германский посол граф Ф. Пурталес, в Берлине — посол С. Н. Свербеев и статс-секретарь фон Ягов¹⁷. В переговорах приняли также участие В. Н. Коковцов и канцлер Т. Бетман-Гольвег. Возвращаясь из Франции, где решались финансовые дела, Коковцов остановился проездом в Берлине, был принят рейхсканцлером и самим императором. В результате переговоров было подготовлено компромиссное решение: генерал Сандерс освобожден от поста командующего гарнизоном турецкой столицы, но оставался инспектором вооруженных сил Турции. Этот

компромисс являлся паллиативом и не мог удовлетворить Россию. В результате соглашения была достигнута лишь видимость улучшения германо-российских и турецко-российских отношений. Ни одна из задач царской дипломатии в Турции не была осуществлена, министерству иностранных дел России так и не удалось предотвратить развитие взрывоопасной международной ситуации на Балканах. Перед царским правительством продолжал стоять злободневный вопрос: что делать дальше?

Одним из проектов его решения были предложения референтуры иностранного отдела Морского генерального штаба, сформулированные в виде аналитической записки на имя морского министра адмирала И. К. Григоровича в конце 1913 г. или в начале 1914 г. (под документом нет даты).

Записка Морского генерального штаба о Балканах и Турции

Названный документ был обнаружен в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР и, по-видимому, предназначался для передачи царю (он хранился в досье докладов на высочайшее имя).

Записка состоит из трех частей: преамбулы, обзора международного положения и заключения, содержавшего предложения референтуры.

В документе основное внимание уделялось морской политике России в причерноморско-средиземноморском районе и рассматривался также вопрос об отношениях Российской империи с балканскими государствами и Турцией.

Составители документа, обращаясь к истории начиная со времен царя Алексея Михайловича, обосновывали задачу превращения России в сильную морскую державу торговыми, экономическими и военно-политическими интересами российского государства, а перейдя к современному международному положению на Балканах и Ближнем Востоке, делали вывод, что главными противниками России в осуществлении этой задачи являются Германия, Австро-Венгрия и Англия. Германская империя, по мнению референтуры, ведет дело к войне с Россией. «Последние 15 лет,— говорилось в документе,— Германия всеми силами стремилась поработить Россию экономически и ослабить ее в политическом и военном отношении. Российский рынок переполнен немецкими товарами, международный престиж страны сильно подорван, а ее военное могущество (в войне с Японией.— Ю. П.) сокрушено. Но возрождение России уже началось и идет быстрыми

шагами вперед; в Германии пробуждаются вследствие этого серьезные опасения за дальнейшее распространение своего влияния, и немцы уже спешат принять меры»¹⁸.

Говоря о германо-русских противоречиях на Балканах и Ближнем Востоке, составители записки делали вывод о назревании конфликта между обоими государствами и в этом регионе: «Поступательное движение Германии на Ближний Восток и ее все более и более возрастающее влияние в Константинополе неизбежно приведут к серьезным столкновениям наших интересов у Босфора с немецкими интересами»¹⁹.

Германию, писали референты, в антирусской политике поддерживает Австро-Венгрия, которая является основным соперником России на Балканах. «Австрия имеет на Балканах и в Средиземном море такие же значительные интересы, как и Россия, но прямо ей противоположные. Последнее десятилетие идет непрерывная борьба между русским и австрийским влияниями на Балканах и интенсивность ее все повышается... Австрия окажется в числе ярых противников и открытых врагов России, если последняя начнет осуществлять (на Балканах.— Ю. П.) поставленные перед собой политические цели»²⁰.

Что касается Англии, то она, по мнению референтуры, является наиболее серьезным соперником России в бассейне Средиземного моря и даже ее скрытым противником. «Для признанной „владычицы морей“, традиционно препятствующей выходу России к морю,— говорилось в документе,— нетерпимо будет появление в Средиземном море нашей морской силы — нового соперника ее морскому могуществу. Можно быть совершенно уверенным, что Англия сделает все от нее зависящее, включая даже повторение 1878 г. для того, чтобы помешать России стать твердой ногой на берегах архипелага»²¹. В записке высказывалось предположение, что британское правительство только в двух случаях пойдет на уступки России в решении вопроса о проливах: если Россия предоставит Англии солидные компенсации в Персии и если возникнет непосредственная угроза нападения на Великобританию Германии.

Любопытные прогнозы сделали референты Морского генерального штаба по поводу позиции Франции. Указав на наличие экономических интересов Франции в Турции, они высказали предположение, что «если бы Россия дала гарантии о ненападении на Турцию, то Франция не стала бы препятствовать нашему движению к югу». Составители документа пришли к выводу, что «Франции даже выгодно появление союзного русского флота в Средиземном море, который мо-

жет обеспечить защиту международных коммуникаций в восточной ее части, в то время как Франция станет охранять свои колониальные владения в Северной Африке»²².

Значительное внимание в документе уделялось вопросам балканской политики. Референтура Морского генерального штаба поддерживала курс Сазонова на восстановление Балканского союза, предупреждая, однако, о трудностях выполнения этой задачи. В записке говорилось, что среди балканских государств Россия может твердо рассчитывать только на Сербию и Черногорию, которые сами испытывают угрозу нападения со стороны Австро-Венгрии, в то время как остальные балканские монархии будут соблюдать нейтралитет. Румыния уже сейчас ведет двойственную политику, рассчитывая либо «отсидеться» в войне, либо вступить в нее на стороне победителя, за Грецию идет борьба обеих коалиций, Болгария склоняется к союзу с центральными державами. Тем не менее, говорилось в записке, следует предпринять еще одну попытку привлечь Болгарию на сторону России, учитывая традиционные симпатии болгарского народа к своей освободительнице. «...Желательно Болгарию отторгнуть от Австрии и присоединить ее снова к союзу балканских государств, что создаст надежный заслон от нападения австрийцев на наш правый фланг...»²³.

В заключительной части записки выдвигались предложения. Главным среди них была рекомендация как можно дольше оттянуть войну с Германией, пока Россия не укрепит свои морские и военные силы. Небезынтересно, что референты Морского генерального штаба, говоря о неизбежности конфронтации Германии с Англией, не исключали возможности сохранения Россией нейтралитета в войне²⁴. Они предлагали проводить такую политику, которая не привела бы к обязательному выступлению России в союзе с Англией, ссылаясь на то, что британское правительство не только не помогает России в вопросе о пересмотре Лондонской морской конвенции 1871 г. в проливах, но и ведет против нее скрытые интриги.

Морской министр, ознакомившись с запиской, поддержал рекомендацию об отказе, по крайней мере на время, от военной конфронтации с Турцией. 20 декабря 1913 г. он писал С. Д. Сазонову: «Нам необходимо сначала создать на Черном море сильный флот, что может быть сделано в ближайшее пятилетие... Пока эта морская сила на Черном море не будет нами создана, нам важно, чтобы вопрос о проливах не был поставлен вовсе»²⁵. Этой точки зрения морское министерство и Морской генеральный штаб придерживались вплоть до

вступления Турции в войну с Россией 20 октября 1914 г. Морское ведомство, как свидетельствуют документы, не только координировало свои действия с внешнеполитическим ведомством, но и разделяло в основе его взгляды на балкано-ближневосточную политику.

Более сложными были отношения С. Д. Сазонова с руководителями военного министерства — министром В. А. Сухоминовым и его помощником А. А. Поливановым, начальником Генерального штаба генералом Н. Н. Янушкевичем и лидером военной партии великим князем Николаем Николаевичем, которые придерживались крайних взглядов, настаивая на решительных действиях России в районе проливов. Но у Сазонова в том же министерстве были и сторонники. Его балканский курс разделяли генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба генерал Ю. Н. Данилов, начальник штаба Киевского военного округа, будущий начальник штаба ставки генерал М. В. Алексеев и многие другие. Представители этого направления в военном министерстве передали на рассмотрение Генерального штаба ряд проектов военно-оперативных планов, в которых затрагивались вопросы балкано-ближневосточной политики России. Так, М. В. Алексеев еще в 1912 г. наметил план нанесения главного удара в случае войны не по Германии, а по Австро-Венгрии, имея в виду оказание помощи Сербии и другим балканским государствам. Записка Алексеева была одобрена совещанием начальников штабов Киевского, Казанского и Московского военных округов в ноябре того же года и принята за основу при составлении «Плана развертывания войны с державами Тройственного союза»²⁶. (План Алексеева позже был пересмотрен под давлением Франции.) 1 марта 1914 г. генералом Ю. Н. Даниловым была составлена аналитическая записка «О вероятных планах Тройственного союза против России», совпадавшая по своим выводам с оценками М. В. Алексеева. Данилов и Алексеев поддерживали курс внешнеполитического ведомства на нормализацию отношений с Турцией.

С этой целью Петербург выступил с предложением об отмене международного контроля над финансами Османской империи и о расширении полномочий представителя Турции в Совете оттоманского долга. М. Н. Гирс известил об этом турецкое правительство, заявив о готовности России поставить перед великими державами вопрос о передаче Турции поста председателя этого Совета²⁷. Чтобы обеспечить интересы российского капитала в Турции, царское правительство предложило также включить в состав Совета оттоманского

долга представителя России, а торгово-промышленные круги Российской империи пообещали принять участие в финансировании строительства в Турции железной дороги Трапезунд — Сивас — Диарбекир и в совместной разработке и эксплуатации горнорудных богатств страны.

Турецкая программа была сформулирована С. Д. Сазоновым в апреле 1914 г. в его внешнеполитическом докладе Государственной думе. Министр подчеркнул, что Россия заинтересована в развитии добрососедских отношений с Турцией, обеспечивающих стабильное положение в Черноморском бассейне, на Ближнем Востоке и Балканах в целом. Он остановился также на вопросе о статусе проливов, выдвинув два главных принципа русской политики: сохранение верховного суверенитета над проливами за Турцией и учета последней интересов России и причерноморских государств.

Речь Сазонова широко комментировалась турецкой прессой. Большинство газет приветствовало миролюбивые заявления руководителя российского внешнеполитического ведомства. Так, влиятельная газета «Терджумен-хаккикат» писала в конце апреля; «Ранее Россия считала нас за врага... Теперь балканский вопрос разрешен... и мы не видим повода для омрачения наших отношений». Орган правящей партии «Единение и прогресс» газета «Генс Тюрк» в майском номере разделяла предложение С. Д. Сазонова о статусе проливов. «Мы признаем,— писала газета,— что свобода морской торговли через проливы является для России вопросом первоочередной важности. Мы не сомневаемся, что Россия убеждена в нашей лояльности и искренности и будет благожелательна к нам со своей стороны»²⁸.

В то же время значительная часть прессы выступила с критикой доклада царского министра, возражая против его предложения о пересмотре Лондонской морской конвенции 1871 г. о проливах.

Советские историки А. С. Аветян, Г. З. Алиев, А. С. Силин²⁹ внимательно проследили внутривластную ситуацию в Турции того периода, показав борьбу отдельных группировок среди правящих кругов. Так, министр финансов Джавид-паша придерживался франкофильских взглядов, предпочитая брать займы в Париже, а не в Берлине, министр внутренних дел Джемаль-паша колебался и был готов примкнуть к любой коалиции, великий визирь Саид Халим-паша постоянно лавировал, не занимая твердой позиции.

Драгоман российского посольства А. Н. Манделштам в своих воспоминаниях дал яркую характеристику государственных деятелей Турции той поры. Он писал, что Саид

Халим-паша по существу потворствовал военным кругам. По словам Мандельштама, это был «пустой, тщеславный и слабый человек. Когда ему говорили, что Константинополь превращен в германский военный лагерь, бедный принц багровел, сердился, грозно заявлял, что настоящий хозяин Турции — он и что он не допустит войны, но этим все и ограничивалось. Саид слишком дорожил своим положением, чтобы резко выступить против партии войны»³⁰. Военная партия пользовалась нерешительностью самого султана Мурада V, безвольного человека, оторванного от действительности.

Среди триумфиров наиболее видную роль играл бывший военный атташе Турции в Берлине Энвер-паша, придерживавшийся прогерманской ориентации. Сначала он не пользовался кредитом у Вильгельма II, который называл военного министра «турецким Наполеончиком». Узнав об участии Энвера в убийстве своего предшественника Низами-паши, кайзер написал на полях донесения посла барона Вангенгейма: «Энвера следует в скором времени повесить»³¹. Но вскоре германский император переменял об Энвере свое мнение и по его просьбе в июне послал в Константинополь сверхмощные корабли «Гебен» и «Бреслау».

С того момента в германо-турецких отношениях наступил новый этап, характеризовавшийся усилением зависимости Турции от Германии. К перевооружению турецкой армии наряду с генералом Сандерсом приступил полковник Кресс фон Крессенштейн, начальник ее мобилизационного отдела. Во главе турецкого флота вместо англичанина А. Лимпуса встал немецкий адмирал В. Сушон. В Турцию прибыл новый контингент германских офицеров и военных советников. Накануне войны их численность возросла до 700 человек. Фирма Крупна, одержавшая победу в конкурентной борьбе над французской фирмой Крезо, развернула снабжение турецких вооруженных сил современным оружием.

Профессор Анкарского университета Й. Курат в своей работе об участии Турции в первой мировой войне привел интересные данные о военно-политической зависимости Османской империи от Германии. К сожалению, турецкий историк не раскрыл роли самого турецкого милитаризма. Она, как об этом свидетельствуют источники, отнюдь не ограничивалась «массивным плаванием в германском фарватере», как это пытался представить автор³².

Саид Халим-паша еще 28 июля предложил Германии заключить оборонительно-наступательный союз, который и был оформлен 2 августа. На следующий день к германо-турец-

кому договору присоединилась Австро-Венгрия. Однако первое время Турция продолжала сохранять видимость нейтралитета, что ввело в заблуждение царское правительство.

Русско-турецкие отношения перед войной

Петербург, несмотря на ухудшение общего климата в отношениях с Турцией, вплоть до вступления ее в войну с Россией продолжал придерживаться прежнего курса, что объяснялось, разумеется, не только ошибкой царской дипломатии, которую дезориентировало турецкое правительство своими заявлениями о миролюбии, но и стремлением как можно дольше сохранить статус-кво в бассейне Черного моря, оборона которого была уязвимым местом³³.

Для характеристики политики России в отношении Турции на том этапе ключевым документом может служить протокольная запись расширенного совещания в Морском генеральном штабе 13 мая 1914 г. с участием представителей министерства иностранных дел. На совещании обсуждались два вопроса: проблема проливов и более общий вопрос о заключении русско-английского морского договора³⁴. Участники совещания приняли решение просить Англию в случае войны России с Германией оставить часть своих военно-морских сил в Средиземном море для охраны коммуникаций, а контроль за проливами сохранить за Турцией. При этом была сделана оговорка, что если Турция все же вступит в войну — осуществить временную оккупацию проливов объединенными силами Тройственного согласия.

В том же ключе был составлен военно-оперативный план командования Черноморского флота на 1914 г. В преамбуле к плану содержалось положение о желательности поддерживать мирные отношения с Турцией. «Не имея на Черном море ни сильного флота, ни достаточных средств для перевозки крупного десанта, а также опасаясь внутренних потрясений, — говорилось в документе, — Россия сама войны не начнет»³⁵. Аналогичную мысль высказал за месяц до начала войны начальник Морского генерального штаба вице-адмирал А. И. Русин. 24 июня он уведомил морского министра, что, по его расчетам, Россия будет готова к войне на Черном море не ранее конца 1917 г. До того времени, предупреждал руководитель морского планирования, России не следует вступать в конфронтацию с Турцией³⁶.

Министерство иностранных дел, помимо чисто военных соображений, при определении политики в отношении Турции принимало в расчет также и то, что конфронтация с Тур-

цией могла осложнить и без того сложную ситуацию на Балканах, что, в свою очередь, оказало бы влияние на позицию Румынии и Болгарии. С. Д. Сазонов в инструкции посланникам в Бухаресте и Софии 29 июля писал, что Россия заинтересована в сохранении Турцией нейтралитета³⁷.

Русское правительство, неосведомленное о секретном турецко-германском договоре от 2 августа, продолжало придерживаться этой линии даже после начала мировой войны. Так, 16 августа, когда в Петербурге стало известно о выходе в Черное море турецко-германской эскадры во главе с «Гебен» и «Бреслау», С. Д. Сазонов дал указание директору дипломатической канцелярии при Ставке Н. А. Кудашеву предостеречь командующего Черноморским флотом адмирала А. А. Эбергарда от ответных действий. «Продолжаю придерживаться мнения, что нам важно сохранить мирные отношения с Турцией», — писал министр³⁸. Идентичную позицию заняло английское адмиралтейство, посчитавшее момент неподходящим для войны с Турцией.

17 августа между министром и французским послом М. Палеологом состоялась доверительная беседа о планах царизма относительно проливов. Сазонов, не отрицая его намерения решить «исторический вопрос» о проливах в свою пользу, отметил тем не менее, что правительство не собирается ущемлять суверенитет Турции. «Даже в случае победы мы будем соблюдать независимость и неприкосновенность Турции, если она останется нейтральной в этой войне, — заявил руководитель внешнеполитического ведомства России, — самое большее, что мы потребуем: установления нового режима проливов, который будет одинаково приемлем для всех государств, лежащих на берегу Черного моря, — для России, Болгарии и Румынии»³⁹.

10 сентября в министерстве иностранных дел под председательством С. Д. Сазонова состоялось совещание с участием представителей Морского генерального штаба, обсудившее вопрос о позиции России в случае перехода Турции к более активным действиям, которые могли бы привести к войне. Совещание высказалось за соблюдение крайней осторожности⁴⁰. На следующий день Сазонов, извещая адмирала Эбергарда об итогах этого совещания, просил командующего Черноморским флотом принять во внимание политические доводы при определении военно-оперативных планов. «Сложность задач на европейских театрах войны, — писал министр, — побуждает нас сделать все возможное для предотвращения столкновений с Турцией, которое отвлекло бы часть наших сил и могло бы захватить весь Балканский полуостров, пре-

пятствуя совместным с нами действиям в Сербии против Австрии». Министр иностранных дел считал, что Россия не должна первой начинать войну с Турцией. «С общей политической точки зрения... весьма важно, чтобы война с Турцией, если бы она оказалась неизбежной, была вызвана самой Турцией», — писал он в Ставку 16 августа⁴¹.

Только после провокационного нападения 16 октября германо-турецкой эскадры на Одессу и другие незащищенные черноморские порты России было решено вступить в войну с Турцией. Но даже и в тот момент Россией сначала была предпринята попытка уладить конфликт дипломатическим путем. Пригласив к себе поверенного в делах Турции в Петрограде Фахреддин-бея, С. Д. Сазонов сделал ему следующее заявление: «В случае если Турция согласится на немедленную высылку всех немцев — военных и моряков, то тогда еще возможно начать переговоры об удовлетворении за вероломное нападение на наши берега и причиненный от этого ущерб»⁴². Однако предложение Сазонова не встретило благоприятного ответа Турции, и 20 октября (1 ноября) 1914 г. Россия объявила ей войну.

¹ См.: *Аветян А. С.* Германский империализм на Ближнем Востоке и миссия Лимана фон Сандерса. М., 1966; *Алиев Г. З.* Турция в период правления младотурок (1908—1918). М., 1972; *Истягин Л. Г.* Германское проникновение в Турцию и кризис русско-германских отношений зимой 1913—1914 года. — Учен. зап. ИМО. Сер. ист., 1962, вып. 8, с. 19—37; *Силин А. С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. М., 1976.

² Новое время, 1913, 12, 14, 15, 20, 24, 27 нояб.

³ Цит. по кн.: *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957, с. 31.

⁴ GP, Bd. 38, N 15449, S. 209—214; GP, Bd. 36/2, N 14566, S. 760—761.

⁵ Цит. по кн.: *Силин А. С.* Экспансия..., с. 231.

⁶ См.: *Силин А. С.* Борьба германских оружейных монополий за турецкий рынок накануне первой мировой войны. — В кн.: *Колониализм вчера и сегодня.* М., 1964, с. 103—131.

⁷ *Истягин Л. Г.* Германское проникновение в Турцию..., с. 19—27.

⁸ См.: *Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* На путях к мировой войне 1914—1918 гг. М., 1940, с. 191.

⁹ См.: *Покровский М. Н.* Как русский империализм готовился к войне. — *Большевик*, 1924, № 9, с. 25—34; *Загер Я. М.* Константинополь и проливы. — *Красный архив*, 1924, т. 7, с. 45—47.

¹⁰ См.: *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1910—1914). — *ИЗ*, 1965, т. 75, с. 70.

¹¹ См.: *Екмечий М.* Ратни циљеви Србије, 1914. Београд, 1973.

¹² *ВД.* Vol. X, p. 352.

¹³ *Красный архив*, 1924, т. 7, с. 33.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 631, л. 32.

- 16 См.: Вестн. НКВД, 1919, № 1, с. 32.
- 17 См.: Материалы по истории франко-русских отношений, 1910—1914 гг. М., 1922, с. 624—626.
- 18 ЦГА ВМФ СССР, ф. 418, оп. 1, д. 4269, л. 60—68 (Морского генерального штаба. Иностранный отдел. Турецкий стол № II, Отделение X. Планы войны, подготовка к войне 1914).
- 19 Там же, л. 69.
- 20 Там же, л. 76—77.
- 21 Там же, л. 76.
- 22 Там же, л. 75.
- 23 Там же, л. 80.
- 24 Там же, л. 75—82.
- 25 Красный архив, 1924, т. 6, с. 64.
- 26 См.: *Емеу В. А.* Очерки внешней политики России в период первой мировой войны 1914—1918. М., 1977, с. 109—148.
- 27 АВПР, ф. ПА, д. 134, л. 61.
- 28 АВПР, ф. ПА, д. 134, л. 71.
- 29 См.: *Аветян А. С.* Германо-турецкий союз и вступление Турции в первую мировую войну.— В кн.: Против фальсификации истории колониализма. М., 1962; *Алиев Г. Э.* О внутренних противоречиях в партии «Иттихад ве терракки».— Крат. сообщ. Ин-та народов Азии АН СССР, 1962, т. 75, с. 125—128.
- 30 *Мандельштам А. Н.* Младотурецкая держава: Ист. и полит. очерк. М., 1915, с. 55.
- 31 GP, Bd. 38, 15440, S. 201—202.
- 32 *Kurat J. T.* How Turkey drifted into World War.— In: Studies in international history: Essays/ Presented to W. Norton Medlicott. L., 1967, p. 296—307.
- 33 См.: *Саркисов Е. К.* К вопросу о вступлении Османской империи в войну на стороне центральных держав.— Крат. сообщ. Ин-та народов Азии, 1963, т. 73, с. 132—134.
- 34 МОЭИ. Сер. 3, т. III, № 86; *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны, 1908—1914. М., 1962, с. 130, 212—218.
- 35 ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 531, л. 1112.
- 36 См.: Красный архив, 1924, т. 7, с. 53—54.
- 37 АВПР, ф. ПА, д. 4068, л. 34.
- 38 АВПР, ф. ПА, д. 4142, л. 2; Константинополь и проливы. М., 1925, т. I, л. 92—93.
- 39 *Пуанкаре Р.* На службе Франции: Воспоминания. М., 1936, т. 1, с. 64.
- 40 АВПР, ф. ПА, д. 1142, л. 4; МОЭИ. Сер. 3, т. VI, ч. 1, № 245.
- 41 Константинополь и проливы, т. I, с. 93.
- 42 Цит. по кн.: *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М., 1947, с. 44.

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ И БАЛКАНЫ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Предвоенные мероприятия Германии и Австро-Венгрии

В Германии предвоенные месяцы были отмечены лихорадочной деятельностью Большого генерального штаба. День и ночь за его зашторенными окнами трудились представители «железной когорты Шлиффена», как называл сотрудников этого учреждения апологет покойного фельдмаршала немецкий военный историк Г. Куль¹. «Мозговой центр» германской армии уточнял детали плана нападения на Францию и Россию. Последний получил название «Великий поход на Восток» (Großen Ostaufmarschen) — почти так же, как план вторжения великой армии Наполеона в Россию в 1812 г. С полной нагрузкой в три смены работала германская военная промышленность. Заводы Круппа, Стинеса и Маннесмана изготавливали сверхсовременные пушки, которые должны были своим массированным огнем подавить более слабые французские и плохо вооруженные русские войска, германская армия изготовилась к решающему броску, чтобы разбить противника за 2—3 месяца и не позволить державам Антанты использовать свои потенциальные возможности. Еще никогда за все существование германской империи ее вооруженные силы не достигали такого могущества, как накануне мировой войны.

И все же Вильгельм II сомневался, откладывая с месяца на месяц решение о войне. В своих мемуарах, написанных после нее, император, а вслед за ним историки-реваншисты утверждали, что будто бы Германия вообще намеревалась ограничиться дипломатическим давлением на Россию и Францию, не собираясь ввязываться в войну, и сделала это лишь в результате смертельной угрозы с их стороны². Тогда же родилась легенда о «миролюбии» кайзера, его раздумьях и сомнениях насчет войны. Вильгельм II пытался убедить читателя, что он «с тяжелым сердцем» решился на этот шаг, а лейб-медик императора писал о «душевной депрессии» своего венценосного пациента, который будто бы проводил бессонные ночи в поисках решений. Все это понадобилось германской ревизионистской буржуазной историографии для то-

го, чтобы снять ответственность за войну с Германией, переложив ее на Россию и Сербию.

На самом деле глава германского государства уже давно утвердился в мысли о своей исключительной миссии и проявлял в тревожные предвоенные месяцы 1914 г. колебания совсем по иным причинам. Его беспокоила неопределенность позиции Англии, которая то создавала иллюзии возможности заключить с Германией соглашение по поводу предложения строительства Багдадской железной дороги и решить другие спорные вопросы, то, напротив, обещала России и Франции поддержку в случае агрессии Германии в обмен на согласие Петербурга и Парижа пойти на уступки Великобритании в Персии, на Тибете, в Северной Африке.

Большую тревогу кайзера и его правительства вызывали также антивоенные настроения трудящихся Германии, мощные антимилиитаристские выступления рабочего класса, растущая угроза социальной революции. «В Германии,— писал в 1910 г. В. И. Ленин,— явно для всех *надвигается* великая революционная буря»³. Война могла ускорить революционные события, и германское правительство, прежде чем решиться на нее, должно было подготовить общественное мнение, т. е. обосновать неизбежность военного конфликта лживыми утверждениями о смертельной опасности для Центральной коалиции со стороны ее соперников.

Примечательно, что эти две цели: разработка конкретных планов военных акций и идеологическая подготовка войны — были поставлены германским правительством в один ряд в так называемом «Меморандуме по поводу Балканской войны», зачитанном 24 января 1914 г. на секретном совещании военных руководителей Австро-Венгрии. В документе прямо ставился вопрос о том, что в случае «освоения» Германией и ее союзниками черноморских проливов и других территорий на Балканах и Ближнем Востоке может возникнуть мировая война, к которой надо подготовиться не только в военном, но и в идеологическом отношении⁴.

В начале 1914 г. невиданный размах приняла «газетная война» между Германией и Австро-Венгрией, с одной стороны, и Россией и Сербией — с другой, такая сильная, что морской министр И. К. Григорович запросил С. Д. Сазонова, не означает ли она, что Центральная коалиция намерена начать против России войну не только перьев, но и дредноутов⁵. Зачинщицей этой войны в Германии стала газета «Кельншце цайтунг», которая в номере от 17 февраля опубликовала провокационную статью «Корреспонденции из России», инспирированную германским послом в Петербурге графом

Ф. Пурталесом. В статье сообщалось, что Россия будто бы готовится к военному нападению на Германию, в ней делается вывод о необходимости защиты германской империи. Идентичные мысли высказывались газетой 2 марта в статье «Россия и Германия», а также в ряде номеров самой распространенной в Германии газеты «Берлинер тагеблатт», которая ранее воздерживалась от пропаганды войны.

Вслед за Германией в кампанию идеологического обоснования войны включилась австро-венгерская шовинистическая пресса. В журнале «Эстеррейхисхе рундschau», органе милитаристских кругов монархии Габсбургов, был опубликован целый ряд материалов, подогревавших военный конфликт с Сербией и Россией. В серии статей под общим заголовком «Империализм» анонимный автор, скрывавшийся за псевдонимом «Политикус», прямо призывал монархию к более решительному дележу «территорий». Надо, писал он, смело обнажить «меч для осуществления своего права» на новые земли, рынки сбыта, колонии. Предстоящая агрессия интерпретировалась автором как политика, отвечающая интересам государства и населения. Война, говорилось в статье, «даст рабочим хлеб, заработки, работу, улучшит условия жизни миллионов людей». Журнал выражал уверенность в победе Центральной коалиции под руководством кайзеровской Германии. «Ясный план, великая цель и сильная рука, которая поведет нас к этой цели — вот что нам нужно», — говорилось в статье⁶.

Буржуазная шовинистическая печать царской России, в свою очередь, призывала к решительным действиям против Центральной коалиции. 27 февраля в «Биржевых ведомостях» была опубликована печально знаменитая статья военного министра В. А. Сухомлинова «Россия хочет мира, но готова к войне», широко использованная в Германии для разжигания военного психоза. За этой статьей, как по команде, в буржуазной прессе появились другие антигерманские материалы, способствовавшие обострению и без того взрывоопасной ситуации. Напрасно С. Д. Сазонов, В. Н. Коковцов и их сторонники пытались приостановить газетную войну — она продолжала расширяться⁷.

Накануне смертельной схватки двух коалиций еще большую, чем ранее, актуальность для кайзеровской Германии приобрел вопрос о союзниках. Предстояла война не на жизнь, а на смерть — и Берлину нужны были ландскнехты. Их поставить прежде всего могла многомиллионная Австро-Венгрия.

Германия подталкивает Австро-Венгрию к войне

О взаимоотношениях между Германией и Австро-Венгрией в предвоенные месяцы рокового 1914 г. в буржуазной историографии велись и все еще ведутся споры. Историки прогерманского направления пытались доказать непричастность Германии к возникновению сербо-австрийского конфликта, приведшего к мировой войне. Австрийцы, напротив, утверждали, что монархия Габсбургов втянулась в гибельную для нее войну под нажимом Германии. Дискуссии о «всаднике и коне», т. е. о том, кому принадлежала «пальма первенства» в агрессивной политике на Балканах, продолжаются и по настоящее время, несмотря на искусственный характер этой темы. Антинаучна и компромиссная концепция американского историка О. Веделя о том, что с 1909 по 1914 г. гегемоном в балканской политике Центральной коалиции была Австро-Венгрия, а во время войны — Германия⁸.

Ключом к пониманию действительного существа внешнеполитического курса этих государств на Балканах служат высказывания В. И. Ленина о взаимоотношениях Германии и Австро-Венгрии в предвоенный период. Сделав два принципиально важных вывода: об экономической и военно-политической зависимости Австро-Венгрии от Германии, во-первых, и о причинах особой заинтересованности монархии Габсбургов в Балканах как объекте экспансии, во-вторых, В. И. Ленин в целом ряде работ проследил, какие цели преследовали оба эти империалистических хищника. Германия стремилась использовать Балканский полуостров и Ближний Восток как плацдарм для дальнейших завоеваний и осуществления планов мирового господства, монархия Габсбургов пыталась при помощи военных угроз задержать национально-освободительные и унионистские устремления балканских народов. В. И. Ленин сравнивал Австро-Венгрию с Османской империей периода ее распада⁹, предсказывая, что углубление внутреннего кризиса в стране найдет отражение в усилении ее агрессивных устремлений вовне.

Документальные источники подтверждают эти выводы. Еще никогда за время существования монархии Габсбургов ее правящие круги не предпринимали так много попыток при помощи реформ приостановить освободительную борьбу народов внутри империи.

В 1913—1914 гг. с проектами реформ выступили престолонаследник Франц Фердинанд, его советник граф Оттокар Чернин, министр-президент Венгрии граф Иштван Тиса, те-

неральный директор венского банка «Кредитанштальт», будущий министр финансов Австрии и Австро-Венгрии А. Шницмюллер-Хармерсбах, член рейхсрата Й. Бернрейтер, профессора Ф. Фундер и Й. Редлих и многие другие.

Наибольший интерес имеют три проекта: Франца Фердинанда, И. Тисы и О. Чернина. Первый проект повторял прежние планы эрцгерцога и предусматривал реорганизацию монархии на базе триализма. Он был направлен главным образом против Венгрии. Австрийский престолонаследник считал венгерский сепаратизм главной опасностью для монархии¹⁰. Он настолько проникся этой мыслью, что подозревал в подрывной деятельности против Австрии даже министра-президента Венгрии графа Иштвана Тису, не говоря уже о Михе Каройи, Д. Андраши и других лидерах венгерской оппозиции. Франц Фердинанд называл Тису «некоронованным королем Венгрии». На встрече в Конопнице в июне 1914 г. он жаловался Вильгельму II: «Как только Тиса собирается в Вену, последняя начинает дрожать, когда же он возвращается в Будапешт, все падают перед ним на брюхо»¹¹.

Австрийский престолонаследник хотел создать сильную централизованную власть. Во главе государства по его плану должен был стоять верховный сюзерен — австрийский император, а исполнительная власть принадлежать общеимперскому правительству и рейхсканцлеру. Проектом права венгерского правительства низводились до уровня органов власти остальных провинций. Эрцгерцог предусматривал ликвидацию венгерских гонведов и усиление роли имперской армии — опоры трона.

Тиса, напротив, выступал защитником дуализма и, в свою очередь, пригрозил контрмерами. «Если эрцгерцог, став императором Францем II, применит против Венгрии военную силу, — заявлял он, — я подниму против него национальную революцию»¹².

Граф О. Чернин поддерживал Франца Фердинанда, советуя не проявлять к венграм, а заодно и к югославянам особого снисхождения. «Ваша политика, — писал он, — должна опираться на штыки, если Вы хотите, чтобы она была успешной... Путь к оздоровлению проходит через абсолютизм»¹³. Сходные мысли высказывал лидер пангерманистов Карл Вольф. «Нам нужны не реформы, а твердость в национальной политике», — заявил он на заседании рейхсрата 7 мая 1914 г.¹⁴

Венгерские шовинисты не хотели идти никому навстречу — ни пангерманистам, ни неполноправным народам, насе-

лившим Транслейтанию. Они высказывались за дальнейшее расширение прав королевства св. Иштвана.

Противоречия в верхах по внутриполитическим вопросам, однако, не мешали правящим кругам монархии Габсбургов выплывать захватнические планы во внешней политике. Те же Тиса и Чернин весной 1914 г. выдвинули проекты по переделу территорий балканских государств. Тиса предлагал передать часть сербских земель Болгарии и тем привлечь ее к союзу с Центральной коалицией. Чернин, напротив, высказывался за раздел болгарской территории в пользу Румынии¹⁵.

Австрийская военная партия шла еще дальше, настаивая на полной оккупации Сербии и ничего не собираясь дать Румынии. Генерал Конрад снова склонился к мысли о превентивной войне не только с Сербией, но и с Россией. В мае 1914 г. он обменялся на этот счет мыслями с Мольтке. Начальник Большого генерального штаба Германии, в свою очередь, подталкивал партнера к решительным действиям. Аргументируя значение превентивной войны с Россией и Францией, он писал: «Всякая оттяжка означает уменьшение наших ресурсов. С Россией нельзя тягаться в отношении солдатских масс». На вопрос Конрада, как долго может продолжаться война, Мольтке ответил: «Мы надеемся справиться с Францией через 6 недель после начала операции или же по меньшей мере так далеко зайти, что мы сможем передвинуть наши главные силы на восток»¹⁶.

В Австро-Венгрии, однако, далеко не все члены правительства и военные были сторонниками этого плана. Выступая за войну с Сербией, многие опасались войны с Россией. И. Н. Шебеко, посол России в Вене, характеризуя настроения государственных и военных деятелей дунайской монархии накануне войны, писал 3 августа: «По всему видно, что здесь войны с нами не хотели и очень ее боятся»¹⁷. Австро-венгерский генеральный штаб, хотя и разработал два военно-оперативных плана: план войны против одной Сербии и план войны одновременно против Сербии и России, отдавал предпочтение первому варианту. В Берлине, напротив, были заинтересованы во втором варианте, так как ставили своей задачей отвлечь силы России от германского фронта.

Для урегулирования всех этих вопросов 12—14 июня в Конопиште была организована еще одна встреча австрийского престолонаследника с императором Германии.

Второе конопиштское свидание

Второе конопиштское свидание Вильгельма II и Франца Фердинанда проходило в негласной обстановке, и о нем создано значительно больше вымыслов, чем о первом, так как эта встреча состоялась всего за две недели до сараевского убийства, послужившего предлогом к объявлению Австро-Венгрией войны Сербии. Многие современники связывали это трагическое событие с Конопиштом, в то же время в буржуазной литературе была предпринята попытка снять ответственность с участников совещания за принятие решения.

Так появилась версия о приватном характере свидания. Исследователи ссылались на официальное заявление о том, что кайзер Германии нанес дружеский визит эрцгерцогу, во время которого якобы не обсуждались государственные вопросы. Однако версия «о дружбе» эрцгерцога и германского императора не выдерживает критики. Известно, что между ними наблюдалась взаимная неприязнь. Накануне совещания Франц Фердинанд публично заявил, что Вильгельм II проводит великодержавную политику, игнорируя интересы Австро-Венгрии. «Немцы заботятся только о себе», — в раздражении сказал эрцгерцог, и эта колкая фраза облетела всю Европу¹⁸. Кайзер не простил австрийскому престолонаследнику дерзости даже после его кончины. Узнав о сараевской трагедии, он ограничился выражением дежурного соболезнования в адрес императора Франца Иосифа и семьи покойного, не пожелав принять личное участие в похоронах.

Весьма сомнительна и «романтическая версия» о конопиштом свидании, высказанная политическим обозревателем лондонской газеты «Таймс» У. Стидом. 3 февраля 1916 г. Стид опубликовал в английской «Манчестер газетт» сенсационную статью «Соглашение в Конопиште», в которой говорилось, что будто главной темой бесед высших особ был вопрос о воцарении в Боснии одного из сыновей Франца Фердинанда, лишённого из-за морганатического брака эрцгерцога с графиней Софией Хотек прав на престолонаследие в самой монархии Габсбургов. «Сербы-заговорщики, — писал он, — решили помешать этому, убив эрцгерцога». То же самое У. Стид повторил в работах, опубликованных позже. По словам журналиста, эрцгерцог в случае своего воцарения в империи Габсбургов предполагал возвести на престол в соседних балканских государствах представителей той же династии, с чем якобы соглашался Вильгельм II¹⁹.

В 1923 г. появилась новая версия о конопиштом свидании, выдвинутая профессором Белградского университета Ст. Станоевичем. Находясь в оппозиции к сербскому правительству, Станоевич в напумевшей книге «Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда»²⁰ связал переговоры в Конопиште с деятельностью сербской организации «Черная рука», которой, по его словам, покровительствовал глава правительства Н. Пашич. Историк утверждал, что информацию о принятом в Конопиште решении напасть на Сербию передал в Белград Генеральный штаб России и что сербское правительство дало согласие на осуществление заговора против лидера военной партии Австро-Венгрии, чтобы предотвратить войну. После второй мировой войны эту версию слова повторили реакционные публицисты С. Поссопи (ФРГ) и бывший австрийский пресс-атташе в Бонне Ф. Вюртле²¹. Оба придали ей не только антисербский, но и антирусский характер, утверждая, будто Россия и Сербия после Конопишта форсировали войну против Австро-Венгрии, подготовив сараевское убийство.

В 20-е годы вышли две книги о конопиштом встрече, основанные на более достоверных данных: воспоминания бывшего министра германского правительства Тройтлера, который сопровождал кайзера в этой поездке, и монография английского историка Р. В. Ситон-Уотсона «Сараево». Тройтлер засвидетельствовал, что во время конопишских переговоров речь шла о Румынии, а не о Сербии и что, таким образом, сараевское убийство не имело прямой связи с этим совещанием. В 1923 г. мемуары Тройтлера переиздал германский военный историк граф М. Монжеля, разделивший его точку зрения²².

В документированном исследовании Р. В. Ситон-Уотсона доказывается, что сараевские заговорщики вообще не были осведомлены о конопиштом совещании и осуществили убийство эрцгерцога по иной причине²³. Они принадлежали к патристическому национальному обществу «Молодая Босния» и отомстили Габсбургам за аннексию Боснии и Герцеговины в 1908 г. Ситон-Уотсон отверг как необоснованные утверждения сербского историка Ст. Станоевича о соучастии в сараевском заговоре Сербии и России. В 1954 г. в Югославии был издан сборник архивных материалов «Молодая Босния», который подтверждает правильность выводов историка²⁴.

Однако до сих пор остался невыясненным вопрос о подлинном содержании конопишских переговоров. Судя по событиям, произошедшим после этой встречи, там рассмат-

ривался широкий аспект военных проблем. После Конопишта Австро-Венгрия усилила военные приготовления и уже через неделю организовала в Боснии близ сербской границы провокационные маневры, вызвавшие напряженность на Балканах.

Автор этих строк обнаружил в архиве Секретариата иностранных дел Югославии один важный документ, считавшийся утраченным, — донесение сербского посланника в Вене Й. Йовановича Н. Пашичу от 10 июня о конопишском совещании. Посланник сообщал, что эрцгерцог встретился в Конопиште с германским адмиралом А. Тирпицем и вел с ним переговоры о взаимодействии германского и австро-венгерского военно-морского флота в войне против России и других держав Тройственного соглашения²⁵. В донесении за то же число С. Д. Сазонову российский посол в Вене Н. Н. Шебеко упомянул, что, по его данным, в Конопиште рассматривались планы войны на Балтийском море и в Прибалтике²⁶.

Конопишское свидание, как говорят эти документы, сыграло таким образом важную роль в подготовке Центральной коалиции к войне не только на Балканах, но и против России и ее союзников. Оно было последней перед войной встречей руководителей двух союзных держав Центральной коалиции. (Франц Иосиф в то время был болен и фактически отстранился от дел.)

Балканская политика России накануне войны

Деятельность царской дипломатии на Балканах накануне войны определялась общими задачами России и других держав Тройственного соглашения в тот сложный период. Его главной особенностью было резкое обострение германо-русских и германо-французских отношений, а также нарастание германо-английского конфликта, который проявлялся в более скрытой форме, но играл решающую роль в расстановке сил великих держав.

Поворот в международной политике России от нейтралитета к военной конфронтации с Германией был связан с таможенной войной германской и российской империей, достигшей в 1914 г. своего апогея. 27 марта Государственная дума одобрила законопроект о введении предохранительных пошлин на германские товары, что вызвало острейшее недовольство в Германии. Россия — основной торговый партнер Германии (30% по экспорту русских товаров и 45—50% по импорту немецких товаров) — создавала серь-

озкие препятствия на пути германской экономической экспансии, что не могло не привести и к политическим осложнениям между обоими государствами²⁷.

Битва за рынок была прелюдией к кровавым схваткам на полях сражений. Значительная часть российской буржуазии, приветствуя решение Государственной думы, рукоплескала и предстоящей войне. Именно в таком духе были приняты воинственные резолюции 8-го съезда представителей торговли и промышленности Российской империи²⁸.

Прусские юнкера-хлеботорговцы, потерявшие русский рынок, немецкая промышленная буржуазия, лишившаяся возможности участвовать в получении сверхприбылей в России, и германское правительство, расставшееся с надеждой восстановить союз трех императоров, реагировали не менее определенно. Вильгельм II, узнав из донесения германского посла в Петербурге графа Пурталеса о намерении царского правительства пересмотреть русско-германский торговый договор 1904 г., угрожающе заявил: «Русско-пруссские отношения раз и навсегда мертвы, мы стали врагами»²⁹. С. Д. Сазонов, в свою очередь, высказался против отступления России. Постоянные уступки, предупредил он, — «это не только унижительно, но и опасно»³⁰.

Обострившаяся международная ситуация вызвала активизацию царской дипломатии по сколачиванию новых и укреплению старых военных союзов. Уже в конце января 1914 г. Россия выступила с инициативой превращения Тройственного соглашения в военно-политический союз, возобновив свое старое предложение Англии заключить морской договор. В феврале по этому поводу начался новый тур переговоров в Лондоне, одновременно с которыми в Париже обсуждались и балканские вопросы³¹.

Важным этапом упрочения позиций России на Балканах было ее соглашение с Сербией о взаимной поддержке в случае войны с Центральной коалицией. В конце января в Петербурге состоялась встреча на высшем уровне представителей двух государств, в которой приняли участие царь и С. Д. Сазонов, а с сербской стороны — престолонаследник Александр и председатель совета министров Н. Пашич³². Во время бесед, организованных формально по случаю крестин сына сербской принцессы Елены (дочери Петра I) и князя Иоанна Константиновича Романова, Пашич и Сазонов уточнили взаимные обязательства. Россия пообещала поставить Сербии 120 тыс. ружей, 250 тыс. шинелей, 60 пулеметов и горных орудий и другой дефицитный военный материал, а также оказать ей всемерную военную помощь.

Сербия обязалась согласовывать военные планы с российским Генеральным штабом³³. Свидания царя и принца Александра носили показательный характер. Званые обеды в Зимнем дворце сменялись представлениями в императорском Мариинском театре, конными выездами в Царское Село, в которых принимал участие почти весь двор. Сербский посланник М. Спалайкович писал, что прием сербских высокопоставленных лиц «превзошел все ожидания». Российский император обещал Сербии «любую поддержку, которая ей понадобится»³⁴.

Генеральный штаб приступил к спешному составлению плана совместных действий на случай войны. 1 марта Ю. Н. Данилов, генерал-квартирмейстер русской армии, направил царю и С. Д. Сазонову «Записку о вероятных планах Тройственного союза против России», в которой Сербии уделялось большое место. По его предположениям сербская армия могла бы отвлечь на себя целых три австро-венгерских корпуса (XV, XVI и XVIII), а в случае благоприятного развития событий на балканском фронте еще три (VII, XII и III). В мае переговоры между Сербией и Россией по военным вопросам были продолжены, и сербский генеральный штаб прислал в Петербург уточненный список необходимого для сербской армии вооружения³⁵.

В первой половине 1914 г. царское правительство рассмотрело также вопрос о возобновлении русско-черногорской военной конвенции 1910 г., приостановленной в 1912 г. и о восстаивании военной субсидии, ранее ежегодно выдававшейся Черногории. В исторической литературе существует неправильное толкование этого вопроса. Так, сербский дипломат и дублицист Й. Йованович утверждал, что военная конвенция была восстановлена только благодаря вмешательству царя, а Генеральный штаб якобы высказался против этого шага. Другой югославский историк, черногорец Н. Шкеревич, напротив, писал, что будто бы Генеральный штаб навязал это соглашение Черногории, так как хотел использовать ее войска в войне против Австро-Венгрии³⁶.

Как же обстояло дело в действительности? Впервые вопрос о возобновлении русско-черногорской военной конвенции был поставлен черногорским королем Николаем, а не Генеральным штабом России. Еще в ноябре 1913 г. король направил письмо царскому правительству с этой просьбой, указав, что конвенция имеет для Черногории большое значение. Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов поддержал это ходатайство из политических соображений,

передав вопрос на изучение военному ведомству. С этой целью Главным управлением Генерального штаба были созваны два расширенных совещания с участием представителей министерства иностранных дел — 21 января и 31 марта 1914 г.³⁷, после чего в мае того же года военное министерство приняло решение о возобновлении ежегодной субсидии Черногории на военные нужды из своего бюджета и дало согласие на восстановление русско-черногорской военной конвенции³⁸.

Такова фактическая сторона вопроса. Остановимся теперь на версии И. Иовановича относительно Генерального штаба. На его совещаниях в связи с обсуждением этого вопроса действительно велась широкая дискуссия, но ни один из ее участников не поставил под сомнение необходимость оказания материальной помощи Черногории. Напротив, в ходе совещания назывались даже более высокие размеры субсидии, чем те, о которых просило черногорское правительство.

Предметом дискуссии был вопрос о военных реформах в Черногории, которые могли бы обеспечить ее обороноспособность перед лицом возросшей угрозы агрессии со стороны Австро-Венгрии. Кроме того, у участников совещания вызывала сомнение политическая ориентация короля Николая. Начальник Генерального штаба генерал Я. Г. Жилинский поставил даже следующий вопрос: а не использует ли глава черногорского государства конвенцию, чтобы втянуть Россию в военную авантюру. Генерал сослался при этом на прецедент 1912 г., когда Черногория в одностороннем порядке объявила войну Турции, поставив Россию в затруднительное положение. Он предложил временно ограничить размер субсидии 600 тыс. фр., установив контроль за ее использованием черногорским правительством.

Важное значение имели предложения генерал-квартирмейстера Ю. Н. Давилова о преобразовании черногорского ополчения в регулярную армию, об оснащении ее современным оружием и создании условий для подготовки национальных военных кадров. Давилов выдвинул проект открытия в Цетинье военной академии и предложил осуществить ряд других мероприятий, которые привели бы к созданию сильной черногорской армии, в чем была заинтересована не только Россия, но и Черногория. Главное управление Генерального штаба образовало особую финансовую комиссию, которая, запросив предложения черногорской стороны, тщательно рассмотрела все статьи субсидии, взвесив как финансовые возможности русского военного ведомства, так

и потребности черногорских вооруженных сил. Из субсидии были исключены или сильно сокращены те статьи, которые могли служить обогащению черногорского двора или мало что давали для повышения обороноспособности черногорской армии. Были сняты дотации на военные оркестры (100 тыс. руб.) и организацию парадов, сокращены дотации на содержание главной военной квартиры короля и т. п. В то же время были увеличены кредиты на проведение в Черногории военных маневров и на создание офицерских училищ.

В конце концов были установлены следующие размеры финансовой помощи Черногории: на приобретение винтовок — 1476 тыс. руб., на штабные расходы (в том числе на жалованье русским военным инструкторам) — 931 043 руб., на пополнение артиллерийского парка — 5 533 224 руб. и сверх того 1570 тыс. руб. ежегодной субсидии³⁹.

Это были немалые деньги. Дело в том, что сама Россия испытывала финансовые трудности. Ее задолженность Франции и другим государствам составила в 1914 г. 1110 млн. руб. Одна лишь выплата Россией процентов по внешним займам превышала 200—300 млн. руб. в год⁴⁰.

Тем не менее русское правительство не ограничилось финансовой поддержкой Черногории по военной линии. В марте 1914 г. министерство иностранных дел перевело в Цетинье 131 994 фр.⁴¹ В мае Россия предоставила Черногории сверх военной субсидии новый заем (вместе с Францией) на сумму 6 млн. руб.⁴² В России откликнулись также на просьбу черногорского правительства об оказании помощи голодающему населению страны, направив весной 1914 г. в Черногорию безвозмездно около 3 тыс. т. хлеба. Расходы на его перевозку (хлеб везли кружным путем: Сербия — Греция — черногорский порт Антивари) были отнесены на счет российской казны⁴³.

Важным вопросом русско-черногорских и русско-сербских отношений того периода был вопрос о сербско-черногорской унии. Россия была заинтересована в создании на Балканах сильного югославянского государства, которое стало бы ее опорой в борьбе против Австро-Венгрии. Однако осуществление этого плана наталкивалось на препятствия. Как и прежде, скрытым противником объединения был черногорский король Николай, опасавшийся за свой трон. Не торопились с этим и в Белграде, где отдавали себе отчет в сложности проблемы. Присоединение к Сербии менее развитой в экономическом отношении и разоренной войнами Черногории могло углубить и без того тяжелый

экономический и финансовый кризис, переживаемый сербским государством. В случае объединения произошла бы реорганизация военной системы, а в Сербии ощущался дефицит с кадрами офицерского состава. Осуществление унии двух государств порождало ряд других сложностей.

В Петербурге и Белграде не могли не учитывать крайней накаленности международной обстановки на Балканах. Австро-Венгрия и Италия пристально следили за всеми действиями сербского и черногорского правительства по сближению этих государств, дав понять, что их объединение будет рассматриваться в Вене и Риме как угроза безопасности этих стран.

Царской дипломатии надо было проявлять максимум гибкости, чтобы при постановке вопроса об объединении Сербии с Черногорией не вызвать конфликт с Центральной коалицией.

В Архиве внешней политики России сохранился любопытный документ, который говорит о том, как царская дипломатия скрывала истинные цели своей политики. 25 марта состоялась беседа Н. Г. Гартвига с бароном В. Гизлем, только что прибывшим на место нового назначения. Последний, воспользовавшись формальным поводом, нанес визит российскому посланнику, решив заодно выяснить его позицию по поводу слухов о предстоящей унии Сербии и Черногории. Гизль сказал доверительным тоном: «Не забудьте, что король очень стар и серьезно болен. Не сегодня завтра он может умереть. Сыновей его черногорцы не любят и не потерпят; они, вероятно, с хорошей пенсией уедут за границу. И вот тут-то настанет серьезная психологическая минута, когда сам собой выдвинется вопрос с слиянии Черногории с Сербией. „Мне кажется, — сказал я (Н. Г. Гартвиг. — Ю. П.), — что Вам в слишком мрачных красках рисуется положение в Черногории“. „К сожалению, нет, — возразил Гизль. — Сведения из Цетинье крайне печальны“»⁴⁴. Разговор, как засвидетельствовал Гартвиг, так и закончился зондажем: оба дипломата не захотели раскрывать свои карты.

Вопрос об объединении Сербии и Черногории в 1914 г. решен не был. Вместо этого по совету России оба государства ограничились координацией военных планов, что способствовало укреплению их обороноспособности перед лицом приближающейся войны.

Интересным, но малоизвестным аспектом балканской политики России предвоенного периода являются ее отношения с Албанией. В советских и зарубежных архивах почти

полностью отсутствуют источники по этому вопросу. Между Россией и Албанией не было в ту пору непосредственных контактов. Вместе с тем Россия имела своего представителя в Международной комиссии по Албании, созданной решениями Лондонской мирной конференции. Последняя занималась главным образом территориальным разграничением между Албанией и ее соседями — Черногорией, Сербией и Грецией, но С. Д. Сазонов хотел расширить ее компетенцию и тем самым ограничить бесконтрольное хозяйничанье в Албании центральных держав.

Осуществлению этого плана способствовало обострение противоречий из-за Албании в рамках Тройственного союза. Германия, ранее считавшая Албанию сферой влияния исключительно Австро-Венгрии, в 1914 г. стала проявлять интерес к этой стране, что было связано с повышением ее общей активности на Балканах. Германское правительство разработало далеко идущий план укрепления своих позиций в Албании, намереваясь сформировать личную гвардию короля Вильгельма Вида из числа немецких офицеров и добиться назначения на руководящие посты в албанском государстве германских инструкторов. Предусматривалось также установление контроля Большого генерального штаба Германии за артиллерийской службой в Албании, которая создавалась правительством Вида при помощи фирмы Крупна. В перспективе Берлиц планировал создание военных баз на албанском побережье Адриатического моря, которые могли бы стать опорными пунктами для проникновения Германии в бассейн Средиземного моря и Северную Африку.

В Австро-Венгрии и Италии действия Германии вызвали растущее беспокойство. 15 февраля 1914 г. в Вене было созвано закрытое заседание генерального штаба, на котором генерал Конрад обвинил Германию в «эгоистической скрытности» и подрывной работе в Албании против монархии. Он призвал австро-венгерское правительство активизировать свою политику в Албании, чтобы обеспечить гегемонию Австро-Венгрии в этой стране. В Риме, в свою очередь, было сделано полуофициальное заявление о преимущественных интересах Италии в Албании⁴⁵.

Англия и Франция, стремясь усилить влияние в Албании Тройственного согласия, обратились к России с предложением принять участие в межсоюзническом займе этой стране на сумму в 60 тыс. фр. (по 20 тыс. фр.). Формальным поводом для займа должны были стать продовольственная помощь населению Албании и финансовая поддержка

30 тыс. албанских беженцев, находящихся на территории Сербии. В Лондоне и Париже надеялись таким путем поколебать позиции Центральной коалиции в Албании.

С. Д. Сазонов, согласившись в принципе с этим планом, внес в проект существенную поправку, предложив передать ассигнования не правительству короля Вида, а Международной комиссии по Албании, с тем чтобы она, осуществляя контроль за расходованием этих средств, оказывала влияние и на политическую жизнь страны. «Лучшим способом оказания помощи Албании,— писал представитель России в этой комиссии А. М. Петряев,— является не благотворительность, а выдача пособий (займа) на действительные нужды страны». После того как проект Сазонова — Петряева был одобрен правительством, Россия предоставила Албании кредит в 20 тыс. фр.⁴⁶

В Петербурге пытались также добиться сближения Албании с Сербией, рассчитывая возродить план выхода Сербии к Адриатическому морю через албанскую территорию. В марте в Белграде с одобрения Н. Г. Гартвига состоялась встреча одного из вождей албанских племен, Мехмеда Шани, с Н. Пашичем. Глава сербского правительства зондировал почву о возможности укрепления албано-сербских отношений⁴⁷.

В Вене, напротив, разрабатывался план окружения Сербии путем объединения в союз Болгарии и Албании. В Риме, Афинах и Цетинье также разыгрывали «албанскую карту». Неустойчивое положение правительства Вида вызывало борьбу группировок за власть в самой Албании. Перед войной в стране продолжали соперничать шестнадцать влиятельных групп, каждая из которых претендовала на албанский трон. Албанская проблема так и не была разрешена до начала войны⁴⁸.

Русско-румынские и русско-болгарские отношения накануне первой мировой войны обстоятельно изучены в отечественной и зарубежной литературе. О них писали советские историки А. С. Агаки, В. Н. Виноградов, И. Георгиу, С. Ш. Гринберг, В. А. Емец, Б. Б. Кросс и Ф. И. Нотович, болгарские историки С. Дамянов и И. Панайотов, румынский историк В. Мачу⁴⁹. Однако между исследователями нет полного единства взглядов на события того времени. Главным среди них было свидание русского царя с королем Румынии Каролом I в Констанце в июне 1914 г. Б. Б. Кросс считал эту встречу крупным дипломатическим «успехом Сазонова», тогда как другие исследователи давали ей более сдержанную оценку.

Небезынтересны и мнения современников. Австро-венгерский посланник в Бухаресте граф О. Чернии преувеличивал негативные для Вены последствия констанцского свидания, в то время как С. Д. Сазонов, напротив, высказывался критически о его результатах. Граф Чернии писал 22 июня 1914 г. Л. Берхтольд: «На наших глазах среди бела дня открыто и определенно, с абсолютной очевидностью, с бесстыдной наглостью шаг за шагом создается окружение монархии». Посланник обвинял венскую дипломатию в бездействии. «А мы стоим тут же со скрещенными руками и безмятежно наблюдаем за ходом (русского. — Ю. П.) наступления»⁵⁰. С. Д. Сазонов отрицал наличие «русского наступления» на Румынию, признав, что итоги констанцского свидания могли бы быть значительно более благоприятными для России. Царской дипломатии, по его словам, не удалось завоевать на свою сторону Румынию. «На деле в случае войны между Россией и Австро-Венгрией, — с горечью констатировал он, — Румыния присоединится к той стороне, которая окажется сильнейшей и которая будет в состоянии дать ей наибольшие выгоды»⁵¹. Так и произошло. Румыния только в 1916 г. присоединилась к Тройственному согласию.

Констанцское свидание способствовало охлаждению русско-болгарских отношений. В Софии с большой нервнойностью встретили сам факт поездки царя и министра иностранных дел России в Румынию. Царь произвел румынского короля в русские фельдмаршалы, король, в свою очередь, присвоил российскому императору почетное звание шефа румынского полка, того самого, который первым в 1913 г. вторгся на территорию Болгарии. В болгарской столице распространились также слухи (оказавшиеся неточными) о готовящейся помолвке румынского престолонаследника и дочери Николая II Татьяны. Династические связи Гогенцоллерн-Зигмаринген с Романовыми, по мнению правящих кругов Болгарии, могли привести к укреплению положения Румынии, которая занимала антиболгарские позиции.

Чтобы заручиться поддержкой Австро-Венгрии против Румынии, болгарский царь срочно выехал в Вену. О его беседах с Берхтольдом не сохранилось данных. По версии разведотдела штаба Киевского военного округа, на них обсуждался вопрос о совместных действиях Австро-Венгрии и Болгарии в войне против Румынии и России, по другой версии дело ограничивалось взаимным зондажем⁵². Советский историк Ф. И. Нотович высказал третье и, по-видимо-

му, наиболее достоверное предположение: венская встреча закончилась предварительным соглашением между Австро-Венгрией и Болгарией о союзе, но Болгарию предостерегли против ссоры с Румынией. По словам историка, сам союз Болгарии с Центральной коалицией стал оформляться лишь с осени 1914 г., после начала мировой войны⁵³, которая вспыхнула через месяц после нападения Австро-Венгрии на Сербию. Как известно, непосредственным предлогом к этому нападению послужило сараевское убийство.

- ¹ См.: *Куль Г.* Германский генеральный штаб: Его роль в подготовке и ведении великой войны. Пер. с нем. М., 1922, с. 3—4.
- ² См.: *Вильгельм II.* Мемуары: События и люди. 1878—1918 гг. М., 1923; *Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962, с. 205—250.
- ³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 10.
- ⁴ ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 4, л. 4.— Рапорт начальника штаба Киевского военного округа начальнику Генерального штаба генералу Н. Н. Янушкевичу, Киев, 1914, 8 февр.
- ⁵ АВВР, ф. ПА, д. 215, л. 3.
- ⁶ *Österreichische Rundschau*, 1914, Juni.
- ⁷ См.: *Перцев В.* Перед войной.— Голос минувшего, 1914, № 9, с. 233—235; *Адамович А. А.* Обострение русско-германских противоречий накануне первой мировой войны и позиция Франции.— Учен. зап. Перм. ун-та, 1966, вып. 149, с. 187—189.
- ⁸ *Wedel O.* Austro-German Diplomatic Relations 1908 to 1914. Stanford, 1932, p. 103.
- ⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 8.
- ¹⁰ *Chlumetsky L.* Erzherzog Franz Ferdinand: Wirken und Wollen. W., 1929, S. 194, 201.
- ¹¹ OUA, Bd. VII, N 9600.
- ¹² *Murée M.* L'archiduc François-Ferdinand. P., 1932, p. 125.
- ¹³ Цит. по кн.: *Дедижер В.* Сарајево 1914. Београд, 1966, с. 212.
- ¹⁴ *Sarajevski list*, 1914, 7 maj.
- ¹⁵ OUA, Bd. VII, N 9615, S. 1092—1093.
- ¹⁶ *Conrad F.* Bd. III, S. 670, 673.
- ¹⁷ АВВР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 80, л. 90.— Н. Н. Шебеко — С. Д. Сазонову, Вена, 1914, 3 авг.
- ¹⁸ *Fischer J.* Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1914 bis 1918. Düsseldorf, 1969, S. 293.
- ¹⁹ *Styd U.* Through Thirty Years. L., vol. I, p. 396.
- ²⁰ *Stanojevitsch S.* Die Ermordung des Erzherzog Franz-Ferdinands. Frankfurt a. M., 1923.
- ²¹ *Possony S.* Zur Bewältigung der Kriegsschuldfrage. Köln, 1938; *Würtle F.* Die Spur führt nach Belgrad. Wien etc., 1975.
- ²² *Montgelas M.* Die Leitfaden zur Kriegsschuldfrage. B., 1923, S. 191—194.
- ²³ См.: *Сетон-Вотсон Р.* Сарајево: Пер. с англ. Загреб, 1925, с. 63—65.
- ²⁴ *Mlada Bosna: Pisma i prilozji.* Sarajevo, 1954.
- ²⁵ Интересна история этого документа. Он был отослан в Белград в июне 1914 г., затем похищен австро-венгерскими оккупационными властями и только недавно возвращен Австрией Югославии (ДА ДСИП, ф. АДГ, к. 5/16, д. Ратна одговорност, № 2375.— Й. Йованович — Н. Пашичу, Вена, 1914, 10 юни).

- ²⁶ См.: *Писарев Ю. А.* Сараевское убийство 28 июня 1914 г.— НИНИ, 1970, № 5, с. 49—66.
- ²⁷ См.: Обзор внешней торговли России по европейским и азиатским границам за 1914. Пг., 1915, ч. 1, с. 2—3; *Поленов А. Д.* К пересмотру торговых договоров. СПб., 1914, с. 24—27.
- ²⁸ См.: Журнал заседаний 8-го съезда представителей промышленности и торговли. Пг., 1915, с. 126—127, 144.
- ²⁹ GP, Bd. 38, N 15844.
- ³⁰ МОЭИ. Сер. 3, т. 1, № 289.
- ³¹ См.: *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны, 1908—1914. М., 1962, с. 190.
- ³² ДА ДИСП, ПО, 1914, досье I—II, № 3419.
- ³³ МОЭИ. Сер. 3, т. I, с. 192; т. II, с. 263, 406.
- ³⁴ ДА ДСИП, ПО, 1914, досье I—II, № 3419. М. Спалайкович — МИД, Петербург, 1914, 21 янв.
- ³⁵ АВПР, ф. ПА, д. 532, л. 235—238.
- ³⁶ См.: *Јовановић Ј.* Русија и Црна Гора.— Записи, 1933, кв. XII, с. 109, 113; *Шкеровић Н.* Из односа Црне Горе и Русије: Војна конвенција 1910.— ИЗ, 1959, кв. XVI, св. 3/4, с. 113—120.
- ³⁷ ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 3209, л. 76—80.
- ³⁸ ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 3209, л. 61.
- ³⁹ Там же, л. 9—13. Докладная записка по ГУГШ. Отдел генерал-квартирмейстера, 1914, 27 март.
- ⁴⁰ *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Берлин, 1927, с. 221.
- ⁴¹ Архив Социалистичке Републике Црне Горе, ф. МИД, 1914, № 492. МИД — Государственному казначейству, Цетиње, 1914 г., 10 (23) март.
- ⁴² АВПР, ПА, д. 1604, л. 122—123.
- ⁴³ ЦГА ВМФ СССР, ф. 448, оп. 1, д. 3456, л. 1.
- ⁴⁴ АВПР, ф. ПА, д. 532, л. 111—112, 197—199.
- ⁴⁵ См.: Красный архив, 1934, т. 3 (64), с. 97—98.
- ⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 623, л. 4, 14.
- ⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 106, л. 45.
- ⁴⁸ МОЭИ. Сер. 3, т. III, № 182, 185, 339; т. VI, ч. 1, № 136.
- ⁴⁹ См. библиографию данной книги.
- ⁵⁰ ОУА, Bd. VIII, N 9902.
- ⁵¹ МОЭИ. Сер. 3, т. III, № 339, с. 383.
- ⁵² См.: Красный архив, 1934, т. 3 (64), с. 102; ОУА, Bd. VIII, N 8969.
- ⁵³ См.: *Ногович Ф. О.* О попытках австро-германской дипломатии вовлечь Болгарию в мировую войну в августе 1914 г.— НИНИ, 1960 № 1, с. 116—123.

Глава одиннадцатая

ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ

Центральная коалиция и сараевское убийство

О сараевском убийстве и июльском кризисе написана значительная литература. Уже в 1954 г. число работ на эту тему превышало 3 тыс. С тех пор вышло немало новых сочинений.

Буржуазная историография преувеличивала значение сараевского убийства, придавая этому заговору международный характер, однако уже в ту пору многие современники считали его поводом, а не причиной австро-сербской войны. Так, начальник канцелярии министра иностранных дел Австро-Венгрии граф А. Хойош писал о несостоятельности официальной версии об участии в сараевском заговоре Сербии и России: «Я никогда не верил, что убийство эрцгерцога Франца Фердинанда было подготовлено и осуществлено при участии правящих кругов Белграда и Петрограда»¹.

Документы, опубликованные в Югославии², показывают, что этот заговор был организован сараевской группой из общества «Молодая Босния», ставящей своей целью освобождение Боснии и Герцеговины от гнета Австро-Венгерской монархии и воссоединение нации. Младобоснийцы — мелкобуржуазные революционеры — ошибочно считали тактику индивидуального террора главным способом ведения борьбы. «Идеалом молодежи, — показал на суде Гаврила Принцип, непосредственный исполнитель заговора, — было объединение югославянских народов, сербов, хорватов и словенцев, но не под властью Австрии, а в виде какого-нибудь государства, республики или чего-нибудь в этом роде. Я считал, что если Австрия окажется в затруднительном положении, то произойдет революция. Но для такой революции сначала надо было подготовить почву, создать настроение... Убийство могло создать такое настроение»³.

Террористические акты нигилистов происходили повсеместно в Европе. С 1900 по 1913 г. в европейских государствах было совершено до 40 покушений только на королей, принцев, президентов и премьер-министров, не считая покушений на крупных сановников⁴. Тот же А. Хойош утвер-

ждал, что, если бы не было рокового выстрела Гаврилы Принципа, нашлись бы другие поводы для войны — настолько взрывоопасной была атмосфера в Европе. «Револьвер был заряжен, и он должен был выстрелить», — так образно охарактеризовал обстановку в мире венский дипломат⁵.

Французская газета «Журналь» еще в марте 1914 г. предсказывала неизбежность мировой военной катастрофы. Говоря о невиданных темпах накапливания во всех европейских странах орудий смерти, газета сравнивала Европу с маньяком, принявшим решение о самоубийстве. «Кажется, всю Европу обуял дух помешательства. Это чистое безумие, это бег к пропасти»⁶. В. И. Ленин называл империалистические державы, готовящиеся к войне, разбойниками, которые точили друг против друга ножи⁷.

Инициатором назревающей катастрофы, как и прежде, была Центральная коалиция. В Берлине и Вене задолго до Сараева взяли курс на войну⁸. «Мы приняли решение о войне значительно раньше», — отметил в своем донесении 3 июля 1914 г. имперский министр финансов Л. Билински⁹. Передел мира стал альфой и омегой политики германского блока. «До конца существования света решающим фактором останется меч», — писал в брошюре «Германия и оружие» кронпринц. «Поменьше шиллеров и побольше бисмарков», — призывал наследник германского престола¹⁰.

Интересные материалы о действиях новоявленных бисмарков привели в своих работах немецкий историк Эмануэл Гейс¹¹ и австрийский историк Фриц Фелльнер¹². Первый показал, какую роль играла Германия накануне и во время июльского кризиса 1914 г., второй осветил малоизвестный вопрос о миссии А. Хойоша, во время пребывания которой в Берлине оба правительства согласовали свои военные планы.

Сербский аспект проблемы исследовал югославский историк А. Митрович¹³, венгерский — Йожеф Галантай, итальянский — Лео Вальяни¹⁴, германо-австрийские отношения — историки ГДР Фриц Клейн¹⁵ и Виллибальд Гутше¹⁶. Новые исследования и новые материалы из семейного архива А. Хойоша, привлеченные Фелльнером, позволяют проследить, как конструировали линию на войну в Вене и Берлине еще до Сараева. По словам Ф. Фелльнера, в мае на Балльхаузплатце была создана комиссия, которая должна была подготовить меморандум австро-венгерского правительства для доказательства подрывной деятельности Сербии против монархии Габсбургов¹⁷. Ее возглавили граф А. Хойош и барон А. Мусулин. Первый пользовался осо-

бым доверием при дворе. Семья Хойош была хранительницей переписки Габсбургов, в том числе бумаг сына императора Рудольфа Габсбурга, покончившего жизнь самоубийством в Маерлинге 30 января 1889 г. при загадочных обстоятельствах. Хойош возглавил в министерстве иностранных дел экстремистское течение, стоящее за войну с Сербией¹⁸.

Барон Александр Мусулин, секретарь министерства, заслужил у современников сомнительную славу автора провокационных материалов. К их числу относится и ультиматум Австро-Венгрии Сербии от 23 июля, получивший в литературе название «документ — война». Уйдя на покой, Мусулин написал мемуары, в которых рассказал, как подготавливалась эта нота¹⁹.

Комиссия закончила работу лишь 28 июня 1914 г., в день убийства эрцгерцога, и только после этого внесла в меморандум ряд дополнений. 5 июля меморандум был доставлен Хойошем в Берлин, где состоялось известное свидание Вильгельма II с высшим генералитетом в Потсдамском дворце, на котором было принято решение о войне²⁰. К тому времени определилась и позиция Франца Иосифа, также отважившегося на войну²¹.

Таким образом, вопрос о войне был в принципе согласован с монархией Габсбургов и Германией уже в начале июля, однако сама война была объявлена Австро-Венгрией Сербии только 28 июля, т. е. почти через месяц. Чем объяснялась эта задержка? Прежде всего для немедленного похода против Сербии не существовало благоприятной международной обстановки. Сербия находилась под покровительством России, а также состояла в военном союзе с Румынией, Грецией и Черногорией. Война против нее угрожала дунайской империи многими осложнениями. Особые опасения Вены вызывала Россия, война с которой первоначально не входила в ее планы. Австро-Венгрия, кроме того, должна была считаться с позицией Италии: последняя выступала против поглощения монархией Габсбургов Сербии и против любого другого усиления ее на Балканах. 15 июля статс-секретарь по иностранным делам Германии фон Ягов телеграфировал послу в Вене: «Территориальное расширение Австро-Венгерской монархии и усиление ее влияния на Балканах были бы восприняты в Италии как нанесение ущерба итальянским позициям»²². Итальянское правительство выступило с требованием о компенсациях в обмен на возможный захват Австро-Венгрией сербской территории, предъявив претензии на Трентино. Германия, заинтересо-

ванная в сохранении Италии в качестве союзника, поддерживала эти ее требования²³.

Противоречия между Берлином и Веной по сербскому вопросу объяснялись также рядом других причин. В преддверии войны для германского правительства большое значение имело общественное мнение самой Германии, так и Европы в целом. Вильгельму II и его правительству необходимо было завоевать на свою сторону социал-демократию, чтобы добиться согласия рейхстага на войну. Кроме того, в Берлине не оставляли надежды на сохранение Англией нейтралитета, чему способствовала двуличная политика британского правительства, маскировавшего свои истинные цели²⁴.

Слишком прямолинейные действия Австро-Венгрии против Сербии могли помешать этим планам, и в Берлине давали советы Вене проявлять большую гибкость, не афишируя своих экспансионистских целей. 17 июля статс-секретарь Германии по иностранным делам фон Ягов телеграфировал германскому послу в Вене Чиршки: «В связи с дипломатической подготовкой конфликта с Сербией нам необходимо знать, какими идеями руководствуются австро-венгерские государственные деятели в отношении будущего Сербии. Этот вопрос имеет существенное значение для позиции Италии и ее общественного мнения, а также для позиции Англии»²⁵.

Вместе с тем германское правительство продолжало подталкивать Австро-Венгрию к войне против Сербии. Так, 25 июля за несколько часов до получения ответа сербского правительства на австро-венгерский ультиматум в Берлине, еще не зная содержания сербской ноты, посоветовали Австро-Венгрии начать военный поход против Сербии. «Здесь видят во всяком промедлении военных операций большую опасность в отношении вмешательства других держав, — общал австро-венгерский посол в Германии граф Л. Сегеньи. — Нам настоятельнейшим образом советуют выступить немедленно и поставить мир перед совершившимся фактом»²⁶. миролюбивый ответ Белграда на австро-венгерский ультиматум не изменил стратегии германского империализма, заставив Берлин внести коррективы лишь в свою тактику. 28 июля, в день объявления Австро-Венгрией войны Сербии, Чиршки предложил Берхтольду найти способ, позволяющий осуществить преследуемые Австро-Венгрией цели, не создавая впечатления, что монархия является зачинщицей войны. Канцлер Бетман-Гольвег в инструкции Чиршки со своей стороны советовал «максимально улучшить усло-

вия», в которых придется вести мировую войну, предупреждая в то же время посла, чтобы он не перестарался и не отговорил Вену от войны. «При этом,— поучал Бетман,— Вы не должны создавать впечатление, что мы желали бы сдержать Австрию»²⁷. Вельгельм II, развивая мысли главы правительства, предлагал, не объявляя войны, оккупировать Белград или Новопазарский Санджак и тем вызвать выступление Сербии против Австро-Венгрии. Монархия Габсбургов, разобравшись наконец, чего от нее хочет Германия, в тот же день напала на Сербию.

Другой причиной затяжки с объявлением войны были противоречия в правящих кругах самой Австро-Венгрии. В их основе лежали разногласия по вопросу о целях войны с Сербией. Главным оппонентом австрийской военщины, выдвигавшей программу аннексии Сербии, был глава венгерского правительства граф Иштван Тиса. Не являясь противником войны, он высказывался за ее более обстоятельную подготовку и использование наряду с военным шантажом методов дипломатии. «Наши требования,— советовал он,— должны быть жесткими, но не невыполнимыми. Если Сербия их примет, мы добьемся ошеломляющей дипломатической победы и наш престиж на Балканах поднимется. Если же наши требования будут отвергнуты, тогда мы начнем войну»²⁸. Тиса, как и прежде, выступал противником включения территории Сербии в состав Австро-Венгрии, утверждая, что достаточно установить над Сербией контроль, посадив на сербский престол одного из Габсбургов. Министр-президент Венгрии все еще опасался, что присоединение Сербии к монархии приведет к увеличению славянского элемента в многонациональной империи и нарушит систему дуализма²⁹. Вместе с тем Тиса был и против гегемонии Австрии, утверждая, что в результате войны еще более возрастет в многонациональном государстве влияние германо-австрийского империализма.

В австро-венгерском правительстве наблюдались расхождения во взглядах по отдельным вопросам балканской политики и среди других министров. На всех трех объединенных заседаниях австрийского и венгерского правительства — 7, 19 и 31 июля — так и не были в окончательном виде сформулированы цели войны с Сербией. Только 31 июля, т. е. уже после начала войны, Берхтольд заявил о возможности «предпринять оккупацию Сербии, которая не будет временной», но оставил открытым вопрос о статусе сербского государства³⁰.

Многие представители правящих кругов нередко меняли свои взгляды. Так, министр-президент Австрии граф Карл Штюргк 7 июля выдвигал идею сохранения Сербии как государства с воцарением в Белграде «западного князя», а 8 августа ратовал уже за создание на Балканах целого союза государств под эгидой монархии Габсбургов³¹.

Аппетиты австро-венгерского империализма непрерывно возрастали. Сначала в Вене и Будапеште вынашивались планы «умаления» Сербии, не прибегая к ее аннексии, затем в правящих кругах монархии заговорили о длительной оккупации страны, кончилось же дело тем, что сербское государство стало рассматриваться ими как подмандатная территория империи Габсбургов. Дунайская монархия зарилась также на греческие Салоники, Албанию, долину реки Марицы, черноморские проливы. Крайние экстремисты мечтали о распространении сфер влияния Австро-Венгрии на всю Турцию, Грецию, Северо-Западную Африку и даже Китай³².

По словам английского историка Р. В. Ситон-Уотсона, несмотря на некоторые расхождения во взглядах, в Австро-Венгрии среди правящих кругов консолидировался шовинистический фронт, к которому, помимо ярых милитаристов, подключились и так называемые умеренные элементы, маскировавшие свое соучастие в военной пропаганде лозунгом «защиты отечества»³³.

Попытка России предотвратить войну Австро-Венгрии против Сербии

В заключительном разделе книги мы остановимся лишь на самых общих положениях, отослав читателя к имеющейся литературе³⁴.

Внешнеполитическую деятельность царского правительства в период назревания австро-сербского конфликта можно подразделить на два этапа: со времени сараевского убийства до австро-венгерского ультиматума Сербии 23 июля — первый этап и с 23 по 28 июля, т. е. до дня объявления Австро-Венгрией войны Сербии, — второй этап.

На первом этапе главной задачей Петербурга было предотвращение войны, к которой ни Сербия, ни царская Россия еще не были готовы.

В связи со сказанным в Петербурге крайне сдержанно отнеслись к сараевскому убийству. Столичные газеты проявили к нему интерес, но официальные круги не собирались драматизировать события. Министр иностранных дел

С. Д. Сазонов ограничился выражением соболезнования австро-венгерскому послу в Петербурге графу Ф. Сапари.

Однако в Вене и Берлине были настроены иначе. Там решили использовать убийство эрцгерцога для организации расправы с Сербией. «Ну, теперь мы сведем счеты с Сербией», — заявил первый министр и министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Берхтольд, получив телеграмму из Сараева³⁵.

Уже 30 июня, т. е. через два дня после сараевской трагедии, Берхтольда посетил начальник генерального штаба Австро-Венгрии генерал-Конрад фон Гетцендорф, предложив начать немедленные военные действия против Сербии. «Сараевское убийство, — заявил он, — нельзя рассматривать как злодейство одного фанатика. Это объявление войны Сербией Австро-Венгрии. Если мы пропустим момент, монархия будет потрясена новыми взрывами югославянских, румынских, русинских и итальянских выступлений. Австро-Венгрия должна вести войну из-за политических причин». Военный министр Австро-Венгрии А. Крбатин и генерал Ф. Конрад предлагали провести скрытную мобилизацию армии, поставив мир перед совершившимся фактом. «Лучше сегодня, чем завтра, пока сохраняется нынешняя ситуация, — советовал Конрад. — Если наши противники проносятся, они подготовятся»³⁶.

Однако прежде чем начинать войну с Сербией, надо было сделать две вещи: выяснить позицию России и заручиться поддержкой Германии.

Австро-венгерская дипломатия предприняла попытку прозондировать настроение Петербурга. С этой целью Берхтольд встретился 30 июня с поверенным в делах России в Австро-Венгрии князем Н. А. Кудашевым и сделал ему неофициальное предложение о совместном выступлении двух монархий с осуждением «страны царубийц» — Сербии. «Существование Австро-Венгрии необходимо для европейского равновесия, в этом, как я думаю, — говорил Берхтольд, — убеждены и государственные люди России, которые не могут желать развала Австро-Венгрии и должны поступить в интересах сохранения монархического равновесия»³⁷. В Петербурге те же идеи проповедовал австро-венгерский посол граф Ф. Сапари, неоднократно встречавшийся в конце июня — начале июля с С. Д. Сазоновым.

Небезынтересно, что аналогичную попытку предприняло и министерство иностранных дел Германии. Помощник статс-секретаря А. Циммерман, встретившись с российским послом в Берлине С. Н. Свербеевым 30 июня, пытался на-

вязать ему мысль о необходимости добиться «самопризнания» Сербии. «Сербскому правительству, — советовал коварный немец, — было бы лучше всего в своих *собственных интересах предложить по своей инициативе* (курсив мой. — Ю. П.) сделать все для него возможное, чтобы помочь боснийским властям в их расследованиях о происхождении и распространении заговора»³⁸.

Вместе с тем в Вене и Берлине исподволь готовились к тому, чтобы в случае отказа России поддержать эти предложения (а в этом мало кто сомневался) и обвинить в соучастии в сараевском заговоре не только Сербию, но и Россию.

Первая попытка в этом направлении была предпринята Германией и Австро-Венгрией в те же дни, когда Циммерман и Берхтольд апеллировали к монархическим чувствам царя, предлагая России выступить против «революционной Сербии». 30 июня в венской газете «Рейхспост» появилась провокационная статья, написанная австро-венгерским поверенным в делах в Белграде фон Шторком. В статье сообщалось, что будто царское посольство в Белграде не только не выразило соболезнования Австро-Венгрии по поводу кончины престолонаследника, но организовало антиавстрийскую демонстрацию, устроив в день сараевского убийства в здании посольства званый обед с участием иностранных гостей. «Окна посольства, — писала газета, — были открыты, слышался звон бокалов»³⁹.

На самом деле все это было злонамеренным вымыслом Шторка. В. Н. Штрандтман, поверенный в делах России в Сербии, засвидетельствовал следующее. В посольстве 28 июня, как и по всем другим воскресным дням, шла игра в бридж. В ней участвовали Н. Г. Гартвиг и трое иностранных дипломатов, в том числе австро-венгерский вице-консул граф Понграц. Около 5 час. вечера пришло известие о сараевском убийстве. Н. Г. Гартвиг, по словам В. Н. Штрандтмана, был сильно возмущен этой акцией, назвав ее «преступным деянием». Он немедленно прекратил игру и приказал приспустить на здании посольства государственственный флаг в знак траура. Граф Понграц, напротив, хотел продолжать игру — он был в проигрыше.

На следующий день Н. Г. Гартвиг в мундире и при всех регалиях присутствовал на заупокойной мессе в кафедральном соборе Белграда, а еще через день посетил вернувшегося из отпуска в сербскую столицу австро-венгерского посланника барона В. Гизля. В здании австро-венгерского посольства Н. Г. Гартвиг, страдавший пороком сердца, умер от

инфаркта во время разговора с Гизлем. По свидетельству Гизля, российский посланник перед смертью выразил соболезнование по поводу «тяжелого горя, постигшего императорский дом дружественной монархии»⁴⁰.

Несмотря на полное алиби Н. Г. Гартвига, против него в австрийской и германской прессе была поднята злостная кампания.

Как же реагировала на эту двойную игру венской и берлинской дипломатии дипломатия России? С. Д. Сазонов с самого начала занял твердую линию поддержки Сербии, решительно отклоняя все обвинения ее в соучастии в сараевском деле. Он не дал себя ввести в заблуждение советами графа Сапари поддержать монархическую Австро-Венгрию против очага югославянского национального движения — Сербии. Легитимные чувства убежденного монархиста С. Д. Сазонова отступили на задний план перед задачами царской России. Сербия была главной ее опорой на Балканах, и Сазонов прекрасно понимал, что потеря такого союзника для России была бы равносильна краху всей балканской политики, которую он столь ревностно проводил в последние годы. Перед Сазоновым стояла также задача по возможности отдалить сроки военного конфликта между Австро-Венгрией и Сербией, ибо этот конфликт неизбежно должен был привести к вступлению в войну на стороне Сербии России.

Сербия и Россия, как уже отмечалось, были не подготовлены к войне, и с этой точки зрения события, произошедшие в Сараево, были невыгодны обоим государствам. «Сараево, — констатировал В. Н. Штрандтман в депеше в Петербург 28 июня 1914 г., — спутало все карты Сербии и поставило на очередь возможность столкновения (с Австро-Венгрией. — Ю. П.) в самый неблагоприятный для Сербии момент»⁴¹.

Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов, стремясь во что бы то ни стало «погасить страсти», призывал сербское правительство проявлять максимальную выдержку, не поддаваясь на провокации Австро-Венгрии.

После получения первых известий о событиях в Сараево он направил Н. Г. Гартвигу телеграмму, предложив встретиться с Н. Пашичем и разъяснить позицию России. Посланник в точности исполнил эти указания, что оказало влияние на председателя совета министров Сербии. «Сербское правительство, — уведомлял он С. Д. Сазонова, — решило вовсе не реагировать на недостойные провокации Австро-Венгрии»⁴².

7 июля С. Д. Сазонов послал новую инструкцию в Белград: «Доверительно. Последние события в Австро-Венгрии, вызвавшие столь резкое обострение антисербского настроения, побуждают нас советовать сербскому правительству с крайней осторожностью относиться к вопросам, способным еще более усилить его и создать опасное положение»⁴³.

Одновременно министр иностранных дел давал понять Австро-Венгрии и Германии, что Россия не оставит Сербию в беде, а выступит с поддержкой вплоть до употребления военной силы, если державы Центральной коалиции посягнут на суверенитет сербского государства. 6 июля он пригласил к себе австро-венгерского поверенного в делах в России Отто Чернина и предупредил его против применения монархией Габсбургов военных санкций в отношении Сербии. «Не вступайте на этот путь: он опасен», — заявил министр⁴⁴. Аналогичная беседа между Сазоновым и германским послом Ф. Пурталесом состоялась 18 июля. Описывая ее содержание, граф Пурталес сообщал в Берлин, что С. Д. Сазонов прямо заявил ему: «Россия не могла бы смотреть равнодушно на шаг в Белграде, имеющий целью унижение Сербии... Ни в коем случае не может быть речи об ультиматуме»⁴⁵.

Однако эти предупреждения не подействовали: 23 июля Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, еще более обостривший обстановку.

От австро-венгерского ультиматума к войне

История подготовки и вручения Австро-Венгрией ультиматума Сербии и отношения к этому России изучена до мельчайших деталей, что позволяет не останавливаться на этом вопросе в данной работе, а перейти прямо к общим выводам.

1) Как было показано выше, инициатором дальнейшего нагнетания международного кризиса была Центральная коалиция, и прежде всего Германия.

2) Такая позиция Германии определялась двумя соображениями: стремлением использовать благоприятное для Тройственного союза соотношение вооруженных сил по сравнению с Россией, во-первых, и расчетом (оказавшимся ошибочным) на невступление в войну Англии и Франции, во-вторых.

«Россия теперь еще не готова к войне, Франция и Англия не захотят войны, — писал статс-секретарь фон Ягов послу Германии в Лондоне князю К. Лихновскому 18 ию-

ля.— Спустя несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия будет готова к войне. Тогда она задавит нас количеством своих солдат, тогда она построит свой военно-морской флот и свои стратегические дороги. Тем временем наша группировка будет становиться все слабее и слабее»⁴⁶. (Последняя фраза фон Ягова отнесилась к Италии, которая уже в то время намеревалась покинуть Центральную коалицию, и к Австро-Венгрии; переживавшей затяжной внутривосточный кризис.) Успешная война с Сербией и Россией могла бы укрепить этот союз и удержать народы многонациональной дунайской империи в повиновении. Так думали в Берлине.

Германия рассчитывала на успех в войне. «Немецкая буржуазия,— писал В. И. Ленин осенью 1914 г.,— распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предпринятые Россией и Францией»⁴⁷.

3) Державы Тройственного соглашения — Англия, Франция и Россия — во время июльского кризиса также приняли решение о вступлении в войну, хотя всего лишь за месяц до этого, в дни, последовавшие за сараевским убийством, считали войну преждевременной. Для принятия этого ответственного решения у каждого из членов Антанты были свои причины.

Англия — основной соперник Германии — отдавала себе отчет в неотвратимости военной схватки с Германией и решилась на войну, так как имела превосходство на море, которое могла потерять через несколько лет, уступив его бурно развивающемуся военно-морскому флоту Германии⁴⁸. Франция опасалась резкого укрепления Германии в случае, если бы последней удалось разгромить основного ее союзника — Россию. Царская Россия была втянута в мировую войну силой обстоятельств. Защищая свои империалистические интересы на Балканах, в Центральной Европе и Азии, она не могла допустить «бескровной победы» Центральной коалиции и ринулась в военную авантюру. Кроме того, царизм был связан тысячью нитей с Англией и Францией и находился от них в известной зависимости. Английская и французская буржуазия, писал В. И. Ленин, «на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма»⁴⁹.

4) Царская дипломатия на последнем этапе придерживалась следующей тактики. После австро-венгерского ульт-

тиматума Сербии она считала войну с дунайской империей неизбежной. С. Д. Сазонов, получив 24 июля телеграмму из Белграда, в которой говорилось о содержании ультиматума, воскликнул: «Это европейская война!». Он немедленно пригласил к себе начальника царского Генерального штаба генерала Н. Н. Янушкевича, условившись о срочном составлении плана частичной мобилизации армии против Австро-Венгрии⁵⁰. В то же время Сазонов предостерегал Янушкевича от проведения всеобщей мобилизации, так как она могла быть использована Германией как предлог для войны с Россией. Чтобы решиться на этот шаг, России нужна была гарантия о поддержке Англии (от Франции Россия получила такие заверения во время визита в Петербург Пуанкаре 20—23 июля).

5) Россией предпринимались попытки повлиять на позицию Австро-Венгрии, чтобы заставить ее отказаться от нападения на Сербию. 24 июля Сазонов заявил графу Сапари, что в случае, если дунайская монархия не вернет назад свою ноту Сербии или как минимум не смягчит ее, может вспыхнуть общеевропейская война. Наконец, министр преследовал еще одну цель — добиться осуждения провокационной позиции Австро-Венгрии и Германии общественностью Европы, чтобы свалить на Центральную коалицию ответственность за войну.

Именно этим можно объяснить рекомендации, которые Петербург дал Белграду после австро-венгерского ультиматума. 24 июля совет министров России принял следующие решения: «1) одобрить предложения министра иностранных дел снести с кабинетами великих держав в целях побуждения австро-венгерского правительства к представлению Сербии некоторой отсрочки в деле ответа на предъявленные ей австро-венгерским правительством ультимативных требований, дабы дать тем возможность правительствам великих держав исследовать и изучать документы по поводу совершившегося в Сараеве злодеяния, которыми австро-венгерское правительство располагает»;

«...посоветовать сербскому правительству на случай, если положение Сербии таково, что она собственными силами не сможет защищаться против возможного наступления Австро-Венгрии, не противодействовать вооруженному вторжению на сербскую территорию, если таковое вторжение последует, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав»⁵¹.

В период с 24 по 29 июля С. Д. Сазонов неоднократно обращался к Австро-Венгрии с предложениями об урегули-

ровании конфликта «мирным путем», что позволило историкам проамериканского направления и русским оборонцам утверждать, будто царская Россия до самого последнего дня противилась войне. На самом деле предложения Сазонова преследовали иную цель — выиграть время для приведения в боевую готовность русской армии. Как уже отмечалось, военная машина Российской империи значительно уступала в своей готовности к действию германской, для мобилизации германской армии нужны были считанные дни, для русской армии — целые недели⁵².

Совет министров России уже на упомянутом заседании 24 июля принял принципиальное решение о возможности войны с Австро-Венгрией, дав указание Генеральному штабу о проведении частичной мобилизации армии, а министерству финансов об изъятии вкладов из венских и берлинских банков⁵³. Царская дипломатия лелеяла в то время надежду на невступление в войну Германии, хотя Генеральный штаб уже в тот период предупреждал царя и Сазонова об иллюзорности таких расчетов, настаивая на всеобщей мобилизации армии.

6) После объявления 28 июля Австро-Венгрией войны Сербии и официального заявления Германии о том, что она поддержит Австро-Венгрию в случае нападения на нее России, наступил последний период предвоенного кризиса. Царская Россия, поощряемая Францией и надеявшаяся на поддержку Англии, решила на войну не только с Австро-Венгрией, но и с Германией. В те три критических дня — с 29 по 31 июля — были окончательно «сожжены все мосты». 1 августа война началась.

¹ Hoynos A. Der deutsch-englische Gegensatz und sein Einfluss auf die Balkanpolitik Osterreich-Ungarns. B., 1922, S. 77.

² Mlada Bosna: Pisma i prilozii. Sarajevo, 1954.

³ Sarajevski atentat: Stenogram Glavne rasprave protiv Gavrila Principa i drugih 1914 godine. Sarajevo, 1954, s. 72—73.

⁴ British Annual Register. L., 1942.

⁵ Hoynos A. Der deutsch-englische Gegensatz. . . , S. 77.

⁶ Цит. по кн.: Павлович М. Милитаризм, маринизм и война 1914—1918 гг. М., 1918, с. 23.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 122; т. 27, с. 4; т. 40, с. 134.

⁸ См.: Писарев Ю. А. Германско-австрийские планы на Балканах в годы первой мировой войны. — ИНИИ, 4973, № 2, с. 77—79; Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961; Fellner F. Der Dreibund der europäischen Diplomatie vor dem ersten Weltkrieg. Wien, 1960.

⁹ Kann R. A. Kaiser Franz-Joseph und der Ausbruch des Weltkrieges: Eine Betrachtung über Quellenwert der Aufzeichnungen von Dr. Heinrich Kanner. Wien, 1971, S. 16.

¹⁰ Перцев В. Перед войной. — Голос мпнувшего, 1914, № 9, с. 231—232.

¹¹ Geis E. Die deutsche Politik gegenüber Serbien in der Julkrise 1914.—

- In: Велике силе, с. 57—78.
- ¹² *Fellner F.* Die "Mission Hoyos".— In: Велике силе, с. 387—418.
- ¹³ *Mitrović A.* Prodor na Balkan i Srbija, 1908—1918. Beograd, 1981, s. 179—200.
- ¹⁴ *Gallantai J.* Die österreichisch-ungarische Monarchie und der Weltkrieg. Bp., 1979, S. 226—227; *Vallani L.* La dissoluzione dell' Austria-Ungheria. Milano, 1966, p. 98—110.
- ¹⁵ *Klein F.* Probleme des Bündnisses zwischen Österreich-Ungarn und Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges.— In: Österreich-Ungarn in der Weltpolitik, 1900—1918. B., 1965, S. 155—162.
- ¹⁶ *Gutsche W.* Serbien in den Mitteleuropaplänen.— In: Велике силе.
- ¹⁷ *Fellner F.* Die "Mission Hoyos", S. 395.
- ¹⁸ *Lützow H. Graf von.* Im diplomatischen Dienst der k. u. k. Monarchie, München, 1971, S. 219—221.
- ¹⁹ *Musulini A.* Das Haus am Ballplatz. Wien, 1928.
- ²⁰ *Fellner F.* Die "Mission Hoyos", S. 397.
- ²¹ *Hantsch, H.* Leopold Graf Berchtold: Grandseigneur und Staatsmann. Graz, 1953, S. 158—160.
- ²² DD, Bd. I, N 46, S. 71—72.
- ²³ DD, Bd. I, N 94, S. 118—120.
- ²⁴ *Hanak H.* Great Britain and Austria-Hungary during the First World War. L., 1962.
- ²⁵ DD, Bd. I, N 61, S. 87—88.
- ²⁶ OUA, Bd. VIII, N 10658, S. 704.
- ²⁷ DD, Bd. I, N 323, S. 38—40.
- ²⁸ OUA, Bd. VIII, N 10118.
- ²⁹ *Tisza S.* Briefe (1914—1918). B. 1928, Bd. I, S. 77.
- ³⁰ Protokolle des gemeinsamen Ministerrates der österreichisch ungarischen Monarchie (1914—1918). Bp., 1966, S. 141—149, 150—158.
- ³¹ Protokolle, S. 153—154.
- ³² OUA, Bd. IV, N 3659, S. 306—310.
- ³³ См.: *Сегон-Варсон Р.* Сарајево: Загреб, 1925.
- ³⁴ См.: *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне 1914—1918. М., 1968, с. 354—364.
- ³⁵ OUA, Bd. VIII, N 9984.
- ³⁶ *Conrad F.* Bd. IV, S. 30—31.
- ³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 3, л. 47.
- ³⁸ DDF, 3-е série, t. X, N 472, p. 682.
- ³⁹ Reichspost, 1914, 30. Juni.
- ⁴⁰ АВПР, ф. ПА, д. 532, л. 265, 271—272.
- ⁴¹ АВПР, ф. ПА, д. 533, л. 55.
- ⁴² АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 106, л. 60.
- ⁴³ МОЗИ. Сер. 3, т. IV, № 112.
- ⁴⁴ DD, Bd. I, N 120, S. 138—141; DDF, 3-е série, t. X, N 447.
- ⁴⁵ Цит. по ст.: *Писарев И. А.* Сарајево, јулска криза 1914 и руска дипломатија.— ИЗ, 1974, к њ XXXI, св. 3/4, с. 357.
- ⁴⁶ DD, Bd. I, N 72, S. 99—101.
- ⁴⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 16.
- ⁴⁸ См.: *Зайончковский А. М.* Первая мировая война 1914—1918 гг. М., 1938, с. 34.
- ⁴⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 16.
- ⁵⁰ *Dobrorolsky S.* Die Mobilmachung der russischen Armee 1914. B., 1923, S. 17—18.
- ⁵¹ МОЗИ. Сер. 3, т. V, № 19.
- ⁵² МОЗИ. Сер. 2, т. XX, № 246. Всеподданейшая записка военного министра В. А. Сухомлинова Николаю II, 1912, 12 июля.
- ⁵³ МОЗИ. Сер. 3, т. V, № 19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В субботу 1 августа С. Д. Сазонов поздно закончил работу в министерстве. В 7 часов вечера он принял германского посла графа Ф. Пурталеса, вручившего ноту об объявлении войны. Роковое решение состоялось. Перед прощанием, как об этом писал сам Сазонов, посол и министр обнялись, чтобы назавтра стать непримиримыми врагами. Отослав машину, Сазонов пошел к себе на дачу на Елагин остров пешком. Министр шел медленно, присаживаясь на скамеечки в парке на Петроградской стороне. Его обуревали мрачные мысли. Прошедшее было печальным; будущее тревожным...

Россия была неподготовлена к войне. Об этом Сазонов позже писал в мемуарах: «Неоспоримый факт — наша полная неподготовленность к войне». В воспоминаниях будут сделаны и другие выводы. Чтобы оправдаться перед историей, Сазонов написал о «роковом стечении обстоятельств», заставивших царскую Россию вступить в войну, о якобы «нечеловеческих усилиях» правительства избежать военного конфликта, о своем личном вкладе в это дело¹. После кровавой бойни, унесшей в могилу более 10 млн. человеческих жизней, так будут писать все высшие чиновники всех стран, дипломаты и генералы, президенты и монархи, пытаясь оправдать свои правительства и себя лично.

Россия, констатировал министр, вступила в войну при неблагоприятной для себя международной обстановке. Царской дипломатии не удалось заключить морской союз с Англией, без которого Россия не могла чувствовать себя обеспеченной от нападения флота Центральной коалиции на Балтийском и Черном морях. С. Д. Сазонов писал о «тревожной неизвестности относительно намерений лондонского кабинета». Руководитель внешнеполитического ведомства отмечал также наличие противоречий с Англией и Францией в балкано-ближневосточной политике. «Балканский Восток, — признавал он, — был той областью, где даже после вступления России и Франции в союзные отношения нам не всегда удавалось достигнуть полного согласования наших политических взглядов и целей... Что касается Англии, то отношение ее к нашим политическим целям в Евро-

пейской Турции были пережитком старых времен соперничества и взаимных подозрений»².

То, что министр деликатно называл отсутствием «полного согласования», российский Генеральный штаб квалифицировал более определенно. В преамбуле к «Плану обороны России на случай общеевропейской войны», составленному им еще в 1912 г., говорилось: «Опыт последних лет показал, что России трудно рассчитывать на помощь Франции в тех случаях, когда ее интересы непосредственно не затронуты... Современная политика этой страны ясно показывает, что прежде всего Франция будет считаться с собственными интересами, а не с интересами союза»³. Еще более обнаженно охарактеризовал политику Франции ее посол в Петербурге Т. Делькассе. Он писал (в 1913 г.), что французское правительство интересуется лишь русской армией, а «не судьбой 180 млн. русских мужиков»⁴.

Россия находилась в финансовой зависимости от Франции и Англии. 80% внешнего долга Российской империи приходилось на долю парижских банков. Кроме того, французским монополиям и финансовым корпорациям принадлежали 32% всех иностранных инвестиций в промышленности и банках России. В свою очередь, Россия 80% всей золотой наличности — 431 млн. из 540 млн. руб. — держала во Франции⁵.

Англия и Франция применяли финансовый нажим на Россию для ее втягивания в войну. В 1913 г. Париж предоставил Петербургу заем в 400 — 500 млн. фр. на условиях увеличения состава русской армии в мирное время и строительства стратегических железных дорог на подступах к Германии. Россия должна была отвлечь на себя силы Германии и тем спасти Францию и Англию от германского нашествия. В те же время союзники России по Тройственному соглашению на деле не собирались выполнять свои обязательства перед Российской империей. Английский и французский флот в Средиземном море не сковал австро-венгерские и итальянские военно-морские силы, позволив им угрожать российскому Черноморскому флоту. Весь юг России вследствие этого находился под угрозой военного вторжения противника.

Неудачно для России складывалась и ситуация на Балканах. Царская дипломатия так и не смогла восстановить Балканский союз. Болгария — главная его опора — вышла из союза, Греция объявила нейтралитет, румынская монархия вела двойственную политику, выжидая, к какой из

коалиций выгоднее присоединиться, Турция попала под влияние Германии, и только Сербия и Черногория были заинтересованы в союзе с Россией. Но оба эти государства сами нуждались в ее поддержке. С. Д. Сазонов косвенно признал неудачу своей балканской политики. «Русское правительство, — констатировал он, — оказалось вынужденным прибегать к дипломатическим суррогатам»⁶.

Еще хуже обстояло дело с готовностью России к тяжелым испытаниям войны. Нельзя сказать, что царское правительство не предпринимало мер к усилению армии и военно-морского флота. В 1913 г. абсолютная сумма расходов на военные нужды составила 869,5 млн. руб., или 23,6% государственного бюджета, а в 1914 г. — 974,5 млн. руб., или 27,49% бюджета⁷. В случае выполнения «Большой военной программы» Россия стала бы одной из самых сильных, а возможно, и самой сильной военной державой». «Большая военная программа, — говорилось в редакционной статье буржуазной газеты «Русское слово», — создаст для России армию небывалой численности, далеко превосходящую соединенные армии целого ряда великих держав. Россия свободно могла бы выдержать новое нашествие двенадцати языков»⁸.

Однако все это было лишь в перспективе, а в 1914 г. Россия по-прежнему сильно отставала от Германии, особенно по техническому оснащению войск. Так, по артиллерии военное министерство выполнило план всего на 40%, по крепостной артиллерии — на 30%, инженерная подготовка русских войск была неудовлетворительной⁹. Не на высоте оказался Генеральный штаб. Лишь за два года до войны он приступил к разработке упомянутой военной программы, еще позже наметил план военно-оперативных действий Морской генеральный штаб¹⁰. Между этими учреждениями не было координации. «На самом деле, — писал начальник оперативного отдела Морского генерального штаба А. В. Немитц, — русские планы нигде не разрабатывались в целом виде. Одна часть — морские операции — разрабатывалась нашим штабом, другая — сухопутные операции — сухопутным Генеральным штабом. Несогласованность этих двух частей плана войны могла привести к катастрофе»¹¹.

В. И. Ленин, разоблачая царизм, писал: «Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей организации военного дела»¹².

Тем не менее царская Россия вступила в мировую войну, боясь опоздать к дележу добычи. Подталкиваемый

Францией и Англией, российский империализм и сам проявлял инициативу. Тот же Сазонов, пытавшийся уверить читателя мемуаров в своей миролюбии, немало сделал в последний момент для «сжигания мостов». Это он уговаривал Николая II объявить всеобщую мобилизацию, что послужило непосредственным предлогом для объявления Германией войны России.

Однако все же не Россия, а Германия была инициатором войны. Она намного раньше, чем Россия, подготовилась к войне и была заинтересована в нанесении первого удара. В воспоминаниях руководителя российского внешнеполитического ведомства довольно четко определен момент, когда царское правительство приняло окончательное решение. Это был период от 23 до 28 июля 1914 г., т. е. от того дня, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии провокационный ультиматум, до дня объявления ею войны Сербии.

Вначале в Петербурге еще колебались. Царское правительство проявляло слабую надежду на возможность предотвращения конфликта Австро-Венгрии с Сербией путем международного арбитража, но уже в то время стало предпринимать меры на случай провала переговоров, приготовившись к частичной мобилизации западных военных округов. Мирные усилия Петербурга были сорваны 28 июля. Министр иностранных дел писал, что «гром орудий (т. е. война Австро-Венгрии с Сербией.— Ю. П.) помешал возобновлению переговоров, которым я придавал практическое значение только в первую стадию австрийско-сербского столкновения. Я утратил к ним всякий интерес. Помочь они ничем не могли, а отсрочивать было более нечего»¹³. 30 и 31 июля, когда царское правительство приняло решение о всеобщей мобилизации, уже ничего не могли изменить. Формально этот шаг России был мерой самообороны, но фактически означал вступление в войну.

1-я мировая война для государств, участвующих в ней, носила империалистический, несправедливый характер. Эта оценка марксистской историографии прочно вошла в историческую науку. В. И. Ленин выделял лишь Сербию и Бельгию, подвергшихся неспровоцированному нападению центральных держав. Народные массы этих стран вели борьбу за свою независимость, а Сербия, кроме того, отстаивала лозунг воссоединения югославянских территорий. «Немецкая буржуазия,— констатировал В. И. Ленин,— предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства...»¹⁴

Россия, как это показано в книге, немало сделавшая для оказания помощи Сербии и Черногории, поддержала эти страны в войне, что имело объективно положительное для них значение. Русская политика на Балканах в более широком плане — создание Балканского союза и укрепление единства балканских государств — способствовала консолидации сил народов этого региона в борьбе против османского ига и экспансии австро-венгерского и германского империализма:

Вместе с тем В. И. Ленин указывал на то, что участие балканских монархий в общеевропейской войне нельзя отрывать от политики обеих коалиций, каждая из которых преследовала на Балканах своекорыстные цели¹⁵. Только рассмотрение этого вопроса в диалектическом единстве позволяет расставить все акценты на событиях того времени, нарисовать целостную картину.

Империалистическая война 1914 — 1918 гг. была страшным бедствием для народов мира и России; но она же открыла глаза трудящимся массам на преступления международного империализма и царизма, способствовала крушению российского самодержавия и возникновению общего кризиса капитализма. Обнажив гнилость Австро-Венгерской монархии война ускорила и ее разрушение. В конце войны под влиянием Великого Октября и внутренних революционных процессов в самой империи Габсбургов вспыхнула революция, в результате которой произошли освобождение югославянских и других народов и создание новых национальных государств.

Не уберег свой трон и германский кайзер. Революция в Германии ликвидировала монархию. Вильгельм II, мечтавший овладеть всем миром, был вынужден довольствоваться судьбой изгнанника. Бежав от справедливого возмездия в Голландию, он доживал свой век, скрываясь ото всех сначала в имении графа Бенрингенк в Амеронге, затем в заштатном Дорне.

Развенчанный венценосец, отправивший в пекло войны миллионы солдат, на склоне лет написал пять томов мемуаров, в которых пытался доказать свое миролюбие. Однако в конце жизни он снова принялся за привычное ремесло военного разбоя, приветствовал нашествие Гитлера на ту страну, которая дала ему убежище. Так замкнулся жизненный круг глашатая германского империализма и поджигателя войны номер один. Такова диалектика истории.

- ¹ *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Берлин, 1927, с. 259, 261, 266, 268, 302—303; *Sazonoff S.* Sechs schwere Jahre. В., 1927; *Sazonov S.* Les années fatales. P., 1927.
- ² *Сазонов С. Д.* Воспоминания, с. 266, 302—303.
- ³ ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 2, д. 1079, л. 2; *Бовыкин В. И.* Русско-французские противоречия на Балканах и на Ближнем Востоке.—ИЗ, 1957, т. 59, с. 104.
- ⁴ Цит. по кн.: *Боев Ю. А.* Ближний Восток во внешней политике Франции (1898—1914). Киев, 1964, с. 403.
- ⁵ *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960, с. 93—94, 111.
- ⁶ *Сазонов С. Д.* Воспоминания, с. 292.
- ⁷ *Сидоров А. Л.* Финансовое положение..., с. 111—113.
- ⁸ Цит. по кн.: *Павлович М.* Милитаризм, маринизм и война 1914—1918 гг. М., 1918, с. 21, 75.
- ⁹ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 65, л. 52; *Барсуков Е. З.* Артиллерия русской армии (1900—1917). М., 1948, т. 1, с. 185.
- ¹⁰ *Шацилло К. Ф.* Русский империализм и развитие флота. М., 1968, с. 80, 153, 160.
- ¹¹ ЦГА ВМФ СССР, ф. 418, оп. 1, д. 794, л. 9; *Симоненко В. Г.* Морской генеральный штаб русского флота (1906—1917): Канд. дис. Рукопись. Л., 1975, с. 86.
- ¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 156.
- ¹³ *Сазонов С. Д.* Воспоминания, с. 259.
- ¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 161.
- ¹⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 215; т. 27, с. 117; т. 40, с. 134.

ЛИТЕРАТУРА

- Аветян А. С.* Германский империализм на Ближнем Востоке: Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М., 1966.
- Адамов Е.* Великодержавная политика Греции и великие державы.— В кн.: Новый Восток. М., 1922, кн. 2, с. 160—181.
- Алексић-Пејковић Љ.* Относи Србије са Французском и Енглеском, 1903—1914. Београд, 1965.
- Алиев Г. З.* Турция в период правления младотурок (1908—1918). М., 1972.
- Андреевская Е. А.* Балканы в планах французской буржуазии накануне первой мировой войны.— Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1969, т. 307.
- Астафьев И. И.* Русско-германские дипломатические отношения, 1905—1911. М., 1972.
- Арш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д.* Краткая история Албании. М., 1965.
- Балканската война, 1912—1913: (70 години от Балканската война, 1912—1913).— Изв. на военно-историческо научно друштво, 1984, т. 37.
- Балканската война 1912—1913. С., 1961.
- Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906—1911. М., 1959.
- Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1910—1914).— ИЗ, 1965, т. 75, с. 44—85.
- Бирман М. А. В. И. Ленин и борьба революционной социал-демократии балканских стран против империалистической войны, 1914—1915.*— СС, 1965, № 2.
- Бирман М. А.* Дипломатия Германии и Балканский союз, 1912 г.— В кн.: Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.
- Бирман М. А.* Сербия в период балканских войн, 1912—1913.— КСИС, 1961, № 32.
- Бовыкин В. И.* Из истории возникновения первой мировой войны: Отношения между Россией и Францией в 1912—1914 гг. М., 1961.
- Бовыкин В. И.* Русско-французские противоречия на Балканах и Ближнем Востоке накануне первой мировой войны.— ИЗ, 1957, т. 59.
- Боев Ю. А.* Ближний Восток во внешней политике Франции (1898—1914). Киев, 1964.
- Велева М.* Из дейността на БРСДП (т. с.) в навечерието и по време на Балканските войни.— Изв. на Ин-та по истории на БКП, С., 1958, кн. 3—4.
- Виноградов В. Н.* Внешнеполитическая ориентация Румынии накануне первой мировой войны.— НИНИ, 1960, № 2.
- Виноградов К. Б.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962.

- Виноградов К. Б.* Основные особенности политики Австро-Венгрии на Балканах в 1909—1913.— В кн.: Первый конгресс балканских исследований. М., 1966.
- Виноградов К. Б.* Некоторые особенности экономического развития Австро-Венгрии накануне первой мировой войны.— Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук, 1955, вып. 23.
- Владимиров Л.* Война на Балканах. Пг., 1918.
- Влахос Т.* Отношения между България и Централните сили по време на войните 1912—1913. С., 1957.
- Влахос Т.* България и Централните сили в навечерието на првата световна война.— ИИИ, 1951, т. 1—2.
- Влахос Т.* Външната политика на Фердинанд и Българският съюз.— ИП, 1950, № 4/5.
- Влахос Т.* Турско-българските отношения през 1913—1915.— ИП, 1955, № 1.
- Војводић М.* Један неуспели покушај Аустро-Угарске да склони царинску унију са Црном Гором.— В кн.: Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967.
- Волф Т.* Голямата война: История на дипломатическата подготовка на голямата първа световна война. Оряхово, 1930.
- Вуковић Божо-Божидар.* Рат Црне Горе против Турске и Бугарске и рад Црне Горе на унији и сарадњи са Србијом. Цетиње, 1971.
- Вуксан Д.* Енглеска и Црна Гора.— Записи, 1929, књ. 4.
- Вучковић В.* Унутрашње кризе Србије и први светски рат.— ИЧ, 1966, књ. XIV/XV.
- Галкин И. С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции (1905—1912). М., 1960.
- Галкин И. С.* Образование Балканского союза 1912 г. и политика европейских держав.— Вестн. МГУ. Сер. обществ. наук, 1956, № 4.
- Гиргинов А.* Народната катастрофа: Войните 1912—1913. С., 1926.
- Гиргинов А.* България пред великата война. Пловдив, 1932.
- Гирс А. А.* Австро-Венгрия, Балканы и Турция: Задачи войны и мира. Пг., 1917.
- Глебов В. Л.* Основные черты и приемы германской политики на Балканах в конце XIX — начале XX в.— В кн.: Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.
- Гринберг С. Ш.* Внешнеполитическая ориентация Болгарии накануне первой мировой войны (1912—1914).— В кн.: Славянский сборник. Минск, 1947.
- Гришина М. И.* Вопросы внешней политики России на страницах большевистской «Правды», 1912—1914.— Учен. зап. МГПИ, 1964, т. 229.
- Дамьянов С.* Европейската дипломатия и България в навечерието и по време на първата балканска война (1912—1913).— ВИС, 1982, № 4.
- Дамьянов С.* Политиката на Съгласанието спрямо България през междусъюзническата война (1913).— ВИС, 1983, № 2.
- Дворецкий Е. В.* Дипломатические отношения России и Италии в период итало-турецкой войны 1911—1912 гг.— ИЗ, 1973, т. 92.
- Димитров Г. М.* Европейская война и рабочее движение на Балканах.— КИ, 1925, № 5, 6.
- Екмечий М.* Ратни циљевн Србије, 1914. Београд, 1973.
- Емец В. А.* Очерки внешней политики России в период первой мировой войны, 1914—1917 гг. М., 1977.
- Жебокрицкий В. А.* Болгария накануне Балканских войн, 1912—1913, Киев, 1960.

- Жебокрицкий В. А.* Болгария в период Балканских войн. Киев, 1961.
- Жогов П. В.* Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912—1913. М., 1969.
- Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926.
- Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны, 1908—1914. М., 1962.
- Исламов Т. М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. М., 1972.
- История дипломатии. М., 1963. Т. II.
- Истягин Л. Г.* Германское проникновение в Турцию и кризис русско-германских отношений зимой 1913—1914 г.— Учен. зап. ИМО. История, 1962, вып. 8.
- Јанковић Д.* Југословенство у Србије, 1903—1912.— Анали правног факултета у Београду, 1969, № 5/6.
- Јанковић Д.* Ставови сила Тројног споразума према националном питању Србије и југословенског народа уочи првог светског рата.— В кн.: Велике силе.
- Јовановић Ј.* Аустрија и Русија на Балкану, 1908—1912.— Руски архив, Београд, 1931, књ. 13, № 13; 1932, кн. 4, № 18/19.
- Јоцов Ј.* Балканската война.— ИП, 1947—1948, № 4—5.
- Кабакчиев Хр.* Вишњиците на катастрофата. С., 1919.
- Калинков А.* Русија и подготовката на Балканската война 1912—1913.— ВИС, 1980, № 3.
- Киктев А. Ј.* Из истории образования Балканского союза, 1912.— Науч. тр. Киев. ун-та, 1940, т. 1.
- Косев К.* Подвигът 1912—1913: 70 години от Балканската война. С., 1983.
- Кросс Б. Б.* Румыния и вторая Балканская война.— В кн.: Славянские исследования. Л., 1966.
- Кумоджиев Б.* Дипломатическа и материална подкрепа от Русија на България по време на Балканската война в 1912—1913.— ВИС, 1977, № 4.
- Лазаревић М.* Други балкански рат. Београд, 1955.
- Лајиновић А.* Питање Скадара у првом балканском рату.— ИЗ, 1949, № 4.
- Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн. Л., 1929.
- Маринова М.* Българските марксисти в защита на националните интереси на България, 1900—1912. С., 1975.
- Марков Г.* България и нейните съюзници през Балканската война (1912—1913).— ИП, 1981, № 1.
- Марков Г.* Съдобносните стъпки на България в балканските войни (1912—1913).— ИП, 1982, № 4.
- Маргънченко А. К.* Болгария в Балканському союзи, 1912.— В кн.: Усторичні звязки славянських народів. АН УССР: Наукові записки, 1956, т. 7.
- Маргънченко А. К.* Русско-болгарские отношения от провозглашения независимости Болгарии до начала первой Балканской войны (1908—1912): Канд. дис. Рукопись. Киев, 1953.
- Междусъюзническата война 1913. С., 1963.
- Миллер А. Ф.* Вступление Турции в мировую войну.— Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1964, т. III, № 4.
- Мишић Д.* Немачки капитал у Србији до 1918.— ИЧ, 1959, т. XII.
- Мигев Й.* Българо-сръбският съюзен договор от 1912 и дипломатическата подготовка на Балканската война, 1912—1913.— Изв. на военно-историческо научно дружество, 1984, т. 37.

- Могилевич А. А., Айрапетян М. Э.* На путях к мировой войне 1914—1918. М., 1940.
- Моровов А. В.* Политика России и европейских держав на Балканах в период подготовки сербо-болгарского договора 1912 г.—Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1978, № 1.
- Новакова К.* Печатът и личният режим на Фердинанд. С., 1975.
- Новичев А. Д.* Очерк экономики Турции до мировой войны. М., 1937.
- Ноговиц Ф. И.* Империалистические противоречия накануне первой мировой войны.—ИЗ, 1947, т. 23.
- Огнянов Л.* Българският земеделски народен съюз и въвличинето на България в първата световна война.—Годишник на Софийския университет. Идеологически катедри, 1971, т. LXII.
- Огнянова М.* Балканската война. С., 1949.
- Павлович М. П.* Милитаризм, маринизм и война 1914—1918 гг. М., 1918.
- Панайотов И.* Руско-българските отношения през балканските войни 1912—1913.—ИИИ, 1968, т. 20.
- Панайотов И.* Австрия, Русия и съдбата на Балканите.—ИП, 1946, № 4/5.
- Панайотов Л.* Балканският съюз и войната от 1912—1913.—ВИС, 1982, № 4.
- Пантев А.* Англия и външнополитическите проблеми на България (1879—1914).—В кн.: България в светлата от древността до наши дни. С., 1979, т. II.
- Перцев В.* Перед войной.—Голос минувшего. М., 1914, № 9.
- Писарев Ю. А.* Освободителное движение югославских народов Австро-Венгрии в 1905—1914 гг. М., 1962.
- Позина Е. С.* Русско-сербские отношения накануне Балканской войны (1908—1912): Канд. дисс. Рукопись. Киев, 1974.
- Покровский М. Н.* Как русский империализм готовился к войне.—Большевик, 1924, № 9.
- Поповић Д.* Борба за народно уједињење, 1908—1918, Београд, 1936. Први балкански рат, 1912—1913. Београд, 1939. Књ. 1.
- Ракочевић Н.* Односи Црне Горе и Србије у период 1912—1914.—В кн.: Велике силе, с. 577—586.
- Ракочевић Н.* Односи између Црне Горе и Аустро-Угарске од завршетка скадарске кризе марта 1913 до сарајевског атентата.—В кн.: Југословенски народи..., с. 821—844.
- Ратковић Б.* Србија и Црна Гора у балканским ратовима, 1912—1913. Београд, 1972.
- Сидоров А. Л.* Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960.
- Силин А. С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны. М., 1976.
- Симић Д.* [Марко]. Никола Хартвиг: (Сполна политика Србије пред први светски рат).—Нова Европа, 1928, књ. 17, № 8—9.
- Скоко С.* Други балкански рат. Београд, 1968.
- Скоко С.* Војно-политички положај Србије после Букурештског мира 1913 г.—В кн.: Велике силе.
- Скоко С., Опачић П.* Војвода Степа Степановић у ратовима Србије (1878—1918). Београд, 1974.
- Стателова Е.* За българо-сърбските отношения в периода 1909—1912.—ИП, 1969, № 5.
- Стателова Е.* Политика, партия, печат на българската буржуазия, 1909—1912. С., 1973.
- Стателова Е.* Българо-гръцките политически отношения навечерето

- на Балканската война.—Изв. на Института за военна история, 1984, т. 37.
- Стоянов Ст.* България на Лондонска мирна конференция (1912—1913).—Изв. на Института за военна история, 1984, т. 37.
- Халъгартен Г.* Империализм до 1914 г. М., 1961.
- Шарова К.* Буржуазната историография и участието на България във войните 1912—1918.—ИП, 1950, № 2, с. 129—157.
- Шацкило К. Ф.* Русский империализм и развитие флота. М., 1968.
- Шкеровић Н.* Црна Гора на освитку XX века. Београд, 1964.
- Шпилъкова В. И.* Отношения западноевропейских держав в младотурецкой революции.—НИИИ, 1971, № 3.
- Тодорова Цв.* Към историята на БЗНС в навечерието на войните.—ИП, 1955, № 5.
- Трухнов Г. М.* Политика германо-австрийского империализма на Балканах в период второй балканской войны (VII, 1913).—Учен. зап. Белорус. ун-та. История, 1955, вып. 23.
- Туполев В. М.* Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX—начале XX в. М., 1970.
- Боровић В.* Односи између Србије и Аустро-Угарске у XIX веку. Београд, 1936.
- Борђевић Д.* Ислазак Србије на Јадранско море и конференција амбасадора в Лондону, 1912. Београд, 1956.
- Борђевић Д.* Пашић и Миловановић у преговорима за Балкански савез 1912 г.—ИЧ, 1960, № 9/10.
- Буришић М.* Улога краља Николе у првом балканском рату.—Историјски записи, Титоград, 1960, књ. XVI, св. 1.
- Яхимович З. П.* Итало-турская война 1911—1912. М., 1967.
- Baumgart W.* Deutschland im Zeitalter des Imperialismus (1890—1914). Frankfurt a. M., 1972.
- Barnes H.* The genesis of the World War. New York; London, 1927, p. 754.
- Bickel O.* Russland und die Entstehung des Balkanbundes. Königsberg, 1933.
- Bogdanović R.* Bukureštski mir i Srbija. Beograd, 1971.
- Chlumecsky L.* Erzherzog Franz-Ferdinand. Wien, 1929.
- Crampton R. J.* The Balkan as a factor in German foreign policy, 1912—1914.—Slavonic and East European Review, 1977, vol. 55, N 3.
- Dakin D.* The diplomacy of the Great Powers and the Balkan States 1908—1914.—Balkan Studies, Thessaloniki, 1962, vol. 3.
- Dakin D.* The Greek struggle in Macedonia, 1897—1913. Thessaloniki, 1966.
- Deutschland im ersten Weltkrieg. B., 1970. Bd. 1.
- Eyck E.* Das persönliche Regiment von Wilhelm II., 1890—1914. Zürich, 1948.
- Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961.
- Fischer F.* Krieg der Illusionen: Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1969.
- Gooch G.* Before the War: Studies in Diplomacy. L., 1938, vol. I, II.
- Helmreich E.* The Diplomacy of the Balkan Wars 1912—1913. Cambridge, 1938.
- Helmreich E.* Rußlands Einfluß auf den Balkanbund im Oktober 1912.—BM, 1933, N 2.
- Helmreich E.* Die tieferen Ursachen der Politik Berchtolds im Oktober 1912.—BM, 1933, N 3.
- Helmreich E.* Montenegro and the Formation of the Balkan League.—Slavonic Review, 1937, N 15.

- Hering G.* Die serbisch-bulgarischen Beziehungen am Vorabend und während des Balkankrieges.— *Balkan Studies*, 1962, N 3.
- Hoffman J.* The Austro-Russian Rivalry in the Balkans. Chicago, 1940.
- Klein F.* Das Rivalität zwischen Deutschland und Österreich-Ungarn in der Türkei am Vorabend des ersten Weltkrieges.— In: *Politik im Krieg 1914—1918*. B., 1964, S. 1—21.
- Kondis B.* Greece and Albania, 1908—1914. Thessaloniki, 1976.
- Löding D.* Deutschlands und Österreich-Ungarns Balkanpolitik von 1912—1914. Hamburg, 1969.
- Mactu V.* România si politica marilor puteri fata de Serbia (X 1912—VIII 1914).— *Revista de istorie*, Buc., 1974, t. 27, N 9, p. 1335—1361.
- Michaelis H.* Die Deutsche Politik während der Balkankriege, 1912. Leipzig, 1929.
- Mitrović A.* Prodor na Balkan i Srbija, 1908—1918. Beograd, 1981.
- Mühlmann C.* Deutschland und Türkei (1913—1914). B., 1929.
- Mosley P.* Russian Policy in 1911—1912.— *Journal of Modern History*, 1940, N 12.
- Pantev A., Popov R., Sharova K., Statelova E., Todorova Z.* The Foreign Policy of the Opposition Parties in Bulgaria, 1909—1914.— *Bulgarian Historical Review*, 1975, N 1.
- Regele O.* Feldmarschal Conrad: Auftrag und Erfüllung, 1904—1918. Wien, 1955.
- Renkin R.* The inner history of the Balkan Wars. L., 1930. Vol. 1, 2.
- Renouvein P.* La crise europeenne et la Grande Guerre. P., 1934.
- Rossos A.* Russia auf the Balkans: Inter-Balkan rivalries and Russian foreign policy, 1908—1914. Toronto, 1981.
- Seton-Watson R.* Sarajevo. Zagreb, 1925.
- Skoko S.* Borba velikih sila za hegemoniju na Balkanskom polustrvu — jedan od uzroka prvog svetskog rata.— *Vojnoistorijski glasnik*, 1964, N 1, s. 27—68.
- Sosnosky T. von.* Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1816. Stuttgart; Berlin, 1914. Bd. II.
- Statelova E.* Sur la question des relations Bulgaro-Turques au cours de la période 1909—1911.— *Etudes Balkaniques*, 1970, N 5, p. 443—460.
- Thaden E.* Russia and the Balkan Alliance of 1912. Pennsylvania, 1965.
- Todorova Z.* Aspekte der industriellen Entwicklung Bulgariens vom ende des 19. Jahrhundert bis zum ersten Balkankrieg.— *Etudes Historiques*, Sofia, 1970, t. V, p. 409—443.
- Урубес Э.* Балканский кризис 1911 г. и европейские державы.— *СС*, 1972, № 2.
- Uebersberger H.* Österreich zwischen Russland und Serbien: Zur südslawischen Frage und der Entstehung des ersten Weltkrieges. Köln; Graz, 1958.
- Wallroth A.* Deutschland und Österreich-Ungarn: Beiträge zur deutsch-österreichischen Bundespolitik in den Jahren vor dem Weltkrieg. B., 1941.
- Zivanović M.* Jugoslovensko pitanje u Austro-Ugarske uoči Balkanskog rata 1912.— *Zadarska Revija*, 1957, N 9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР — Архив внешней политики России
 АВПР, ф. ПА — Архив внешней политики России, ф. Политархив
 АВИИ — Архив Војно-историјског института Југословенске народне армије
 Анали п. ф. — Анали правног факултета у Београду
 АСАНУ — Архив Српске академије наука и уметности
 БКП в резолюции — Българската комунистическа партия в резолюции, решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК
 Велике силе — Велике силе в Србија пред први светски рат
 Вестн. НКВД — Вестник Народного комиссариата иностранных дел РСФСР
 ВИ — Вопросы истории
 ВИС — Военно-исторически сборник, София
 ДА ДСИП — Државни архив Државног секретаријата иностраних послова СФРЈ
 ДАСРС — Државни архив Социјалистичке републике Србије
 ДАСРЦГ — Државни архив Социјалистичке републике Црне Горе
 Доклад — Доклад на парламентарната изпитателна комисија
 ДСП кр. Србије — Документи о сполној политици Краљевине Србије
 ИГ — Исторически гласник
 ИЗ — Исторически записки
 ИИИ — Известия на Института на история БАН
 ИП — Исторически преглед, София
 Историјски архив — Историјски архив Комунистичке партије Југославије
 ИПА
 ИЧ — Исторически часопис
 Југословенски народи — Југословенски народи пред први светски рат
 ЈИЧ — Југословенски историјски часопис
 КИ — Комунистически Интернационал
 КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР
 Материјалы — Материјалы по истории франко-русских отношений
 МОЗИ — Международные отношения в эпоху империализма
 НИНИ — Новая и новейшая история
 СКГ — Српски књижевни гласник
 СС — Советское славяноведение
 ТР. МГИАИ — Труды Московского гос. историко-архивного института
 УЗИС — Ученые записки Института славяноведения АН СССР
 ЦГА ВМФ СССР — Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР
 ЦГВИА СССР — Центральный государственный военно-историче-

ский архив СССР

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР

AJAZU — Arhiv Jugoslovenske akademije znanosti i umjetnosti

AJ — Arhiv Jugoslavije

BD — British Documents on the Origins of the War

BM — Berliner Monatshefte

Conrad F. — Feldmarschal Conrad von Hötzendorff. Aus meiner Dienstzeit, 1906—1918.

DA SRH BiH — Državni Arhiv Socijalističke Republike Bosne i Hercegovini

DD — Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch

DDF — Documents diplomatiques français relatifs aux origines de la guerre 1914

OL — Országos Levéltár

OUA — Österreich-Ungarns Aussenpolitik

EH — Etudes historiques

GP — Die Grosse Politik der europäischen Kabinette, 1871—1914

HHStA — Haus-Hof und Staatsarchiv, Wien.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Аварна ди Гвалтиери Джузеппе, граф 120, 121
 Авдаков Н. С. 50
 Авди-бей 152
 Авербух Р. А. 41
 Аветян А. С. 2, 10, 11, 38, 220, 224, 225
 Агаки А. С. 241
 Адамов Е. А. 168
 Адамович А. А. 243
 Айрапетян М. Э. 10, 157, 224
 Акиф-паша 152
 Александр Македонский 14
 Алексеев М. В. 219
 Алексич-Пейкович Л. 40, 191
 Алиев Г. З. 220, 224, 228
 Альбертини Луиджи 7
 Андраши Дюла (младший) 4, 157, 230
 Андраши Дюла (старший) 18
 Андрей 61
 Анчев А. 167
 Артамонов В. А. 56, 118, 170
 Арш Г. А. 159
 Астафьев И. И. 10, 11, 44, 74
 Ауффенберг-Комаров М. 19

 Баджария Э. 139
 Бакич Любо 188, 193
 Бакс-Айронсайд Генри 16, 33
 Бакстон Н. 41
 Бакунин М. А. 88
 Банич М. 55, 75
 Баркер Джон Элис-3
 Баттенберг Франц Иосиф 62
 Баучер Джеймс 34
 Башмаков А. А. 148
 Безобразов А. М. 42, 43
 Бек Фридрих 135, 150
 Бенедикт Г. 135
 Бенкендорф А. К. 124, 125, 139, 143, 144, 146, 147, 151
 Бенрингенк 263

 Бернрейтер Иозеф Мария 20, 130, 135, 157, 230
 Берхтольд Леопольд 21—26, 113, 116, 120, 130, 134, 166, 169, 185, 186, 199, 200, 203—205, 208, 209, 242, 248, 249, 251, 252
 Бестужев И. В. 10, 11, 44, 67, 74, 76, 159, 224
 Бетман-Гольвег Т. 8, 11, 17, 102, 107, 119, 166, 200, 215, 248, 249
 Биб Деда Пренк 152
 Биккель О. 9, 11, 75
 Билински Леон 202, 246
 Бирман М. А. 10, 11, 38, 40, 81
 Бисмарк О. 15, 17
 Биттнер Л. 10
 Благоев Д. 80, 81, 99, 168
 Бобчев С. 70, 112, 170, 184
 Бовыкин В. И. 10, 11, 44, 74, 155, 160
 Богичевич Милош 55, 75, 123, 158
 Боув Ю. А. 10, 11, 40
 Болетинац Иса 152
 Бомар Морис 63
 Бонапарт, Виктор Луи 143, 152
 Бонар Лоу Э. 34
 Бондаревский Г. Л. 38
 Бош Огюст 63
 Браун 140
 Броош Александр фон Аренау 19
 Буриан фон Райец Иштван 198
 Бьюкенен Д. (Буханиян Г.) 56, 75
 Бэкстон Нозль 33
 Бюлов Бернгард-Генрих 21, 39, 176, 191

 Вальяни Лео 246
 Вангенгейм Ганс 102, 114, 141, 163, 215
 Василий II Болгаробойца 176
 Вебер 213
 Вегерер А. 10, 211
 Велева 167

* В Указатель не включены особенно часто встречающиеся в книге имена.

- Велев М 167
 Вендель О. 229, 243
 Венизелос Э. 32, 139, 140, 156, 157
 Вергун Д. Н. 148
 Веснич Миленко 139
 Веши Иозеф 24
 Вид Вильгельм 153, 240, 241
 Визнер фон Фридрих 75, 209, 211
 Виктор Эммануил III 62
 Вильфиус А. 38
 Виноградов В. Н. 10, 11, 99, 191, 241
 Виноградов К. Б. 10, 11, 22, 25, 40, 44, 74, 243
 Витте С. Ю. 42, 43, 48
 Владимиров Л. 99
 Влахов Тауше 10, 12, 113, 131, 141, 158, 170
 Войнович И. 139
 Вольф Карл-Герман 230
 Воронцов-Дашков И. И. 61
 Вуйович Димо (Димитрий) 193
 Вукотич Божо-Божидар 159
 Вукотич Гавро 176, 191
 Вукотич Янко 104, 189
 Вучкович В. 191, 193
 Вюртембергский 145
 Вюртле Ф. 55, 75, 233

 Габсбург 2, 4, 15, 16, 18, 19, 23, 25, 34, 65, 98, 105, 116—126, 130, 134—137, 142, 143, 146
 Габсбург Рудольф 247
 Габсбург Франц Иосиф I 8, 21, 32, 55, 97, 120, 127, 129, 150, 195, 200, 204, 208, 209, 234, 247
 Габсбург Франц Фердинанд (Франц Фердинанд фон Эстеррейх-Эсте), 8, 19, 20, 90, 97, 135, 186, 200, 202, 203, 208, 209, 229, 230, 232, 233
 Гаврилович М. 63, 146
 Галантай И. 10, 12, 22, 39, 204, 210, 211, 246, 258
 Галкин И. С. 10, 11, 40, 41, 69, 76, 100, 133
 Гартвиг-Фонвизина А. В. 110
 Гейс Эммануил 10, 12, 246
 Геннадиев Н. 186
 Геннадиус И. 139
 Генчев А. 101
 Георг I 26, 32, 66, 90
 Георг V 34
 Георгиу И. 241
 Гешов И. Е. 8, 9, 11, 31—33, 60, 68, 83—85, 93—95, 100, 101, 161, 169, 184
 Гёртинген Карл 175
 Гизль фон Гизлинг Владимир 8, 11, 63, 64, 75, 145, 180, 188, 190, 192, 239, 252, 253, 258
 Гика Альберт 152
 Гиргинов А. 158, 192
 Гирс А. А. 62, 75, 143—145, 194, 210
 Гирс М. Н. 60, 62, 63, 66, 72, 98, 111, 153, 163, 214, 219
 Гирс Н. К. 60
 Гирс Н. Н. 121, 124, 163
 Гитлер А. 10, 263
 Гладстон Уильям 33
 Гогенцоллерн-Зигмарингер Карл (Кароль) I Гогенцоллерн) 15, 77, 164, 173, 175, 241, 242
 Гóловин Н. Н. 212
 Гольц Кальмар 103
 Грегович Душан 96, 97
 Грей Э. 33, 34, 35, 37, 114, 123, 124, 129, 138, 139, 146, 156
 Гризингер Юлий 16, 205
 Григорович И. К. 34, 56, 215, 216, 227
 Гринберг С. Ш. 192—241
 Гришина М. И. 159
 Губастов К. А. 60
 Гужон Ю. П. 50
 Гурко В. И. 148, 149
 Гутше Виллибальд 246, 258
 Гуч Г. 9, 75

 Дамянов С. 40, 169, 195, 241
 Данев Стоян 8, 11, 60, 68, 70, 76, 83—85, 93—95, 101, 139, 140, 169, 170
 Данилов Ю. Н. 215, 219, 236, 237
 Девиль П. 29, 32
 Дедиер В. 243
 Делькассе Т. 260
 Демидов Е. П. 61, 161, 194, 195
 Джавид-паша 220 (Джавид-бей)
 Джемил-паша 220
 Джелигги Д. 125
 Джорджевич Д. 11, 40, 88, 100, 132, 133, 157, 159, 210
 Джуришич М. 130
 Диллон 124
 Димитриевич Драгутин (Апис) 90
 Димитриевич С. 99
 Димитров Г. М. 77, 85, 99, 100, 161, 167

- Дмитриев Радко 184
 Довнар-Запольский М. В. 52, 75
 Драгович Р. 77, 99
 Дурново П. Н. 138, 157
 Дюмер 173
 Егорьев В. Н. 63, 145
 Екмечич М. 210, 224
 Елизавета II 62
 Елизавета (Кармен Сильва) 175
 Емец В. А. 184, 192, 241, 225
 Ерусалимский А. С. 38
 Жебокрицкий В. А. 10, 12, 74, 93,
 100, 141, 155, 158, 160, 168
 Живанович М. 191
 Жилинский Я. Г. 237
 Жогов П. В. 10, 12, 141, 155, 158,
 160
 Жоффер Ж. 30
 Зайончковский А. М. 258
 Зайцев В. В. 157
 Залески фон 135, 200
 Званич А. И. 134
 Зенкевич М. И. 127, 137, 165
 Зиеберт Б. 133
 Игнатъев А. В. 41, 225, 224
 Изаак Ж. 28
 Извольский А. П. 8, 11, 29, 30, 33,
 42—45, 50, 51, 49, 60, 88, 91, 107,
 108, 112, 121, 137, 155, 156, 164,
 194—196
 Иро 105
 Иславин Л. В. 62
 Исламов Т. М. 1, 24, 40, 164
 Истягин Л. Г. 224
 Иванович Йован М. 8, 39, 100, 128,
 133, 158, 163, 193, 234, 236, 237,
 244
 Йовков Йордан 85, 100, 191
 Кабакчиев Христо 18, 33, 38, 39,
 41, 80, 81, 99, 167
 Кавур Камилло 144
 Кайо Жорж 29
 Камбон Поль 31, 139, 156
 Канн Р. 258
 Карагеоргиевичи 65, 89, 96
 Карагеоргиевич Александр 51, 59,
 91, 235, 236
 Карагеоргиевич Георгий 91, 100
 Карагеоргиевич Елена 91, 235
 Карагеоргиевич Петр I 59—62, 71,
 77, 88—86, 98, 153, 176, 181—189,
 190, 235
 Каройи Михай 23, 24, 230
 Карп П. 16
 Картрайт Ферфакс 205
 Кастриот Аландро 152
 Кацлерович Триша 182
 Кемаль-бей Исмаил 152
 Кесяков Б. 76, 101
 Киамиль (Кямаль) паша 33, 104,
 114
 Кидерлен-Вехтер А. 16—18, 107,
 119, 120, 123, 129, 130, 141, 142
 Киктев А. Я. 29, 40, 41
 Кирков Г. 177
 Кирова К. Э. 35, 41
 Кирсенко М. В. 168, 191
 Киселева В. И. 46
 Клейн Фриц 10, 12, 246, 258
 Клементина Кобург (Клементина
 Бурбонская и Орлеанская) 85
 Клофач В. 22
 Клычников Ю. В. 11
 Кобурги 16, 65
 Коковцев В. Н. 8, 11, 52, 71, 108,
 112, 149, 155, 215, 228
 Коларов Васил 81
 Колушев Неделько 96
 Колчев Константин 63, 141
 Коновалов-Д. П. 50, 52
 Конрад фон Гетцендорф Франц
 19, 20, 37, 39, 118, 127, 129, 231,
 136—138, 150, 157, 159, 165, 166,
 200—203., 207, 208, 210—212, 240,
 243, 251
 Константин I 15, 32, 61, 168, 171,
 172, 176, 195
 Коншин А. В. 50
 Кормонс Е. 198, 210
 Костич Ц. 99
 Крамарж Карел 135
 Крачунов К. 100
 Крес фон Кресенштейн 221
 Кризман Б. 121, 132
 Криштоффи Йозеф 20, 39
 Кробатин Александр 19, 201, 251
 Кросс Б. Б. 10, 12, 164, 168, 241
 Круш 103, 226, 240
 Кудашев И. А. 186, 223, 251
 Куль Ганс 243, 226
 Курат И. 221, 225
 Ламсдорф В. Н. 42, 48
 Лапчевич Д. 168
 Лемке И. К. 75
 Лейжер У. 40, 126, 133

- Лёдинг 39, 166
 Ленин В. И. 6, 7, 11, 19, 26, 36,
 39, 40, 41, 76, 79, 80, 89, 105, 106,
 130, 143, 149, 158, 159, 167, 183,
 191, 199, 206, 210, 211, 227, 229,
 243, 246, 255, 257, 258, 261—263,
 264
 Леон Г. 76
 Леонтьев М. Н. 214
 Лермонтов С. А. 48, 62
 Лима фон Сандерс Отто 7, 11,
 210, 212—215, 221
 Лимпус А. 213, 221
 Лисенко В. К. 74
 Лихновский Карл-Макс 139, 142,
 146, 255
 Лихтембергский Г. М. 62
 Лобанов-Ростовский А. Б. 42
 Лобковиц З. 208
 Людвиг Виктор (Сакс Кобург Гот-
 ский) 85
 Людвиг Е. 39
 Лютцев Генрих 258

 Маврокордато 53
 Маджаров М. И. 41, 76, 131, 139,
 184
 Мадинов А. 84, 85
 Мандельштам А. Н. 220, 221, 225
 Маниевский Ю. 164
 Маннесман 226
 Манташев А. И. 53
 Маргутти А. 39
 Мария 61
 Маркович Светозар 88
 Мартинович М. 97
 Мартыненко А. К. 10, 12, 93
 Маршалл фон Биберштейн
 Адольф 69, 102
 Масарик Томаш 135
 Махмуд Шефкер-паша 154, 163,
 212, 213
 Мачу В. 164, 241
 Мекленбург-Стрелицкая 62
 Мельгунов Сл. 75, 224
 Менсдорф Альберт фон Менс-
 дорф-Доули-Дитрихштейн) 139,
 142—144, 150, 202, 208
 Мерей Кастан 37
 Мехмед Шани 241
 Мехмед-паша Даралия 152
 Милич Д. 38
 Миллер А. Ф. 225
 Милованович Милован 8, 9, 29, 59,
 86, 88, 93—95
 Мильеран А. 29, 30

 Митрович А. 10, 12, 39, 168, 210,
 211, 246, 258
 Миюшкович Лазар 189
 Миюшкович М. 139, 140, 143, 144
 Мирабо Оноре Габриэль 58
 Михаэлис Г. 133
 Мишич Ж., генерал 181
 Могилович А. А. 10, 157, 224
 Мольтке Гельмут 231
 Мольтке Гельмут (младший) 13,
 127, 176, 207, 212
 Морозов С. Т. 53
 Мошану А. К. 83
 Мурад У. 221
 Мусулин Александр 246, 247, 258
 Мухтар-паша 102, 130

 Наполеон I Бонапарт 14, 143, 226
 Нарочницкий А. Л. 2, 10, 11
 Негоши-Петровичи
 Анастасия 62
 Анна 62
 Вера 75
 Данило 62, 104, 188
 Елена 62
 Зорка 62, 96
 Ксения 75, 143
 Мария 75
 Милена 64
 Милица 62
 Мирко 62
 Николай I, король Черногории
 61—64, 66, 70, 77, 96, 97, 103,
 104, 139, 143—146, 188—190,
 236—238
 Петр 62, 191
 София 75
 Нейрат Отто 117, 135
 Неклюдов А. В. 26, 60, 65, 93—95,
 98, 110, 151, 161, 187, 194, 195
 Немитц А. В. 114
 Нератов А. А. 69, 108
 Низам-паша 221
 Николай 61
 Николитч А. 139
 Никольсон Артур 34, 35, 37, 121,
 124, 126, 214
 Нинчич М. 99
 Нобель Э. Л. 53
 Новакович Стоян 139, 140
 Новичев А. Д. 40
 Ностиц Р. 208
 Нотович Ф. И. 241, 242, 244
 Нюркаева А. З. 81

- Обнорский Н. А. 62, 63, 65, 66, 70
Обреновичи, сербская династия 90
Огнянов Любомир 99, 167, 192
Ольга Константиновна, жена Георга I 63
Омер-паша 152
Омрачевский С. 82
Ону М. К. 61
Опачич П. 12
Остальцева А. Ф. 74
Отто Эдуард 63, 64, 190
- Павлович М. П. (Бельтман М.) 211, 257, 264
Павлович Милорад 135
Палеолог Морис 16, 29, 31, 32, 57, 223
Паллавичини Янош (Иоганн) 15, 113, 141
Пальмов И. С. 148
Панайотов Иван 10, 12, 113, 131, 162, 170, 241
Панайотов Любомир 162
Пантев А. 158
Паприков С. 139
Пачу Лазар 181
Пейдж Томас 124
Пелехин Б. П. 62, 63
Петков Д. 85
Петр I 61
Петряев А. М. 64, 66, 67, 72, 73, 151
Писарев Ю. А. 1, 75, 99, 130, 133, 244, 257, 258
Плесса 207
Поклевский-Козелл А. С. 60, 61
Покровский М. Н. 74, 224
Поливанов А. А. 149, 219
Понграц 252
Попов Р. 158
Попович Богдан 86
Попович Д. 87, 94, 100, 101, 111, 123, 131, 132, 140, 158, 181
Попович Йован 139
Попович Ристо 187
Попович Ч. 100
Поссельт 213
Поссони Стефан 233, 243
Потапов М. Н. 63, 103, 188
Прибачевич Светозар 100
Принцип Гаврило 245, 246
Пуанкаре Р. 8, 11, 21, 28—32, 39, 40, 98, 114, 121—125, 133, 140, 225, 256
- Пунтигам Антон (профессор Фарос) 55
Пурталес Фридрих 215, 228, 235, 254, 259
Путилов А. И. 53
Путник Радомир 90, 94, 181
- Равнихар В. 22
Раденич А. 100
Радецкий И. 128
Радославов Васил Христов 85, 142, 158, 184, 185
Ракочевич Новица 101, 130, 144, 145, 158, 189, 192, 193
Ралис Д. 176
Распутин Г. Е. 57, 62
Редлих Йозеф 20, 39, 198, 211, 230
Ренкин Р. 9, 11
Ренувен П. 28
Решид-паша 139, 140, 141
Риезлер К. 211
Ризнич Коста 135
Ризов Д. 29, 87
Ринели 120
Ровинский П. А. 63
Розен О. П. 51
Розен Р. Р. 61
Ролофф Г. 29, 40
Романовский 26, 60
Романовы 91
Александра Федоровна 56, 57
Алексей Михайлович 216
Георгий Михайлович 61
Елена Владимировна 61
Иоанн Константинович 91, 235
Константин Николаевич 61
Мария Павловна 57
Мария Федоровна 35
Николай Александрович (Николай II) 35, 56, 57, 61, 108, 153, 242, 262
Николай Николаевич 62, 148, 149, 219
Ольга Константиновна 61
Петр Николаевич 62, 148
Татьяна Николаевна 242
Роон А. фон 176
Русин А. И. 34, 56, 222
Рябушинский П. П. 50
- Сабанин А. 11
Саваджан Л. 28
Савинский А. А. 77, 187
Сайд Халим-паша 69, 220, 221
Сан Джулиано ди Антонио 139, 150

- Сапари фон Сапар Фридрих (Ференц) 251, 253, 256
 Саркисов Е. К. 225
 Сербеев С. Н. 128, 215, 251
 Сегеньи Ладислаус 208, 248
 Сельв Жюстен Жозеф де 29
 Сементовский-Курило Д. К. 60, 65
 Сенкевич И. Г. 159
 Сигизмунд I 85
 Сидоров А. Л. 264
 Сикст Бурбонский (Сикст, фон Бурбон Парма) 152
 Силин А. С. 10, 12, 41, 220, 224
 Симеон I 85
 Симоненко В. Г. 264
 Ситон-Уотсон Р. В. 233, 243, 250, 258
 Скерлич Йован 86, 188
 Скоко Саво 10, 12, 168, 191
 Скулудис 139, 157
 Скутаревский А. П. 148
 Смирнова Н. Д. 159
 Солдатенков 162
 Соловьев Ю. Я. 16, 39, 59, 62, 63, 75
 Сосноски Т. 158
 Софья, жена Константина I, короля Греции 15
 Спалайкович Мирослав 95, 236
 Спиваковский И. Е. 81
 Стамболийский А. 177, 184, 185, 191
 Станоевич Станое 243, 232
 Стателова Е. 99, 158, 168
 Стилд Уикхэм 113, 131, 138, 157, 160, 233, 243
 Стиннес 226
 Столыпин П. А. 42—45, 52
 Стоядинович М. 191
 Стоянович Коста 135, 157
 Стоянович Н. 139, 156
 Стрейте Георг 139, 157
 Стурдза Д. 16
 Стюарт Карл II 139
 Суни-бей 152
 Сухомлинов В. А. 8, 11, 13, 38, 127, 140, 219, 228, 244
 Супон В. А. 221
 Табурно Е. П. 48
 Танкосич Войин 91
 Тарле Е. В. 138, 157
 Тарновский фон Тарпов Адам 16, 25, 26
 Тейлор А. 9, 11
 Тимашев С. И. 53
 Тимрот А. К. 52
 Тириц Альфред 234
 Тиса Иштван (Стефан) 23, 24, 40, 198, 202, 203, 229—231, 249, 258
 Титтони Томазо 123
 Тодоров Б. 162
 Тодоров Т. 83
 Тодорова Цветана 31, 40, 45, 74, 158, 168
 Тодорович М. 40, 99
 Тончев Д. 85, 186
 Тошев А. 8, 11, 101, 130, 154, 160
 Топалович М. 191
 Тревельян Чарльз 35, 41
 Тройтлер 202, 233
 Трубецкой Г. Н. 65, 110, 149
 Трухнов Г. М. 10, 12, 131
 Тукин К. 186, 192
 Турн унд Вальсасина Дуглас 116, 122
 Турн унд Таксис Максимилиан 208
 Турок В. М. 39
 Турхаң-паша Пермети 71, 76, 153
 Тузович Димитрий 78, 80—82, 90, 99, 100, 115, 132, 167, 182, 191
 Тэдден Э. 9, 11
 Угрон С. (Угрон д'Абранфальва) 117, 188, 134, 204
 Узунов Хр. 192
 Урах фон 152
 Урбански А. 39
 Урусов С. Л. 93
 Фахреддин-бей 224
 Фей С. 9, 11, 75
 Фелльнер Ф. 10, 12, 246, 258
 Фердинанд I Кобург 15, 26, 29, 32, 34, 66, 68, 77, 85, 90, 93, 98, 113—115, 141, 161, 162, 169—171, 176, 177, 194, 195, 207
 Фичев Иван 93, 94
 Фишер Ф. 10, 12, 211, 243
 Форгач фон Хименес Иоган 60
 Франкш В. 40
 Фрейдзон В. И. 2
 Фуад 152
 Фундер Фридрих 230
 Хальгартен Георг 22, 39, 192, 216
 Ханак Н. 258
 Ханч Хуго 22, 39, 211, 257
 Хвостов В. М. 10, 11
 Хельмрейх Е. 9, 11, 126, 133, 154, 159, 160

- Хитрова Н. И. 75
Хлумецки, Леопольд 133, 135, 243
Хойош Александер 165, 198, 200,
202, 245—247, 256
Хойош Алиса 200
Хотек (Гогенберг) София 232
Хоффман И. 9, 11
Христофор 61
Хубка Густав 64, 76, 103, 188
- Цанкар Ивай 105, 130
Цветичанин Р. 100
Цвийич Йован 86
Циммерман Артур 25, 166, 251, 252
- Чапрашиков Стефан
Чарыков Н. В. 38, 60, 65, 69, 70,
93
Чернин фон унд Худенитц Отто-
кар 20, 21, 39, 165, 199, 208,
299—331, 242, 254
Черняев М. Г. 110
Чиршки унд Богендорф Генрих
166, 203, 248
Чубрилович В. 86, 100, 132
- Шарова Крумка 158
Шацилло К. Ф. 41, 264
Швегель 135
Шведеманн К. 126, 133, 186, 192
Шебеко Н. Н. 60, 231, 234
Шебунин Л. Н. 74
Шемуа А. 19, 127, 129
Шиллинг М. Ф. 34
Шишов И. П. 50, 51
- Шкерович Николай 130, 144, 158,
193, 236, 244
Шлиффен Алфред 226
Шмитт Б. 39
Шнейдер (Шнейдер-Крезе) 27
Шпилькова В. И. 41
Шпицмюллер-Хармерсбах Алек-
сандер 20, 230
Штейнитц Эдуард 126, 133, 186,
192
Штегеве Ф. 132
Шторк фон 252
Штрандгман В. Н. 58, 160, 252, 253
Штюрк Карл 134, 250
Штюрмер Б. В. 57
- Шеглов А. Н. 62, 214
Шербачев Ю. Н. 61
- Эбергард А. А. 223
Эдуард VII 33
Эйк Эрнест 39
Экхардт фон 64
Энвер-паша 221
Эренталь Алоис Лекса 21, 25, 26,
37, 43—45, 136
Эссад-паша-152, 153
- Юберсбергер Ганс 10
Южбашич Дж. 39, 132, 157
- Ягов фон Готтлиб 17, 247, 248, 254,
255
Янкович Д. 100, 191
Янушкевич Н. Н. 219, 256
Яхимович З. П. 35, 41

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Австрия 7, 10, 19, 20, 23, 24, 28, 46, 49, 52, 55, 67, 72, 76, 120, 230, 245, 248, 250
- Адрианополь (Едрен, Одрин) 93, 94, 104, 111, 113, 144, 142, 154, 163
- Адриатическое море (Адриатика) 3, 6, 36, 45, 67, 87, 113—126, 163, 179, 189
- Азия (Западная Азия, Малая Азия, Передняя Азия) 3, 14, 36, 43, 46, 47, 52, 58, 138, 258
- Албания 5, 24, 36, 93, 115—119, 125, 128, 136, 141—144, 163, 165, 201, 205, 206, 239—241, 250
- Александрия 141
- Амеронг 263
- Анатолия (Анатолийский п-в) 140, 169, 194
- Анкара 14
- Аргентина 213
- Афины 29, 32, 59, 61, 140, 160, 161, 164, 169, 176, 195, 198, 241
- Африка (Северная Африка) 3, 4, 32, 36, 37, 218, 227, 240, 250
- Бавария 201
- Багдад (Багдадская ж. д.) 2, 3, 13
- Балтийское море 149, 234, 259
- Бальмораль (Бальморан-Касль) 34
- Бар (Ангивари) 48, 49, 70, 145, 238
- Бейрут 27, 58
- Бельгия 49, 262
- Бенишов 208
- Беране (Беранский р-н) 97
- Бессарабия (Бессарабская губ., Молдавия) 53
- Битоль (Битола, Битоли, Монастырь, Битольский вилайет) 64, 104, 119, 136
- Ближний Восток 3, 7, 27, 32, 42, 43, 46, 49—51, 53, 54, 64, 119, 136, 155, 156, 194, 197, 212—217, 220, 227, 229
- Боденбах 208
- Болгария 3, 6, 9, 10, 15, 16, 25—27, 29, 31, 32, 34, 38, 45—47, 50, 51, 57, 60, 65, 68, 70, 71, 77—87, 93—98, 104, 109—117, 123, 128, 135, 139—141, 231, 241, 242—269
- Бонн 55
- Босфор (Проливы, Черноморские проливы) 5, 65, 71, 110, 114, 199, 214, 217
- Босния (Босния и Герцеговина) 18, 19, 24, 25, 45, 51, 59, 69, 79, 80, 86, 94, 105—107, 144, 199
- Бояна (Буна) р. 49, 147
- Бургас 53, 58, 110
- Бухарест 5, 16, 20, 77, 89, 164, 165, 175, 182, 195, 199, 207, 223, 242
- Бухлау 43, 75.
- Валона (Влэра) 150, 152
- Вардар 93, 94, 201
- Варна 53, 94
- Венгрия (Королевство св. Иштвана) 3, 7, 8, 10, 19, 24, 67, 106, 202, 203, 229, 230, 249
- Византия (Византийская империя) 85
- Воеводина 106
- Галиция 127, 128
- Гамбург 118
- Голландия (Нидерланды) 263
- Гори 58
- Греция 5, 9, 25—27, 29, 32, 34, 38, 46—49, 60—65, 69, 79—82, 85—

* В Указатель не включены особенно часто встречающиеся географические наименования.

- 87, 93—96, 104, 109, 116, 117, 128,
135, 136, 139—141, 150, 154, 156,
157, 238, 240, 247, 250, 260
- Далмация 3, 134
Дальний Восток 42, 43
Дарданеллы 5, 37, 38, 70, 71, 114,
141
Дезио 36
Джяково (Дяково) 126, 140, 189
Джарберкир 220
Добруджа (Южная Добруджа)
167, 172
Додеканесские о-ва 36, 38
Дорн (Дорн) 263
Дубровник 105
Дунай, р. 45, 47, 50, 53, 79, 128,
134
Дураццо (Дуррес, Драч) 118, 123,
124, 126, 153
- Египет 14, 212, 213
- Зальцбург 207
Зимон (Земун, Землин) 97
- Измид (Измит) 14
Измир (Смирна, Исмир) 51, 213
Индийский океан 13
Индия 14
Истрия (Истра) 106
- Кавалла 140, 172, 200
Кавказ (Кавказский окр.) 14, 58,
69, 112
Калиса 141
Кассель 213
Киев (Киевский окр.) 53
Кипр, о-в 140
Киренаика 36
Китай 47, 60, 251
Конопишт 8, 208, 209, 232—234
Констанца 241
Косово 103
Кочаны (Кочани) 197
Крит, о-в 150, 154
Кумановк 111
- Ливадия 70, 94, 95
Ливия 36, 69
Ловчен, гора 144
Лозанна 38
Льеш (Лежа, Алессио) 118, 126,
150
Любляна (Лайбах) 22, 105
Люцерн 98
- Македония 18, 80, 105
Малисия 143
Маньчжурия 43
Марица, р. 3, 111, 250
Марокко 69
Мачва 201
Месопотамия 213
Мидия 110, 154, 163
Милан 85
Митровица 64, 151
Москва (Московский окр.) 50
Мраморное море 140
Мюрцштег 107
- Нант 123
Нижний Новгород (Горький) 109
Николаев 50
Никшич 48
Ниш (Нишский окр.) 128, 201
Нови-Пазар (Новопазарский санд-
жак, санджак) 45, 70, 93, 94, 124,
136, 144, 189, 190, 199, 201, 204,
249
- Одесса (Одесский окр.) 49, 52—54,
58, 141, 224
Опленац 96, 97
Ороши 152
Охрид, оз. 126
- Палестина 14, 33
Персидский залив 3, 14
Персия (Иран) 13, 43, 48, 59, 61,
64, 227, 213, 217
Плевле (Плевля) 140, 189
Подгорица (Титогорад) 64
Подольск (Подольская губ.) 53
Порт-Артур 43
Потсдам 57
Прибалтика 14, 234
Призрен 189
Пруссия 90, 175
Пьемонт 19, 20, 96, 106, 144
- Ракониджи 36, 38
Рим 5, 36, 37, 89, 161, 166, 239, 240,
241
Родосто, о-в 140, 154
Ростов-на-Дону 54
Румыния 4, 5, 9, 15, 16, 23, 27, 42,
46, 48, 59—69, 76—98, 104—110,
138, 153, 231, 233, 242, 243, 247
- Салоники (Солун, Фессалопики)
18, 48, 51, 61, 117, 119, 140, 142,
250, 165, 169, 199

Сан Джованни ди Медуа (Медова,
Шенгини) 118, 120, 140, 145, 147,
153

Сараево 55, 233, 246, 251, 253, 256

Сивас 220

Силезия 207

Силистрия 164

Синай 175

Сирия 14, 33

Систово 53

Скадар (Скутари, Шкодер) 49,
104, 140, 143—150, 154

Словения (Крайна) 80

София 15, 16, 25, 26, 29, 31, 33, 65,
77, 83, 93, 95, 98, 105, 113, 141,
151, 160, 242

Спалатто (Сплит) 105, 117

Средиземное море 13, 32, 36, 37,
43, 79, 121, 141, 142, 217, 222, 240,
260

Суэц 14

Тибет 227

Тирана 152

Тирренское море 36

Трансильвания 231

Трапезунд 220

Трентино 247

Триест 18, 57, 118

Триполитания (Ливия) 36

Турция (Османская империя,
Порта) 4, 6—8, 13—15, 17, 18,
25—28, 32—35, 37, 38, 42, 44—53,
63—72, 78, 82—84, 98, 102—111,
229, 237, 250, 261

Ульцин (Улцин) 145

Урал 14

Фиера 152

Фракия 140, 141

Херсон (Херсонская губ.) 53

Хорватия (Кроация) 49, 66, 80,
202, 203

Царское село 236

Цетинье 48, 62—64, 67, 70, 71, 96,
97, 102, 103, 143, 145, 146, 160,
176, 188, 190, 194, 237—239, 241

Чаталджинские высоты 115, 142,
213

Черногория 8, 25, 36, 45, 48—51,
60—64, 66—68, 77—79, 85, 95—
98, 102, 103, 107, 109, 110, 236—
240, 247, 261, 263

Черное море 43, 79, 108, 111, 112,
149, 194, 199, 222, 259

Чехия 208

Швейцария 98

Шибеник 105

Шотландия 34

Эгейское море 43, 117, 140, 142,
154, 157, 169, 172, 179, 187, 198,
199

Эльбасан (Эльбасани) 152

Энос 163

Югославия 7, 8, 55, 81, 233, 234,
245

Янина (Иоаннина) 104, 154

Япония 43, 46, 48, 59, 216

Яссы 77

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Глава первая

Балканы и дипломатия западных держав накануне создания Балканского союза

Балканская политика Германии и Австро-Венгрии	13
Балканская политика Франции и Англии	26
Планы Италии на Балканах	35

Глава вторая

Создание Балканского союза и Россия. Переориентация внешней политики России

Экономическая политика России на Балканах и Ближнем Востоке	46
Деятельность российской дипломатии по созданию Балканского союза	54
«Новый курс» С. Д. Сазонова и проекты создания Балканского союза	64
Русско-турецкие и русско-балканские отношения в период триполитанской войны (1911—1912)	69

Глава третья

Оформление Балканского союза

Политические и экономические предпосылки создания Балканского союза	76
Социал-демократические партии и идея балканской федерации	80
Отношение буржуазных партий Болгарии к планам создания Балканского союза	82
Буржуазные партии Сербии и Балканский союз	85
Внутриполитическое положение в Сербии в период создания Балканского союза	89
Подписание болгаро-сербского союзного договора	92
Вовлечение в Балканский союз Греции и Черногории	96

Глава четвертая

Первая Балканская война и великие державы

Международная солидарность народов с освободительной войной против Османской империи	102
Политика России в период первой Балканской войны	106
Великие державы и конфликт Австро-Венгрии с Сербией из-за Адриатики	115
Угроза возникновения общеевропейской войны	126

Глава пятая

Балканский вопрос на лондонских конференциях

Дипломатия великих держав накануне конференций	134
Мирная конференция и совещание послов в Лондоне	138
Великие державы и черногорско-скутарийский кризис	143
Албанская проблема и великие державы	149
Второй этап лондонских конференций	154

Глава шестая

Вторая Балканская война, Бухарестский мир

Попытка России предотвратить распад Балканского союза	160
Провоцирование межсоюзнической войны Центральной коалицией	165
Балканские монархии берут курс на войну	167
Вторая Балканская война, Бухарестский мир и великие державы	171

Глава седьмая

Балканы после Бухарестского мира

Общая обстановка на Балканах после войны	175
Сербия после балканских войн	178
Болгария после Бухарестского мира	183
Черногория после Бухарестского мира	187

Глава восьмая

Великие державы и Балканы после Бухарестского мира

Новый этап балканской политики России	193
Австро-Венгрия и Балканы после Бухарестского мира	198
Балканы в военных планах Германии	206
Первое конопиштское свидание	208

Глава девятая

Попытка Германии вовлечь в союз Турцию и позиция России

Миссия Сандерса и германо-русские отношения	212
Записка Морского генерального штаба о Балканах и Турции	216
Русско-турецкие отношения перед войной	222

Глава десятая

Великие державы и Балканы перед первой мировой войной

Предвоенные мероприятия Германии и Австро-Венгрии	226
Германия подталкивает Австро-Венгрию к войне	229
Второе конопиштское свидание	232
Балканская политика России накануне войны	234

Глава одиннадцатая
Война начинается

Центральная коалиция и сараевское убийство	245
Попытка России предотвратить войну Австро-Венгрии против Сербии	250
От австро-венгерского ультиматума к войне	254
Заключение	259
Литература	265
Список сокращений	271
Указатель имен	273
Указатель географических названий	280

Юрий Алексеевич Писарев
ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ
И БАЛКАНЫ
НАКАНУНЕ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
и балканистики АН СССР

Редактор издательства Н. В. Павлова
Художник Ф. Н. Буданов
Художественный редактор Н. Н. Власин
Технические редакторы М. Ю. Соловьева, Н. Н. Плохова
Корректоры А. Б. Васильев, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 28508

Сдано в набор 7.02.85.

Подписано к печати 24.06.85.

Т-02785. Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 3

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,54. Уч.-изд. л. 18,3

Тираж 2600 экз. Тип. зак. 603

Цена 2 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

4-я типография издательства «Наука»

630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
227	1 св.	за войну с Германией,	Германии за войну,
259	6 св.	Балканский	Ближний

Ю. А. Писарев

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

выйдет в свет в 1986 г. (II кв.)

Флоря Б. Н. Россия и чешское восстание против Габсбургов.

Монография посвящена восстанию чешских сословий против Габсбургов в 1618—1620 годах и отношению к нему русского правительства. Автором показано, что политика Русского государства объективно способствовала борьбе чешского народа за сохранение своей национальной независимости. Выводы и наблюдения основаны на большом материале источников русского и иностранного происхождения, значительная их часть впервые вводится в научный оборот.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петровская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
320093 Днепрпетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, проспект Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, проспект Мира, 84;
443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный проспект, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 49а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);
142292 Пушкино, Московская обл., МР, «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

Ю. А. Писарев

**ВЕЛИКИЕ
ДЕРЖАВЫ
И
БАЛКАНЫ
накануне
первой
мировой
войны**

В книге анализируются международные отношения и политика европейских государств на Балканах накануне первой мировой войны; на основе богатого архивного материала, вскрываются империалистические цели кайзеровской Германии и империи Габсбургов. Рассматривается политика России в Юго-Восточной Европе, ее роль в создании Балканского союза. Основное внимание автор уделит дипломатическому аспекту внешнеполитической деятельности великих держав.

2 руб.